АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

И. С. ЮЗЕФОВИЧ

ОСНОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

И. С. ЮЗЕФОВИЧ

ОСНОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

под общей редакцией акад. *С. И. Вавилова*

Ответственный редактор *Л. И. Зубок*

Технический редактор А. П. Дронов. Корректор Л. М. Шиловцева.

Сдано в набор 25/IX 1940 г. Подписано к печати 4/XII 1940 г. АЧИ № 1348. Р СО № 1049. А 30390. Формат 60×92¹/₁₆. Объем 17¹/₄ печ. л. 18.78 уч.-изд. л. В 1 печ. листе 46 000 тип. зн. Тираж 10.000 экз.

Набрано
в 1-ой Образцовой типографии Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига". Москва, Валовая, 28.
Отпечатано
в Полиграфкомбинате им. В. М. Молотова. Ярославское шоссе, 99. Заказ. 395.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ — ПРЕЕМНИК И ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛА, НАЧАТОГО I ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ

Коммунистический Интернационал является историческим преемником «Союза коммунистов» и I Интернационала.

Вся история I Интернационала (1864—1872 гг.) неразрывно связана с именами Маркса и Энгельса. Тесно увязывая теорию с революционной практикой, сочетая слово с делом, Маркс и Энгельс не только подвели научную основу под международное рабочее движение, — они были его организаторами и вождями.

Начиная с 40-х годов XIX столетия Маркс и Энгельс направляли свои усилия на создание революционного авангарда пролетариата — коммунистической партии. Упорно и неутомимо вооружали они этот боевой авангард революционной теорией, обучали его стратегии и тактике классовой борьбы.

Маркс был организатором «Союза коммунистов» (1847—1852 гг.), этой первой революционной партии пролетариата. Маркс был мозгом и душой, организатором и вождем I Интернационала.

В борьбе с мелкобуржуазными, оппортунистическими, сектантскими течениями в I Интернационале (прудонизмом, бакунизмом, лассальянством, тред-юнионизмом) Маркс и Энгельс проявили глубокую принципиальность и непримиримость.

Сподвижник и вернейший друг Маркса — Энгельс продолжал после смерти Маркса руководить в течение 12 лет международным рабочим движением. В основании II Интернационала (1889 г.) и в его деятельности в первые годы существования Энгельс принимал активное и руководящее участие, отстаивая шаг за шагом принципы революционного марксизма.

Энгельс приложил немало усилий к тому, чтобы II Интернационал не сошел с рельсов марксизма. Но если при жизни Энгельса II Интернационал еще стоял в основном на революционных позициях, то после его смерти руководство II Интернационалом оказалось вскоре в руках оппортунистических руководителей, которые не пошли по пути революционного марксизма, по пути, начертанному основоположниками социализма. «...Между Марксом — Энгельсом, с одной стороны,

и Лениным — с другой, — говорит Сталин, — лежит целая полоса господства оппортунизма II Интернационала».[1]

Знамя революционного марксизма было еще в довоенные годы высоко поднято Лениным и Сталиным, которые повели со всей последовательностью непримиримую борьбу против оппортунизма во всех его проявлениях: против ревизионизма, против оппортунизма «слева» и против центризма в России и на международной арене, за партию нового типа, за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата, за социализм.

Когда вспыхнула первая мировая империалистическая война, Ленин писал:

«Несомненную пользу начала тоже приносить человечеству и европейская война 1914—15 года, показав передовому классу цивилизованных стран, что в его партиях назрел какой-то отвратительный гнойный нарыв, и несется откуда-то нестерпимый трупный запах».[2]

Этим гнойным нарывом был оппортунизм, который партии II Интернационала терпели в своих рядах, который фактически стал безраздельно господствовать во II Интернационале, отравив весь его организм. В годы первой мировой империалистической войны германская социал-демократия превратилась, по меткому выражению Розы Люксембург, в «смердящий труп».

Позорное предательство партий II Интернационала во время войны явилось лишь логическим результатом и продолжением всей их политики в так называемый «мирный» период.

Разъедаемый оппортунизмом II Интернационал потерпел перед лицом кризиса, вызванного войной, неизбежный крах.

«Крах II Интернационала, — писал Ленин в октябре 1914 г., — есть крах оппортунизма, который выращивался на почве особенностей миновавшей (так наз. «мирной») исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом; — отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов; — проповедуя буржуазный шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества...»[3]

С самого начала первой империалистической войны Ленин и Сталин усилили свою борьбу против империалистической войны и ее прислужников из лагеря II Интернационала, социалистических партий и профсоюзов. Со всей остротой и беспощадностью разоблачали они измену последних делу социализма и пролетарского интернационализма. Направляя огонь против социал-шовинизма и социал-империализма, Ленин и Сталин подвергали особенно ожесточенной критике позиции Каутского и центристов,

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 8.
[2] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 240.
[3] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 64—65.

сеявших в массах вредные пацифистские иллюзии, отвлекавшие массы от их классовых задач. Эти позиции служили прикрытием социал-шовинизма. Подвергая критике полуменьшевистские ошибки Розы Люксембург и левых по целому ряду основных принципиальных вопросов и толкая их на путь последовательной революционно-классовой борьбы, Ленин, Сталин, большевики стремились в то время сплотить левые интернационалистские элементы для совместной борьбы против империалистической войны, против социал-шовинистов и центристов, за новый, революционный, III Интернационал.

Коммунистический Интернационал является также наследником и преемником лучших традиций II Интернационала довоенного периода.

Коммунистический Интернационал, родившийся в огне Великой Октябрьской социалистической революции, взял на себя при своем возникновении торжественное обязательство — претворить учение Маркса—Энгельса в жизнь, довести начатое ими великое дело освобождения пролетариата до победы.

Руководствуясь революционным учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, Коммунистический Интернационал вырос и окреп в борьбе со всеми проявлениями оппортунизма, в борьбе со всеми врагами пролетарской революции, диктатуры пролетариата, великой страны социализма.

«Первый Интернационал заложил идейные основы международной пролетарской борьбы за социализм, — говорится в программе Коммунистического Интернационала. — Второй Интернационал в свою лучшую пору готовил почву для широкого и массового распространения рабочего движения. Третий, Коммунистический Интернационал, продолжая дело I Интернационала и восприняв плоды работ II Интернационала, решительно отсек оппортунизм последнего, его социал-шовинизм, его буржуазное извращение социализма и начал осуществлять диктатуру пролетариата. Тем самым Коммунистический Интернационал продолжает славные героические традиции международного рабочего движения...» [1]

Коммунистический Интернационал является единой мировой коммунистической партией пролетариата, построенной на началах демократического централизма и связанной железной пролетарской дисциплиной, партией, положившей в основание своей деятельности организационные принципы, разработанные Марксом для I Интернационала и положенные в основание его деятельности.

Борьба, которую Ленин и Сталин вели в России и на международной арене против оппортунизма, за создание партии нового типа, партии большевиков, является продолжением и дальней-

[1] Программа и устав Коммунистического Интернационала, стр. 9. Партиздат, 1936.

шим развитием той борьбы против оппортунизма, за революционную партию пролетариата, за пролетарскую революцию, которую вели еще в I Интернационале Маркс и Энгельс.

Под знаменем революционного марксизма партия Ленина — Сталина одержала величайшую, всемирно историческую победу в дни Великой Октябрьской социалистической революции.

Под знаменем революционного марксизма, под знаменем великой партии Ленина — Сталина, под непосредственным руководством великого Сталина, советский народ, преодолев все трудности и преграды, подавив сопротивление остатков ранее господствовавших эксплоататорских классов, выкорчевав агентуру классового врага — всякого рода капитулянтов, маловеров, нытиков, дезертиров, троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов, добился изумляющих весь мир успехов в своей социалистической стройке. Советский народ построил новое бесклассовое социалистическое общество на одной шестой части земного шара и продолжает уверенно итти вперед по пути завершения строительства социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму, показывая трудящимся капиталистических стран, угнетенным народам колоний и полуколоний путь к их собственному освобождению.

ОППОРТУНИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Руководящей партией во II Интернационале была германская социал-демократия. Процесс оппортунистического перерождения этой партии имел решающее значение для судеб всего II Интернационала.

Отмена «исключительного закона» против социалистов в Германии, огромные успехи германской социал-демократии на выборах в рейхстаг в 90-х годах (в 1893 г. за германскую социал-демократию было подано 1 787 000 голосов, в 1898 г. — 2 107 000 голосов), а также быстрый рост профессиональных союзов, кооперативных и культурно-просветительных организаций рабочего класса явились исходным пунктом для роста оппортунистических тенденций.

Теоретическим выражением этих оппортунистических тенденций явился ревизионизм. Родоначальником его был один из видных теоретиков германской социал-демократии Эдуард Бернштейн.

Наиболее законченное выражение ревизионистская теория нашла в вышедшей в 1899 г. книжке Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». В этой работе Бернштейн пытался подвергнуть критике и ревизии философские взгляды и экономическую теорию Маркса, высказывался за сотрудничество с либеральной буржуазией, стремясь выхолостить «живую душу» социал-демократии и превратить ее из партии классовой борьбы в партию социальных реформ.

Ревизионистское течение было тесно связано с наступившей новой, высшей стадией капитализма, его последней стадией — империализмом, который создал источники огромной капиталистической сверхприбыли и возможности подкупа рабочей аристократии и рабочей бюрократии.

Ленин неоднократно указывал, что огромные сверхприбыли от жестокой эксплоатации трудящихся колоний и полуколоний предоставляли буржуазии возможность часть сверхприбыли предназначать на некоторое повышение заработной платы высококвалифицированным рабочим. В то же время предоставление некоторых политических прав отдельным прослойкам рабочего класса ставило эти прослойки в более привилегированное положение и связывало их интересы с интересами «своей» буржуазии.

Победы германской социал-демократии на выборах в рейхстаг в 1893 г. и одержанная французскими социалистами в том же году крупная победа на парламентских выборах вызвали усиленные иллюзии, что с помощью парламентской борьбы пролетариат может завоевать политическую власть. Выдвигая на первый план задачи парламентской борьбы, оппортунистические элементы II Интернационала стали отодвигать на задний план вопрос о пролетарской революции и отказываться от применения в своей деятельности методов революционной классовой борьбы.

После смерти Энгельса в 1895 г. оппортунисты перешли в открытое наступление, в результате которого «...западно-европейские социал-демократические партии стали перерождаться из партий социальной революции в партии «социальных реформ». [1]

Это был период большого оживления в рабочем движении, период развертывания деятельности социал-демократических партий, профессиональных союзов и рабочих кооперативов, их массового роста; период крупных избирательных успехов социал-демократии и успешного проведения ряда мероприятий в области улучшения социального законодательства. Руководящие посты в социал-демократических партиях, в профсоюзах, в рабочей кооперации и других рабочих организациях оказались в руках оппортунистов.

Эти обуржуазившиеся элементы, рекрутировавшиеся из рабочей аристократии и мелкой буржуазии, цепко держались за свои насиженные и доходные места, избегали и боялись революционных действий и потрясений, которые могли бы нарушить обычный мирный порядок их благоустроенной жизни, лишить их карьеры. Свое влияние, свой авторитет они направляли на то, чтобы внушить рабочему классу необходимость классового сотрудничества с буржуазией, постепенных парламентских реформ и компромиссов, возможность мирным и бескровным путем добиться социалистического преобразования общества.

Ревизионизм противопоставил теории концентрации капитала

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 135.

и неизбежности относительного и абсолютного обнищания рабочих масс, кризисов и крушения капитализма, обострения классовых противоречий теорию, отрицавшую концентрацию производства и вытеснение мелкого производства в промышленности и торговле, особенно в сельском хозяйстве, якобы в виду устойчивости индивидуального крестьянского хозяйства.

Ревизионизм исходил из того, что тресты, картели и синдикаты устраняют анархию капиталистического производства и что материальное положение рабочего класса улучшается, что классовые противоречия не обостряются, а, наоборот, — притупляются, и поэтому ревизионисты считали, что все это создает благоприятную почву для постепенного мирного врастания капитализма в социализм путем реформ. «Конечная цель — ничто, движение — все», — заявил родоначальник ревизионизма Бернштейн.

Отрицая роль буржуазного государства как органа насилия над рабочим классом, ревизионизм превозносил легальную парламентскую и профсоюзную деятельность и отвергал методы революционной классовой борьбы.

Влияние бернштейнианского ревизионизма вышло далеко за пределы Германии и приобрело международный характер. Бернштейнианство вооружило законченной теорией оппортунистическую верхушку партийных и профсоюзных чиновников, депутатов, редакторов и т. д. Многие из них предпочли проводить ревизионизм на практике и, прикрываясь внешне радикальной фразеологией, действовать по совету, данному в письме Бернштейну видным деятелем, германским социал-демократом Игнатием Ауэром. В этом письме Ауэр солидаризировался с теоретическими построениями Бернштейна, но отказался открыто отречься от марксизма, указав, что «так действуют, но так не говорят».

Ганноверский партейтаг германской социал-демократии (1899 г.) и Дрезденский партейтаг (1903 г.) отвергли бернштейнианский ревизионизм, но Бернштейн и бернштейнианцы продолжали оставаться в рядах социал-демократической партии.

Используя марксистскую терминологию, бернштейнианство являлось на деле отказом от революционной сущности марксизма, от учения о классовой борьбе и тем самым — от главного и основного в марксизме: от учения о диктатуре пролетариата, от применения революционных методов и средств в борьбе за конечную цель — за социализм. В то время как в России под руководством Ленина и Сталина оформилась партия большевиков, партия нового типа, показавшая международному пролетариату блестящие образцы подлинной марксистской программы, тактики и организации применительно к эпохе империализма и применившая их в революции 1905 г., оппортунисты в германской социал-демократии продолжали неуклонно итти по пути дальнейшего оппортунистического перерождения.

1910—1914 гг. прошли в Германии под знаком большого подъема в рабочем движении. Об этом свидетельствовали стачка

строителей, забастовка рабочих верфей в Гамбурге в 1910 г., стачка 250 тыс. горняков в Руре в марте 1912 г. Экономические стачечные выступления сочетались с политической борьбой за всеобщее избирательное право в Пруссии. Рост революционных настроений в массах сказался и в блестящей победе социал-демократии на выборах в рейхстаг в 1912 г. Число поданных за социал-демократическую партию голосов достигло $4^1/_4$ млн., количество полученных ею депутатских мест увеличилось с 43 до 110. Она стала внушительной партией и в рейхстаге и в стране.

После смерти Бебеля в 1913 г. руководство партией оказалось в руках крайних оппортунистов — Шейдемана и его единомышленников. Эта победа оппортунистов была завуалирована избранием в качестве председателя центрального руководства социал-демократической партии Гаазе, видного представителя центристского направления. Центристы во главе с Каутским все явственнее скатывались на позиции оппортунизма.

Между тем германская социал-демократия представляла собой в предвоенные годы весьма крупную силу. В 1912 г. она объединяла около 1 млн. членов. За ней стояло около $4^1/_2$ млн. избирателей. «Свободные» социал-демократические профсоюзы насчитывали около $2^1/_2$ млн. организованных членов.

Что касается левых, то их ошибочные позиции в вопросе о роли партии, их преклонение перед стихийностью движения, теории чистого империализма и автоматического краха капитализма, недооценка национально-колониального вопроса и боязнь раскола мешали им расширить свое влияние на массы. Все это лишь развязывало руки оппортунистическим лидерам германской социал-демократической партии и «свободных» профсоюзов для прямого предательства, когда в августе 1914 г. началась первая империалистическая война.

Такой же процесс быстро усиливавшегося оппортунистического перерождения вождей рабочего движения наблюдался в предвоенные годы и в Англии, расчищая путь к открытой измене классовым интересам пролетариата в годы войны. Предвоенные годы представляли собой в Англии, как и в Германии и Франции полосу могучего подъема стачечного и рабочего движения. В 1912 г. количество бастующих в Англии составляло 1 400 000 чел., с общим количеством 40,9 млн. потерянных рабочих дней.

Всеобщая стачка горняков 1912 г. явилась крупнейшим событием в Англии. Происшедшие за эти годы значительные сдвиги в рабочем движении Англии сопровождались ростом революционных настроений в рабочих массах.

Оппортунистические вожди Рабочей партии и Независимой рабочей партии не выпускают вожжей из своих рук. В рядах Независимой рабочей партии образовалась оппозиция, выступившая на съезде в Бирмингаме в 1911 г. с критикой партийного руководства, но она была еще слишком слаба и малочисленна. Большим событием явилась борьба левых элементов на съезде

социал-демократической федерации в Ковентри (1911 г.) против оппортунистической линии политики ее руководителя Гайндмана. Но социалистическое движение продолжало оставаться слабым и распыленным. Образовавшаяся в 1911 г. в результате раскола социал-демократической федерации Британская социалистическая партия была проникнута в значительной мере сектантским духом и не сумела завоевать влияния на массы.

С особой рельефностью процесс оппортунистического перерождения сказался в предвоенные годы на Французской социалистической партии. Избирательные успехи партии, получившей на парламентских выборах в 1910 г. 1 106 000 голосов и завоевавшей 76 депутатских мест и в 1914 г. — 1 400 000 голосов и 103 мандата, сопровождались усиленным ростом оппортунизма и сближением гэдистов с жоресистами.

Партия выросла до 70 тыс. членов, но была попрежнему слабо связана с массами и представляла собой, по существу, лишь избирательную машину.

Партию все глубже разъедали изнутри оппортунизм и парламентский кретинизм. Гэдисты все явственнее скатывались на оппортунистические позиции.

Что касается левых элементов, группировавшихся в Сенской федерации, то они были слишком малочисленны, оторваны от масс и не могли успешно противостоять как оппортунизму справа, так и оппортунизму «слева» — эрвеистам и анархо-синдикалистам.

Все это предопределило позицию, занятую оппортунистическим руководством Французской социалистической партии в отношении надвигавшейся все ближе опасности войны и парализовало возможность успешной организации массовой борьбы против военной катастрофы.

Прикрывая «левой» фразеологией оппортунистические дела вождей II Интернационала, центристы облегчали сдачу принципиальных позиций революционного марксизма в целом ряде важнейших вопросов (диктатура пролетариата, национально-колониальный вопрос, аграрный вопрос, вопрос об отношении к милитаризму и войне, о профсоюзах, о кооперации, о 1 мая и т. д.).

Своим согласием на принятие в ряды II Интернационала ряда мелкобуржуазных партий (социалисты-революционеры, поалей-цион и др.) центристы усилили в предвоенные годы оппортунистическое крыло и в то же время затрудняли всячески прием таких партий и групп, которые хотя и не были до конца последовательными, но все же стояли на позициях марксизма (голландские «трибунисты», болгарские социал-демократы — «тесняки»). Крайне враждебно центристы относились к большевикам.

Рост оппортунизма вызвал тревогу в рядах левого крыла II Интернационала. Роза Люксембург в своей книге «Реформа или революция» подвергла тщательному анализу подлинную сущность бернштейнианского ревизионизма.

«Практически вся эта теория, — писала Роза Люксембург, — сводится к совету отказаться от социального переворота — конечной цели социал-демократии, и превратить социальные реформы из средства классовой борьбы в ее цель». [1]

Но в своей борьбе с ревизионизмом Бернштейна Роза Люксембург, неоднократно подчеркивавшая в своих выступлениях, что «преодолеть современное оппортунистическое течение значит отбросить его от себя», [2] не проявила последовательности и решимости, не довела борьбы до конца и взяла обратно свое требование об исключении Бернштейна из социал-демократической партии.

Со всей последовательностью и непримиримостью выступили против оппортунистов — в том числе центристов — лишь большевики во главе с Лениным и Сталиным, которые, вскрыв до конца источники и корни ревизионизма в эпоху империализма, указали, что ревизионисты являются агентурой буржуазии в рабочем классе. В 1902 г. Ленин писал в «Что делать?», что «в современной международной социал-демократии образовались два направления, борьба между которыми то разгорается и вспыхивает ярким пламенем, то затихает и тлеет под пеплом внушительных «резолюций о перемирии». [3]

Ленин и Сталин видели в борьбе за преодоление оппортунизма залог успешной борьбы за партию нового типа, партию, способную подготовить, организовать и возглавить борьбу масс не только за частичные требования, но и за конечные цели, за пролетарскую революцию и социализм.

Определяя подлинную сущность бернштейнианства, как полный разрыв с марксизмом, Сталин в своей статье «Анархизм или социализм», помещенной 11 декабря 1906 г. в газете «Ахали Дроеба», писал: «Реформизм (Бернштейн и др.), который считает социализм только далекой целью и больше ничем, реформизм, который фактически отрицает социалистическую революцию и пытается мирным путем установить социализм, реформизм, который проповедует сотрудничество классов, а не борьбу классов, — этот реформизм изо дня в день разлагается, изо дня в день теряет всякий социалистический признак». [4]

Позиция Ленина и большевиков находилась в резком противоречии со всей политикой II Интернационала, ибо «типом социалистических партий эпохи II Интернационала была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм...» [5]

Сглаживание разногласий и примиренчество было обычным явлением в практике как II Интернационала, так и социалистических партий.

[1] Роза Люксембург. Реформы или революция, стр. 4. Изд. Петр. Сов. Раб. и Крест. Деп., 1919.

[2] Там же, стр. 91.

[3] Ленин. Соч., т. IV, стр. 366—367.

[4] Цит. по книге Л. Берия — К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 59.

[5] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 86.

Борьба с бернштейнианством явилась важнейшей предпосылкой успешной мобилизации и организации пролетариата для надвигающихся в обстановке быстрого развития империализма классовых боев.

«Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века, — писал Ленин в своей статье «Марксизм и ревизионизм», — есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства».[1]

БОРЬБА С ОППОРТУНИЗМОМ ПО ВОПРОСУ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Главным и основным в марксизме-ленинизме является учение о диктатуре пролетариата.

«Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа».[2]

Неудивительно, что оппортунисты справа, эти «буржуазные враги пролетарской революции»,[3] прежде всего ополчились против учения о диктатуре пролетариата и насильственной революции.

С другой стороны, и оппортунисты «слева»—анархисты — отрицательно относились к государству вообще, были противниками диктатуры пролетариата.

Ревизионисты и ренегаты всех толков всячески пытались фальсифицировать, выхолостить сущность учения Маркса и Энгельса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Э. Бернштейн утверждал в своей книге «Проблемы социализма», что учение Маркса о диктатуре пролетариата является бланкистским пережитком в марксизме; что общество идет не к революционной «катастрофе», т. е. насильственной революции, а что капитализм будет постепенно врастать в социализм.

Ревизия марксизма в этом основном вопросе учения Маркса и Энгельса не была осуждена вождями II Интернационала и встретила примиренческое отношение к себе со стороны таких теоретиков II Интернационала, как Каутский и др.

На вопрос о насильственной революции, о революционном свержении капитализма Каутский ответил туманно и двусмысленно, что неизвестно, мол, как будет протекать смена капитализма социализмом — мирным или насильственным путем. Этот вопрос, по мнению Каутского, «мы вполне спокойно можем предоставить будущему».

Еще Энгельс подверг резкой критике Эрфуртскую программу германской социал-демократии — влиятельнейшей партии II Интернационала. Эрфуртская программа обходила молчанием не

---

[1] Ленин. Соч., т. XII, стр. 189.
[2] Ленин. Соч., т. XXI, стр. 392.
[3] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 86.

только вопрос о диктатуре пролетариата. В условиях кайзеровской монархии в ней не выдвигалось требования демократической республики из опасения навлечь на себя правительственные репрессии. В комментарии к Эрфуртской программе Каутский внушил иллюзии о возможности мирного овладения пролетариатом государственной властью. Эрфуртская программа, составленная Каутским, имела огромное значение для всех социалистических партий и стала «образцом для всего Второго Интернационала...»[1]

Критика Энгельса направлена была против оппортунизма всего II Интернационала, который извращал учение Маркса и Энгельса в вопросах пролетарской революции, слома государственной машины буржуазии и диктатуры пролетариата в теории и на практике. «В последнее время, — писал Энгельс в предисловии к брошюре Маркса «Гражданская война во Франции», — социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата». [2]

Высказывание Каутского о предоставлении решения проблемы диктатуры пролетариата будущему, являющееся по существу отказом от подготовки рабочего класса к пролетарской революции и диктатуре пролетариата, Ленин определил как сдачу «позиций оппортунизму, ибо оппортунистам пока ничего большего и не надо, как «вполне спокойно предоставить будущему» все коренные вопросы о задачах пролетарской революции».[3]

Впоследствии грани между Каутским и Бернштейном стали еще больше стираться. Это особенно ярко выявилось в 1912 г. во время полемики Каутского с Паннекуком, видным представителем голландских левых. Возражая против установок Паннекука о необходимости разрушения пролетариатом буржуазной государственной машины, Каутский старался доказать несостоятельность этого взгляда утверждением, что после завоевания большинства в парламенте пролетариат тем самым овладеет буржуазным государством.

Указывая на то, что «формулировка, в которую облек свои мысли Паннекук, страдает очень большими недостатками»,[4] Ленин подчеркнул особенно то обстоятельство, что «по коренному принципиальному вопросу Каутский целиком покинул позицию марксизма, перешел вполне к оппортунизму» [5].

В решениях международных социалистических конгрессов неоднократно говорилось о борьбе за завоевание политической

---

[1] Ленин. Соч., т. XX, стр. 416.
[2] Маркс. Гражданская война во Франции, стр. 22. Партиздат, 1937.
[3] Ленин. Соч., т. XXI, стр. 444.
[4] Ленин. Соч., т. XXI, стр. 448.
[5] Ленин. Соч., т. XXI, стр. 449.

власти, об использовании для этого избирательных прав, но вопросы о насильственной революции, пролетарской революции и диктатуре пролетариата старательно обходились и замалчивались.

Непоследовательную позицию занимали в вопросе о диктатуре пролетариата и пролетарской революции и левые радикалы. На Штутгартском партейтаге в 1898 г., а затем и на Ганноверском партейтаге германской социал-демократии в 1899 г. Роза Люксембург отмежевывалась от идеи о насильственных методах борьбы и, выступая с лозунгами захвата политической власти, обходила вопрос о диктатуре пролетариата.

Единственно последовательными в этом вопросе были Ленин и Сталин. Еще в довоенный период II Интернационала Ленин и Сталин вели энергичную и непримиримую борьбу с ревизионистами и центристами по этому основному вопросу. Разоблачая сущность ревизии Бернштейном учения Маркса и Энгельса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, Ленин неоднократно отмечал, что бернштейнианцы выхолащивают непосредственно революционную сторону марксизма, что парламентскую борьбу они рассматривают не как одно из средств борьбы, пригодное особенно в определенные исторические периоды, а как главную форму борьбы, и отрицают революционное насилие и диктатуру.

II съезд РСДРП (1903 г.) положил, по настоянию Ленина, принцип диктатуры пролетариата в основание своей программы, указав, что «необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров». [1]

Программа РСДРП была единственной программой среди программ всех партий II Интернационала, которая четко и определенно выдвигала требование диктатуры пролетариата. Резкой критике была подвергнута Лениным позиция Плеханова, который еще в те годы, когда он в основном стоял на позициях марксизма, сдавал в ряде вопросов позиции оппортунистам и в своей полемике с анархистами обошел вопрос о диктатуре пролетариата.

Накануне II съезда партии Ленин повел энергичную борьбу с Плехановым за включение в программу партии специального пункта о диктатуре пролетариата.

Направляя главный огонь против попыток ревизии марксизма справа, Ленин и Сталин в то же время подвергали резкой критике и «ревизионизм слева», нашедший свое выражение в позиции анархо-синдикалистов. Анархо-синдикализм не представлял собой однородного течения и имел много оттенков, объединенных, однако, отрицательным отношением ко всякому государству, в том числе и к пролетарскому государству и к дикта-

[1] Протоколы II Съезда РСДРП, стр. 2. Изд. «Прибой», 1924.

туре пролетариата. Говоря об анархо-синдикализме, почерпнувшем свои теоретические построения из анархистских учений, Ленин указывал, что миросозерцание анархистов есть вывороченное наизнанку буржуазное мировоззрение, что «анархизм и анархо-синдикализм суть буржуазные течения...» [1]

Вскрывая сущность «революционного синдикализма», попытки Сореля, Лагардель, Лабриолы и др. сочетать марксизм с анархо-синдикализмом, Ленин отметил, что он «...приспособляется к марксизму, «исправляя» его: Лабриола в Италии, Лагардель во Франции сплошь да рядом апеллируют от Маркса, неверно понятого, к Марксу, верно понимаемому». [2]

Усматривая в государстве всякий источник зла и перенося свое отрицательное отношение к буржуазному государству и на революционную диктатуру пролетариата, виднейший теоретик французского синдикализма Сорель указывал в своих «Размышлениях о насилии», что идея диктатуры пролетариата является наиболее «лживой» и «вредной» из всех известных ему идей. Лабриола в Италии и Лагардель во Франции пытались протащить в несколько замаскированной форме отрицание диктатуры пролетариата и анархистские взгляды на государство. В своей статье «Интеллигенты и рабочий социализм» Лагардель высказывал мысль о том, что пролетариат сможет с помощью синдикалистов постепенно образовать рабочее государство внутри государства капиталистического.

В то время как синдикалисты представляли себе, что можно перескочить прямо от капитализма к безгосударственному строю, Ленин и Сталин считали, что создание государства пролетарской диктатуры является обязательным условием успешности социалистической революции, осуществления задач социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

В своей статье «Анархизм или социализм», помещенной 28 февраля 1907 г. в газете «Чвени цховреба», т. Сталин писал: «Социалистическая диктатура пролетариата, захват политической власти пролетариатом — вот чем должна начаться социалистическая революция. Пока буржуазия полностью не побеждена, пока богатство у нее не будет конфисковано, пролетариат обязательно будет иметь в своем распоряжении военную силу, у него обязательно будет «пролетарская гвардия», при помощи которой он отразит контрреволюционные атаки умирающей буржуазии». [3]

Борьба на два фронта — с оппортунизмом и центризмом во II Интернационале — с одной стороны, с анархизмом — с другой, за чистоту учения Маркса и Энгельса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, дальнейшее развитие этого

[1] Ленин. Соч., т. XXII, стр. 451.
[2] Ленин. Соч., т. XII, стр. 189.
[3] Цит. по книге Л. Берия — К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 65.

учения применительно к эпохе империализма проходит красной нитью в учении Ленина и Сталина по вопросу о диктатуре пролетариата и является важнейшим фактором в организации партии нового типа, партии большевиков, партии пролетарской революции.

БОРЬБА С ОППОРТУНИЗМОМ ПО ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ В БУРЖУАЗНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВАХ

Отказавшись от революционной сущности марксизма, став на точку зрения, что политические свободы, демократия, всеобщее избирательное право уничтожают почву для классовой борьбы, оппортунисты тем самым поставили вопрос о решительном повороте «от революционной социал-демократии к буржуазному социал-реформаторству» [1] и, как выразился ярый бернштейнианец Анзееле (Бельгия) на Парижском конгрессе II Интернационала (1900 г.), «о более соответствующих современным потребностям методах борьбы».

Эти более соответствующие методы «борьбы» нашли свое выражение во вступлении в 1899 г. французского «социалиста» Мильерана в кабинет Вальдек-Руссо, в котором он занял пост министра торговли рядом с палачом Парижской Коммуны, военным министром, реакционным генералом Галифе. Шаг Мильерана, известный в истории как «казус Мильерана», вызвал огромное возмущение рабочих масс и ожесточенную борьбу внутри французской социалистической партии и II Интернационала. Мильеран встретил, однако, поддержку всех оппортунистических элементов международного рабочего движения.

Участие социалистов в буржуазных правительствах было встречено одобрением и со стороны германских ревизионистов — Бернштейна, Фольмара, Ауэра и др.

Реформисты во главе с Жоресом усматривали во вступлении Мильерана в состав министерства усиление влияния и роли социалистического лагеря, подтверждение правильности линии на возможность постепенного завоевания политической власти мирным путем. Они высказывались за всемерную поддержку буржуазных республиканских правительств, которые готовы вести борьбу с реакционными силами и стать на путь социальных реформ. Против вступления Мильерана в состав правительства энергично выступали Гэд и Лафарг. Ленин квалифицировал «казус Мильерана» как ревизионизм на практике, как ренегатство, указывал на внутреннюю связь мильеранизма с бернштейнианством. Ведя борьбу против бернштейнианства и мильеранизма на международной почве, Ленин увязывал ее с борьбой против бернштейнианцев в России — «экономистов».

«Французский мильеранизм, — писал Ленин по поводу «ка-

---

[1] Ленин. Соч., т. IV, стр. 367.

зуса Мильерана» в апреле 1908 г. в статье «Марксизм и ревизионизм», — самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно-национальном масштабе...»[1]

«Казус Мильерана» стоял в центре внимания при обсуждении на Парижском международном социалистическом конгрессе в 1900 г. вопроса о завоевании политической власти и союза с буржуазными партиями. Ревизионисты открыто солидаризировались с Мильераном. Германский ревизионист Ауэр выразил при этом сожаление, что немецкие социал-демократы ближе к тюремным решеткам, чем к министерским портфелям. На этом же конгрессе бельгиец Анзееле заявил в своем выступлении, что социалисты слишком долго проповедовали веру в великие дела революции. Представитель французской социалистической партии Жорес указал, что нет основания опасаться того, что буржуазия захочет слишком часто приглашать социалистов в министерства, ибо это явилось бы началом политической экспроприации буржуазии.

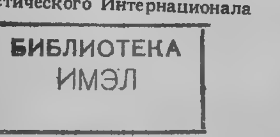
Против участия в буржуазных правительствах упорно выступал Гэд, который показал, что каждый министр полностью несет ответственность за политику всего правительства, в том числе за внешнюю политику, военные кредиты и проч., что сотрудничество с буржуазными правительствами находится в резком противоречии с классовыми интересами пролетариата.

Выход из создавшегося на конгрессе затруднительного положения, в связи с выявившимися по этому поводу, казалось бы, непримиримыми, разногласиями, был найден Каутским, внесшим примиренческую резолюцию, известную под названием «каучуковой резолюции».

Внесенная Каутским резолюция оставляла оппортунистам открытую дверь для произвольного ее толкования в желательном для них духе. Она указывала на то, что вопрос об участии социалистов в буржуазных правительствах не есть вопрос принципиальный и всякий раз должен решаться в зависимости от обстановки в данной стране. Резолюция Каутского явилась, по существу, поддержкой мильеранизма. В резолюции отмечалось, что вступление социалиста в буржуазное министерство нельзя считать нормальным путем к завоеванию политической власти, но оговорка о том, что при наличии «критического положения» участие социалиста в буржуазном правительстве возможно, сводило, по существу, на-нет отрицательное отношение к участию социалистов в буржуазных правительствах.

Ленин со всей решительностью выступал против решения Парижского международного социалистического конгресса и позиции Каутского и разоблачал в «Что делать?» разновидность бернштейнианства в России — экономистов. Хотя Амстердам-

[1] Ленин. Соч., т. XII, стр. 188.



ский конгресс II Интернационала (1904 г.) высказался против бернштейнианства, против участия социалистов в буржуазных правительствах, — оппортунисты продолжали свою политику классового сотрудничества с буржуазией.

Позднее, в годы первой мировой империалистической войны, бернштейнианский ревизионизм в теории и бернштейнианство на практике — мильеранизм — были использованы оппортунистическими руководителями социалистических партий Франции и Бельгии, Рабочей партией в Англии, социал-демократическими партиями Швеции и Дании для оправдания и прикрытия их измены классовым интересам пролетариата.

Отказ от диктатуры пролетариата и насильственной революции, подмена классовой борьбы сотрудничеством с буржуазией означали отказ и от революционной массовой борьбы, — от борьбы за резервы революции (крестьянство, угнетенные национальности и порабощенные народы колоний и полуколоний). Разъедаемые оппортунизмом партии II Интернационала стали на путь социальных реформ и погони за избирательными голосами. Партии II Интернационала были не «боевыми партиями пролетариата, ведущими рабочих к власти, а избирательным аппаратом, приспособленным к парламентским выборам и парламентской борьбе».[1]

БОРЬБА С ОППОРТУНИЗМОМ ПО ВОПРОСУ О ВСЕОБЩЕЙ МАССОВОЙ СТАЧКЕ

Вопросы всеобщей стачки служили на целом ряде конгрессов II Интернационала и социалистических партий предметом ожесточенной борьбы сторонников революционного марксизма как с анархистскими, так и с оппортунистическими элементами.

В связи с успешным и широким применением массовой политической стачки в русской революции 1905 г. вопрос о всеобщей стачке стал в новой плоскости и приобрел особо актуальное значение и остроту.

«Русская революция является в мировой истории первой, — говорил Ленин в своем докладе о 9 января 1905 г., прочитанном в Цюрихе, — но она будет, без сомнения, не последней, — великой революцией, в которой массовая политическая стачка сыграла необыкновенно большую роль».[2]

Отвергая анархо-синдикалистскую трактовку всеобщей стачки, как единственного орудия пролетариата в деле его социального освобождения, и сектантскую позицию гэдистов, отрицавших революционное значение всеобщей стачки и называвших ее «баррикадой лентяев», Ленин с самого начала решительно высказался в пользу метода всеобщей стачки, ставил вопрос о сочетании экономических и политических боев и о пе-

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 65.
[2] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 345.

растании всеобщей массовой политической стачки в вооруженное восстание, рассматривал всеобщую стачку как средство, подчиненное восстанию.

В связи с революцией 1905 г. в России и подъемом революционного движения на Западе крайне обострилась борьба течений во II Интернационале. Опыт октябрьской всероссийской стачки нашел живейший отклик в Австрии, Германии, Италии, Франции, Болгарии и других странах. Тем более враждебно отнеслись к всеобщей политической стачке ревизионисты, в том числе и русские меньшевики.

Кельнский конгресс «свободных» профсоюзов Германии 22—27 мая 1905 г. решительно высказался против самой постановки вопроса о массовой политической стачке.

«Съезд считает превратными, — говорилось в резолюции Кельнского конгресса, — всякие попытки закрепить определенную тактику посредством пропаганды массовой политической стачки; он требует от организованного пролетариата энергично противостоять всем таким попыткам».[1]

Ленин резко осудил позицию оппортунистических лидеров германских социал-демократических «свободных» профсоюзов, отметив по поводу Кельнского съезда «тенденции антисоциалистические, тенденции к «чистому трэд-юнионизму» в английском, т. е. безусловно буржуазном духе».[2]

Когда вопрос о применении массовой стачки стал на обсуждение Иенского партейтага германской социал-демократической партии (1905 г.), съезд вынес большинством 228 голосов против 14, по предложению Бебеля, резолюцию в пользу массовой стачки.

Вопрос о массовой политической стачке был основным, центральным вопросом на Иенском партейтаге. Внимание всех партий II Интернационала было в то время приковано к Иенскому партейтагу.

На Иенском партейтаге 1905 г. вождь германского пролетариата Август Бебель призывал использовать уроки русской революции и применить метод массовой политической стачки, но Бебель не занял до конца последовательной позиции по вопросу о массовой политической стачке, обходил вопрос о вооруженном восстании и трактовал ее как оборонительное средство борьбы.

В связи с Иенским партейтагом Ленин писал в октябре 1905 г. в своей статье «Иенский съезд германской социал-демократической рабочей партии», что вопрос о применении массовой политической стачки волновал всю международную социал-демократию, что вопрос этот «выдвинули на первый план в последнее время события в целом ряде стран, в том

---

[1] Ленин. Соч., т. VIII, стр. 496.
[2] Ленин. Соч., т. VIII, стр. 237.

числе и, пожалуй, даже в особенности в России». Ленин указывал, что это решение германской социал-демократической партии окажет влияние на все международное рабочее движение.

Руководители германских профсоюзов, являвшиеся опорой ревизионизма, рьяно выступали против применения этого оружия в борьбе. Маннгеймский конгресс социал-демократической партии в сентябре 1906 г. установил, что партия может объявить всеобщую массовую стачку лишь по согласованию с Генеральной комиссией свободных профсоюзов. Ревизионисты открыли энергичную кампанию против всеобщей массовой стачки.

В отличие от ревизионистов и центристов левые энергично высказывались в пользу массовой политической стачки.

В своей брошюре «Массовая стачка, партия и профсоюзы» Роза Люксембург показала, как экономическая стачка переплетается с политической, выявила революционную роль неорганизованных масс, осудила отрицательное отношение реформистов к всеобщей стачке. На Иенском партейтаге Роза Люксембург энергично выступала за широкое использование революционного опыта русского пролетариата и за применение «русских методов» в Германии. Однако Роза Люксембург считала, что оружие массовой политической стачки должно быть использовано лишь как крайнее средство, и не понимала вопроса о перерастании всеобщей массовой стачки в вооруженное восстание, не понимала также роли партии в подготовке и в руководстве вооруженным восстанием и в этом вопросе резко расходилась с большевиками.

Вскоре лидеры германской социал-демократии во главе с Бебелем и Каутским стали поворачивать вправо и капитулировали перед Легиным и оппортунистическим руководством социал-демократических «свободных» профсоюзов.

Источник такого поворота вправо следует искать в поражении декабрьского восстания 1905 г. в Москве и усилившемся давлении ревизионистского лагеря внутри германской социал-демократии. Последние все откровеннее угрожали расколом партии, требовали признания принципов равноправия между партией и профсоюзами.

Тайные переговоры между Бебелем и Легиным завершились в феврале 1906 г. фактической отменой резолюции Иенского партейтага о массовой политической стачке, капитуляцией социал-демократической партии перед оппортунистическим руководством социал-демократических «свободных» профсоюзов и согласием на использование метода политической стачки по соглашению с Генеральной комиссией профсоюзов.

Когда в связи с подъемом рабочего движения в предвоенные годы вопрос о массовой политической стачке вновь приобрел весьма актуальное значение, Каутский, идеологический

вождь II Интернационала, занял в этом вопросе позицию, подтверждавшую, что грани, отделявшие Каутского от Бернштейна и ревизионистов, еще больше стерлись.

Каутский в 1910 г. в полемике с левыми в германской социал-демократии считал всеобщую массовую стачку нежелательной. По его мнению, ее применение было бы равносильно возврату «к стратегии на разгром» буржуазного государства, которой придерживались, мол, до Парижской Коммуны вместо применения «стратегии на истощение».

Стремясь парализовать сильное влияние революции 1905 г. на пролетарские массы Запада и, в частности, глубокое влияние всеобщей массовой стачки, нашедшей свое практическое применение в русской революции, Каутский утверждал, что необходимые благоприятные для нее условия на Западе отсутствуют, что всеобщая массовая стачка является пробой сил, которая, как правило, не приведет ни к решительной победе, ни к решительному поражению. Увязывая всеобщую массовую стачку с вопросом об избирательном праве, Каутский отстаивал ее оборонительный характер, причем подчеркивал, что и в этом случае необходимо учесть могущие возникнуть «практические трудности».

Ленин метко определил эту позицию Каутского, как зарок от революционной массовой стачки. Правда, Иенский партейтаг в 1913 г. не высказался на этот раз, подобно Кельнскому конгрессу социал-демократических «свободных» профсоюзов, против всеобщей политической стачки, но под давлением Шейдемана, Давида и других лидеров оппортунистического лагеря партейтаг сформулировал в резолюции принятые партейтагом решения так, что они на деле сводили эти решения на-нет.

БОРЬБА С ОППОРТУНИЗМОМ ПО ВОПРОСУ О ПРОФСОЮЗАХ

Борьба с оппортунизмом велась во II Интернационале и по вопросу о роли и задачах профсоюзов, о содержании деятельности профсоюзов как массовых организаций пролетариата, о средствах и методах экономической борьбы рабочего класса, о месте их в общеклассовой борьбе пролетариата, о взаимоотношениях и взаимодействии между экономикой и политикой, между профсоюзами и политическими партиями пролетариата, о сочетании стачечной борьбы за частичные требования с борьбой за конечную цель — за социализм. На ряду с этими основными принципиальными разногласиями борьба во II Интернационале и социалистических партиях протекала вокруг вопросов об организационных принципах строительства и об объединении рабочих в профсоюзах по национальному или интернациональному признаку.

Руководствуясь ревизионистскими высказываниями Эдуарда Бернштейна о том, что экономические противоречия отнюдь не

влекут за собой неизбежность крушения капитализма и социальную революцию, а проявляют тенденцию к смягчению, профбюрократия стала все откровеннее подменять теорию марксизма теорией мирного врастания в социализм. А отсюда вытекала линия на пересмотр всей тактики профсоюзов, содержания и методов их деятельности.

Рост стачечной борьбы, репрессии против организаторов стачек, опасения потерять накопленные крупные стачечные фонды вызывали среди профсоюзной бюрократии стремление избегать открытых столкновений с капиталистами, с крупными и влиятельными предпринимательскими организациями, стремление к урегулированию конфликтов мирным путем. Еще в 90-х годах германские профсоюзы ввели ряд ограничений самостоятельных стачечных выступлений путем централизации стачечных фондов, предоставляя местным профсоюзным организациям право приступать к стачкам только с санкции центральных профсоюзных органов, подавляя возникшие, помимо аппарата профсоюзов, так называемые «дикие» стачки, мешавшие их сотрудничеству с предпринимателями.

Рост оппортунизма в профдвижении Англии нашел выражение в отрицании классовых противоречий между трудом и капиталом и в усилении тенденции к сотрудничеству труда и капитала. Тред-юнионы старались воздержаться от стачечных выступлений, которые рассматривались ими как зло, и перенесли центр тяжести своей деятельности в область взаимопомощи и коллективных договоров. Тред-юнионы высказывались против принципов классовой борьбы, ставили своей задачей улучшение положения рабочих в рамках существующего капиталистического строя и отказывались от борьбы за коренное преобразование буржуазного строя.

Во Франции на ряду с оппортунизмом справа, нашедшим свое выражение в мильеранизме, стал быстро расти оппортунизм слева, выразившийся в анархо-синдикализме. Последний стоял в стороне от политической борьбы, враждебно относился не только к государству вообще, к парламентаризму, но и к принципам диктатуры пролетариата. Анархо-синдикалисты считали, что на другой день после «социальной» революции управление производством перейдет в руки профсоюзов, рассматривали стачку как универсальное средство борьбы. Синдикаты уже в довоенные годы стали постепенно скатываться от непримиримо враждебного отношения к капитализму к соглашательству с буржуазией.

В Германии, Австрии и других странах оппортунизм нашел свое выражение во всемерном воздержании от стачек, в развертывании коллективных договоров и взаимопомощи, в теории «нейтральности» профсоюзов, во враждебном отношении к политической массовой стачке, в ослаблении связи с социал-демократической партией и т. д.

Характеризуя оппортунистическое перерождение профсоюзной верхушки, Р. Люксембург отмечает переоценку организации, «мало-помалу» превращающейся из средства в самостоятельную цель, в высшее благо, которому многообразно подчиняются интересы борьбы.

Левые — Роза Люксембург в Германии, Паннекук в Голландии и другие — энергично выступали против теории «нейтральности» профсоюзов, но, в отличие от большевиков, недооценивали необходимость освободить профсоюзы и их аппарат из рук реформистов. Эта недооценка явилась отображением общей недооценки Розой Люксембург организационного вопроса в рабочем движении и руководящей роли партии как авангарда рабочего класса, вождя и организатора революции.

Ленин и Сталин видели в профсоюзах боевые классовые организации рабочего класса, рычаги связи партии с широкими массами, отвергали не только «нейтральность» профсоюзов, но и теорию равноправности партии и профсоюзов, поддержанную Бебелем и положенную в основу взаимоотношений между германской социал-демократией и профсоюзами, смазывающую роль партии как авангарда в революционном движении пролетариата. Политике «нейтральности» профсоюзов Ленин и Сталин противопоставили линию теснейшей связи с революционной партией, — линию обеспечения влияния и руководства партии профсоюзами. В своей статье «Нейтральность профессиональных союзов», опубликованной 4 марта 1908 г., Ленин следующим образом определяет сущность буржуазной теории нейтральности: «Классовые интересы буржуазии неизбежно порождают стремление ограничить союзы мелкой и узкой деятельностью на почве существующего строя, отдалить их от всякой связи с социализмом, и теория нейтральности есть идейное облачение этих буржуазных стремлений». [1]

Высказываясь за обеспечение партийного влияния и руководства профсоюзами, Ленин и Сталин решительно в то же время возражали против строительства профсоюзов по партийному признаку и их организационного подчинения партии, поскольку это нарушает единство профсоюзного движения, отрывает пролетарский авангард от широких слоев менее сознательных рабочих. В своей статье «Профессиональные союзы в Тифлисе», помещенной в газете «Ахали Цховреба» 15 августа 1906 г., Сталин писал, что «партийные профессиональные союзы вырывают яму между сознательными и несознательными рабочими». [2]

Ленин и Сталин не только сигнализировали о росте оппортунизма в профдвижении, не только вскрывали конкретные проявления оппортунистического перерождения профсоюзной бюро-

---

[1] Ленин. Соч., т. XII, стр. 145.

[2] Цит. по книге — Ленин и Сталин о профсоюзах, стр. 88. Профиздат, Москва.

кратии, но требовали решительной борьбы против реформизма, против тред-юнионистской узости и ограниченности, против оппортунистического сползания с путей классовой борьбы на путь классового сотрудничества, против оппортунистической сущности анархо-синдикализма. Тактика оппортунистов привела к тому, что в годы империалистической войны (1914—1918 гг.) профсоюзы стали на службу генеральных штабов воюющих государств.

БОРЬБА С ОППОРТУНИЗМОМ ПО НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Борьба с оппортунизмом в области национального и колониального вопросов велась на два фронта — против мелкобуржуазного национализма, с одной стороны, и против недооценки национальной и колониальной проблемы — с другой.

Партии II Интернационала отошли от пути, указанного Марксом, — пути пролетарского интернационализма. Замалчивая политику национального угнетения буржуазии, социал-демократические партии и II Интернационал в целом в известной мере пытались еще подойти к разрешению национального вопроса в той части, которая касалась угнетаемых другими европейскими народами неполноправных европейских национальностей: поляков, ирландцев, венгерцев, чехов, евреев и др. Из поля зрения II Интернационала вовсе выпадали, однако, проблемы освободительной борьбы народов колоний и полуколоний в Азии, Африке и других частях света.

Оппортунизм нашел особенно яркое выражение в вопросе о колониальной политике.

На Штутгартском международном социалистическом конгрессе (1907 г.) борьба между революционным крылом конгресса и оппортунизмом приняла характер открытого столкновения, причем силы их были на этот раз почти равны.

В резолюции, внесенной Ван-Колем, отмечалось, что конгресс не осуждает в принципе всякой колониальной политики, которая при социалистическом режиме может сыграть цивилизаторскую роль.[1] Ван-Коль, поддерживаемый германским ревизионистом Давидом, выступал на этот раз с открытой поддержкой империалистической колониальной политики. Предложение Ван-Коля было отклонено весьма незначительным большинством (128 — против, 108 — за и 10 воздержалось). Со всей решительностью выступил против «социалистической колониальной политики» Ленин, разоблачивший лицемерие и ложь о цивилизаторской роли капиталистов.

В связи с обсуждением колониального вопроса на Штутгартском международном социалистическом конгрессе и открытым

[1] Ленин. Соч., т. XII, стр. 78.

выступлением оппортунистов и шовинистов, Ленин отметил, что на этом конгрессе оппортунисты разоблачили себя, как никогда еще, и показали свое подлинное лицо.

II Интернационал, высказывавшийся на словах за свободу угнетенных национальностей, за равенство наций, не связывал национальный и колониальный вопросы с борьбой пролетариата против господства буржуазии, с вопросом о социалистической революции.

Политика ведущих партий II Интернационала была политикой поддержки великодержавного шовинизма и служила на деле поддержкой империализма, политикой игнорирования национальных интересов угнетенных «своей» империалистической буржуазией народов. Игнорирование национальной и колониальной проблем, с одной стороны, и явно националистические тенденции в попытках разрешения национального вопроса — с другой, характеризуют политику большинства партий II Интернационала в национальном вопросе. Противоречия и грызня на почве национальной политики всплыли наружу еще на Копенгагенском международном социалистическом конгрессе (1910 г.) при обсуждении в комиссии поднятого чешской делегацией вопроса о построении социал-демократической партии Австрии и профсоюзов по федеративному принципу и по национальным признакам.

Рост оппортунизма в национальном вопросе нашел выражение в программе культурно-национальной автономии «Бунда», кавказских меньшевиков и ликвидаторов, в основу которой легла разработанная Шпрингером и Бауэром программа национальной автономии австрийской социал-демократии.

Провозглашая требования «культурно-национальной» автономии, особой гарантии прав национальных меньшинств, передачи всей сферы культурных вопросов в ведение национальных учреждений и противопоставляя принципам пролетарского единства и интернационализма национальную обособленность и требование построения РСДРП на федеративных началах, «Бунд» все больше и больше скатывался к национализму и сепаратизму.

Роза Люксембург и левые заняли непоследовательную, полуменьшевистскую позицию по национально-колониальному вопросу.

«Они развили полуменьшевистскую теорию империализма, — говорит Сталин об ошибках левых, — отвергли принцип самоопределения наций в его марксистском понимании (вплоть до отделения и образования самостоятельных государств), отвели тезис о серьезном революционном значении освободительного движения колоний и угнетенных стран, отвели тезис о возможности единого фронта между пролетарской революцией и национально-освободительным движением и противопоставили всю эту полуменьшевистскую кашу, являющуюся сплошной

недооценкой национально-колониального вопроса, — марксистской схеме большевиков. Известно, что эту полуменьшевистскую кашу подхватил потом Троцкий и использовал ее как орудие борьбы против ленинизма». [1]

Для Ленина и Сталина национальный вопрос был вопросом о союзниках и движущих силах пролетарской революции в ее борьбе за социализм, вопросом о революционном союзе пролетариата Запада с освободительным движением колоний, «неразвитых», отсталых и угнетенных наций.

Разоблачая попытки фальсификации взглядов Маркса и Энгельса в национальном вопросе и развивая дальше марксистскую теорию пролетарского интернационализма, Ленин и Сталин проводили на русской и международной арене непримиримую борьбу против всех форм и проявлений национального угнетения, энергично поддерживали национально-освободительное движение угнетенных народов, отстаивали равноправие наций и право наций на самоопределение вплоть до отделения.

Развив дальше принципы разрешения национально-колониального вопроса Маркса и Энгельса, Ленин и Сталин выявили огромное международное значение национально-колониального вопроса в новой обстановке, в эпоху империализма, в новых условиях классовой борьбы, связали этот вопрос с вопросом о революционном свержении империализма, с общим вопросом о пролетарской диктатуре. Основным принципом ленинско-сталинских установок по национальному вопросу является право наций на самоопределение вплоть до государственного отделения. Осудив принципы национально-культурной автономии как не разрешающей национального вопроса, создающей почву для обособления наций и раздробления единства рабочего движения, как «самый утонченный и потому самый вредный национализм», [2] неизменно руководствуясь классовыми интересами пролетариата и задачами пролетарской революции, Ленин и Сталин высказывались за необходимость поддержки не всякого национального движения, а лишь такого, которое носит характер прогрессивного освободительного движения против реакции и империализма.

Ленин и Сталин выступили со всей решительностью против недооценки национального вопроса Розой Люксембург и левыми на Западе, против откладывания разрешения национального вопроса до осуществления социализма, против их расплывчатого и беспочвенного космополитизма.

Ленин и Сталин в то же время упорно и терпеливо доказывали, что путь к победе пролетариата, к преодолению национальных предрассудков, национальной розни и грызни ведет не через национальное обособление, не через организационный сепаратизм, а через единство и слияние рабочих всех нацио-

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 354—355.
[2] Ленин. Соч., т. XVII, стр. 118.

нальностей в партийных, профессиональных, кооперативных, культурно-просветительных и других организациях.

Ленин и Сталин еще в период II Интернационала развернули новую и конкретную программу по национальному вопросу. На ряду с работами Ленина по национальному вопросу внесла ценнейший вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма вышедшая в 1913 г. книга Сталина «Марксизм и национальный вопрос».

«Это была программная декларация большевизма по национальному вопросу». [1]

В этой работе Сталиным дано четкое марксистское определение нации и проводится основная мысль о том, что национальный вопрос является частью общего вопроса о пролетарской революции, последовательно выясняется и обосновывается принцип пролетарского интернационализма.

Ленин и Сталин разоблачили национально-колониальную политику II Интернационала как политику участия в колониальном грабеже и угнетении и поставили перед партиями рабочего класса вопрос об обязанности их бороться в первую очередь за освобождение тех наций и колониальных народов, которые подвергаются гнету со стороны «своей» буржуазии.

БОРЬБА С ОППОРТУНИЗМОМ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ

Безразличное отношение к аграрному вопросу было характерной чертой II Интернационала. Еще Энгельс подверг резкой критике позицию французской и германской социал-демократии по аграрному вопросу, линию поведения гэдистов во Франции на Нантском конгресе в 1894 г. и их погоню за крестьянскими голосами на выборах: гэдисты обещали отстаивать и закрепить за крестьянами их частную собственность при капитализме, взять на себя защиту интересов крестьян, применявших у себя наемный труд под видом того, что они-де являются арендаторами. Так же сурово осудил он позицию германского ревизиониста Фольмара, позицию, занятую им в 1894 г. после Франкфуртского партейтага и благоприятствовавшую интересам зажиточного крестьянства.

На Бреславльском партейтаге германской социал-демократической партии (1895 г.) было, по предложению Каутского, вынесено решение о том, что социал-демократия не нуждается в специальной аграрной программе.

Равнодушие оппортунистических руководителей II Интернационала было отнюдь не случайно. Оно вытекало из того, что партии II Интернационала, не ориентировались на пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата и игнорировали вопрос о союзниках и резервах пролетариата.

---

[1] Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), журн. «Большевик» № 23—24, декабрь 1939 г., Иосиф Виссарионович Сталин (краткая биография).

Лондонский международный социалистический конгресс (1896 г.) уклонился от выработки единой аграрной программы, исходя из того, что положение крестьянства в разных странах различно, что каждой партии необходимо действовать в зависимости от специфических условий данной страны.

Больше к аграрному вопросу международные социалистические конгрессы не возвращались.

«Равнодушное, а то и прямо отрицательное отношение к крестьянскому вопросу со стороны партий II Интернационала, — говорит Сталин, — объясняется... прежде всего тем, что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти».[1]

Игнорированию аграрной проблемы партиями II Интернационала Ленин и партия большевиков противопоставили ясную и четкую программу борьбы за союз пролетариата с крестьянством, за революционную диктатуру рабочего класса и крестьянства при гегемонии пролетариата в демократической революции.

Разногласия по аграрному вопросу выявились еще до II съезда партии (1903 г.). Они развернулись по вопросу о роли крестьянства в революции и по вопросу о включении в аграрную программу требования национализации земли. Плеханов высказался против включения этого требования, выдвинутого Лениным, и настоял на его устранении из решений съезда. Отрицая принципиально лозунг национализации земли в период буржуазно-демократической революции, Плеханов считал, что национализация земли осуществима только в социалистической революции.

II съезд партии высказался за уничтожение остатков крепостничества и возвращение крестьянам отнятых у них помещичьих земель («отрезков»), выдвинул требование конфискации монастырских, церковных имуществ, имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии; требовал обложения помещичьих земель особым налогом. Но большевики отнюдь не отказывались тем самым от своей принципиальной позиции — национализации земли — и резко расходились с Плехановым в этом вопросе. В этом расхождении уже тогда были заложены корни разногласий между большевиками и меньшевиками по аграрному вопросу, выявившемся на IV съезде РСДРП.

III съезд (25 апреля 1905 г.) подчеркнул в принятой им резолюции о крестьянских революционных комитетах свою поддержку крестьянского движения «вплоть до конфискации помещичьих земель», высказался за немедленное образование революционных крестьянских комитетов и за необходимость самостоятельной организации сельского пролетариата.

Разногласия между большевиками и меньшевиками по аграр-

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 36.

ному вопросу выявились со всей отчетливостью на IV Объединительном съезде партии (апрель 1906 г.). Ленин отстаивал национализацию земли, указывая при этом, что она возможна лишь после свержения царского самодержавия и победы революции, что она в этих условиях облегчит пролетариату в союзе с деревенской беднотой переход к социалистической революции. Требуя конфискации всей помещичьей земли в пользу крестьян, аграрная программа большевиков явилась рычагом в мобилизации и организации крестьян на борьбу против царского самодержавия и помещиков.

Меньшевики же высказывались за муниципализацию земли, за передачу помещичьей земли в распоряжение не крестьянских обществ, а муниципалитетов — самоуправлений или земств, причем земля должна была отдаваться крестьянам в аренду. Иначе говоря, аграрная программа меньшевиков не имела целью мобилизацию крестьян на революционную борьбу и полное уничтожение помещичьего землевладения. Дальнейший ход событий подтвердил правильность аграрной программы большевиков, которая была программой мобилизации и привлечения крестьянства как союзника пролетариата в революции.

Выступая в защиту ленинских установок в аграрном вопросе и подчеркивая лозунг конфискации всей помещичьей земли, Сталин в своей статье «Аграрный вопрос», помещенной 17 марта 1906 г. в газете «Эльва», писал: «В 1903 г., когда партия говорила об «отрезках», российское крестьянство еще не было втянуто в движение. Обязанностью партии было бросить в деревню такой лозунг, который поднял бы крестьянство против остатков крепостничества. Как раз такой лозунг был «отрезки», которые ярко напоминали российскому крестьянству о несправедливости остатков крепостничества. После того времена изменились. Крестьянское движение выросло. ... Сегодня речь идет не о том, как должно быть приведено в движение крестьянство, а о том, что должно требовать пришедшее в движение крестьянство. Ясно, здесь необходимы определенные требования, и вот партия говорит крестьянству, что они должны требовать конфискации всех земель».[1]

БОРЬБА С ОППОРТУНИЗМОМ ПО ВОПРОСАМ МИЛИТАРИЗМА И ОПАСНОСТИ ВОЙНЫ

Борьба революционного марксизма с оппортунизмом на почве отношения к милитаризму и войне развернулась на два фронта.

Уже на Брюссельском конгрессе (1891 г.) эти разногласия приняли отчетливый характер в связи с обсуждением вопроса о милитаризме. Внесенная В. Либкнехтом и Вильяном от комис-

---

[1] «Аграрный вопрос», Эльва, 17 марта (цит. по книге Л. Берия — К истории большевистской организации в Закавказье, стр. 54).

сии резолюция правильно подчеркивала связь милитаризма с капитализмом, указывала на необходимость бороться за предотвращение войны, призывала энергично протестовать и выступать против войны и ускорить торжество социализма завершением международной организации пролетариата. Однако в резолюции не было указаний на конкретные меры борьбы с милитаризмом и войной. Голландцами, возглавлявшимися Домелой Ньювенгуисом, этой резолюции была противопоставлена анархистская резолюция, высказывавшаяся за всеобщую стачку против войны, за отказ итти на фронт и в то же самое время — за разрешение споров между государствами международными третейскими судами.

Полемизируя с Ньювенгуисом, Либкнехт не без успеха вскрыл оппортунистический характер лозунга всеобщей антивоенной стачки, лозунга, явившегося, по существу, пустой «левой» фразой. Конгресс подавляющим большинством голосов отверг эту позицию анархистских элементов в вопросе о войне. Одобряя решение конгресса, Энгельс писал: «Инцидент с Домелой Ньювенгуисом доказал, что европейские рабочие окончательно вышли из периода господства звонкой фразы». [1]

Бебель развернул ожесточенную борьбу против опасности оппортунистов «слева», принявшую особенно резкий характер на Брюссельском международном социалистическом конгрессе (1891 г.). Но в то же самое время он явно примиренчески относился к оппортунистической опасности справа. На Брюссельском конгрессе он пытался отрицать опасность роста оппортунизма в рядах германской социал-демократии. Между тем в это же самое время руководство германской социал-демократической партии продолжало проявлять попрежнему терпимое отношение к таким ярко выраженным представителям оппортунизма, как Фольмар и др.

Вопрос об отношении к войне вновь встал на Цюрихском международном конгрессе (1893 г.), на котором опять произошла схватка с анархистскими элементами. Ньювенгуис вновь выступил со своими предположениями по вопросу о войне. На этот раз дискуссия была вызвана конкретной опасностью войны между кайзерской Германией и царской Россией. Конгресс вновь отклонил подавляющим большинством голосов предложения Ньювенгуиса. Но и среди марксистского большинства обнаружились оппортунистические тенденции во взглядах по этому вопросу. Исходя из той предпосылки, что поражение царской России в грядущей европейской войне соответствовало бы интересам русского пролетариата, Плеханов отмечал освободительный характер, который имела бы война германской армии против царской России. Всемерно подчеркивая реакционную роль царской России, Плеханов в то же время

[1] Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 144.

недооценивал и тем самым смазывал милитаристскую, империалистическую политику Германии и других европейских держав.

В свою очередь В. Либкнехт и Бебель высказывались за активное участие германских социал-демократов в борьбе против России в случае ее нападения на Германию. К тому же германская делегация не считала необходимой систематическую борьбу против милитаризма, отвергала ведение пропаганды под тем предлогом, что пропаганда социализма является де в то же время и пропагандой против войны. По инициативе бельгийской делегации в резолюцию, представленную германской делегацией, был внесен специальный пункт, обязывавший социалистов голосовать в парламентах против военных кредитов, за всеобщее разоружение и пр. Однако, высказываясь против всеобщей антивоенной стачки в духе анархистской «левой» фразы Ньювенгуиса, Цюрихский конгресс в то же время отверг метод всеобщей стачки вообще. Этой ошибкой Цюрихского конгресса не преминули воспользоваться затем как оппортунисты справа, так и оппортунисты «слева».

Некоторый шаг вперед в подходе к разрешению вопроса о борьбе с милитаризмом и опасностью войны представлял собой Парижский международный социалистический конгресс (1900 г.).

Внесенная Розой Люксембург резолюция по этому вопросу намечала ряд конкретных мероприятий по борьбе с подготовкой войны. В число этих мероприятий входили воспитание и организация молодежи для борьбы против милитаризма, голосование социалистических депутатов в парламенте против военных ассигнований и колониальных экспедиций. Кроме того, в резолюции предусматривалось проведение в организованном порядке общих международных выступлений против милитаризма. Большая конкретизация практических мероприятий по борьбе с милитаризмом и войной диктовалась в то время развернувшейся англо-бурской войной, подавлением путем интервенции европейских держав боксерского восстания в Китае, испано-американской войной, которые усиливали угрозу мировой войны. Однако оппортунистические тенденции, выявившиеся по вопросу о милитаризации и опасности войны, после Парижского конгресса еще больше усилились.

Оппортунистические тенденции в международном рабочем движении нашли особенно яркое выражение на Штутгартском международном социалистическом конгрессе в 1907 г. при обсуждении основного вопроса конгресса — «Милитаризм и военные кредиты». В комиссии, выделенной конгрессом для выработки резолюции, Бебель подчеркивал органическую связь этого вопроса с капитализмом, но обходил конкретный вопрос о задачах социал-демократии в борьбе против войны до и после ее возникновения и извращал марксистское учение о характере войны, Бебель разделял империалистические войны на «оборо-

нительные» и «наступательные». Он отрицал военную опасность со стороны германского империализма и необходимость систематической антимилитаристской деятельности и агитации в казармах, среди молодежи и пр. Германский делегат ревизионист Фольмар возражал против связывания партий решениями Интернационала и обязательности их для примыкающих к нему партий.

Позиция германской делегации вызвала реакцию со стороны французского анархо-синдикалиста Густава Эрве, в то время непримиримого антимилитариста (ставшего во время первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. ярым шовинистом), который выдвинул, со своей стороны, анархистское предложение об организации антивоенной забастовки и восстания и который своей пустой угрозой «проявил легкомыслие, поверхностность и увлечение эффектной фразой». [1]

Неправильные позиции занял в этом вопросе и представитель французского «ортодоксального» марксизма Гэд.

Гэд указывал, что войны являются неизбежными спутниками капитализма и что предотвратить их невозможно. Он точно так же делил империалистические войны на оборонительные и наступательные и считал, что пролетариат обязан защищать свое отечество. Резолюция, внесенная Гэдом, точно так же обходила вопросы конкретных путей борьбы с милитаризмом, исходя из того, что предотвратить войну нельзя, что она неизбежна в условиях капитализма, что всеобщая стачка является бессмысленной утопией. Что касается позиции Жореса, то он в свою очередь отрицал военную опасность со стороны французского империализма и видел в Антанте оплот мира. Жорес поддерживал резолюцию, сочетавшую лозунги «национальной обороны буржуазного отечества» с лозунгами борьбы за предотвращение войны путем выступлений в парламентах, антивоенной агитации — вплоть до массовой стачки и восстания. На Штутгартском международном социалистическом конгрессе международный оппортунизм впервые выступил открыто и сплоченно. На ряду с ним отчетливо проявило себя и центристское течение во II Интернационале.

Подвергнув критике позицию Эрве и вскрывая корни оппортунизма справа и слева в этом вопросе, Ленин в своих статьях «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» и «Воинствующий милитаризм» указывал на необходимость участия в революционной войне и на то, что борьба после возникновения войны должна заключаться «не в одной замене войны миром, а в замене капитализма социализмом». [2]

Эрве исходил из принципа, что пролетариат не имеет своего отечества, что все войны ведутся в интересах капиталистов, что

---

[1] Ленин. Соч., т. XII, стр. 92.
[2] Ленин. Соч., т. XII, стр. 82.

пролетариат должен на всякое объявление войны ответить военной забастовкой и восстанием.

Подвергая полуанархистскую точку зрения Эрве резкой критике, Ленин в то же время отмечает, что «за всеми полуанархическими нелепостями эрвеизма таилась одна практически верная подкладка: дать толчок социализму в том смысле, чтобы не ограничиваться парламентскими только средствами борьбы, чтобы развить в массах сознание необходимости революционных приемов действия в связи с теми кризисами, которые война несет с собой неизбежно, — в том смысле, наконец, чтобы распространить в массах более живое сознание международной солидарности рабочих и лживости буржуазного патриотизма». [1]

Идея всеобщей стачки в том виде, как она выдвигалась Эрве, считалась Лениным «героической глупостью».

Выступая против позиции Эрве, что пролетариат должен ответить на всякую войну восстанием, Ленин писал: «Решать вопрос в последнем смысле, значит отнимать выбор момента решительного боя у пролетариата и передать его врагам; не пролетариат выбирает момент борьбы, сообразуясь с своими интересами, когда высоко его обще-социалистическое сознание, крепка его организованность, благоприятен повод и т. д.; нет, буржуазные правительства смогли бы провоцировать его на восстание даже тогда, когда условия для него были бы неблагоприятны...» [2]

С исчерпывающей полнотой и убедительностью была Лениным разоблачена и позиция откровенных оппортунистов типа Фольмара. На Эссенском партейтаге Фольмар утверждал, что войны есть неизбежный спутник капиталистического развития и что поэтому никакой особой антимилитаристской работы вести не нужно.

Позиция Фольмара была, по существу, отказом от принципов пролетарского интернационализма. Отражением националистических тенденций было его открытое заявление на конгрессе, что вся любовь к человечеству не может помешать германским социал-демократам быть хорошими немцами.

Ленин указал, что позиция Фольмара о «национальной обороне» противоречит принципам международного социализма, что «пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны. Но судьбы страны его интересуют лишь п о с т о л ь к у, поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах с.-д. «патриотизма». [3]

---

[1] Л е н и н. Соч., т. XII, стр. 82.
[2] Л е н и н. Соч., т. XII, стр. 315.
[3] Л е н и н. Соч., т. XII, стр. 314.

Что касается проекта центристской резолюции Бебеля, то последняя, по словам Ленина, «не содержала в себе никакого указания на активные задачи пролетариата» и давала возможность «читать ортодоксальные положения Бебеля сквозь оппортунистические очки. Фольмар немедленно превратил эту возможность в действительность».[1]

Сравнивая позицию откровенных оппортунистов справа с позицией оппортунистов «слева», Ленин заметил, что «если взгляды эрвеистов — «героическая глупость», то позиция Фольмара, Носке и их единомышленников из «правого крыла» — оппортунистическая трусость».[2]

По мысли Ленина, позиция социал-демократии должна определяться не оборонительным или наступательным характером войны, а интересами классовой борьбы и международными интересами рабочего класса. Ленин внес на конгресс при поддержке Розы Люксембург ряд весьма важных дополнений, которые указывали на то, что милитаризм является орудием классового господства буржуазии и угнетения пролетариата, что натравливанием одних народов на другие буржуазия пытается отвлечь внимание рабочего класса от его классовых задач. По требованию Ленина была принята поправка, указывавшая, что пропаганду интернациональной солидарности и социализма необходимо вести также среди молодежи, что предпринимаемые рабочим классом и его парламентскими представителями меры к предотвращению войны должны находиться в соответствии с обострением классовой борьбы и общим политическим положением, что борьба против империалистической войны после ее возникновения должна выразиться в борьбе за свержение капитализма.

Оппортунисты не осмелились голосовать против этих дополнений. Это не помешало им впоследствии растоптать эти решения международных социалистических конгрессов и стать после объявления первой империалистической войны прямой агентурой империалистической буржуазии.

Вместо первоначальной поправки, составленной в более резкой форме и по существу призывавшей к превращению войны империалистической в войну гражданскую, была принята резолюция, составленная в более осторожных тонах. Бебель ссылается на опасность роспуска германским правительством социал-демократической партии в случае принятия конгрессом резолюции резко революционного характера. Резолюция конгресса требовала борьбы с вооружениями, отказа от голосования кредитов на вооружение и т. д.

«В случае, если война, — говорилось в резолюции Штуттгартского международного социалистического конгресса в 1907 г.,—

---

[1] Ленин. Соч., т. XII, стр. 82.
[2] Ленин. Соч., т. XII, стр. 316.

все-таки разразится, социалисты обязаны вмешаться для скорейшего прекращения ее и всемерно использовать вызванный войной экономический и политический кризис, чтобы поднять народ и тем самым ускорить падение господства капитала».[1]

Резолюция Штутгартского международного социалистического конгресса по вопросу о милитаризме и войне была безусловно шагом вперед по сравнению с резолюциями Парижского и Амстердамского конгрессов. Однако, несмотря на поражение оппортунистов по этому вопросу, оппортунистические тенденции справа и «слева» по одному из важнейших и основных вопросов международной пролетарской политики не только не были преодолены, но продолжали с еще большей отчетливостью нарастать.

В связи с обострившимися империалистическими противоречиями и возросшей опасностью войны к вопросам борьбы с милитаризмом и войной вынуждены были вновь вернуться Копенгагенский и Базельский международные социалистические конгрессы.

О том, каково было в действительности отношение оппортунистических лидеров к резолюциям Штутгартского и Копенгагенского международных социалистических конгрессов, красноречиво говорит тот факт, что, когда в связи с марокканским кризисом нависла в 1911 г. опасность европейской войны, руководство германской социал-демократической партии проявило полную пассивность и не организовало движения массового протеста против германского империализма. Один из руководителей германской социал-демократической партии Молькенбург отнесся отрицательно к попытке Международного Социалистического Бюро созвать чрезвычайную сессию для обсуждения вопроса о мерах борьбы с угрозой войны.

Весьма характерно, что оппортунистические руководители пытались оправдать свою позицию в этом вопросе тем, что такие массовые выступления помешают успеху предстоявших парламентских выборов.

Оппортунистическое перерождение лидеров французской социалистической партии, переход гэдистов на рельсы центризма и слабость революционного крыла в партии способствовали усилению влияния эрвеистов и анархо-синдикалистов и мешали проведению массовой революционной борьбы против нараставшей военной опасности.

Состоявшийся почти накануне войны, в июле 1914 г., конгресс французской социалистической партии, большинством голосов поддержал лозунг антивоенной забастовки, но продолжал стоять по существу на пацифистских позициях. Жорес был убежден в том, что французское правительство искренне стремится к миру, и считал, что опасность делу мира угрожает

---

[1] Ленин. Соч., т. XVII, стр. 408. Документы и материалы.

лишь со стороны царской России и императорской Австро-Венгрии.

Решения Копенгагенского конгресса (1910 г.) отображали дальнейший рост оппортунизма в рядах международного рабочего движения. Требования конгресса об организации международного третейского суда для разрешения конфликтов вместо мобилизации масс на борьбу с войной прививали пацифистские иллюзии и демобилизовали массы. Англичанин Кейр Гарди утверждал даже, что «с того момента, как полностью разоружится первый народ, откроется новая страница славы в истории человечества, так как никакая страна, даже Россия, не осмелится напасть на такую разоружившуюся страну».[1]

Базельский международный социалистический конгресс (1912 г.), состоявшийся в весьма напряженной международной обстановке, должен был дать в связи с начавшейся войной на Балканах прямой ответ на волновавший международный пролетариат вопрос о борьбе за предотвращение становившейся все более реальной опасностью мировой империалистической войны.

Базельский конгресс не открыл дискуссии по этому актуальнейшему в то время вопросу. Вопрос о методах и средствах борьбы против войны вовсе не обсуждался. Конгресс должен был лишь продемонстрировать единодушие, волю масс к сохранению мира, готовность к борьбе против поджигателей войны.

Открытые оппортунисты и скрытые оппортунисты — центристы не поскупились на обещания и оказались весьма щедрыми на революционную фразеологию. Кейр Гарди угрожал даже применением в борьбе против войны международной всеобщей стачки.

Предостерегая господствующие классы и правительства, пламенный Жорес в своем выступлении говорил: «Пусть правительства учтут, когда они вызовут военную опасность, как легко могут народы рассчитать, что их собственная революция будет стоить им меньше жертв, нежели чуждая война».[2]

Базельский международный социалистический конгресс предупреждал в своем манифесте господствующие классы, что «при нынешнем положении Европы и настроении рабочего класса они не могут выпустить фурию войны, не создавая этим опасности для самих себя; пусть они припомнят, что за франко-немецкой войной последовала Коммуна, что русско-японская война привела в движение революционные силы народов Российской империи, что рост военных и военно-морских вооружений придал классовым конфликтам в Англии и на континенте неслыханную остроту и привел к грандиозным забастовкам. Только полнейшей слепотой или безумием можно было бы объяснить, если бы правительства не поняли того, что одна

---

[1] Internationaler Socialisten Kongress zu Kopenhagen, Berlin, 1910, S. 36.
[2] Там же.

только мысль о чудовищной мировой войне должна вызвать негодование и возмущение рабочего класса. Пролетариат считает преступлением стрелять друг в друга ради увеличения прибылей капиталистов, честолюбия династий или во славу тайных договоров дипломатии». [1]

Базельский международный социалистический конгресс бил в манифесте тревогу, звал массы быть на-чеку, мобилизовал их на борьбу против организаторов войны.

«Таким образом, в манифесте, — говорит Ленин, — совершенно ясно формулируется захватнический, империалистический, реакционный, рабовладельческий характер данной войны, т. е. тот характер, который превращает допустимость защиты отечества в теоретическую бессмыслицу и практическую нелепость». [2]

Как открытые оппортунисты и прикрывавшие их центристы, которые составляли решающее большинство II Интернационала, выполнили впоследствии подписанные ими же важнейшие документы международных конгрессов, какова была цена их обещаниям и клятвенным заверениям, как глубок был процесс их оппортунистического перерождения — показала империалистическая война 1914—1918 гг.

БОРЬБА ЛЕНИНА И БОЛЬШЕВИКОВ ЗА СПЛОЧЕНИЕ ЛЕВЫХ ВО II ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

Левое течение во II Интернационале стало складываться еще в довоенные годы. В Германии это было леворадикальное крыло социал-демократической партии, во главе которого стояли Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Франц Меринг, Клара Цеткин и др. Левые резко выступали против оппортунизма, подвергали критике позиции центристов. Они энергично разоблачали проводившуюся буржуазией подготовку империалистической войны, требовали расширения избирательных прав и демократических реформ, добивались признания метода всеобщей политической стачки в качестве действенного оружия в борьбе за завоевание демократических свобод.

Левые во главе с Розой Люксембург энергично выступали против ревизионизма и высказывались в период русской революции 1905 г. за применение «русских» методов борьбы, проводили энергичную агитацию в пользу массовой стачки, вели пропаганду уроков русской революции, энергично призывали к ее защите, выдвигали ее международное значение. Но левые не сумели занять последовательную позицию по основным вопросам пролетарской политики, по вопросу о сущности империализма, об автоматическом крахе капитализма и проявляли не-

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 410. Документы и материалы.
[2] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 6.

понимание роли крестьянства и колониальных народов как союзников и резервов социалистической революции.

Позиция Розы Люксембург и левых в вопросе о стихийности и сознательности в рабочем движении, в вопросе о всеобщей стачке, ее ошибочные взгляды в вопросе «слома» буржуазной государственной машины и замены ее пролетарским государством, боязнь разрыва с оппортунистами во имя формального «единства» партии, их половинчатость, непоследовательность и нерешительность — все это помешало левым занять последовательно революционные позиции и создать себе прочную массовую базу.

Только большевики имели ясную программу действий, четкие и последовательные стратегические, тактические и организационные установки. Только большевики были связаны духом идейного единства и железной дисциплиной и не остановились перед организационным разрывом с оппортунистами.

Еще задолго до войны—в 1903—1904 гг.—под руководством Ленина и Сталина оформилась партия большевиков, партия нового типа. Большевизм вырос и окреп в борьбе с оппортунистами всех мастей, завершив изгнанием меньшевиков очищение партии от оппортунистических элементов на Пражской конференции РСДРП(б) в 1912 г. и окончательно оформившись в самостоятельную партию нового типа, большевистскую партию. На путь оформления самостоятельной революционной партии пролетариата встали также «тесняки» в Болгарии и левые социал-демократы в Голландии, во главе с Паннекуком и Гортером. Но эти партии не были свободны от полуменьшевистских ошибок.

В Италии из социалистической партии были исключены еще до империалистической войны махровые социал-империалисты во главе с Биссолати. В Англии левые сплотились в рядах Британской социалистической партии. В Соединенных Штатах Америки — в Социалистической рабочей партии и внутри Социалистической партии.

Ленин особенно внимательно следил за развитием левого течения в германской социал-демократии и во II Интернационале, мобилизовал внимание левых против оппортунизма и его разновидности — центризма, вскрывал еще задолго до войны корни оппортунистического перерождения германской социал-демократии. Еще в 1907 г. в статье «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» Ленин подчеркнул, что «германская социал-демократия, до сих пор отстаивавшая всегда революционную точку зрения в марксизме, оказалась неустойчивой или занимающей оппортунистическую позицию».[1]

Но, поддерживая борьбу левых за активизацию партии и переход от чисто парламентской борьбы к массовым действиям (всеобщая стачка, демонстрации, антимилитаристская деятельность и пр.), Ленин в то же время не раз критиковал их половинча-

[1] Ленин. Соч., т. XII, стр. 87.

тость, колебания и непоследовательность. Высоко ценя Розу Люксембург, Ленин в то же время неоднократно подвергал серьезному анализу и критике ошибки Розы Люксембург и левых в целом ряде вопросов (о массовой политической стачке, о движущих силах русской революции, о перманентной революции, национальном и аграрном вопросах и др.).

Усилия Ленина были направлены не только на установление общности и единства принципиальной позиции левого крыла. Эпоха империализма, эпоха войн и пролетарских революций диктовала необходимость создания партии нового типа, партии, способной повести пролетариат на штурм капитализма, на борьбу за пролетарскую революцию, за социализм. Все усилия Ленина и большевиков были поэтому направлены именно в эту сторону.

Во время Штутгартского и Копенгагенского международных социалистических конгрессов Лениным были созваны совещания левых, предприняты попытки в направлении сплочения и организационного оформления левого крыла во II Интернационале. В связи с угрожающим ростом международного ревизионизма и оппортунистического перерождения лидеров социал-демократических партий Ленин со своей решительностью выступил за организационный разрыв с оппортунистами. Ленин поддерживал размежевание с оппортунистами в голландской, итальянской, болгарской социал-демократических партиях, выступал против попыток Международного Социалистического Бюро «примирить» их во имя «единства».

Борьба Ленина, Сталина, большевиков против экономистов, легальных марксистов и меньшевиков-ликвидаторов, высказывавшихся за ликвидацию нелегальных революционных организаций, отказавшихся от революционных лозунгов, выдвигавших идею «всеобщего рабочего съезда», была борьбой и с международным оппортунизмом за партию нового типа и давала международному рабочему движению лучшие образцы революционной тактики.

Позиция Ленина и большевиков на Штутгартском международном социалистическом конгрессе (особенно по вопросу о борьбе с милитаризмом и опасностью войны, работа Ленина «Что делать?» и др.), выступления, направленные против русского и международного ревизионизма, в частности мильеранизма, разоблачения международного оппортунизма после Штутгартского международного конгресса, выступления против политики сотрудничества с буржуазией и его защиты ревизионистом Зюдекумом — все это развенчивает троцкистскую клевету о том, что большевизм вышел на международную арену только в годы империалистической войны. Это до конца разоблачает троцкистскую клевету, что будто бы ведущую роль в борьбе с оппортунизмом и центризмом играли лишь германские левые.

С первых же шагов своей деятельности Ленин и Сталин встали на позиции последовательного революционного марксизма,

отстаивая непримиримо и настойчиво его чистоту, разоблачая рост оппортунистических тенденций в международном рабочем движении и примиренчество к оппортунизму, критикуя ошибки и непоследовательность левых и помогая им занять более последовательную позицию по важнейшим принципиальным вопросам международного рабочего движения.

Еще в годы первой революции 1905 г. разногласия эти вылились в ожесточенную борьбу с меньшевиками вокруг вопросов о характере русской революции и ее перспективах, вокруг вопроса о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, о завоевании революционной диктатуры пролетариата и крестьянства, перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

«Две линии боролись в РСДРП во время революции, линия большевиков и линия меньшевиков, — говорится и «Истории ВКП(б)». Большевики держали курс на развертывание революции, на свержение царизма путем вооруженного восстания, на гегемонию рабочего класса, на изоляцию кадетской буржуазии, на союз с крестьянством, на создание временного революционного правительства из представителей рабочих и крестьян, на доведение революции до победного конца. Меньшевики, наоборот, держали курс на свертывание революции. Вместо свержения царизма путем восстания они предлагали его реформирование и «улучшение», вместо гегемонии пролетариата — гегемонию либеральной буржуазии, вместо союза с крестьянством — союз с кадетской буржуазией, вместо временного революционного правительства — Государственную думу, как центр «революционных сил» страны.

Так меньшевики скатились в болото соглашательства, став проводниками буржуазного влияния на рабочий класс, став на деле агентами буржуазии в рабочем классе.

Большевики оказались единственной революционно-марксистской силой в партии и стране». [1]

Сущность и оценка разногласий между большевиками и меньшевиками была дана Лениным в его брошюрах «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Шаг вперед, два шага назад» и др. Ленин признавал буржуазный характер революции, но видел в ней народную революцию, поднявшую все слои народа, выдвинувшую на авансцену рабочий класс и крестьянство. Ленин считал, что пролетариат должен играть в революции руководящую роль. «Исход революции зависит от того, — писал Ленин в своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» в июле 1905 г., — сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции». [2]

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 90.
[2] Ленин. Соч., т. VIII, стр. 32.

В своем учении о роли пролетариата как гегемона революции Ленин исходил из того, что пролетариат является передовым, революционным классом, что он имеет свою самостоятельную политическую партию, что он глубоко заинтересован в том, чтобы довести революцию до победного конца. Его союзником мог быть только такой класс, который тоже заинтересован в полной победе революции и под его руководством будет бороться за свержение самодержавия, за широкие демократические свободы, за получение земли, за земельные реформы. «Последовательным борцом за демократизм, — писал Ленин, — может быть только пролетариат. Победоносным борцом за демократизм он может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства».[1] Ленин подчеркивал, что основным союзником пролетариата в буржуазно-демократической революции является крестьянство, что только полная победа революции принесет крестьянству землю и даст ему возможность освободиться от помещичьей кабалы.

Ленин и Сталин указывали, что таким союзником не может быть буржуазия, так как она стремится лишь к ограничению власти царского самодержавия и установлению конституционной монархии. Она боится пролетариата и крестьянства и не заинтересована поэтому в доведении буржуазно-демократической революции до победного конца. Необходимо, чтобы пролетариат, обеспечив союз с крестьянством и изолировав либеральную буржуазию, возглавил революцию, чтобы социал-демократия приняла активное участие в организации восстания, а после победы революции — и во временном правительстве.

Резко противоположную позицию занимали меньшевики. Исходя из буржуазного характера революции, они считали, что после победы революции у власти должна встать буржуазия, что социал-демократия не должна принимать участие во временном правительстве, поскольку оно не будет социалистическим, что в случае созыва Земского собора или Государственной думы рабочий класс мог бы оказать давление и добиться созыва Учредительного собрания.

Меньшевики отрицали роль пролетариата как гегемона революции, искали союзника не в крестьянстве, а в либеральной буржуазии. В противовес этой позиции меньшевиков, Ленин писал: «Для того, чтобы быть последовательно доведенной до конца, наша демократическая революция должна опереться на такие силы, которые способны парализовать неизбежную непоследовательность буржуазии (т. е. способны именно «заставить ее отшатнуться»), чего боятся, по недомыслию, кавказские сторонники «Искры».[2]

Такая совершенно новая постановка вопроса о роли проле-

---

[1] Ленин. Соч., т. VIII, стр. 65.
[2] Ленин. Соч., т. VIII, стр. 96.

тариата в буржуазно-демократической революции, о роли его как гегемона и о роли крестьянства в качестве союзника пролетариата в революции и неисчерпаемого резерва революционных сил шла прямо вразрез с постановкой меньшевиками вопроса о буржуазной революции, о руководящей в ней роли либеральной буржуазии, резко расходилась со всеми представлениями и установками как русского, так и международного оппортунизма и центризма. Плеханов, высказавшийся на словах за гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции, был за соглашение с либеральной буржуазией и боролся против ленинской идеи о союзе пролетариата и крестьянства.

Ленин, Сталин, большевики повели в то же время энергичную борьбу и против подхваченной Троцким теории «перманентной революции», которая являлась извращением теории Маркса о непрерывной революции и «состояла не только в недооценке роли крестьянства, но и в недооценке сил и способности пролетариата повести за собой крестьянство, в неверии в идею гегемонии пролетариата». [1]

Сторонники «перманентной революции», таким образом, недооценивали силы революционной роли крестьянства, не верили в силу пролетариата и в возможность повести крестьянство за собой, предоставляли крестьянство буржуазному влиянию и затрудняли сплочение его вокруг пролетариата, отрицали возможность и необходимость привлечения крестьянства для борьбы с царским самодержавием и для перехода к социалистической революции. «Ленин воевал, стало быть, со сторонниками «перманентной революции» не из-за вопроса о непрерывности, — говорил Сталин, — а из-за недооценки ими роли крестьянства, являющегося величайшим резервом пролетариата, из-за непонимания идеи гегемонии пролетариата». [2]

Ленин и Сталин расходились с меньшевиками, с русским и международным оппортунизмом и центризмом и по вопросу о путях, методах и средствах к успешному осуществлению задач буржуазно-демократической революции.

Большевики выдвигали путь вооруженного восстания, отстаивали необходимость тщательной подготовки и руководства восстанием. Задачам подготовки, организации и руководства вооруженным восстанием были подчинены выдвинутые большевиками лозунги массовой политической стачки, немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня, немедленной организации революционных крестьянских комитетов и проведения революционным путем «всех демократических реформ», захвата помещичьих земель и вооружения народа.

Ленин и Сталин считали, что временное революционное пра-

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 110.
[2] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 23.

вительство, которое будет вынесено на гребне победоносной революции и которое должно притти на смену царскому самодержавию после его разгрома, явится правительством революционной диктатуры пролетариата и крестьянства, задачей которого будет подавление сопротивления контрреволюции, укрепление завоеваний революции и осуществление требований социал-демократической партии.

Большевики решительно отвергли меньшевистскую позицию отказа от участия во временном революционном правительстве, правительстве революционной диктатуры пролетариата и крестьянства, осуждали их попытку сослаться при этом на линию, занятую международными социалистическими конгрессами по отношению к вхождению «социалиста» Мильерана (во Франции) в реакционное буржуазное правительство.

Ленин по-новому поставил вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

В своей книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин писал: «У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии... Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм». [1]

Эта же мысль о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую проходит красной нитью и в статье Ленина «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», где говорится, что «от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции». [2]

Предвидя наступление международной буржуазии и опасность удушения революции, Ленин еще в 1906 г. на IV съезде партии говорил, что «условной и относительной гарантией от реставрации является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяких примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца...» [3]

Таким образом, еще задолго до империалистической войны Ленин высказывался за возможность и необходимость перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию.

Ленин и Сталин связывали борьбу с оппортунизмом и центризмом по основным вопросам русской революции, за партию

---

[1] Ленин. Соч., т. VIII, стр. 84—85.
[2] Ленин. Соч., т. VIII, стр. 186.
[3] Ленин. Соч., т. IX, стр. 150—151.

нового типа с борьбой против оппортунизма и центризма на международной арене. Они разоблачали занятую руководством II Интернационала — и, в первую очередь, Вандервельде, Каутским и другими — позицию по вопросам русской революции, отрицание ими возможности перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Они вскрывали всю несостоятельность теории, согласно которой пролетарская революция может победить только в стране с высоко развитой промышленностью и с количественным преобладанием пролетариата.

Ленин и Сталин резко выступали не только против замалчивания руководством II Интернационала великих уроков первой русской революции, но и против игнорирования им роли и значения вынесенных на гребне русской революции Советов.

В то же время ими была разгромлена и оппортунистическая «теория» о том, что пролетарскую революцию отделяет от буржуазно-демократической революции «китайская стена» и длительный интервал, который исчисляется «обычно многими десятками лет, если не больше».[1]

Разработанная Лениным новая теория социалистической революции шла вразрез со всеми установками II Интернационала и социал-демократических партий, которые исходили из того, что пролетариат в социалистической революции «будет один, против всей буржуазии, без союзников, против всех непролетарских классов и слоев».[2] Отсюда они пришли к выводу, что «условия для социалистической революции в Европе еще не созрели, что эти условия можно считать созревшими лишь тогда, когда пролетариат станет большинством нации, большинством общества в результате дальнейшего экономического развития общества».[2]

БОРЬБА ЗА ПАРТИЮ НОВОГО ТИПА

В связи с тем, что капитализм вступил в стадию империализма, перед международным пролетариатом встали новые задачи.

Задачи эти заключались в собирании и подготовке сил для борьбы за завоевание подступов к пролетарской революции, за диктатуру пролетариата, за социализм.

Вся линия политики и практики партий II Интернационала показывала, что социал-демократические партии, воспитанные на мирной парламентской деятельности, являвшиеся по существу лишь придатком социал-демократических парламентских фракций и терпевшие в своих рядах оппортунистов самых разнообразных мастей и оттенков, не способны в эпоху империализма, кануна пролетарской революции, организовать и возглавить про-

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 20.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 72—73.

летариат в решающих классовых боях. «Большевики не могли не знать, что пролетариату нужна не такая партия, а другая, новая, настоящая марксистская партия, которая была бы непримиримой в отношении оппортунистов и революционной в отношении буржуазии, которая была бы крепко сплочена и монолитна, которая была бы партией социальной, партией диктатуры пролетариата».[1]

Только партия нового, боевого типа, партия смелая и революционная, партия вооруженная оружием революционной марксистской теории, сознательно подготовляющая и способная предвидеть ход исторического развития и его перспективы, могла возглавить борьбу масс и выполнить исторические задачи пролетариата.

Вся история большевистской партии еще в довоенный период II Интернационала, направленная своим острием против экономистов, «легальных марксистов», меньшевиков, троцкистов, ликвидаторов, впередовцев и отзовистов, против оппортунизма справа и «слева» на международной арене, была, по существу, борьбой за партию нового типа, против типа западноевропейской социал-демократической партии — партии социальных реформ. Огромную роль в идеологической подготовке такой партии нового типа сыграли такие работы Ленина, как «Что делать?», и Сталина «Вскользь о партийных разногласиях». Работа Ленина «Шаг вперед, два шага назад» и статья Сталина «Класс пролетариев и партия пролетариев» являются важнейшими документами борьбы за организационные принципы большевизма. Замечательная работа Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и статьи Сталина, энергично и последовательно отстаивавшие ленинские идеи гегемонии пролетариата в революции и идеи перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, явились политической подготовкой партии нового типа.

Решения II съезда партии явились исходным пунктом организационного размежевания с оппортунистами. Лидеры II Интернационала и наиболее влиятельной германской с.-д. партии ополчились против Ленина и большевиков. «Neue Zeit», теоретический орган германской социал-демократической партии, освещал положение в РСДРП в духе меньшевиков и отказался поместить статьи Ленина, направленные своим острием против оппортунизма.

Против большевиков в вопросе организационного размежевания с меньшевиками была и Роза Люксембург, которая стала на сторону меньшевиков и обвинила большевиков в «ультрацентрализме», «бланкизме» и пр. Непонимание Розой Люксембург и левыми необходимости организационного размежевания с меньшевиками было связано у них с непониманием сущности

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 135.

империализма и корней оппортунизма, с недооценкой не только оппортунизма, но и действительной природы центризма, преклонением перед стихийностью движения и непониманием руководящей роли революционной партии пролетариата в революции.

Со всей решительностью выступили большевики против попыток лидеров германской социал-демократической партии примирить большевиков с меньшевиками, когда они в лице Бебеля поддержали предложение Грейлиха (от швейцарской социал-демократической партии) о вмешательстве в русские дела якобы с целью объединения большевиков и меньшевиков. Став в действительности на сторону меньшевиков и стремясь, по существу, покончить с большевизмом, руководство германской социал-демократии внесло предложение о посредничестве. Третий съезд партии (1905 г.) отметил в связи с этими примирительными потугами, что только съезд правомочен обсудить вопрос о расколе, что оппортунизм меньшевиков в организационном вопросе неразрывно связан с оппортунизмом в основных принципиальных вопросах политики и практики партии.

«Инициатива», проявленная руководством германской социал-демократии и «беспристрастным» Каутским, замазывавшими принципиальные разногласия между большевиками и меньшевиками, имела, по существу, цель отвлечь внимание западноевропейского пролетариата от основных проблем русской революции и добиться ликвидации самостоятельной большевистской партии. В споре между Лениным и Мартовым Каутский стал в действительности на сторону последнего, высказался за формулировку Мартовым первого пункта устава партии, усмотрев в позиции большевиков личную склоку и сектантскую непримиримость.

Отклонив попытки вмешательства II Интернационала в «русские дела», Ленин и большевики развернули резкую критику и давали энергичную отповедь меньшевистско-троцкистской клевете, которая систематически велась на страницах германской социал-демократической печати.

Вся полоса 1905—1914 гг. была полосой ожесточенной борьбы большевиков с оппортунизмом и центризмом на русской и международной арене. Поскольку эта борьба большевиков за чистоту принципов революционного марксизма и проведенный на Пражской конференции 6 января 1912 г. полный разрыв с оппортунизмом и центризмом являлись в то же время линией на разрыв с оппортунистами и центристами во II Интернационале, вожди II Интернационала с еще большей настойчивостью стали добиваться разрешения «русского вопроса». Вопрос этот служил предметом обсуждения на совещании Международного Социалистического Бюро в Брюсселе 14 декабря 1913 г. В связи с позицией, занятой на этом совещании вождями II Интернационала Каутским, Вандервельде и Гюйсмансом Ленин писал: «Товарищи заграничные социалисты иногда ошибаются особенно

жестоко, когда думают помочь единству, внушая ликвидаторам надежды на то, что мы станем работать с ними без полной и радикальной перемены ликвидаторами их поведения, без подчинения их воле большинства. Не помощь единству, а помощь раскольникам — вот к чему объективно сводится такая тактика».[1]

Попытки Международного Социалистического Бюро не увенчались успехом. В ответ на его предложения о «примирении» большевики выдвинули в качестве обязательного условия объединения полное признание идеологии, тактики и организационных принципов большевизма.

Характеризуя эту линию большевистской принципиальности и непримиримой борьбы большевиков против оппортунизма и центризма на русской и международной арене, Сталин в своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» говорит:

«...Ленин еще задолго до войны, примерно с 1903—1904 гг., когда оформилась в России группа большевиков и когда впервые дали о себе знать левые в германской социал-демократии, — вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами и у нас, в Российской социал-демократической партии, и там, во II Интернационале, в частности в германской социал-демократии. Всякий большевик знает, что именно поэтому большевики уже тогда (1903—1905 гг.) снискали себе в рядах оппортунистов II Интернационала почетную славу «раскольников» и «дезорганизаторов». Но что мог сделать Ленин, что могли сделать большевики, если левые социал-демократы во II Интернационале, и прежде всего в германской социал-демократии, представляли слабую и немощную группу, организационно не оформленную, идеологически не подкованную группу, боящуюся даже выговорить слово «разрыв», «раскол»...

«...Из всех группировок II Интернационала русские большевики были тогда единственной группировкой, способной по своему организационному опыту и идеологической подкованности предпринять что-либо серьезное в смысле прямого разрыва, раскола со всеми оппортунистами в своей российской социал-демократии».[2]

Борьба Ленина и Сталина с оппортунизмом и центризмом во всех его формах и проявлениях на русской и международной почве вооружила международный пролетариат отточенным оружием революционной тактики, стратегии и организации. Она внесла ценнейший вклад в сокровищницу революционного марксизма, расчистила в идейной борьбе с оппортунизмом и центризмом путь к образованию нового, революционного, Коммунистического Интернационала.

Историческое значение II Интернационала заключается в том, что он в довоенный период проделал большую работу по соби-

---

[1] Ленин. Соч., т. XVII, стр. 571.
[2] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 352.

ранию и организации рабочих масс под знаком борьбы против капитализма. «II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую «мирную» эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века». [1]

II Интернационал способствовал быстрому росту массовых пролетарских организаций и использованию парламентаризма и профессиональных союзов для борьбы за частичные требования рабочего класса. Но быстрый рост социалистических партий и их успехи в избирательной борьбе и в парламентской деятельности и массовый характер профсоюзов таили в себе вместе с тем в условиях отсутствия последовательного марксистского руководства опасность внутреннего разложения. «...Партии II Интернационала обрастали жиром и не хотелось думать серьезно о революции, о диктатуре пролетариата, о революционном воспитании масс». [2]

Во главе II Интернационала стояли «ортодоксы» типа Каутского. Но последние все более и более скатывались со ступеньки на ступеньку в лагерь оппортунизма. «Оппортунисты приспособлялись к буржуазии в силу своей приспособленческой, мелкобуржуазной природы, — «ортодоксы» же в свою очередь приспособлялись к оппортунистам в интересах «сохранения единства» с оппортунистами, в интересах «мира в партии». В результате получалось господство оппортунизма, ибо цепь между политикой буржуазии и политикой «ортодоксов» оказывалась замкнутой». [3]

Сталин характеризует идеологию центризма довоенного периода II Интернационала следующим образом: «Его идеология есть идеология приспособления, идеология подчинения пролетарских интересов интересам мелкой буржуазии в составе одной общей партии. Эта идеология чужда и противна ленинизму. Центризм есть явление естественное для II Интернационала периода довоенного времени. Там были правые (большинство), были левые (без кавычек) и были центристы, вся политика которых состояла в том, чтобы подкрасить левыми фразами оппортунизм правых и подчинить левых правым». [4]

Идеологи II Интернационала выхолащивали «живую душу» марксизма. Они не ставили вопроса о резервах революции, считали крестьянство сплошной реакционной массой и ориентировались не на союз с крестьянством, а на союз с либеральной буржуазией.

Высказываясь за мирную парламентскую борьбу и против массовой политической стачки и вооруженного восстания, во-

---

[1] Ленин. Соч., с. XVIII, стр. 71.
[2] Сталин Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 8.
[3] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 8.
[4] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. IX, стр. 379.

жди II Интернационала отрекались от принципов пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Они прикрывали свой отход от марксизма теорией о том, что завоевание власти пролетариатом возможно только в высоко развитых странах и т. д., стремясь к использованию парламентской машины и парламентских выборов как главного средства в борьбе за мирное завоевание политической власти.

Все это повело в результате к тому, что обессиленный оппортунизмом и центризмом II Интернационал не выдержал испытания в годы империалистической войны и обанкротился. Лидеры II Интернационала и подавляющего большинства социалистических партий перешли открыто на сторону империалистической буржуазии. Отречение от идеи социалистической революции, от применения революционных методов классовой борьбы и приспособление к буржуазной легальности и буржуазному национализму — вот та почва, на которой выросла измена оппортунистических вождей II Интернационала, социалистических партий и профсоюзов в годы первой империалистической войны.

В статье «Положение и задачи Социалистического Интернационала» Ленин писал 1 ноября 1914 г.:

«Именно на этой почве и выросло теперешнее шовинистическое, патриотическое настроение большинства вождей II Интернационала. Фактическое преобладание оппортунистов среди них давно отмечалось с самых различных сторон, различными наблюдателями. Война лишь вскрыла особенно быстро и остро действительные размеры этого преобладания». [1]

Война отнюдь не была причиной краха II Интернационала. Она лишь обнажила и ускорила его распад, вскрыла всю глубину оппортунистического перерождения вождей партий II Интернационала.

КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Накануне мировой империалистической войны ведущие страны капитализма были ареной массовых боевых выступлений рабочего класса. Высокий подъем стачечного и рабочего движения в Англии, Германии, Франции, США и России, их напряженность и размах предвещали назревание крупных событий. Социальный барометр явно предвещал бурю. С тем большими надеждами готовили господствующие классы войну, которая должна была, по их предположениям, не только разрубить запутанный узел обострившихся до-нельзя империалистических противоречий, но, — что было для них не менее важным, — парализовать дальнейшее наступление пролетариата, скрутить его по рукам и ногам, лишить его под шумок войны всех его завоеваний, подчинить и превратить рабочий класс

[1] «Социал-демократ» № 33, 1914 г.

в слепое и послушное орудие империалистической политики буржуазии.

Народные массы были против войны. Лихорадочные военные приготовления вызывали в них растущее чувство беспокойства и тревоги. Под напором масс все громче, все настойчивее стали звучать в выступлениях представителей рабочих организаций на национальных и международных социалистических конгрессах протесты и предупреждения по адресу господствующих классов, призывы выступить дружно и единодушно на борьбу с поджигателями войны.

Под прямым давлением масс профсоюзы Франции, Бельгии, Англии, Италии, Швейцарии, Голландии, Норвегии и США прислали в ответ на запрос Легина, секретаря международного объединения профсоюзов, в конце июля 1914 г. энергичные протесты против угрозы войны с требованием напрячь все усилия для ее предотвращения.

Война не была неожиданностью, и лидеры II Интернационала и социалистических партий отнюдь не были захвачены врасплох.

Но при первых пушечных выстрелах вожди большинства социалистических партий и II Интернационала, равно как и вожди международного объединения профсоюзов, стали на путь прямой измены делу международной солидарности пролетариата.

«Крах II Интернационала, — писал Ленин, — выразился всего рельефнее в вопиющей измене большинства официальных социал-демократических партий Европы своим убеждениям и своим торжественным резолюциям в Штутгарте и Базеле».[1]

Они не только пальцем о палец не ударили, чтобы попытаться выполнить подписанные ими же решения конгресса, чтобы поднять массы на борьбу против поджигателей и виновников войны, но сделали решительно все для того, чтобы удержать массы от выступлений, чтобы сорвать их сопротивление, чтобы убаюкать их надеждами на мирное разрешение конфликта. Вместо того чтобы разоблачить проводившиеся в тиши военных и дипломатических кабинетов спешные приготовления к войне, чтобы указывать массам на пути и средства борьбы с войной, чтобы действительно мобилизовать массы на борьбу, — вожди большинства социалистических партий, выступавшие на международных конгрессах с пышными речами и угрозами по адресу господствующих классов, «у себя дома» всячески усыпляли встревоженные массы надеждами на мирный исход конфликта. Они уверяли массы в том, что их собственные правительства преисполнены стремлений к миру и прилагают все усилия для предотвращения военного столкновения.

В то же самое время наиболее реакционные вожди социалистических партий и профсоюзов, находившиеся в близких отно-

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 278.

шениях с буржуазными предпринимательскими организациями и правительствами, вошли с последними в тайные переговоры. В результате правительства оказались хорошо осведомленными о подлинных настроениях вождей и были твердо уверены в том, что в случае войны эти вожди поставят социалистические партии и профсоюзы на службу интересам империалистической войны и призовут массы встать на «защиту отечества». 31 июля 1914 г. германское военное министерство разослало командованию округов следующую телеграмму: «По достоверным сведениям социал-демократическая партия намерена занять такую позицию, которая подобает всякому немцу при данных обстоятельствах».

Французский министр внутренних дел разослал после тайных переговоров с рядом реакционных лидеров рабочего движения, в свою очередь, следующий телеграфный приказ: «Теперешнее поведение синдикалистов позволяет доверять тем из них, кто внесен в списки (речь идет о списках неблагонадежных, составленных тайной полицией. — И. Ю.). Ограничьтесь по отношению к ним тщательным секретным надзором». Правительства не ошиблись в том, какова будет линия поведения реакционных и оппортунистических лидеров большинства социалистических партий и профсоюзов в случае войны.

Массы были охвачены тревогой, — об этом говорят собрания и демонстрации рабочих накануне объявления войны. Антивоенные настроения вынужден был признать и Шейдеман, один из виднейших вождей германской с.-д. партии, в отношении германского пролетариата. Таково же было настроение масс и в других странах.

23 июля состоялась в Берлине внушительная демонстрация против войны. Такие же массовые демонстрации происходили и в других городах Германии (Лейпциг, Хемниц и пр.). 31 июля вновь имели место антивоенные демонстрации.

29 июля состоялись крупные демонстрации в Париже, Марселе и других городах Франции.

На состоявшихся 1—3 августа в крупнейших городах Англии массовых митингах точно так же выносились решительные протесты против войны.

Подъем рабочего движения в России, развернувшиеся в Петербурге (а затем в Москве и других городах) крупные боевые выступления рабочих в ответ на расстрел рабочих в Баку во время всеобщей забастовки, вылились в массовую стачку протеста и в демонстрации, переросшие в баррикадные бои. События эти совпали с приездом французского президента Пуанкаре в Петербург для свидания с Николаем II и обсуждения плана совместных действий в предстоявшей военной схватке с Германией.

На совместном заседании руководства Социалистической партии Италии и парламентской фракции была принята резолюция с требованием сохранения полного нейтралитета. На па-

цифистские позиции стала и Всеобщая конфедерация труда. На объединенном заседании руководства социалистической партии, Всеобщей конфедерации труда и синдикалистского союза Италии было принято решение, отстаивавшее необходимость сохранения нейтралитета всеми средствами и угрожавшее прибегнуть в крайнем случае к восстанию.

Вопреки стремлению масс к миру и протестам против войны вожди социал-демократических партий и профсоюзов продолжали свою тонкую и двойственную игру и, выступая с декларациями против войны, в то же время подготовляли шаг за шагом свою измену. Заседавший 14—16 июля конгресс социалистической партии Франции в принятой под напором масс резолюции угрожал всеобщей забастовкой в случае объявления войны.

29 июля состоялось последнее перед объявлением войны заседание Международного Социалистического Бюро в Брюсселе, которое вынесло решение усилить борьбу за мир. Вместе с тем было решено перенести намеченный ранее на 9 августа Международный социалистический конгресс в Вене на 23 августа в Париж для обсуждения единственного вопроса — об опасности войны.

Еще 28 июля 1914 г. генеральный совет французской социалистической партии в манифесте, подписанном Жоресом, Гэдом, Вальяном, Самба, Реноделем, Эрве и др., предупреждая рабочих о готовящейся грабительской войне, писал:

«Колониальные соревнования, интриги и насилия империализма, политика грабежа у одних, политика амбиции и поддержания престижа у других — все это вот уже 10 лет как создало во всей Европе перманентное напряжение, постоянную и возрастающую опасность войны».[1]

За 2 дня до начала войны, Густав Эрве в статье «Да здравствует царь» выступил с пламенным протестом против союза с царской Россией и империалистических замыслов буржуазии. 29 июля 1914 г. центральный орган французских синдикалистов заявил:

«Рабочие, если вы не трусы, если вы не хотите, чтобы через несколько часов вашу страну бросили в злейшую авантюру, какую только можно себе представить, протестуйте».[2]

В период 25—30 июля социалистическими партиями и профсоюзными организациями Германии, Франции, Англии и Италии были выпущены антивоенные листовки. Состоявшееся 29—30 июля заседание Международного Социалистического Бюро призвало к борьбе за мир и высказалось за урегулирование конфликта между Австрией и Сербией путем третейского разбирательства. Во время переговоров с французскими социали-

---

[1] «L'Humanité», 28 июля 1914 г.
[2] «Bataille Syndikaliste», 29/VII 1914.

стами 1 августа 1914 г. один из лидеров германской социал-демократии, Г. Мюллер, предложил отказаться от голосования за военные кредиты и заверил, что такой же линии при рассмотрении военных кредитов будет придерживаться и германская социал-демократия.

25 июля 1914 г., в день разрыва Австро-Венгрией дипломатических отношений с Сербией, правление австрийской социал-демократической партии опубликовало манифест, в котором говорилось, что социал-демократы не закрывают глаза на ту тяжелую несправедливость, которую проделали по отношению к Австрии сербские властители. 2 августа центральный орган «Arbeiterzeitung» уже совершенно открыто высказывался за войну.

Уже 2 августа Шейдеман высказался за необходимость в случае войны занять позицию «защиты отечества», мотивируя это тем, что война со стороны Германии была бы оборонительной справедливой войной. Конференция правлений социал-демократических профсоюзов высказалась за прекращение экономических выступлений и запретила выдачу стачечных пособий. 4 августа социал-демократическая фракция голосовала за военные кредиты.

«Мы не оставим отечества без помощи в час опасности», — говорилось в декларации парламентской фракции германской социал-демократии 4 августа.

Таким образом, «большинство социал-демократических партий, — писал Ленин в статье «Крах II Интернационала» в 1915 г., — и во главе их, в первую очередь, самая большая и самая влиятельная партия II Интернационала, германская, встали на сторону своего генерального штаба, своего правительства, своей буржуазии против пролетариата». [1]

Германская социал-демократия мотивировала свою позицию «защиты отечества» тем, что Германия подверглась нападению со стороны Франции, выступившей в союзе с русским самодержавием, что Германия ведет оборонительную войну, что она борется в защиту свободы и культуры.

Со своей стороны французские социалисты мотивировали свою позицию «защиты отечества» также необходимостью отстоять свободу и демократию против «германского варварства», прусского империализма и кайзера.

31 июля распоясавшаяся французская буржуазия убила руками националиста Виллена пламенного трибуна Жана Жореса за его горячие выступления против подготовлявшейся войны и ее зачинщиков.

Это не помешало, однако, французским социалистам вслед за этим без малейшей оговорки и протеста голосовать за военные кредиты. Не только социалисты, но и синдикалисты,

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 239.

всегда шумно выступавшие как сторонники «всеобщей стачки», «прямого действия» и как ярые антимилитаристы, оказались на деле не лучше австрийских и германских социал-патриотов и в свою очередь также подчеркивали оборонительный характер этой войны со стороны Франции, внушали массам, что Франция борется за свободу и демократию.

Густав Эрве, еще совсем недавно обвинявший германских социал-демократов в том, что они погрязли в болоте реформизма, клявшийся всеобщей стачкой, угрожавшей господствующим классам и милитаристам восстанием и социальной революцией, молниеносно свернул свое антимилитаристское знамя, перешел на сторону империалистической буржуазии и даже переименовал свой орган «La guerre sociale» («Гражданская война») в «La victoire» («Победа»).

Отто Браун, один из активных членов руководства германской социал-демократической партии, признал еще в 1914 г., что боязнь разгрома партии и ее аппарата (14 тыс. служащих) и опасение потерять огромные средства партии (20 млн. марок) заставили ее голосовать за военные кредиты.

Видный германский социал-демократ Франк одним из первых отправился на фронт добровольцем и после смерти был объявлен германской социал-демократической партией лучшим борцом за дело народа, почти «святым»; другой крупный руководящий деятель германской социал-демократической партии, Гейльман, открыто заявил: «Пусть эти бабы поют «Итернационал», а я ухожу к Гинденбургу».

На конференции австрийской социал-демократической партии в мае 1915 г. была принята резолюция, в которой указывалось, что завоевательные планы русского царизма вынудили, мол, народ к обороне и что поэтому постановка вопроса о мире тем самым отодвигается.

Гайндман, основатель и руководитель английской социал-демократической федерации, открыто перешел в лагерь социал-империализма. Независимая рабочая партия Англии во главе с Макдональдом заняла пацифистские позиции. Но в силу оппортунизма ее вождей она, несмотря на требования рядовых своих членов, не стала на путь разрыва с занимавшей шовинистические позиции Рабочей партией.

Став на позиции «защиты отечества», большинство руководителей социалистических партий и профсоюзов вступило в целом ряде стран в состав своих правительств (Гэд, Самба, Альберт Тома во Франции, Гендерсон в Англии, Вандервельде в Бельгии и пр. Лидеры II Интернационала не только не осуждали их участия в правительствах, но приветствовали этот шаг. Секретарь МСБ Гюйсманс отмечал в 1916 с удовлетворением наличие целого десятка социалистических министров.

Вандервельде, председатель Международного Социалистического Бюро II Интернационала, одним из первых вступил в

королевское министерство Бельгии. На этот же путь стал и Брантинг, один из лидеров социал-демократической партии Швеции и видный деятель II Интернационала, вступивший в 1915 г. в коалиционное министерство Швеции. Стаунинг, один из видных деятелей II Интернационала и руководителей социал-демократической партии Дании, в свою очередь, вступил в буржуазное министерство датского короля.

В США империалистической буржуазией был привлечен в Совет национальной обороны, в качестве руководителя ведомства труда, Гомперс, председатель Американской федерации труда, сотрудничавший с виднейшими представителями банков и промышленности.

Лидеры германских социал-демократических «свободных» профсоюзов, равно как и лидеры французских синдикатов, английских тред-юнионов, Американской федерации труда, стали точно так же на шовинистические позиции, приковав профсоюзы к колеснице империализма.

В Германии социал-демократические профсоюзы приняли участие в проведении различных мероприятий по «обороне», направляли рабочих на уборку урожая и не отказывались от предоставления профсоюзных фондов в распоряжение властей для оказания помощи безработным. Лидеры Генеральной комиссии социал-демократических союзов участвовали в «Народном союзе защиты свободы и отечества», сотрудничали с буржуазными организациями в деле организации «обороны».

Лидеры социал-демократов и профбюрократия не остановились в своем патриотическом рвении перед составлением списков революционных рабочих, которые посылались военными властями как «неблагонадежные» на передовые позиции.

Английские тред-юнионы занялись вербовкой добровольцев в армию и выступали, по сути дела, в роли агитпропов генеральных военных штабов.

Лидеры социалистической партии Франции образовали совместно с буржуазными организациями «Комитет национальной помощи» и не остановились перед манифестацией примирения с вдохновителями расправы с коммунарами в 1871 г. — графом Альбертом де-Мон и др. Жуо, секретарь Всеобщей конфедерации труда, резко изменил свои взгляды и из ярого антипатриота превратился в социал-патриота и прислужника империалистической буржуазии, сделав конфедерацию орудием ее политики.

Сотрудничество с буржуазией стало руководящим началом в политике социалистических партий и профсоюзов не только воюющих, но и нейтральных стран — Швеции, Дании, Голландии, Швейцарии.

На этот путь стали в Англии Рабочая партия и тред-юнионы.

Роль Рабочей партии в поддержке империалистической английской буржуазии и целей войны признал в своих мемуа-

рах и Ллойд-Джордж, который писал по этому поводу, что если бы лейбористы были настроены по отношению к войне враждебно, то война не могла бы быть эффективной. Если бы лейбористы, — писал он, — были настроены по отношению к ней прохладно, то пришлось бы добиваться победы в условиях все повышающихся трудностей. Наиболее известные и влиятельные лидеры профдвижения работали во время войны на победу, и без их помощи не удалось бы добиться успеха.

«К счастью для нас, — говорит Ллойд-Джордж, — нависшая над Англией национальная угроза вызвала быстрое и искреннее примирение между воюющими группами». [1]

В России меньшевики (оборонцы) и эсеры, в свою очередь, выступили в пользу «войны до победного конца», против «прусского варварства» и призывали отложить в сторону классовую борьбу на время войны.

Ярко шовинистические, оборонческие позиции занял Плеханов. Свои взгляды он изложил вскоре после выступления на собрании в Народном доме в Лозанне (Швейцария) в брошюре «О войне». В своем письме к социал-демократу меньшевику Бурьянову, депутату IV Государственной думы, Плеханов писал, что было бы крайне печально, если бы социал-демократы помешали делу «самообороны русского народа», что голосование против кредитов было бы изменой по отношению к народу, а воздержание от голосования — трусостью. Его симпатии были всецело на стороне тройственного согласия. Он оправдывал вхождение Гэда и Самба в министерство Вивиани под тем предлогом, что резолюция Амстердамского социалистического конгресса от 14—20 августа 1904 г. допускала участие социалистов в буржуазных правительствах при чрезвычайных обстоятельствах.

В Италии не только социал-реформистская группа Биссолати, исключенная в 1912 г. по предложению Муссолини (имевшего тогда репутацию крайне «левого»), высказывалась в пользу участия Италии в войне на стороне Антанты. В этом же духе выступил подписавший еще 22 сентября 1914 г. антивоенное воззвание Муссолини, в то время редактор центрального органа социалистической партии «Avanti». После исключения из партии Муссолини повел бешеную кампанию за вмешательство Италии в войну на стороне Антанты и стал редактором националистической буржуазной газеты.

В начале войны итальянская социалистическая партия заняла антивоенные позиции. Депутаты-социалисты выступали в парламенте за сохранение Италией нейтралитета в войне. Но партия не вела последовательной борьбы против войны, не очистила окончательно свои ряды от социал-патриотов, ограничившись платоническими протестами против арестов социали-

[1] Ллойд-Джордж. Военные мемуары, т. IV, стр. 136.

стических деятелей. В мае 1915 г. ЦК Итальянской социалистической партии выдвинул оппортунистический лозунг «не помогать войне, но и не саботировать ее».

Правоцентристы с Туратти во главе выступали более или менее откровенно в пользу «защиты отечества». В своем выступлении в парламенте (17 декабря 1916 г.) Туратти докатился даже до признания необходимости «исправления итальянских границ», причем большинство ЦК социалистической партии не отмежевалось от Туратти.

В США такие видные деятели Социалистической партии, как Спарго, Рэссель и др., открыто выступали в пользу интересов американского империализма. Лидеры социалистической партии Хилквит, Бергер и др. заняли позицию, явившуюся сочетанием вульгарного пацифизма и социал-империализма.

Руководители социалистических партий и профсоюзов не только участвовали в организации снабжения армии и вербовке добровольцев (Англия, США), но превратились в прямую агентуру правительств и агитпропов генеральных штабов.

По их заданию в Россию были в разное время командированы, с целью добиться продолжения войны и поддержки оборонческого направления, шведский социал-демократ Брантинг, Вандервельде (председатель II Интернационала), О'Греди, Сандерс, Вильям Торн, Гендерсон и др.

С другой стороны, не менее энергичными агентами германо-австрийской коалиции оказались социал-демократы стран центральной коалиции. По ее заданию Зюдекум был командирован в Италию, Парвус — в Болгарию и т. д.

Председатель II Интернационала Вандервельде, ставший с началом войны министром бельгийского короля, послал через посредство царского посла в Бельгии Кудашева письмо социал-демократической фракции Государственной думы с призывом бороться против «прусского юнкерства».

Гомперс, реакционный лидер Американской федерации труда, в свою очередь, также обратился в 1917 г. к рабочим России с письмом, в котором призывал продолжать борьбу до полной и окончательной победы.

В мае 1917 г. был командирован в Россию вице-президент Американской федерации труда Джеймс Дункан. Делегации АФТ ездили также в Англию и Францию, а летом 1918 г. сам Гомперс побывал в Англии, Франции и Италии.

В статье «Положение и задачи Социалистического Интернационала» от 1 ноября 1914 г. Ленин подчеркивал, что «II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом». [1]

И действительно, II Интернационал перестал существовать как международная организация, партии II Интернационала

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 71.

стали на сторону той или иной воюющей стороны и отдали все силы на службу «своей» империалистической буржуазии. Оппортунистические вожди социалистических партий внушали массам, в угоду империалистической буржуазии, что война носит оборонительный и освободительный характер, что это — «последняя» война и пр. Занятая ими в годы мировой войны позиция «защиты отечества», войны «до победного конца», энергичной поддержки империалистической буржуазии явилась лишь завершением их полного оппортунистического перерождения.

«Война видоизменила десятилетиями выращенный оппортунизм, — писал Ленин в статье «Крах II Интернационала», — подняла его на высшую ступень, увеличила число и разнообразие его оттенков, умножила ряды его сторонников, обогатила их доводы кучей новых софизмов, слила, так сказать, с основным потоком оппортунизма много новых ручейков и струй, но основной поток не исчез. Напротив.

Социал-шовинизм есть оппортунизм, созревший до такой степени, что существование этого буржуазного нарыва по-прежнему внутри социалистических партий стало невозможным».[1]

Крах II Интернационала — не случайное явление и подготовлялся всей предшествующей оппортунистической политикой и практикой II Интернационала.

Этот крах отнюдь не был неожиданным. Ленин неоднократно указывал на растущее оппортунистическое перерождение и предвидел неизбежное банкротство его.

«Ленин не раз предупреждал об оппортунизме II Интернационала и неустойчивости его вождей. Он все время твердил, что вожди II Интернационала только на словах стоят против войны, что в случае, если война наступит, они могут изменить свою позицию и перебежать на сторону империалистической буржуазии, могут стать сторонниками войны. Первые же дни войны подтвердили предвидение Ленина».[2]

Впоследствии руководители социалистических партий (Каутский и др.) пытались оправдать свою измену ссылками на то, что рабочий класс был настроен-де в пользу национального единения и «защиты отечества». Между тем никто из них никогда и нигде даже не пытался запросить мнение масс, поставить этот вопрос на обсуждение и голосование масс. Заклеймив эту попытку переложить тяжесть своей вины на массы, Ленин писал: «Лгут те, кто говорят (Каутский в том числе), что «массы» пролетариев повернули к шовинизму: массы не были опрошены нигде (за исключением, может быть, Италии — 9 мес. споров до объявления войны! — и в Италии массы были против партии Биссолати). Массы были оглушены, забиты, разъединены, задавлены военным положе-

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 268—269.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 157—158.

нием. Свободно голосовали только вожди — голосовали за буржуазию против пролетариата!»[1]

В ответ на ссылки лидеров II Интернационала на то, что массы были, мол, охвачены военным угаром, Ленин в Манифесте ЦК РСДРП еще в октябре 1914 г. писал: «Если даже допустить, что недостаток сил у германской социал-демократии был так велик, что мог заставить отказаться от каких бы то ни было революционных действий, — то и в этом случае нельзя было присоединяться к шовинистическому лагерю, нельзя было делать шагов, по поводу которых итальянские социалисты справедливо заявляли, что вожди германских социал-демократов бесчестят знамя пролетарского Интернационала».[2]

В равной степени это должно быть отнесено и к социалистам других воюющих стран.

К числу революционных отрядов международного пролетариата, оставшихся на позициях интернационализма, — правда, не всегда последовательных и проявивших колебания в целом ряде принципиальных вопросов, — следует отнести германских левых, сербских социал-демократов, болгарских «тесняков» и др. Только партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным заняла с самого начала первой мировой империалистической войны до конца последовательные революционные позиции пролетарского интернационализма.

ТРИ ТЕЧЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

В годы первой империалистической войны в международном рабочем движении отчетливо выявились три течения.

Первое течение — «социал-шовинисты, т. е. социалисты на словах, шовинисты на деле, — это люди, — писал Ленин, — признающие «защиту отечества» в империалистической (и, прежде всего, в данной империалистической) войне».[3]

Указывая на грабительские цели войны противников, они признавали войну их буржуазных правительств оборонительной и справедливой, обвиняли социалистов воюющих с их страной государств в измене делу социализма, возлагали на них ответственность за соучастие в ведении несправедливой и захватнической войны.

В рядах социал-шовинистов и социал-империалистов были Шейдеман, Эберт, Носке, Давид, Кунов, Ленч, Кольб, Винниг, Легин, Зюдекум и др. (Германия), Ренодель, Гэд, Самба, Альберт Тома, Жуо и др. (Франция), Биссолати (Италия), Гайдман, фабианцы и лейбористы (Англия), Брантинг (Швеция),

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 343.
[2] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 63—64.
[3] Ленин. Соч., т. XX, стр. 125.

Трульстра (Голландия), Виктор Бергер (США), Стаунинг (Дания), Вандервельде (Бельгия), Плеханов (Россия) и др.

Социал-шовинизм явился развитием и продолжением оппортунизма довоенного времени в новой обстановке, в условиях мировой империалистической войны.

В статье «О брошюре Юниуса» (август 1916 г.) Ленин говорит: «Нельзя объяснить измену, не поставив ее в связь с оппортунизмом, как направлением, имеющим свою историю в течение всего II Интернационала».

Анализируя сущность социал-шовинизма, Ленин показывает в своей работе «Оппортунизм и крах II Интернационала», что оппортунисты окончательно перешли в лагерь буржуазии, превратившись в социал-шовинистов, что этим они идейно и политически порвали с социал-демократией. Это совпадение социал-шовинизма с оппортунизмом, продолжением и развитием которого он явился в обстановке первой мировой империалистической войны, Ленин исчерпывающе показал в своей работе «Крах II Интернационала».

Но в новой обстановке, в условиях первой мировой империалистической войны эта опасность оппортунизма, переросшего в социал-шовинизм, становится еще более значительной и серьезной для международного рабочего движения. Еще в те годы, когда Плеханов стоял в общем на марксистских позициях, он как-то метко обронил, что либо Бернштейн похоронит социал-демократию, либо социал-демократия его похоронит. Случилось так, что оппортунизм, переросший в социал-шовинизм, действительно привел с самого начала первой мировой империалистической войны не только германскую, но и международную социал-демократию к полному банкротству и краху. В лагере социал-шовинизма оказался и сам Плеханов.

Банкротство социал-демократизма сказалось с особой наглядностью в позиции, занятой оппортунистическим руководством большинства партий II Интернационала по вопросу о «защите отечества» и по вопросу о пролетарской революции и диктатуре пролетариата.

Социал-шовинисты высказывались безоговорочно в пользу защиты своего отечества и стали на службу своей империалистической буржуазии. Свою позицию в войне они обосновали тем, что империализм — необходимая, неизбежная ступень в развитии капитализма, что он является этапом на пути социализма, что борьба с империализмом бесцельна.

Поскольку интересы германского империализма были обойдены больше, чем интересы империализма других передовых капиталистических стран, — так как лучшие колонии оказались захваченными другими империалистическими государствами, и в первую очередь Англией, — война за передел мира являлась для Германии, по мнению германских социал-шовинистов, справедливой и с точки зрения интересов социализма нужной.

Таким образом, социал-империалисты совершенно открыто поддерживали империалистические цели и задачи германской буржуазии. Такую же открыто социал-империалистическую позицию в вопросе войны занял и Карл Реннер, один из вождей австрийской социал-демократии.

Социал-империалисты — одни менее, другие более открыто — защищали империалистическую, захватническую политику «своей» буржуазии. Они настойчиво выступали против права наций на самоопределение. Видный германский социал-империалист Кунов указывал, что великие культурные нации при известных условиях имеют право на принудительное включение или поглощение малых, дробных наций.

Линию защиты аннексий отстаивали также руководящие органы социал-демократии. Так, в тезисах Давида, принятых социал-демократической фракцией германского рейхстага и руководством социал-демократической партии 15 августа 1915 г., было отмечено, что, высказываясь против военных целей союзников, направленных на ослабление Австро-Венгрии и Турции, социал-демократия исходит из интересов Германии на юго-востоке.

Социал-демократия Германии требовала автономии для русской Польши, но замалчивала вопрос об автономии для германской и австрийской Польши. Это требование социал-демократов определялось интересами германских империалистов, рассчитывавших на то, что из оккупированных областей русской части Польши будет создано Германией и Австро-Венгрией вассальное государство, и, таким образом, Германии и Австро-Венгрии удастся использовать в качестве пушечного мяса и дешевой рабочей силы человеческие резервы этих оккупированных областей, удастся использовать промышленность и сельскохозяйственные ресурсы для собственных военных целей.

Французские социал-шовинисты выдвинули в свою очередь аннексионистские требования. Съезд французской социалистической партии от 9 декабря 1915 г. в своем решении заявил, что после удовлетворения ее требований Франция сумеет показать себя «предупредительной и справедливой».

В числе ярых социал-шовинистов был и Гэд. В 1900 г. на конгрессе французских социалистов в Париже Гэд, высказываясь против участия в буржуазных правительствах, заявил: «Представляете ли вы себе в капиталистическом правительстве каждой европейской страны социалиста, возглавляющего подобную бойню с целью грабежа... Что осталось бы в таком случае, спрашиваю я вас, товарищи, от международной солидарности рабочих. В тот день, когда происшедшее с Мильераном станет общим явлением, нам придется распроститься с каким бы то ни было интернационализмом и стать националистами, на что ни вы, ни я никогда не согласимся».[1] В 1914 г.

[1] Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 499.

Гэд занял пост министра без портфеля в буржуазном правительстве.

Экономической основой социал-шовинизма явилось стремление рабочей аристократии и рабочей бюрократии «отстоять и упрочить свое привилегированное положение «высшего слоя» мещан или аристократии и (бюрократии) рабочего класса...» [1]

Говоря о классовой природе социал-шовинистов, Ленин подчеркивал, что это — классовые противники, что «они представляют слой, группы, прослойки рабочих, объективно подкупленных буржуазией (лучшая плата, почетные места и т. д.) и помогающие своей буржуазии грабить и душить мелкие и слабые народы, бороться из-за дележа капиталистической добычи». [2]

Позиции социал-шовинистов в отношении проблемы войны и пролетарской революции нашли яркое отражение в выступлениях германского социал-демократа Кунова, который высказался против иллюзий, будто бы капитализм уже изжил себя.

Эту же мысль высказывал и занимавший самые крайние позиции в лагере социал-империалистов германский социал-демократ Кольб, оправдывавший захватнические устремления германских империалистов тем, что нельзя, мол, при наличии отсталых стран — России, Африки, Азии и Южной Америки — и мечтать о социализме. Став на службу империалистической буржуазии, социал-шовинисты решительно отвергали малейшую мысль о борьбе за революционный выход из кризиса и превращении империалистической войны в войну гражданскую. Э. Давид в своей книге «Deutsche Sozialdemokratie und der Weltkrieg» («Германская социал-демократия и мировая война») прямо указывал, что «было бы безумием захотеть превратить мировую войну в гражданскую». [3] Кольб открыто высказался за то, чтобы социал-демократия стала партией реформ, голосовала за бюджеты, принципиально признавала монархию, вступила на путь сотрудничества с либералами, отказалась от своей традиционной позиции в вопросах милитаризма и империализма. С исключительным цинизмом и резкостью выступил Кольб против идеи диктатуры пролетариата, указав, что он не верит в диктатуру пролетариата и вовсе ее не желает.

Свои позиции в отношении пролетарской революции и диктатуры пролетариата социал-шовинисты пытались обосновать теоретически отсутствием объективных предпосылок для победы социализма.

«Экономическое развитие, — писал Кольб, — далеко еще не так прогрессивно, чтобы посредством революционного экспери-

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 268.

[2] Ленин. Соч., т. XX, стр. 126.

[3] E. David. Deutshe Sozialdemokratie und der Weltkrieg, S. 172, Berlin, 1915.

мента диктатуры пролетариата было бы возможно превратить капиталистическое общество в социалистическое...» [1]

Резко враждебные и циничные выступления Кольба, Кунова и других против пролетарской революции и диктатуры пролетариата было, по существу, продолжением бернштейнианской ревизии марксизма, дальнейшим развитием позиции Фольмара в довоенные годы и явились логическим следствием позиции Носке и полного оппортунистического перерождения II Интернационала.

В вопросе о II Интернационале наиболее откровенные социал-шовинисты — Кольб, Гейне и другие — открыто признавали его крах, усматривали причины этого краха в чрезмерных «революционных иллюзиях» и ориентировались на восстановление такого Интернационала, который бы занял еще более крайние оппортунистические позиции.

Второе течение — центристы, «колеблющиеся между социал-шовинистами и интернационалистами на деле. «Центр» весь клянется и божится, что они — марксисты, интернационалисты, — писал Ленин, — что они за мир, за всяческие «давления» на правительства, за всяческие «требования» к своему правительству о «выявлении им воли народа к миру», за всевозможные кампании в пользу мира, за мир без аннексий и т. д. и т. д. — и за мир с социал-шовинистами. «Центр»—за «единство», центр—противник раскола. «Центр»— царство добренькой мелкобуржуазной фразы, интернационализма на словах, трусливого оппортунизма и угодничества перед социал-шовинистами на деле». [2]

Центризм, нашедший свое наиболее яркое и законченное выражение в каутскианстве, явился в годы первой мировой империалистической войны продолжением и дальнейшим развитием центризма довоенного периода. Но в новой обстановке, в условиях первой мировой империалистической войны роль его была более опасной и вредной, чем в довоенный период II Интернационала. «Не так страшен и вреден, — писал Ленин,— открытый оппортунизм, отталкивающий от себя сразу рабочую массу, как эта теория золотой середины, оправдывающая марксистскими словечками оппортунистическую практику, доказывающая рядом софизмов несвоевременность революционных действий и проч.» [3]

Центризм служил, по существу, прикрытием оппортунизма — социал-шовинизма и социал-империализма, — и поэтому он представлял собой еще большую опасность в международном рабочем движении.

Центризм не был однородным течением, в нем были многие оттенки, различные группировки. К нему примыкали течения,

---

[1] W. Kolb. Die Soz.-Dem. am Scheideweg,e S. 18, Karlsruhe.

[2] Ленин. Соч., т. XX, стр. 125.

[3] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 279.

колебавшиеся и приближавшиеся все больше к интернациональному крылу, и течения, которые едва заметная грань отделяла от социал-шовинизма. Идеологом центризма был Каутский. Отсюда центризм известен также под названием каутскианства. В рядах центристов были Гаазе, Ледебур, Гофман (Германия), Лонге, Прессман (Франция), Макдональд, Сноуден (Англия), Виктор Адлер (Австрия), Туратти, Тревес, Модилиани (Италия), Роберт Гримм (Швейцария), Мартов, Аксельрод, Чернов (с.-р.), Троцкий (Россия).

Ленин считал центризм в лице каутскианства главной опасностью в международном рабочем движении. Вот почему Ленин направлял огонь своей безжалостной и бичующей критики главным образом против Каутского и каутскианства. Ленин усиленно подчеркивал, что Каутский — всех лицемернее, отвратительнее и всех вреднее, и призывал к непримиримой борьбе с каутскианством.

В 1907 г. Каутский в своем выступлении на Эссенском партейтаге еще предостерегал от деления войн на оборонительные и наступательные, указывая, что в случае возникновения войны германское правительство попытается одурачить германских рабочих ссылками на то, что на Германию будто бы напали и что французское правительство не преминет сделать то же самое во Франции. Когда империалистическая война стала фактом, Каутский упорно пытался доказать, что чувство интернационализма отнюдь не противоречит чувству национального долга и принципам защиты отечества.

На словах центристы осуждали войну, разрабатывали всевозможные программы скорейшего заключения мира, высказывались против аннексий и контрибуций. Они, так же как и социал-шовинисты, исходили из принципа «защиты отечества». Провозглашая на открытом заседании рейхстага 4 августа 1914 г. лозунг защиты отечества, Гаазе, выступавший от имени с.-д. фракции, указал на «полное созвучие с Интернационалом, который всегда признавал право каждого народа на национальную самостоятельность и самооборону и осуждал всякую завоевательную войну». [1] Высказываясь за гражданский мир, центристы на деле отказывались на время войны от классовой борьбы.

Говоря о своих расхождениях с социал-шовинистами по вопросу о «защите отечества», Каутский пытался сослаться на то, что эти расхождения заключаются не в том, что социал-шовинисты признают принцип защиты отечества, а центристы его отрицают, а в том, что центристы ставят свою позицию защиты отечества в зависимость от своей оценки политики правительства. Эти туманные и двусмысленные заявления и попытки словесного размежевания сопровождались заверениями Каутского, что эта позиция отнюдь не означает желания оста-

---

[1] «Vorwärts» от 5 августа 1914 г.

вить свою страну на произвол судьбы, что интернационализм отнюдь не исключает чувства патриотизма, что признание принципов интернациональной солидарности не исключает права защиты независимости своей нации и т. д. Но в то время как социал-шовинисты безоговорочно поддерживали империалистические планы «своей» буржуазии, призывали к борьбе «до победного конца», отвергали в первый период какие бы то ни было разговоры о мире, Каутский и центристы признавали на словах империалистический характер войны и по мере того, как уверенность в благоприятном для Германии исходе войны стала исчезать, все громче провозглашали лозунги «демократического» и «справедливого» мира.

В первые месяцы войны и до середины 1915 г. центристы даже на словах мало чем отличались от социал-шовинистов.

Каутский и его сторонники утверждали, что социалисты в праве и обязаны защищать свое отечество, что истинный интернационализм состоит в признании этого права за социалистами всех наций. Пресса центристов в не меньшей степени, чем социал-шовинистская, увлекалась победами германского оружия и радовалась по этому поводу. И только позднее, когда стало явственно обнаруживаться безвыходное положение германского империализма, в центристской печати появились робкие оппозиционные, вернее, пацифистские нотки.

В Кратком курсе Истории ВКП(б) подлинная сущность центристской позиции по вопросу об отношении к мировой империалистической войне характеризуется следующим образом:

«Центристы — Каутский, Троцкий, Мартов и другие оправдывали и защищали открытых социал-шовинистов, стало быть, изменяли пролетариату вместе с социал-шовинистами, прикрывая свою измену «левыми» фразами о борьбе с войной, рассчитанными на обман рабочего класса. На деле центристы поддерживали войну, ибо предложение центристов не голосовать против кредитов на войну и ограничиться воздержанием при голосовании кредитов на войну, — означало поддержку войны. Они так же, как и социал-шовинисты, требовали отказа от классовой борьбы во время войны, чтобы не мешать своему империалистическому правительству вести войну. Центрист Троцкий по всем важнейшим вопросам войны и социализма стоял против Ленина, против большевистской партии». [1]

В 1909 г. в брошюре «Путь к власти» Каутский писал, что мировая война надвигается, что эта война означает революцию и пролетариат настолько окреп, что он с большим спокойствием может ожидать надвигающейся войны и что «о преждевременности революции не может быть больше речи». [2]

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 159.

[2] Каутский. Путь к власти, стр. 73. Изд. «Волна», 1918.

Когда мировая империалистическая война стала фактом, Каутский выдвинул в законченном виде свою теорию ультраимпериализма, создав этим, по определению Ленина, «теоретические «отговорки» против революционной тактики».[1]

Эта теория Каутского устанавливала, что империалистические войны отнюдь не вытекают из сущности капитализма, что империалистическая политика будет вытеснена новой ультраимпериалистической политикой, что в результате ее борьба национальных финансовых капиталов между собой уступит место общей эксплоатации мира интернационально объединенным финансовым капиталом. Теория Каутского об ультраимпериализме смазывала наличие внутренних противоречий империализма, неизбежно влекущих за собой империалистические войны за новый передел мира, ставила вопрос о возможности дальнейшего развития капитализма, о какой-то новой его стадии. Отсюда теория ультраимпериализма не только не мобилизовала рабочий класс на борьбу с опасностью войны, но разоружала его, сеяла иллюзии о возможности уничтожения войн без уничтожения капитализма. Теория Каутского об ультраимпериализме была подхвачена Троцким, который также высказывался за союз капиталистических государств Европы для мирного и полюбовного разрешения всех экономических и политических конфликтов и споров. Только под влиянием обрушившихся на массы бедствий войны, нищеты, дороговизны и растущего недовольства в рядах членов социал-демократической партии политикой оппортунистических вождей центристы перешли в оппозицию к официальному руководству социал-демократической партии и к Генеральной комиссии свободных профсоюзов.

20 июня 1915 г. Каутский, Бернштейн и Гаазе выпустили манифест «Против аннексий», в котором выдвинули лозунг мира и призывали к сохранению единства с социал-шовинистами. Своей мнимой оппозицией, своими миротворческими выступлениями они вводили в заблуждение массы, удерживали их под руководством социал-шовинистских лидеров социалистических партий.

Антивоенные настроения масс подсказывали центристам необходимость отмежеваться от чересчур откровенной поддержки захватнической, грабительской политики германского правительства, подчеркивать свою независимость от правительства и свои пацифистские позиции.

Пацифистская программа центристов имела целью отвлечь массы от революционных боевых выступлений, убаюкать их надеждами на скорый и «справедливый» мир и диктовалась растущей неуверенностью в скорой победе над противниками.

Центристы приветствовали даже выступление папы Бене-

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 347.

дикта XV, который предложил ограничение вооружения только до размеров, необходимых для поддержания порядка в каждом государстве.

Пацифистская позиция Каутского должна была облегчить социал-демократии соглашение с социалистами воюющих с Германией стран и дать возможность совместными усилиями произвести давление на правительства по вопросу об окончании войны.

Каутскианцы выступали с пацифистской платформой не только в Германии и Австрии, но и во Франции, Англии, Соединенных Штатах Америки. Идеологом центризма в России выступал скатившийся впоследствии к открытому предательству Троцкий, который выдвинул лозунг «ни побед, ни поражений», упорно отстаивал выдвигавшиеся Каутским лозунги «Соединенных Штатов Европы», разоружения, «третейских судов» и т. п.

Каутскианцы на деле поддерживали аннексионистские планы империализма. Характерно, что Каутский поддерживал захватнические планы германского империализма в отношении прибалтийских территорий. «Некоторые немецкие товарищи, — писал Каутский, — говорят о присоединении русско-балтийских провинций к Германской империи, они также требовали их присоединения не по праву завоевания; они исходили из того мнения, что эти провинции населены немецкими элементами, которые страстно жаждут присоединиться к Германии и без дальнейшего привели бы это в исполнение, будь они свободны».[1] Позиция Каутского и каутскианцев-центристов в вопросе о праве наций на самоопределение была политикой лицемерия и приспособления к социал-шовинистам.

Определяя позиции Каутского в этом вопросе, Ленин писал: «На словах он за самоопределение наций, на словах он за то, чтобы с.-д. партия «die Selbstsändigkeit der Nationen allseitig (!!) und rückhaltlos (??) achtet und fordert». А на деле он приспособляет национальную программу к господствующему социал-шовинизму, искажает и урезывает ее, не определяет точно обязанностей социалистов угнетающих наций и даже прямо фальсифицирует демократический принцип, говоря, что требовать «государственной самостоятельности» (Staatliche Selbstsändigkeit) для каждой нации значило бы «требовать чрезмерного».[2]

В апреле 1916 г. германские центристы воздержались в парламенте от голосования за военные кредиты и образовали собственную парламентскую группу — так называемое «Трудовое содружество» во главе с Ледебуром и Гаазе. Шаг этот был продиктован ростом недовольства масс войной, революционным брожением, стачками и политическими демонст-

---

[1] Каутский, Война и Интернационал, стр. 39. Изд. «Наша мысль».
[2] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 326.

рациями в России, стачками в Италии и Англии, голодными и политическими демонстрациями в Германии.

Шаг центристов был продиктован в значительной мере активизацией левых. В своем воззвании «Уроки 24 марта» от апреля 1916 г. левые писали: «Смиренные овцы не превращаются за 24 часа во львов. Депутаты, которые в течение почти двух лет не сумели провести принципиальную разграничительную линию между собой и предательским фракционным большинством, одним фактом отделения от этого большинства еще не становятся революционными борцами. «Социал-демократическое рабочее объединение» считает теперь нужным еще больше извиниться за свое существование перед правыми, вместо того, чтобы открыто обвинить их в измене партии. Вместо того, чтобы высоко поднять знамя восстания против диктатуры предательского партийного руководства, эта новая фракция стремится, как видно, доказать всему миру, что она не хочет замутить воды в партии».[1]

Центристы противились разрыву с социал-шовинистами и всячески отстаивали необходимость сохранения единства. Такова была позиция центристов в Германии, Австрии, Франции, Англии, США. Такой же позиции придерживались и русские центристы — Мартов, Аксельрод (меньшевики), Чернов (с.-р.) и Троцкий. Троцкий поддерживал меньшевистскую фракцию Государственной думы, сохранявшей все время теснейшие связи с оборонцами — социал-патриотами. То обстоятельство, что выросшее в массах недовольство было причиной перехода центристов к критике официального руководства социал-демократической партией, подтверждается также тем, что по этому поводу писал сам Каутский. Центризм должен был стать и стал в действительности барьером, удерживавшим массы от ухода из рядов социал-демократии. Стремясь предотвратить раскол в партии и предупредить кайзеровских социалистов, что оппозиция против большинства растет, Вурм на заседании социал-демократической фракции рейхстага еще 8 марта 1915 г. уговаривал фракцию не натягивать вожжей, так как в рабочих массах зреет оппозиция против ее тактики. Каутский в ноябре 1915 г. писал: «После войны классовые противоречия так обострятся, что в массах перевес окажется на стороне радикализма...

Нам угрожает после войны бегство радикальных элементов из партии и их причаливание к направлению противопарламентских массовых действий».[2]

Центристы в Германии организационно порвали с социал-шовинистами лишь тогда, когда те начали захватывать с помощью военных властей в свои руки прессу, которая находилась в руках центристов, захватили «Vorwärts» и в ряде мест

---

1 «Спартак» во время войны, стр. 125. Партиздат, 1933.
2 «Neue Zeit», № 9, стр. 272, 1916.

начали исключать из партии идущие за центристами местные организации. Когда угроза ухода масс из-под их влияния встала во весь рост, тогда центристы решили объединить эти элементы и организовать исключенных, с тем чтобы удержать их от перехода в ряды левых, в «Союз Спартака». Центристы оказались, таким образом, вынужденными пойти на образование независимой социал-демократической партии Германии (8 апреля 1917 г.). Еще только за неделю до этого разрыва с социал-шовинистами Каутский заверял, что оппозиция не имеет никаких оснований произвести раскол до очередного партейтага. Только под давлением роста революционного движения и полевения масс, только под влиянием русской февральской революции и в связи с действиями официального руководства социал-демократической партии по отношению даже к центристам, последние вынуждены были ускорить создание самостоятельной организации.

Каутский и центристы не видели и не признавали краха II Интернационала. Через несколько месяцев после объявления войны Каутский в связи с этим писал, что «слишком поспешно уже сейчас объявлять Интернационал мертвым». [1]

Каутский провозгласил, что «Интернационал не является действующим орудием во время войны», [2] что «Интернационал по существу является орудием мирного времени». [3] Исходя из того, что Интернационал мог бы даже, в случае необходимости, помочь в деле ускорения заключения мира путем своего посредничества между империалистическими группами и воздействовать на правительства через социалистов, — Каутский и центристы в Германии, Австрии, Англии, США стали высказываться в пользу восстановления международных социалистических связей и созыва Международного социалистического бюро II Интернационала. Восстановление II Интернационала могло и должно было, по мнению центристов, произойти на путях взаимной амнистии. За восстановление II Интернационала путем взаимной амнистии и против создания нового революционного Интернационала выступали центристы во всех странах. Этой же позиции придерживался и Троцкий.

Практическим выражением этих тенденций была поездка Каутского и Бернштейна в Швейцарию для переговоров с Ренoделем и Жуо по вопросам, связанным с восстановлением международных социалистических связей.

Третье течение в международном рабочем движении времени войны — интернационалисты на деле. «Главный отличительный признак: полный разрыв и с социал-шовинизмом, — писал Ленин, — и с «центром». Беззаветная революционная борьба против своего империалистического

---

[1] «Neue Zeit» № 8, стр. 239, 27/XI 1914.
[2] Там же, стр. 244—249.
[3] Там же, стр. 244—249.

правительства и своей империалистической буржуазии. Принцип: «главный враг в собственной стране...»[1] В Германии это течение представляла главным образом левая группа «Интернационал», во главе с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом.

Когда вспыхнула война, левые на первых порах придерживались неправильного понимания принципов единства партии. 4 августа Карл Либкнехт, возражавший на заседании социал-демократии парламентской фракции против голосования за военные кредиты, подчиняясь партийной дисциплине, голосовал в рейхстаге за военные кредиты.

Но вечером 4 августа в Берлине собралась группа левых социал-демократов — Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг, Ю. Мархлевский (Карский), Вильгельм Пик и др. — для обсуждения позиции интернационалистов в вопросе о войне и об отношении к официальному руководству социал-демократической партии.

В августе 1914 г. Карл Либкнехт потребовал от руководства социал-демократической партии приступить к организации митингов против войны и обратиться от имени парламентской фракции с манифестом по вопросу о борьбе за мир. Когда это предложение было отвергнуто, Либкнехт выехал в Бельгию и Голландию для встречи с левыми социалистами и информации о положении дел в германской социал-демократической партии.

В письме, направленном 10 сентября 1914 г. Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург и Кларой Цеткин в социалистическую прессу нейтральных стран, говорилось: «Мы и наверняка многие другие немецкие социал-демократы рассматривали войну, ее причину, ее характер, как и роль социал-демократии в настоящем положении, с другой точки зрения, которая не соответствует точке зрения Зюдекума и Фишера».[2] Будучи привлечен партийным руководством к ответственности, Карл Либкнехт ответил 2 октября 1914 г. письмом, напечатанным на правах рукописи в брошюре «Klassenkampf gegen den Krieg» («Классовая борьба против войны») в 1915 г., в котором он выступил с энергичным протестом против социал-шовинистской позиции руководства германской социал-демократической партии.

В декабре 1914 г. Либкнехт на заседании парламента голосовал против военных кредитов.

Левые в Германии представляли собой слабые, малочисленные, разрозненные группы, не имевшие общей программы. Они проводили энергичную критику социал-шовинизма и центризма и пропаганду идей интернационализма. Левые являлись единственными интернационалистскими элементами в германской социал-демократии. Однако их идеологическая и организацион-

[1] Ленин. Соч., т. XX, стр. 127.

[2] K. Liebknecht. Klassenkampf gegen den Krieg, S. 18. A. Hoftmaus Verlag, Berlin.

ная слабость тормозила развертывание ими последовательных активных действий.

На ряду с группой «Интернационал» существовала также группа леворадикалов «Интернациональные социалисты Германии».

Левые в Германии, возглавлявшиеся Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, имеют бесспорно большие заслуги в борьбе с империалистической буржуазией Германии, с ее пособниками и агентами в рабочем движении — социал-шовинистами. Это Роза Люксембург бросила германской социал-демократии гневное обвинение в гнусной измене делу международного социализма и заклеймила ее, назвав «смердящим трупом». Суровой критике подвергали левые беспринципность и прислужничество центристов.

Левые сумели сочетать революционные пламенные выступления Карла Либкнехта с парламентской трибуны с призывами к солдатам встать на путь революционной борьбы, с нелегальной работой в массах, с мобилизацией масс на борьбу против империалистической войны. В выпущенной им по поводу вступления Италии в войну листовке Либкнехт бросил боевой, полный глубокой правды и силы лозунг: «Главный враг всякого народа — в его собственной стране!»

1 мая 1916 г., под руководством Либкнехта, в Берлине на Потсдамской площади состоялась революционная демонстрация Она дала заметный толчок массовому рабочему движению и встретила живой отклик среди рабочих других стран.

Арест Либкнехта и его мужественное поведение на суде произвели сильное революционное воздействие на массы. 26 июня 1916 г. в ряде городов Германии имели место демонстрации рабочих под лозунгами: «Да здравствует Либкнехт!» 28 июня в Берлине вспыхнула стачка 55 тыс. металлистов, носившая ярко выраженный политический характер.

Ленин очень высоко ценил Карла Либкнехта и отзывался о нем словами высшей похвалы за его мужественное поведение и полные революционной страстности и смелости выступления в германском рейхстаге и перед военным судом против военных кредитов и политики германских империалистов.

«Карл Либкнехт — это имя известно рабочим всех стран, — писал Ленин. — Повсюду, и особенно в странах Антанты, это имя есть символ преданности вождя интересам пролетариата, верности социалистической революции. Это имя есть символ действительно искренней, действительно готовой на жертвы, беспощадной борьбы с капитализмом. Это имя — символ непримиримой борьбы с империализмом не на словах, а на деле, борьбы, готовой на жертвы как раз тогда, когда «своя» страна охвачена угаром империалистических побед. С Либкнехтом и «спартаковцами» идет все, что осталось честного и действительно революционного среди социалистов Германии, все, что есть лучшего

и убежденного в пролетариате, все массы эксплоатируемых, в которых кипит возмущение и растет готовность на революцию» [1].

Левые пропагандировали лозунг массовой стачки, а позднее, после январской стачки 1918 г., стали выдвигать уже лозунги революции.

Подвергая анализу и критике ошибки Розы Люксембург и других левых, Ленин вместе с тем высоко ценил мужество, талант, революционную страстность и безграничную преданность Розы Люксембург делу рабочего класса. Ленин с удовлетворением отмечал, что работа «Союза Спартака» спасла честь германского социализма и германского пролетариата.

Энергично борясь против социал-шовинизма, Роза Люксембург и левые не ставили, однако, резко вопроса о роли центризма как прикрытия социал-шовинизма, и, играя руководящую роль в организованном в 1916 г. «Союзе Спартака», Роза Люксембург избегала раскола с оппортунистами и центристами. Роза Люксембург усматривала вину германской социал-демократии в том, что вместо мужественной и беззаветной классовой борьбы она провозгласила классовый мир и сотрудничество с буржуазией, что она не противопоставила империалистической программе войны программу патриотов и демократов 1848 г., лозунг великой немецкой республики.

Разоблачая прислужничество Каутского, Роза Люксембург и Франц Меринг назвали его «Mädchen für alle», т. е. проституткой.

Однако ошибочная теория империализма, в основу которой была положена Розой Люксембург теория накопления и автоматического краха капитализма, связанная с ее недооценкой роли партии и теории «стихийности», помешала ей разработать последовательно марксистскую стратегию и тактику борьбы против империалистической войны.

Роза Люксембург не понимала также внутренней связи между империализмом и оппортунизмом, отрицала возможность национально-освободительных войн в эпоху империализма, недооценивала значение крестьянства как резерва и союзника пролетариата в революции. Все эти вопросы имели отнюдь не только чисто теоретическое значение. От правильного понимания этих узловых принципиальных вопросов зависело определение стратегии и тактики борьбы против империалистической войны, за революционный выход из войны и пролетарскую революцию.

Слабой в идейном отношении и весьма немногочисленной группой была группа левых радикалов в Австрии, организованных вокруг клуба «Карл Маркс». Только в последние годы войны она стала проявлять — особенно во время массовой январской стачки 1918 г. — более оживленную деятельность.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 497.

Во Франции левая оппозиция в социалистической партии и синдикатах не имела чёткой принципиальной позиции и была организационно слабой. По составу своему она была далеко не однородна и объединяла наряду с действительно левыми и полуцентристские, колеблющиеся элементы. Выразителями оппозиции против официального руководства социалистической партии и синдикатов были — вначале Монат, демонстративно подавший в ноябре 1914 г. заявление об уходе из Всеобщей конфедерации труда, секретарь конфедерации департамента Эн, Нико, напечатавший в газете «Разведчик Эна» статью с робкой критикой вождей, и др.

На путь оппозиции встали и союзы металлистов с ее секретарем Мерргеймом, союз бондарей во главе с Бурдероном, скатившимся позднее к социал-пацифистам, группа Луизы Симоно, издававшая журнал «Женщина-социалистка», и др. Организованный ими в начале 1915 г. «Комитет действия за мир и против шовинизма» преобразовался впоследствии в «Комитет по восстановлению международных связей». В оппозицию к официальному руководству социалистической партии стал в середине 1915 г. и Лонге с так называемыми миноритариями (т. е. меньшинством), занявшими центристско-пацифистские позиции.

Лонгетисты, так же как Мерргейм и Бурдерон, были против ленинской постановки вопроса о превращении войны империалистической в войну гражданскую, стремились — путем давления на правительства — к миру и к восстановлению Международного Социалистического Бюро.

На конгрессе французской социалистической партии в Париже, в конце 1915 г., за резолюцию, внесенную Бурдероном против голосования за военные кредиты и с критикой позиции ЦК социалистической партии, было подано всего лишь 76 голосов. Миноритарии-лонгетисты голосовали против этой резолюции. За резолюцию большинства было подано 2 736 голосов. После конгресса среди оппозиционных элементов произошла заметная дифференциация. Образованный левыми элементами французского профдвижения «Комитет синдикальной защиты» открыто выступил в конце 1915 г. против войны и в пользу немедленного заключения мира. Под влиянием полевения масс лонгетисты-миноритарии вынуждены были на конгрессе социалистической партии в декабре 1916 г. выступить уже за выход социалистов из правительства. Лонгетисты собрали 908 голосов: резолюция большинства получила 1 637 голосов; резолюция левых, высказавшаяся вообще против участия в правительстве — 574 голоса.

Ленин призывал к разрыву как с социал-шовинистами, так и с миноритариями-лонгетистами и за методы нелегальной работы.

Со всей решительностью выступая против утверждений, что французские рабочие якобы не способны на систематическую нелегальную работу, Ленин указывал, что они быстро научились прятаться в траншеях, что они сумеют быстро приспособиться к

новым условиям нелегальной работы и к систематической подготовке массового революционного движения.

Под влиянием роста революционного движения все более усиливался процесс дифференциации левого крыла.

В Англии левые элементы сгруппировались вокруг газеты «Tradunionist» («Тред-юнионист»), внутри Британской социалистической партии с журналом «Call» («Призыв»), внутри Независимой рабочей партии и в движении фабрично-заводских старост. В рядах левых находились Джон Маклин, осужденный за революционную деятельность на каторжные работы в Шотландии, и Конноли, организатор и руководитель восстания в Дублине (Ирландия) в 1916 г.

В Швеции левое крыло составилось из отколовшейся от социал-демократии группы левых социал-демократов, которая объединяла в своих рядах различные элементы, недовольные политикой социал-демократического руководства, и группы, связанной с союзом молодежи. Выразителем интернационалистических элементов явилась выходившая с апреля 1916 г. «Politiken».

В Норвегии интернационалистские элементы группировались вокруг органа социал-демократической молодежи «Klassenkampen».

В Дании левое крыло группировалось вокруг вышедшего из социал-демократической партии Трира и его сторонников и рекрутировалось преимущественно из социал-демократического союза молодежи, находившегося в оппозиции к социал-шовинистскому руководству партии и вставшего на интернационалистские позиции.

В Бельгии это были небольшие группы левой молодежи, проводившие в оккупированной германскими войсками стране борьбу против шовинистского руководства социалистической партии и отстаивавшие принципы интернационализма.

На Балканах левое крыло составляли болгарские «тесняки», сербские и румынские социалисты, входившие в Балканскую социалистическую рабочую федерацию.

В Италии левые элементы группировались вокруг социалистического союза молодежи. По определению Ленина к интернационалистскому течению также стояли в Италии «ближе всего секретарь партии Константин Ладзари и редактор центрального органа «Вперед» Серрати». [1]

В США интернационалистское крыло рабочего движения было представлено в годы первой мировой империалистической войны Социалистической рабочей партией и левыми элементами в социалистической партии Америки. Один из лучших и наиболее популярных вождей американских рабочих Евгений Дебс занимал в те годы интернационалистские позиции. Разоблачая им-

[1] Ленин. Соч., т. XX, стр. 128.

периалистические планы американской буржуазии, он мужественно и стойко проповедовал идеи гражданской, классовой войны. Однако Дебс не занимал до конца последовательной революционной позиции и в его выступлениях нередко звучали пацифистские нотки.

Видную роль в деле пропаганды интернационалистских принципов сыграла возникшая летом 1915 г. Лига социалистической пропаганды. Энергичную борьбу против империалистической войны и реакционных лидеров АФТ вели стоявшие на анархо-синдикалистских позициях «Индустриальные рабочие мира».

Среди активных участников левого крыла стали выдвигаться уже в тот период Рутенберг, Браудер и др., игравшие позднее руководящую роль в рабочем движении.

В Швейцарии левые во главе с Платтеном, Нобсом и др. группировались вокруг журнала «Freie Jugend».

В Голландии на интернационалистской позиции стояли социал-демократическая партия и ее орган «Трибуна» (Паннекук, Гортер, Вайнкоп, Генриетта Роланд-Гольст).

В быв. Царстве Польском интернационалистское крыло представляли социал-демократия Королевства Польского и Литвы во главе с Главным Правлением и социал-демократическая оппозиция с ее Краевым Правлением.

Слабые и малочисленные большей частью партии и группы левых имели, однако, то значение, что они первые на Западе подняли протест против империалистической войны, против социал-шовинизма, что из них рекрутировались кадры революционных рабочих, которые позднее активно участвовали в проведении подготовительной и организационной работы по созданию коммунистических партий и Коммунистического Интернационала.

* *
*

Единственным до конца последовательным течением в международном рабочем движении явился большевизм.

Говоря о борьбе Ленина и большевиков против социал-шовинистов и центристов, Сталин подчеркивает, что «ленинизм родился, вырос и окреп в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе с центризмом на Западе (Каутский), с центризмом у нас (Троцкий и др.)».[1]

Ленин и Сталин с самого начала войны заняли позицию последовательного революционного интернационализма и со всей решительностью выступили против лозунга «защиты отечества».

Ленин радостно встречал сообщения, идущие из России, о том, что, несмотря на все попытки буржуазии и царского пра-

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 351.

вительства задушить рабочее движение репрессиями, патриотической проповедью и верноподданническими манифестациями,— жив дух пролетарской международной солидарности. В связи с этим Ленин с чувством удовлетворения отмечал, что, несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, в России уже появились первые нелегальные воззвания против войны.

Еще на совещании группы большевиков в Берне (Швейцария) 6—7 сентября 1914 г. Ленин дал оценку мировой войны как войны империалистской и назвал линию поведения влиятельных вождей социалистических партий позицией прямой измены социализму. Взгляды Ленина и большевиков были развиты в манифесте, опубликованном в центральном органе РСДРП(б) «Социал-демократ», издание которого в ноябре 1914 г. было возобновлено.

«Оппортунисты сорвали, — говорилось в манифесте ЦК РСДРП(б) от октября 1914 г., — решения Штутгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, обязывавшие социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленной проповедью гражданской войны и социальной революции».[1]

Манифест разоблачал империалистский характер войны, вскрывал причины краха II Интернационала. В манифесте подчеркивалось, что война является не «освободительной», а империалистической, захватнической войной, что вожди влиятельнейших социалистических партий своим вхождением в буржуазные министерства и голосованием за военные кредиты изменили делу социализма, что II Интернационал обанкротился.

В манифесте выдвигался вопрос о разрыве с социал-шовинистами, провозглашался лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую и поражения своего империалистического правительства в войне и подчеркивалось, что «превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг».[2] Вместе с тем в манифесте подчеркивалась необходимость создать на место обанкротившегося II Интернационала новый «пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма».[3]

Говоря о задачах III Интернационала, Ленин в статье «Положение и задачи социалистического Интернационала», помещенной в № 33 «Социал-демократа» от 1 ноября 1914 г., писал: «III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма!».[4]

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 64.
[2] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 66.
[3] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 66.
[4] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 71.

Ленин терпеливо разъяснял, что лозунг восстановления II Интернационала неправилен, что о примирении с социал-шовинистами не может быть и речи.

Вскрывая измену социал-шовинистов, Ленин в то же время разоблачал и предательство вождей и идеологов анархизма.

Об этом идейном перерождении анархизма писал в своем письме на имя Ленина из сибирской ссылки Сталин.

Характеризуя идейные позиции вождей анархизма в годы первой мировой империалистической войны, Ленин писал:

«Виднейшие анархисты всего мира не менее, чем оппортунисты, опозорили себя социал-шовинизмом (в духе Плеханова и Каутского) в этой войне».[1]

В выпущенной осенью 1915 г. брошюре «Социализм и война», изданной на немецком, французском и норвежском языках, Ленин давал в развернутом виде установки революционной социал-демократии. Ленин доказывал, что война — неизбежный спутник капиталистического строя, основанного на эксплоатации человека человеком, что «войны неустранимы, пока держится классовое господство вообще»,[2] что в условиях неравномерного и скачкообразного экономического и политического развития и обострения противоречий капитализма, борьба за новые рынки сбыта, за новые источники сырья, за новый передел мира неизбежна, что социальный характер войны и ее истинное значение определяются тем, «какую политику война продолжает («война есть продолжение политики»), какой класс в каких целях войну ведет».[3]

Империалистическую войну 1914—1918 гг. Ленин считал «реакционной, рабовладельческой и преступной войной».[4]

На состоявшемся 5 октября 1915 г., по инициативе Сталина, находившегося в то время в Туруханской ссылке, совещании некоторых членов ЦК (в с. Монастырском Туруханского края) была принята резолюция о необходимости разрыва с социал-шовинизмом и организации борьбы против войны.

Позиции, занятые с самого начала войны Сталиным, находившимся в те годы в Туруханской ссылке, целиком и полностью совпадали с позицией Ленина. Между тем Сталин познакомился с первоначальным наброском тезисов Ленина об отношении к войне лишь в конце 1914 г. «Эти семь тезисов Ленина о войне, — рассказывает в своих воспоминаниях Вера Швейцер в журнале «Пролетарская революция», — показали, что тов. Сталин безошибочно стал на правильную ленинскую позицию в оценке сложного исторического момента. Трудно передать, с каким чувством радости, уверенности и торжества

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 204—205.
[2] Ленин. Соч., т. VII, стр. 49.
[3] Ленин. Соч., т. XXI, стр. 190.
[4] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 323

т. Сталин читал тезисы Ленина, которые подтверждали его мысли». [1]

Но Ленин и Сталин были не против всякой войны вообще, в отличие от буржуазных пацифистов и анархистов, выступавших против всякой войны, независимо от ее классового характера, от ее целей, от ее политического содержания.

«Большевики считали, что война бывает двух родов:

а) война справедливая, незахватническая, освободительная, имеющая целью либо защиту народа от внешнего нападения и попыток его порабощения, либо освобождение народа от рабства капитализма, либо, наконец, освобождение колоний и зависимых стран от гнета империалистов, и

б) война несправедливая, захватническая, имеющая целью захват и порабощение чужих стран, чужих народов.

Войну первого рода большевики поддерживали. Что касается войны второго рода, большевики считали, что против нее следует вести решительную борьбу вплоть до революции и свержения своего империалистического правительства». [2]

Ленин и Сталин были за революционную классовую гражданскую войну против буржуазии, против господствующих классов, за войну, направленную на социальное освобождение пролетариата, за справедливые, освободительные, прогрессивные войны. Ленин и Сталин исходили из того, что война, направленная на борьбу против национального угнетения, на защиту своего народа против реакции и захватнических устремлений империалистов, является справедливой, прогрессивной войной. «В истории неоднократно, — писал Ленин, — бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (например, самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую)». [3]

Ленин определил грани, отделяющие войны империалистические от освободительных войн, захватнические — от революционных, справедливые — от несправедливых.

«Если» «действительная сущность» войны, — говорит Ленин в статье «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме», — состоит, например, в свержении чуженационального гнета (что особенно типично для Европы 1789—1871 гг.), то война прогрессивна со стороны угнетенного государства или нации. Если «действительная сущность» войны есть передел колоний, дележ добычи, грабеж

---

[1] «Пролетарская революция», № 8, стр. 157—158, 1937 г.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 161.
[3] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 193.

чужих земель (такова война 1914—16 гг.) — тогда фраза о защите отечества есть «сплошной обман народа».[1]

Большевики выступали в условиях первой империалистической войны против лозунга «справедливого» демократического мира, указывая, что «пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран. В частности, глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций».[2]

Ленин и Сталин связывали дело борьбы за мир, за окончание войны с борьбой за пролетарскую революцию, с революционной борьбой рабочих и крестьянских масс капиталистических стран против империалистических правительств, с победой пролетарской революции.

Со всей силой и революционной страстностью выступал Ленин против Каутского, который развивал теорию о том, что все в праве защищать свое отечество и что принципы интернационализма не находятся в противоречии с принципами «защиты отечества».

Ленин подверг позицию Каутского, его проповедь «справедливого» мира без аннексий и контрибуций ожесточенной критике, отмечая, что каутскианство ведет против «инстанций» лишь показную борьбу. «Каутский довел марксизм, — говорит Ленин в статье «Крах II Интернационала», — до неслыханного проституирования и превратился в настоящего попа... Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных; поп должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решительность. Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контрреволюционную теорию, в самую грязную поповщину».[3]

Так же решительно бичевал он брошенные Каутским и центристами в других странах лозунги разоружения и международных третейских судов для разбирательства конфликтов между капиталистическими государствами.

«Каутскианская проповедь «разоружения», — писал Ленин в статье «О лозунге «разоружения», — обращенная именно к

---

[1] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 199.
[2] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 127—128.
[3] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 258—259.

теперешним правительствам империалистических великих держав, есть пошлейший оппортунизм, буржуазный пацифизм, служащий на деле — вопреки «благим пожеланиям» сладеньких каутскианцев — отвлечению рабочих от революционной борьбы». [1]

Ленин высказался и против «левого» лозунга стачки против войны, против отказа от военной службы. «Отказ от военной службы, — писал Ленин 1 ноября 1914 г., — стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций». [2]

С такой же сокрушительной критикой Ленин выступил и против группы «божийцев» — Бухарина, Пятакова, Бош, поддерживавших центристские лозунги мира, отвергавших лозунг поражения «своего» империалистического правительства в империалистической войне и лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, упорно высказывавшихся вместе с Троцким за лозунг «Соединенных Штатов Европы», отстаивавших необходимость вступить в соглашение с группой издававшегося в Париже Троцким «Нашего слова».

Исходя из лозунга превращения империалистической войны в войну гражданскую, Ленин и Сталин высказывались за организацию классовой борьбы, за экономические и политические стачки, за нелегальную работу в тылу и в армии, за поддержку братания солдат на фронтах, за использование каждой возможности для пропаганды идей революционной борьбы против войны, против буржуазии и империалистических правительств, за разоблачение их грабительской, захватнической политики, за собирание и организацию революционных сил.

Намечая тактику революционных марксистов в первой мировой войне 1914—1918 гг. и выдвигая лозунги борьбы, Ленин постоянно подчеркивал, что война 1914—1918 гг. является с обеих воюющих сторон, — т. е. как со стороны Антанты, так и со стороны центральных держав — войной империалистической. Ленин требовал от каждого марксиста понимания и признания того, что эта война является империалистической со стороны всех участников войны, т. е. войной «из-за дележа награбленной добычи между капиталистами, из-за удушения слабых народов...» [3]

Это требование Ленина вытекало из того, что от характера

---

[1] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 315.
[2] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 70—71.
[3] Ленин. Соч., т. XX, стр. 48.

данной войны зависит отношение к ней рабочего класса, что «марксизм, не принижающий себя до обывательщины, требует исторического анализа каждой отдельной войны, чтобы разобрать, можно ли считать эту войну прогрессивной, служащей интересам демократии или пролетариата, в этом смысле законной, справедливой и т. п.»[1]

Ленинские установки, что война 1914—1918 гг. носит империалистический характер с обеих воюющих сторон, что отношение к войне со стороны рабочего класса должно определяться в зависимости от классового характера и целей войны, от того, является ли она прогрессивной и справедливой или несправедливой и захватнической, — не менее актуальны и в наши дни, в обстановке второй империалистической войны.

Как в годы первой империалистической войны, так и в наши дни прислужники империалистической буржуазии из лагеря II Интернационала, социалистических партий и реформистских профсоюзов призывают рабочий класс отдать все свои силы на службу буржуазному отечеству и не останавливаться ни перед какими жертвами во имя победы. Всей своей политикой они прикрывают империалистические планы буржуазии и наступление реакции внутри страны и пытаются обмануть массы лозунгами борьбы за «мир» и «демократию».

Руководствуясь ленинско-сталинскими установками борьбы против своей собственной империалистической буржуазии, необходимости всемерного использования империалистических противоречий для выхода из войны и защиты отечества трудящихся всего мира — СССР, коммунистические партии выступают застрельщиками и организаторами борьбы против империалистической войны, против стремлений буржуазии переложить все тяготы войны на плечи трудящихся масс, против продолжения бессмысленной войны и ее поджигателей и против наступления буржуазной реакции внутри страны.

Исходя из империалистического характера войны 1914—1918 гг. и захватнических планов воюющих стран, Ленин выдвигал лозунг поражения своего империалистического правительства в империалистической войне. В ответ на клеветнические нападки врагов и обвинения большевиков в полном равнодушии к судьбам своего народа Ленин в своей статье «О национальной гордости великороссов» писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. $^9/_{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капитали-

[1] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 198—199.

сты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году мощную революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика».[1]

Ленин ставил вопрос о том, что лозунг мира «неправилен в данный момент», что «это — обывательский поповский лозунг. Пролетарский лозунг должен быть: гражданская война».[2]

Со всей решительностью Ленин выступал против троцкистского лозунга «ни побед, ни поражений». В статье «О поражении своего правительства в империалистической войне» Ленин писал: «Кто стоит за лозунг «ни побед, ни поражений», тот сознательный или бессознательный шовинист, тот в лучшем случае примирительный буржуа, но во всяком случае враг пролетарской политики, сторонник теперешних правительств, теперешних господствующих классов».[3]

Ленин не отрицал возможности национально-освободительных войн в эпоху империализма не только со стороны угнетенных народов колоний и полуколоний, но и со стороны маленьких аннексированных или угнетенных наций против империалистических держав. Ленин подчеркивает, что долг и обязанность рабочего класса поддерживать такие войны.

«Если во время войны речь идет о защите демократии, — писал Ленин еще в 1916 г., — или о борьбе против ига, угнетающего нацию, я нисколько не против такой войны и не боюсь слов «защита отечества», когда они относятся к этого рода войне или восстанию. Социалисты всегда становятся на сторону угнетенных и, следовательно, они не могут быть противниками войн, целью которых является демократическая или социалистическая борьба против угнетения».[4]

Говоря о Сербии, которая была в 1914 г. объектом захватнических планов австро-венгерского империализма, Ленин указывает, что «будь эта война изолирована, т. е. не связана с общеевропейской войной, с корыстными и грабительскими целями Англии, России и проч., тогда все социалисты обязаны были бы желать успеха сербской буржуазии — это единственно правильный и абсолютно необходимый вывод из национального момента в теперешней войне».[5]

Позиция Ленина и Сталина в вопросе о войне находилась в прямой зависимости от классового характера войны, от того, продолжением какой политики является та или иная война.

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 81.
[2] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 56.
[3] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 172.
[4] Ленин. Соч., т. XXX, стр. 284.
[5] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 262.

«Надо изучить политику перед войной, — писал Ленин, — политику, ведущую и приведшую к войне».[1]

Ленин подчеркивал, что нужно понять связь войн с борьбой классов внутри страны, что невозможно уничтожить войны без уничтожения классов и создания социализма, понять «законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии».[2]

Таким образом, марксизм-ленинизм намечает свое отношение к войне, исходя из характера данной войны, учитывая объективное содержание исторического процесса в данной конкретной обстановке.

Ленинско-сталинские установки по вопросам о войнах справедливых и несправедливых, подчеркивавшие империалистический характер войны 1914—1918 гг. со стороны обеих воюющих сторон, установки о том, что при определении подлинного характера войны важно не то, кто напал первым, а каковы действительные цели войны, в интересах какого класса они ведутся, — ставили эти вопросы совершенно по-новому.

Ленин, выдвигая лозунг поражения своего империалистического правительства в империалистической войне, беспощадно боролся против лозунга защиты буржуазного отечества, поскольку этот лозунг служил интересам империалистической буржуазии. Но Ленин не был против лозунга «защиты отечества» вообще.

Принципы ленинско-сталинской политики по вопросу о поражении своего правительства и превращения войны империалистической в войну гражданскую проводили резкий водораздел не только между интернационалистскими, с одной, и социал-шовинистскими и центристскими элементами, с другой стороны, но резко выделяли большевиков внутри интернационалистического лагеря как единственное и до конца последовательное революционное течение в международном рабочем движении.

Ленин энергично выступал в защиту социалистического отечества после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

«Мы оборонцы после 25 Октября 1917 года, — говорил позднее Ленин, — мы завоевали право на то, чтобы защищать отечество. Мы защищаем не тайные договоры, мы их расторгли, мы обнаружили их перед всем миром, мы защищаем отечество от империалистов. Мы защищаем, мы победим».[3]

Если лозунг защиты буржуазного отечества в годы первой

---

[1] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 199.
[2] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 193.
[3] Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 13.

империалистической войны был прямой изменой социализму, то теперь защита социалистического отечества является священным долгом трудящихся всего мира.

Ленин высказывался в пользу «защиты отечества» лишь в том случае, если война ведется против национального угнетения, в защиту интересов демократии против буржуазной реакции.

Подвергая глубокому марксистскому анализу сущность империализма, Ленин пришел к выводу, что империализм — это загнивающий, умирающий капитализм, высшая и последняя стадия капитализма, что империализм есть канун социалистической революции пролетариата, что одним из основных законов капиталистического развития в эпоху империализма является закон о неравномерности и скачкообразности экономического и политического развития. На этом основании Ленин разработал свою теорию о возможности построения социализма в одной стране. Гениальное предвидение Ленина и его вывод о возможности прорыва империалистического фронта и революционного выхода из войны нашли свое отражение в статьях «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915) и «Военная программа пролетарской революции» (1916).

В статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» Ленин писал:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств». [1]

Закон неравномерного, скачкообразного развития капитализма в эпоху империализма основывается на том, что раздел мира на сферы влияния империалистических групп закончен, что идет борьба за новый передел мира, что эта борьба ведет к скачкообразному развитию отдельных капиталистических стран, вытесняя одни из них и продвигая вперед другие, ранее отстававшие страны, что новый передел мира решается силой и совершается лишь путем войны.

Это обстоятельство влечет за собой взаимное ослабление империалистических групп, создает возможность прорыва империализма в одном из наиболее слабых его звеньев и благоприятную почву для победы социалистической революции в одной стране.

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 232—233.

Таким прорывом фронта империализма и была Великая Октябрьская социалистическая революция, которая «открыла новую эпоху, эпоху пролетарских революций в странах империализма».[1]

Действительно пророчески прозвучали слова Ленина еще на интернациональном митинге в Берне 8 февраля 1916 г., когда он, говоря о растущем недовольстве, брожении, стачках протеста против войны со всей убежденностью и исключительной силой предвидения заявил, что все эти факторы служат «ручательством, что после европейской войны наступит пролетарская революция против капитализма».[2]

Закон неравномерного экономического и политического развития в условиях империализма явился важнейшей составной частью ленинской теории империализма, нашедшей исчерпывающее выражение в книге Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916 г.) и ставшей теоретическим оружием революционного пролетариата в борьбе за разрешение проблемы политики, стратегии и тактики пролетарской революции.

Научно обосновав невозможность в силу закона неравномерного экономического и политического развития в условиях империализма социалистической революции одновременно во всех странах, Ленин подчеркивал в своей статье «Военная программа пролетарской революции», что социализм «победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства».[3]

Пророческие предвидения Ленина полностью подтвердились в годы, последовавшие за победой Октябрьской революции, когда международная буржуазия пыталась блокадой и интервенцией в сочетании с буржуазно-помещичьей контрреволюцией внутри страны разгромить первую в мире страну диктатуры пролетариата.

Новая теория социалистической революции, основы которой были впервые разработаны Лениным еще в 1905 г. в брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции», нашла свое законченное выражение в годы первой империалистической войны. Это была совершенно новая теория, теория о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране, теория об условиях и перспективах его победы, теория, которая резко расходилась с установкой мар-

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 176.
[2] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 20.
[3] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 325.

ксистов по этому вопросу в период домонополистического капитализма. По этим установкам победа социализма в одной стране невозможна, победа социализма может и будет иметь место лишь одновременно во всех странах. «Неоценимое значение ленинской теории социалистической революции состоит не только в том, что она обогатила марксизм новой теорией и двинула его вперед. Ее значение состоит еще в том, что она дает революционную перспективу пролетариям отдельных стран, развязывает их инициативу в деле натиска на свою, национальную, буржуазию, учит их использовать обстановку войны для организации такого натиска и укрепляет их веру в победу пролетарской революции». [1]

Теория Ленина о неравномерном и скачкообразном развитии капитализма в эпоху империализма и возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране была встречена враждебно социал-шовинистами, центристами-меньшевиками и Иудушкой-Троцким.

Отрицание возможности победы социалистической революции в России, представление о том, что она может совершиться лишь в более передовых, созревших для пролетарских революций капиталистических странах, питали сопротивление не только меньшевиков и эсеров. Это же питало и капитулянтскую оппортунистическую позицию Каменева, Зиновьева, Рыкова, Преображенского и других и их штрейкбрехерство и измену накануне Октябрьской революции, их попытки образования единого социалистического правительства, начиная от большевиков и до народных социалистов.

Действительность подтвердила, что «социалистическая революция может не только начаться в отсталой стране, но и увенчаться успехом, итти вперед, служа примером для стран, капиталистически развитых». [2]

Ленинская теория империализма, закон неравномерности экономического и политического развития в условиях империализма, новая теория социалистической революции нанесли сокрушительный удар теории Каутского об ультраимпериализме, которая, по выражению Ленина, представляла собой лишь «обман масс, кроме этого ровно ничего нет в «марксистской» теории Каутского». [3]

Начавшаяся на почве изменившегося соотношения сил вследствие неравномерности развития капитализма в различных странах вторая империалистическая война полностью подтвердила правильность позиции Ленина и всю глубину его гениального предвидения.

Подтвердилось и гениальное предвидение Ленина и Сталина по национально-колониальному вопросу. Развернувшееся в го-

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 163—164.
[2] Сталин. Об Октябрьской революции, стр. 21.
[3] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 167.

ды войны и особенно в послевоенный период национально-освободительное движение вскрыло со всей наглядностью ошибочность взглядов Розы Люксембург и левых на Западе в национально-колониальном вопросе.

Ошибки эти были связаны с ошибочной теорией империализма Розы Люксембург, с ее непониманием сущности национального вопроса в эпоху империализма.

Высказываясь против ленинско-сталинского лозунга самоопределения наций, Роза Люксембург и левые исходили при этом из теории «чистой» социалистической революции.

Подвергая критике люксембургианские позиции по национальному вопросу, Ленин в своей статье «Итоги дискуссии о самоопределении» писал:

«Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции». [1]

Из сущности империализма, порождающего национальный гнет, вытекает ленинская идея о необходимости «связать революционную борьбу за социализм с революционной программой в национальном вопросе». [2]

Ленин подчеркивал, что усиление национального гнета при империализме обусловливает для социал-демократии «не отказ от «утопической», как говорит буржуазия, борьбы за свободу отделения наций, а, напротив, усиленное использование конфликтов, возникающих и на этой почве, как поводов для массового действия и для революционных выступлений против буржуазии». [3]

«Ибо думать, — говорит Ленин в своей статье «Итоги дискуссии о самоопределении», — что мыслима социальная революция без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так, значит отрекаться от социальной революции». [4]

Люксембургианским теориям о невозможности национальных войн в эпоху империализма Ленин противопоставил свои установки о том, что национальные войны против империалистических держав не только возможны и вероятны в эпоху империализма, но и неизбежны. Ленин подчеркивал при этом, что такие войны носили бы прогрессивный и революционный характер и что задача пролетариата — поддержать национально-освободительные войны.

---

[1] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 269.
[2] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 323.
[3] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 39.
[4] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 269.

«Наша партия, — писал Ленин, — не боится заявлять публично, что она встретит сочувствием войны или восстания, которые Ирландия могла бы начать против Англии, Марокко, Алжир, Тунис — против Франции, Триполис — против Италии, Украина, Персия, Китай — против России и т. д.»[1]

Говоря о ленинском понимании принципов самоопределения наций, Сталин говорит:

«Ленинизм расширил понятие самоопределения, истолковав его как право угнетенных народов зависимых стран и колоний на полное отделение, как право наций на самостоятельное государственное существование. Тем самым была исключена возможность оправдания аннексий путем истолкования права на самоопределение, как права на автономию. Самый же принцип самоопределения был превращен, таким образом, из орудия обмана масс, каким он, несомненно, являлся в руках социал-шовинистов во время империалистической войны, в орудие разоблачения всех и всяких империалистических вожделений и шовинистических махинаций, в орудие политического просвещения масс в духе интернационализма».[2]

С удовлетворением отмечая занятые Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом и левыми интернационалистские позиции, их мужественную борьбу против империалистической буржуазии и ее прислужников среди оппортунистических вождей партий II Интернационала, Ленин и Сталин вскрывали и подвергали внимательному анализу и критике их полуменьшевистские ошибки.

В этой связи Ленин выступил против теоретических и политических ошибок Розы Люксембург. Подвергнув всесторонней критике теорию Розы Люксембург об империализме и о войнах в эпоху империализма, Ленин вскрыл недооценку ею значения национально-колониального вопроса, отрицательное отношение к большевистскому лозунгу самоопределения наций вплоть до государственного отделения, а также ее высказывания в годы империалистической войны по вопросу о независимости Польши.

Отмечая достоинства выпущенной Розой Люксембург в 1916 г. под псевдонимом Юниус брошюры «Кризис социал-демократии», Ленин в то же время указывал на то, что в брошюре нет указания на связь между социал-шовинизмом и оппортунизмом и замалчивается вопрос о каутскианстве.

Роза Люксембург (Юниус) давала правильную оценку войны, подчеркивая ее империалистический характер, но делала неправильный вывод о том, что национальные войны в эпоху империализма невозможны. В связи с этим Ленин отметил, что такие национальные войны возможны как продолжение национально-освободительной борьбы против империализма со стороны колоний и полуколоний.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXX, стр. 285.

[2] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 44—47.

Ленин отметил, что, дав правильную оценку войны как империалистической, Роза Люксембург (Юниус) за волосы притягивает национальный вопрос. Она осуждала германскую социал-демократию за то, что та не выдвинула лозунга «единой великой немецкой республики», не противопоставила империалистической программе войны «старую, истинно-национальную программу патриотов и демократов 1848 г.»[1] В связи с этим Ленин указал, что Роза Люксембург выдвинула неправильный лозунг, поскольку она не учла, что война происходит в эпоху империализма и поэтому конкретная объективная обстановка совершенно иная, чем в 1793 или в 1848 г.

Отрицая лозунг самоопределения наций вплоть до отделения, левые высказывались со всей решительностью против политики аннексий и отстаивали лозунг «равноправия наций», но сбивались при этом на пацифистские лозунги «мира», «разоружения» и пр.

«Когда левые начали объединяться под лозунгом мир, — писал Ленин, — это можно (и должно) было поощрять, если в этом выражался первый шаг протеста против шовинистов, — как темный русский рабочий в гапонаде выражал робкий протест против царя. Но поскольку левые ограничиваются и теперь этим лозунгом (лозунги — дело сознательных политиков), постольку они самые плохенькие левые, поскольку в их резолюциях нет ни грана именно «действенности», постольку они — игрушка в руках Зюдекумов, Кварков, Самба, Гайндманов, Жоффра и Гинденбурга».[2]

Недостатки, слабости и ошибки Люксембург отображали слабости всех германских левых.

Подчеркнув, что Роза Люксембург (Юниус) решительно против империалистической войны и за революционную тактику, Ленин искал объяснения ее ошибки в том, что она не вполне еще освободилась «от «среды» немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги».[3]

Особенно настойчивую борьбу проводил Ленин в годы войны против Бухарина и Пятакова, отвергавших лозунги самоопределения наций вплоть до отделения и скатившихся впоследствии к роли прямой агентуры иностранных разведок.

«Социалисты не могут достигнуть своей великой цели, не борясь против всякого угнетения наций, — писал Ленин. — Поэтому они безусловно должны требовать, чтобы с.-д. партии угнетающих стран (т. наз. «великих» держав особенно) признавали и отстаивали право угнетенных наций на самоопределение и именно в политическом смысле слова, т. е. пра-

---

[1] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 186.
[2] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 225.
[3] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 189.

во на политическое отделение. Социалист великодержавной или владеющей колониями нации, не отстаивающий этого права, есть шовинист». [1]

Разоблачая позицию Бухарина, Пятакова и др. по национально-колониальному вопросу, позицию, отрицающую возможность прогрессивных, освободительных и справедливых войн в эпоху империализма, Ленин указал, что «социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях». [2]

Со всей остротой выступил Ленин и против полуанархических взглядов Бухарина на сущность и роль государства, на особенности переходной эпохи, против его установок о «взрыве» государства и против его лозунга уничтожения государственных границ после победы пролетарской революции и т. д. Представленные Бухариным к Бернской конференции заграничных секций большевиков тезисы исходили из отрицания государства и демократических требований. Перепрыгивая, так же как Троцкий, через революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, Бухарин высказывался за лозунг немедленной социалистической революции. Бухарин уже тогда солидаризировался по ряду вопросов с Иудушкой-Троцким и считал крестьянство и мелкую городскую буржуазию, — так же как и Троцкий и меньшевики, — реакционными.

Ленину пришлось тогда вести борьбу и против Зиновьева по вопросу о лозунгах разоружения, «защиты отечества», о возможности национальных войн в эпоху империализма. Зиновьев двурушничал и занимал по целому ряду принципиальных вопросов примиренческую позицию по отношению к люксембургианцам, а также к группе Бухарина — Пятакова, советуя последним не сдаваться и обещая им свою поддержку.

Ленинские установки о возможности национальных войн в эпоху империализма, его критика Розы Люксембург за недооценку ею национального вопроса, с одной стороны, и, с другой, резкая, беспощадная критика позиции Пятакова и Бухарина, уже в те годы пытавшихся дезорганизовать мужественную революционную борьбу большевистского авангарда, — все это было подчинено одной основной задаче — не только мобилизации сил рабочего класса и крестьянства, но и привлечению к борьбе за пролетарскую революцию могучих резервов в колониальных и полуколониальных странах.

Упорная и непримиримая борьба Ленина против открытого или замаскированного отступничества от принципов революци-

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 206.
[2] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 221.

онного марксизма, от четкой и последовательной линии политики, тактики и стратегии в борьбе за революционный выход из войны и за социалистическую революцию вооружила тем самым пролетариат острым, отточенным теоретическим оружием и в борьбе за создание нового, революционного Интернационала.

Ленин и Сталин приветствовали каждое начинание, каждый шаг, направленный на мобилизацию и организацию масс против империалистической войны и ее пособников в лагере социал-демократических партий.

Ленин ставил в пример революционную деятельность большевистской фракции Государственной думы, голосовавшей с самого начала войны против военных кредитов, сочетавшей свою легальную парламентскую работу с нелегальной работой в массах и показавшей всем социалистическим парламентским фракциям блестящий образец революционной парламентской деятельности.

Ленин высоко ценил проводившуюся германскими левыми нелегальную работу в массах и мужественное поведение Либкнехта в германском рейхстаге. Одобряя поведение на суде социал-демократической фракции большевиков Государственной думы, Ленин резко осудил недостойное поведение Каменева, который на царском суде открещивался от лозунгов ЦК РСДРП(б) о «поражении своего правительства в империалистической войне» и ссылался в доказательство своей «лойяльности» на оборонца-меньшевика Иорданского.

Большевистская фракция Государственной думы сыграла немаловажную роль в революционной работе, будучи связующим и организующим звеном с массами. В условиях поднятой царскими властями патриотической шумихи и начатой Плехановым и меньшевиками-оборонцами кампании в пользу «защиты отечества», в условиях свирепого царского режима большевистская фракция Государственной думы мужественно указывала на захватнический характер войны, призывала к борьбе против войны, против царского самодержавия, отстаивала принципы международной классовой солидарности пролетариата.

«Сознательные рабочие России создали такую партию и выдвинули такой передовой отряд, — писал Ленин по поводу суда над большевистской фракцией Государственной думы, — которые во время всемирной войны и всемирного провала международного оппортунизма проявили больше всех способности исполнить свой долг интернациональных революционных социал-демократов». [1]

Большевики давали всемирно-исторические образцы беззаветной революционной борьбы против своего империалистического правительства и своей империалистической буржуазии. С самого начала империалистической войны большевики повели

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 130.

нелегальную антивоенную работу. Преодолевая тысячи трудностей, большевики вели свою работу среди рабочих и солдатских масс в условиях дикого разгула царской реакции, одновременно они использовали и все легальные возможности.

Воззвания и листовки по различным вопросам, волнующим рабочие и солдатские массы, «Осведомительный листок» Русского бюро ЦК большевиков, нелегальная газета «Пролетарский голос», легальный журнал «Вопросы страхования», «Наша газета» в Саратове, «Южная Правда» в Екатеринославе, «Пролетарское слово» в Ростове-на-Дону, «Правда труда» в Донбассе, «Товарищ пролетариата» в Иркутске, «Голос печатного труда» в Москве и др., равно как устная агитация и пропаганда и выступления большевиков на антиалкогольном съезде в Москве, на совещании по вопросам дороговизны в Москве, борьба против военно-промышленных комитетов и т. д., — все это отдельные звенья в практической революционной деятельности большевиков в годы войны. Под влиянием большевиков рабочие массы в своем подавляющем большинстве были настроены против сотрудничества с буржуазией и резко отрицательно относились к «рабочей группе» в военно-промышленных комитетах, возглавлявшейся социал-шовинистами, оборонцами Гвоздевым, Булкиным и др. и являвшейся надежной опорой империалистической буржуазии в рабочем классе.

Когда уполномоченные петроградских фабрик и заводов собрались для окончательных выборов в военно-промышленные комитеты, то оказалось, что большинство — против участия в них. Несмотря на разгром рабочих организаций, аресты и ссылки наиболее активных элементов, а затем на следовавшие одна за другой мобилизации на фронт, вырвавшие из среды пролетариата целые группы рабочих, которые были застрельщиками движения, — стачечная борьба с каждым годом усиливалась, экономические стачки все чаще переплетались с политическими выступлениями. Если в период августа — декабря 1914 г. имели место 68 стачек, из которых 61 экономическая и 7 политических, то в 1915 г. количество стачек возросло до 715 экономических и 213 политических.

Стачка 15 тыс. петроградских металлистов в июне 1915 г., стачка костромских ткачей, крупная политическая стачка иваново-вознесенских текстильщиков в августе 1915 г., политические стачки 150 тыс. рабочих в сентябре 1915 г. в Петрограде, 25 тыс. рабочих в Нижнем-Новгороде, 20 тыс. рабочих в Москве и других местах свидетельствовали о начавшемся подъеме революционного движения пролетариата.

В январе — феврале 1916 г. развернулись под руководством Петроградского Комитета большевиков боевые экономические стачки, сочетавшиеся с протестами против законопроекта о милитаризации рабочих. 4 апреля 1916 г. вновь развернулись политические стачки.

Стачечная волна достигла особого напряжения в октябре 1916 г. на почве резкого ухудшения продовольственного положения.

Листовки большевиков разоблачали причины и подлинный империалистический характер войны, вскрывали их виновников, показывали прислужничество вставших на позиции оборончества меньшевиков и эсеров, звали к сплочению большевистских рядов и развертыванию экономической и политической борьбы.

Позиции оборончества и измена Плеханова и меньшевиков принципам пролетарского интернационализма были со всей решительностью заклеймены в присланном 12 марта 1916 г. тов. Сталиным вместе с группой ссыльных письме на имя редакций журнала «Вопросы страхования».

Весьма характерно в этом отношении выпущенное в июне 1916 г. воззвание Петербургского Комитета РСДРП(б), посвященное стачечному движению и задачам момента.

«Затеянная правящими классами война, — говорилось в этом воззвании, — может быть прекращена только организованным вмешательством пролетариата и широких масс демократии. И протест против войны неизбежно выльется в форму революционной борьбы народов против своих правительств, против своих правящих классов. Основное положение, что враг народа находится в его собственной стране, должно быть выдвинуто вперед и воспринято массами. Из экономической борьбы с капиталом в стенах фабрик и заводов движение должно превратиться в борьбу широко политическую, в борьбу за власть, в гражданскую войну». Выдвигая лозунг создания нового, революционного Интернационала, воззвание признало к совместной борьбе с рабочим классом других стран «за социализм и раскрепощение мира». [1]

Привезенные из Швейцарии большевиком-депутатом IV Государственной думы Ф. Самойловым ленинские тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» легли в основу повседневной деятельности подпольных большевистских организаций. Наиболее крупную роль сыграли в годы войны Петроградская большевистская организация, в которой в различные периоды вели руководящую работу тт. Молотов, Ворошилов, Калинин, Андреев. В Киеве, а затем в Екатеринославе вел такую же работу Л. М. Каганович, в Самаре и Саратове — Куйбышев и Ольминский.

«Для России и для всего Интернационала, — писал Ленин 13 октября 1915 г. в статье «Несколько тезисов», — это — поистине образец социал-демократической работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях». [2]

---

1. «Большевики в годы импер. войны», стр. 122, Госполитиздат, 1939 г.
2. Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 311.

БОРЬБА ЛЕНИНА ЗА СПЛОЧЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКИХ СИЛ

Партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным развернула с самого начала войны усиленную борьбу за сплочение интернационалистских элементов, за выработку четкой и последовательной программы революционных действий против империалистической войны, за развертывание революционной активности масс, за революционный выход из кризиса, за создание нового, революционного Интернационала. Ленину пришлось повести энергичную борьбу не только против Троцкого, но и против Бухарина и Пятакова, которые вместе с Зиновьевым высказывались на Бернской конференции за восстановление II Интернационала.

Идея сплочения интернационалистских элементов медленно пробивала себе дорогу. «В течение целого года, — писал Ленин в статье «Первый шаг», — среди социалистов воюющих и нейтральных стран наблюдался процесс колебаний и выжиданий... оттягивали тысячами способов неизбежный разрыв с господствующими в официальных партиях Западной Европы оппортунистами и каутскианцами». [1]

Первые попытки сплочения интернационалистских элементов относятся еще к осени 1914 г. Инициатива в этом направлении принадлежит Ленину и большевикам, которые жили в то время в Женеве (Швейцария).

Ряд шагов в этом направлении сделала Итальянская социалистическая партия, которая совместно с группой швейцарских социалистов обсудила на конференции в Лугано 27 сентября 1914 г. вопрос о путях восстановления международных социалистических связей.

Конференция эта в принятой ею резолюции констатировала империалистический характер войны и признала, что участвующие в войне правительства в одинаковой степени несут за нее ответственность. Делегаты успели ознакомиться со своевременно присланными в Лугано тезисами ЦК РСДРП(б) о войне. Составленные Лениным тезисы частично нашли свое отражение в резолюции конференции. Однако центристская позиция итальянцев и швейцарцев в отношении войны не могла не сказаться и на резолюции конференции в Лугано. Вместо того, чтобы установить факт краха II Интернационала, встать на путь разрыва с социал-шовинистами, на путь сплочения левых элементов в международном рабочем движении, конференция цеплялась за принципы единства и добивалась восстановления обанкротившегося II Интернационала, требовала скорейшего созыва Международного Социалистического Бюро. В 1915 г., по поручению ЦК Итальянской социалистической партии, в Лондон для переговоров с французскими и английскими социалистами и членами Международного Социалистического Бюро был

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 297.

В Ульянов (Ленин)

командирован Моргари, член ЦК Итальянской социалистической партии. Вандервельде, председатель Международного Социалистического Бюро, отказался созвать бюро, заявив, что оно будет созвано тогда, когда «право и справедливость восторжествуют», иначе говоря, когда в результате войны возьмет верх империалистическая группировка стран Антанты. Безрезультатными оказались затем и попытки голландского социал-патриота Трульстры, равно как и предложение Социалистической партии Соед. Штатов Америки созвать международную социалистическую конференцию в Вашингтоне. Так же безуспешны были в январе 1915 г. «миротворческие» потуги Копенгагенской конференции, созванной оппортунистическими руководителями социалистических партий Швеции, Дании, Норвегии и Голландии. Копенгагенская конференция вынесла решение обратиться к правительствам нейтральных стран с предложением взять на себя посредническую роль в деле скорейшего прекращения войны и заключения мира. Ленин усматривал в Копенгагенской конференции шаг, инспирированный социал-патриотами Швеции и Голландии по предварительному соглашению с социал-шовинистами Германии, и поэтому дал указание «не итти на совет нечестивых; пускай себе ликвидаторы идут на Копенгагенскую конференцию, а нам лучше не ходить к ним вовсе».[1]

Резко отрицательно отнесся Ленин также к Лондонской конференции социалистов стран Антанты, созванной 14 февраля 1915 г. по инициативе Вандервельде, в которой приняли участие главным образом явные социал-шовинисты, «чтобы помочь генеральным штабам и буржуазии своих «отечеств».[2] Созванная по инициативе королевского бельгийского министра и председателя II Интернационала Вандервельде Лондонская конференция социалистов стран Антанты должна была продемонстрировать их единодушие и готовность продолжать политику «защиты отечества» до победного конца. Инициаторы конференции имели вместе с тем в виду найти общий язык с Независимой рабочей партией Великобритании, которая в то время занимала колеблющуюся позицию. Последняя высказалась за необходимость участия в конференции также представителей социал-демократических партий Германии и Австрии. Встретив, однако, на Лондонской конференции энергичное сопротивление французских социалистов, не пожелавших сесть за один стол с «филистимлянами», Независимая рабочая партия Великобритании голосовала все же за решения конференции, которые признавали войну против Германии «священной войной».

Резолюции Лондонской конференции были проникнуты духом поддержки Антанты. Высказываясь против произведенных Германией и Австрией аннексий, конференция в то же время замалчивала вопрос о захватнических планах Англии, Франции и России.

[1] Ленинский сборник, т. II, стр. 218.
[2] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 213.

По вопросу о возобновлении международных социалистических связей Лондонская конференция признала лишь то, что «по окончании войны рабочие всех индустриальных стран должны объединиться в Интернационал».

Выступивший на Лондонской конференции социалистов стран Антанты (14 февраля 1915 г.), по поручению Ленина и большевиков, Максимович (Литвинов) пытался изложить революционную позицию большевиков, но, прерываемый все время председателем конференции, заявил об отказе РСДРП(б) от участия в конференции и демонстративно покинул ее. Проект декларации, разработанный Лениным, подчеркивал империалистический характер войны, решительно отвергал политику классового мира с буржуазией, призывал рабочий класс всех воюющих стран к развернутой как экономической, так и политической борьбе против буржуазии своей страны, осуждал голосование за военные кредиты, требовал выхода из буржуазных правительств. В проекте указывалось, что вхождение социалистов в империалистические правительства и голосование за военные кредиты являются такой же изменой делу социализма, какой является вся линия поведения германской и австрийской социал-демократии.

Проект декларации высказывался далее за образование интернационалистическими элементами международной комиссии для агитации за прекращение войны не в духе буржуазного пацифизма, а путем массовых революционных выступлений против буржуазии и правительств своей страны. Большевики призывали в проекте декларации к поддержке всех попыток сближения и братания в войсках и траншеях и т. д. «Германские и австрийские социалисты совершают великое преступление против социализма, — говорилось в декларации, — когда, следуя примеру буржуазии, лицемерно утверждают, что Гогенцоллерны и Габсбурги ведут войну за освобождение от царизма.

Но не меньшее преступление совершают и те, кто утверждает, что царизм становится более демократичным и цивилизованным; кто обходит молчанием тот факт, что царизм душит и разоряет Галицию, совершенно так же, как германский император душит и разоряет Бельгию; и те, кто молчит о том, что царская шайка бросила в тюрьму парламентских представителей рабочего класса России и совсем недавно осудила на 6 лет каторги несколько московских рабочих за одну принадлежность к социал-демократической партии, что царизм угнетает Финляндию хуже прежнего, что рабочие газеты и рабочие организации в России закрыты, что миллиарды, требуемые войной, выколачиваются царской кликой из голодающих крестьян и неимущих рабочих...»

Декларация заканчивается заявлением, что «рабочие России товарищески протягивают руку социалистам, которые действуют, как Карл Либкнехт, как социалисты Сербии и Италии, как

британские товарищи из Независимой рабочей партии и некоторые другие члены Британской социалистической партии, как арестованные товарищи наши из Российской социал-демократической партии».[1]

Германские и австрийские социал-демократы противопоставили Лондонской конференции социалистов стран Антанты свою конференцию в Вене в апреле 1915 г., на которой в свою очередь продемонстрировали свою готовность к «защите отечества» и поддержке держав центральной коалиции в осуществлении ими своих империалистических задач. В резолюции Венской конференции социалистов говорилось, что социал-демократическая партия является провозвестником мира, вытекающего, однако, не из чувства слабости, а из чувства силы и самоуверенности.

По вопросу о восстановлении международных социалистических связей Венская конференция отметила, что факт защиты социал-демократическими партиями воюющих стран их отечеств не должен служить препятствием к установлению международных взаимоотношений между всеми социалистическими партиями и к продолжению деятельности международной социалистической организации.

Эта резолюция служила лишь прикрытием совершенной ими измены делу международной классовой солидарности.

Большую роль в деле разработки боевой программы революционной борьбы против империалистической войны и в сплочении интернационалистических элементов международного рабочего движения сыграла Бернская конференция заграничных секций большевиков от 27 февраля — 4 марта 1915 г.

Созванная по инициативе Ленина, она имела целью выработать единую точку зрения на характер мировой войны и задачи революционного пролетариата. Живя в то время в Швейцарии, Ленин внимательно следил за развертывавшимися событиями, чутко прислушивался к каждому голосу протеста против войны, нащупывал союзников для совместной борьбы, не упускал случая для установления связи с социалистами других стран и ознакомления их с взглядами большевиков на империалистическую войну, на пути и средства борьбы против империалистической войны.

Важнейшие документы партии по вопросу о войне были разосланы социалистическим организациям других стран, редакциям левых газет и активным участникам рабочего движения. Для пропаганды большевистских взглядов были установлены связи также с политическими эмигрантами, проживавшими в то время в Швейцарии. Ленин не упускал ни малейшей возможности, чтобы изложить свои взгляды на войну и задачи революционного пролетариата, и в этих целях неоднократно выступал с публичными политическими докладами. В Бернской конференции

[1] «Социал-демократ», № 40, 1915.

приняли непосредственное участие парижская, цюрихская, женевская, бернская, лозаннская и божийская секции.

Основным вопросом повестки дня конференции был вопрос о войне и задачах партии. Докладчиком по этому вопросу был Ленин. В основу доклада легли тезисы манифеста о войне.

В своем докладе Ленин выдвигал лозунг социалистической революционной пропаганды — за превращение империалистической войны в войну гражданскую путем массовых революционных выступлений против «своего» империалистического правительства и «своей» буржуазии, братания солдат воюющих армий. Ленин поставил во весь рост вопрос о борьбе не только с социал-шовинизмом, но и с каутскианским центризмом.

Далее Ленин развивал в своем докладе вопрос о необходимости развертывания массовой революционной работы и построения нелегальных организаций с использованием легальных возможностей. Ленин поставил со всей отчетливостью вопрос о лозунге поражения своего империалистического правительства в этой войне, высказывался против пацифистского лозунга демократического мира, невозможного без ряда революций, поддерживал лозунг самоопределения наций вплоть до их отделения. Наконец, Лениным был поставлен в докладе вопрос о создании III Интернационала.

Участники Бернской конференции должны были стать активными проводниками ее решений в жизнь. В выработанной от имени и по поручению конференции резолюции были уточнены лозунги партии по вопросу о войне. Конференция отвергла пацифистские лозунги мира, подтвердила лозунг о поражении «своего» правительства в империалистической войне и высказалась в пользу организационного разрыва с социал-патриотами и создания нового революционного Интернационала. «Было бы вредной иллюзией, — говорилось в решениях Бернской конференции, — надеяться на восстановление действительно социалистического Интернационала без полного организационного размежевания с оппортунистами. РСДРП должна поддерживать всяческие интернациональные и революционно-массовые выступления пролетариата, стремясь к сближению всех анти-шовинистических элементов Интернационала». [1]

Разработанные Бернской конференцией принципиальные установки легли затем в основу «Циммервальдской левой» и расчистили почву для основания III Интернационала. Исключительно выдающуюся роль в разработке идеологической платформы для сторонников последовательного революционного интернационализма сыграл великий гений и стратег пролетарской революции — Ленин. Платформа Бернской конференции служила основной для выступлений большевиков и тех левых, которые разделяли ее на международных женской и юношеской

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 127.

конференциях, равно как на конференциях Циммервальдской, Кинтальской и Стокгольмской (известной под именем III Циммервальдской конференции).

Состоявшаяся в Берне 26—28 марта 1915 г. под председательством Клары Цеткин Международная женская конференция была одним из этапов на пути борьбы с социал-шовинизмом и организации интернационалистского крыла в международном рабочем движении. Конференция была фактически созвана по инициативе Надежды Константиновны Крупской, которая еще в начале 1915 г., совместно с помощником и другом Ленина, деятельным большевиком Инессой Арманд и другими, начала работу по сплочению женщин-социалисток, оставшихся верными принципам пролетарского интернационализма и принявших деятельное участие в подготовке Международной женской конференции.

Одобрив предложение Крупской о созыве Международной женской конференции, Клара Цеткин, секретарь Международного бюро по работе среди женщин, развернула энергичную подготовку к конференции. Конференция состояла в своем большинстве из центристских элементов. В конференции приняли участие представительницы Франции, Германии, Англии, Швейцарии, Голландии, Италии, России и Польши. Состав делегаций был весьма пестрый. На ряду с представительницами организаций, стоявших на позициях классовой борьбы и признававших империалистический характер войны, были и такие, которые высказывались против насилия вообще и за индивидуальное пассивное сопротивление милитаризму (английские делегатки — Марион Филипс, Маргарэт Бондфильд, Мэри Лонгмэн, антимилитаристка Слатер). Конференция признала в своей резолюции империалистический характер войны и осудила идею «защиты отечества», но вместе с тем отклонила и внесенную большевистской группой делегаток, среди которых были Надежда Константиновна Крупская и Инесса Арманд, резолюцию с лозунгами превращения империалистической войны в войну гражданскую, с резкой критикой предательства социалистических вождей и с требованием разрыва с социал-патриотами и образования нового, III Интернационала.

Работницы призывались к борьбе против голосования за военные кредиты, против участия в буржуазных министерствах. Конференция призывала к братанию солдат на фронтах войны и в траншеях, к созданию нелегальных организаций, к участию в революционных манифестациях. В резолюции далее отмечалось, что, борясь рука об руку с пролетариатом, работницы «смогут положить начало новой эре пролетарской борьбы, в течение которой пролетариат завоюет в более передовых странах социализм, а в более отсталых демократическую республику».[1]

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII. Документы и материалы, стр. 412.

Конференция высказалась в принятой ею резолюции за необходимость перехода к активной борьбе за социализм, так как «лишь путем революционного движения масс, усиливая и обостряя социалистическую борьбу, работница достигнет своей цели в этой борьбе».[1] Конференция не стала, однако, на путь открытого и резкого осуждения измены вождей социалистических партий и разрыва с социал-патриотами. Внесенная большевистской делегацией и обоснованная Инессой Арманд резолюция была отклонена большинством 21 против 6 голосов. Резолюции конференции были проникнуты пацифистским духом, осуждали войну и призывали к борьбе за мир.

Под знаком центристских и пацифистских идей прошла точно так же Международная юношеская конференция в Берне 17 апреля 1915 г. Конференция была организована помимо Международного бюро социалистической молодежи. Французская организация социалистической молодежи отказалась от участия в конференции под тем предлогом, что взрослые еще не определили своего отношения к войне. Центральное бюро юношеских комитетов Германии уклонилось от участия в конференции. Отказалось от участия в конференции и руководство социалистической молодежи Австрии.

В конференции участвовали представители Швейцарии, Бельгии, Германии, Голландии, Дании, Норвегии, Швеции, Польши, Италии и России.

Конференция отметила в своих решениях распад II Интернационала и невыполнение социалистическими партиями постановлений международных социалистических конгрессов, указав, что «благодаря политике гражданского мира между классами («бургфриден») социал-демократия перестала быть партией пролетарской классовой борьбы и предала жизненные интересы пролетариата». Высказавшись за пацифистский лозунг разоружения, большинство конференции отклонило большевистский лозунг борьбы за превращение империалистической войны в войну гражданскую. Приняв решение о проведении ежегодно международного юношеского дня, конференция решила перенести Международный секретариат в Швейцарию.

Все же международные женская и юношеская конференции были первыми попытками собирания и сплочения интернационалистического крыла в международном рабочем движении и с этой точки зрения внесли известную лепту в борьбу за высвобождение пролетариата из-под влияния тех руководителей социалистических партий, которые в годы войны стали на путь измены социализму и превратились в агентуру буржуазии в рядах рабочего класса.

Уже на этих конференциях столкнулись две позиции, две

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 412.

противоположных точки зрения по вопросу о войне и задачах Интернационала.

Подвергнув анализу сущность этих разногласий, Ленин писал летом 1915 г. в статье «О борьбе с социал-шовинизмом»: «Один взгляд: не произошло краха Интернационала, нет глубоких и серьезных препятствий к возврату от шовинизма к социализму, нет сильного «внутреннего врага» в виде оппортунизма, нет прямой, несомненной, очевидной измены его социализму. Отсюда вывод: не будем никого осуждать, дадим «амнистию» нарушителям Штутгартской и Базельской резолюций, ограничимся советом взять курс полевее, призвать массы к демонстрациям.

Другой взгляд по всем перечисленным здесь пунктам — совершенно противоположный. Нет ничего вреднее и губительнее для пролетарского дела, чем продолжение внутрипартийной *дипломатии* с оппортунистами и социал-шовинистами... Рабочим массам, которыми *теперь* руководят именно официальные социал-патриоты, засоряют глаза подобной дипломатией. Рабочим массам внушают безусловно ошибочную и вредную мысль, будто теперешние социал-демократические партии с их теперешними правлениями *способны* переменить курс и вместо неправильного пути взять правильный».[1]

Значение этих двух международных конференций состоит в том, что с их трибуны впервые раздался в годы войны — пока еще робкий — протест против империалистической войны и что большевики получили возможность открыто, на международной арене выступить с изложением своих взглядов и повести последовательную и упорную борьбу против социал-шовинизма и центризма, за III Интернационал, за завоевание масс.

В деле сплочения противников империалистической войны первый шаг вперед представляет собой созыв Циммервальдской конференции.

ЦИММЕРВАЛЬДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Состоявшаяся 5—8 сентября 1915 г. Международная социалистическая конференция в Циммервальде (Швейцария) положила начало сплочению всех противников империалистической войны.

В повестке дня Циммервальдской конференции стояли следующие вопросы: 1) доклады представителей отдельных стран, 2) совместная декларация представителей Германии и Франции, 3) принятие принципиальной резолюции, 4) манифест против войны, 5) выборы в постоянную комиссию, 6) декларация солидарности с жертвами войны.

В Циммервальдской конференции приняли участие 38 пред-

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 166.

ставителей от 11 стран. Конференция была очень пестрой по своему составу и весьма неоднородной по своим политическим взглядам и настроениям участников. Поэтому о полном единодушии не могло быть речи. Большинство составляли центристские и левоцентристские элементы. Из 38 делегатов 8 примыкали к «Циммервальдской левой».

Германия была представлена 10 делегатами. Из 10 делегатов 7 примыкало к центристской оппозиции во главе с Ледебуром и Гофманом. Левая группа «Интернационала» была представлена 2 делегатами, берлинская группа «Интернациональные социалисты Германии» была представлена 1 делегатом Ю. Борхардтом. Либкнехт был в то время мобилизован в армию и, не будучи в состоянии участвовать в Циммервальдской конференции, прислал письмо. Роза Люксембург и Клара Цеткин сидели в тюрьме.

Франция была представлена синдикалистом Мерргеймом, секретарем союза металлистов, и Бурдероном, членом французской социалистической партии, секретарем союза бочаров.

Итальянская социалистическая партия делегировала 4 делегатов — Моргари, Модильяни, Ладзари и Серрати.

Правление социал-демократической партии Швейцарии отказалось от участия в Циммервальдской конференции.

От местных организаций социал-демократической партии Швейцарии участвовало 4 делегата — Гримм, Моор, Шарль Нэн и Платтэн. От болгарских «тесняков» приехал Коларов, от «революционного социалистического союза» Голландии — Генриетта Роланд Гольст. Голландские трибунисты не явились. В конференции участвовали также представители социалистической партии Румынии, «молодых» шведских социал-демократов, социал-демократов молодежи Норвегии.

Россия была представлена на Циммервальдской конференции 2 делегатами ЦК РСДРП (большевиков), 1 представителем социал-демократов Латышского края, 2 представителями меньшевистской организационной комиссии — Аксельродом и Мартовым, 1 представителем парижской группы «Наше слово», 2 представителями «интернационалистского» крыла партии эсеров (Натансон-Бобров и Чернов). Польша была представлена 2 делегатами Краевого Управления Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, находившегося в оппозиции к Главному Правлению СДКП и Л, 1 делегатом Главного Правления Социал-демократии Королевства Польского и Литвы и 1 делегатом «левицы» Польской Партии Социалистов (ППС). С информационными целями в конференции принимал участие и представитель «Бунда».

Итальянская социалистическая партия, которая принимала самое активное участие в подготовке и организации Циммервальдской конференции, вначале высказывалась за приглашение на конференцию только тех социалистических организаций, кото-

рые подолжали стоять на почве классовой борьбы, отвергали военные кредиты и разделяли принципы международной пролетарской солидарности. На предварительном совещании в Берне 11 июля 1915 г. по вопросу о подготовке Циммервальдской конференции преобладали центристы. Не были приглашены голландские и германские левые, латышские и польские социал-демократы (оппозиция). Предполагалось привлечь к участию в Циммервальдской конференции также Трульстра, Брантинга и Гаазе. Были посланы приглашения Каутскому, Гаазе, Бернштейну, но последние предпочли стоять в стороне от Циммервальдской конференции и сослались на то, что они являются официальными представителями германской социал-демократической партии в Международном Социалистическом Бюро и находят участие в Циммервальдской конференции для себя неудобным.

Внесенное большевиками предложение пригласить на следующее предварительное совещание также представителей голландских левых, болгарских «тесняков», левых шведов и норвежцев, германскую группу левых «Lichtstrahlen» («Лучи света»), польских социал-демократов (оппозиция), латышских социал-демократов было отклонено под тем предлогом, что на конференцию приглашаются только те организации, которые входят через своих официальных представителей в Международное Социалистическое Бюро. Все это должно было дать центристам решающий перевес на Циммервальдской конференции и возможность ввести революционные настроения масс в русло пацифизма, облегчить примирение с социал-шовинистами и восстановление II Интернационала.

На конференции рельефно выкристаллизовалось правоцентристское, «почти каутскианское», большинство, возглавлявшееся Робертом Гриммом (Швейцария). К правоцентристскому крылу примыкали Ледебур и Гофман (Германия), часть итальянцев, швейцарцев, поляков, русских меньшевиков и французов. Циммервальдский центр во главе с Гриммом объединял элементы, колебавшиеся между правым и левым крылом конференции, и в основном поддерживал правое крыло. К Циммервальдскому центру примыкал и Троцкий. В левое меньшинство, группировавшееся вокруг большевиков во главе с Лениным, входили 1 германский делегат из группы Борхардта, 1 от швейцарцев, 1 от поляков (оппозиция), 1 от латышей, 1 от шведов, 1 от норвежской молодежи.

Левое крыло, хоть и незначительное количественно, проявило на конференции большую активность и сыграло большую роль. Ленин направил свои усилия на то, чтобы сплотить левых и выступить на конференции с оформленной организованной группой и со своей платформой. Еще в письме к т. А. Коллонтай Ленин в июле 1915 г. писал: «По нашему, левые должны выступить с общей *идейной* декларацией (1) с обязательным осуждением социал-шовинистов и оппортунистов; (2) с програм-

мой революционных действий (сказать ли: гражданская война, или рево[люционные] массовые действия — не так уже важно) — (3) против лозунга «защиты отечества» и т. д. Идейная декларация «левых» от имени нескольких стран имела бы гигантское значение...» [1]

В составленном в августе 1915 г. Лениным проекте резолюции как основы для платформы «Циммервальдской левой» и для предварительного обсуждения его левыми говорилось, что «война (создала) создает революционную ситуацию, (породила) порождает революционные настроения и брожения в массах, (вызвала) вызывает повсюду (у социалистов) в лучшей части пролетариата сознание гибельности оппортунизма и (обострила) обостряет борьбу с ним». [2]

В проекте выдвигался вопрос о том, что в революционной агитации в обстановке империалистической войны не следует останавливаться «перед соображением о поражении своего отечества. В проекте отвергалась надежда на «возможность скорого, сколько-нибудь прочного, демократического, исключающего угнетение наций, мира (разоружения и т. п.) без революционного низвержения теперешних правительств». [3]

Ленин подчеркивал в этом проекте, что «только социальная революция пролетариата открывает дорогу к миру и свободе наций», что «империалистическая война открывает собой эру социальной революции», что долг социалистов «стремиться к превращению империалистической войны (народов) между народами в гражданскую войну, угнетенных классов против их угнетателей, войну за экспроприацию класса капиталистов, за завоевание политической власти пролетариатом, за осуществление социализма». [4]

Ленинский проект резолюции встретил возражения среди отдельных левых делегатов — поляков и скандинавцев. Выработанные на предварительном совещании левых накануне конференции тезисы с внесенными в них некоторыми поправками Ленина были внесены на конференции от имени 8 левых делегатов в качестве проекта резолюции по вопросу «Всемирная война и задачи социал-демократии».

Выработав свою платформу еще до открытия Циммервальдской конференции, левые добились на конференции того, что правоцентристскому большинству не удалось замазать, затушевать разногласия по основным принципиальным вопросам.

Внесенный на конференцию проект резолюции давал ясную характеристику империалистической войны, со всей решительностью отвергал лозунг «защиты отечества» в условиях империалистической войны и выдвигал лозунг революционной борьбы со

---

[1] Ленинский сборник, т. II, стр. 231.
[2] Ленинский сборник, т. XIV, стр. 168.
[3] Ленинский сборник, т. XIV, стр. 168.
[4] Ленинский сборник, т. XIV, стр. 168—169.

«своими» капиталистическими правительствами за завоевание политической власти.

Проект резолюции указывал также пути и средства борьбы с войной, требовал отклонения военных кредитов, выхода из буржуазных правительств, разоблачения империалистического характера войны, применения экономических и политических стачек.

Проект резолюции левых дал вместе с тем исчерпывающую характеристику социал-шовинизма.

Правоцентристское большинство конференции уклонилось от открытого боя и предложило конференции вообще воздержаться от принятия какой-либо принципиальной резолюции. Свои предложения по этому поводу представители правоцентристского большинства мотивировали тем, что они не имеют на то полномочий от пославших на конференцию организаций.

Против принятия принципиальной резолюции голосовали 19 делегатов, за — 12 участников конференции. Таким образом, при постановке вопроса о принятии принципиальной резолюции левым удалось по этому вопросу оторвать 4 голоса от правоцентристского большинства конференции.

Правоцентристское крыло Циммервальдской конференции высказывалось против лозунгов социалистической революции и подготовки пролетариата к революционным выступлениям и гражданской войне против буржуазии. Мало того, германские центристы-каутскианцы отказались на конференции присоединиться к требованию отказа от голосования за военные кредиты. Ледебур и Гофман ультимативно заявили в комиссии по составлению манифеста, что они не подпишут его, если будет одобрена и принята поправка левых, обязывавшая сторонников Циммервальда голосовать против военных кредитов.

Борьба между правоцентристским большинством и левым меньшинством вновь развернулась со всей силой вокруг вопроса о манифесте. Борьба принимала подчас столь острый характер, что возникали опасения — возможно ли дальше продолжать работу конференции. После длительных прений три различных проекта, внесенные на конференцию, — от правого крыла, центра и левого крыла конференции, — были переданы в комиссию. С большим трудом комиссии удалось разработать проект манифеста для внесения его на пленарное заседание конференции.

Ленин отметил, что в манифесте Циммервальдской конференции заметна «обидная недоговоренность, какая-то робость, боязнь сказать всю правду». [1]

Вскрывая в своем выступлении на конференции несостоятельность позиции полукаутскианского крыла конференции, Ленин со всей беспощадностью разоблачал ее подлинную оппортуни-

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 298.

стическую сущность. В своей статье «Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г.», помещенной в органе «Социал-демократ» от 11 октября 1915 г., Ленин писал:

«Либо мы действительно твердо убеждены, что война создает в Европе революционную ситуацию, что вся экономическая и социально-политическая обстановка империалистической эпохи ведет к революции пролетариата. Тогда наш безусловный долг разъяснять массам необходимость революции, звать к ней, создавать соответствующие организации, не бояться говорить самым конкретным образом о различных приемах насильственной борьбы и об ее «технике». Этот наш безусловный долг не зависит от того, будет ли революция достаточно сильна и наступит ли она в связи с 1-ой или 2-ой империалистской войной и т. п. Либо мы не уверены в том, что ситуация революционна, и тогда нечего по-пустому употреблять слова о войне с войной». [1]

Манифест конференции признавал, правда, империалистический характер войны, отмечал лживость лозунга «защиты отечества» и нарушение рядом социалистических партий социалистического долга. Но в манифесте не было призыва к социалистической революционной борьбе за свержение капитализма, к социалистической революции, не было последовательного разоблачения предательства социал-шовинистов и примиренчества к нему со стороны каутскианцев, не был поставлен вопрос о разрыве с социал-шовинистами и о создании нового Интернационала.

Говоря о поджигателях империалистической войны и их ответственности за нее, манифест Циммервальдской конференции заявил: «Правящие силы капиталистического общества, в руках которых покоились судьбы народов, — монархические, как и республиканские правительства, тайная дипломатия, могущественные предпринимательские организации, буржуазные партии, капиталистическая пресса, церковь, — они все несут на себе всю тяжесть ответственности за эту войну, которая возникла из питающего их и ими охраняемого общественного порядка и ведется во имя их интересов». [2]

В качестве основного лозунга конференцией был выдвинут вопрос борьбы за мир.

«Необходимо начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций, — говорилось в манифесте. — Такой мир возможен только при осуждении всяких помыслов о насилии над правами и свободами народов... Само-

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 303.
[2] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 413.

определение наций должно быть непоколебимой основой национальных отношений...»[1]

Левым удалось ввести ряд революционных положений и лозунгов в манифест. Несмотря на то, что в нем не было четкой характеристики сущности оппортунизма, путей и средств борьбы против войны, левые голосовали за манифест. Циммервальдская конференция представляла собой, по определению Ленина,— все же «шаг вперед к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву и расколу с ним...»[2]

Манифест был принят Циммервальдской конференцией единогласно.

Оценивая значение манифеста и объясняя мотивы своего голосования, «Циммервальдская левая» заявила на конференции: «Манифест, принятый конференцией, нас не вполне удовлетворяет. Он не содержит характеристики как откровенного оппортунизма, так и оппортунизма, прикрывающегося радикальными фразами, — оппортунизма, который не только является главным виновником краха Интернационала, но и хочет увековечить этот крах. Манифест не содержит ясной характеристики средств борьбы против войны. Как и до сих пор, мы будем в социалистической печати и на собраниях Интернационала отстаивать решительную марксистскую позицию по отношению к тем задачам, которые эпоха империализма поставила перед пролетариатом. Мы голосуем за манифест потому, что смотрим на него как на призыв к борьбе, а в этой борьбе мы хотим итти рука об руку с остальными частями Интернационала».[3]

Говоря о мотивах голосования большевиков за манифест Циммервальда, Ленин указывал в своей статье «Первый шаг» от 11 октября 1915 г., что «было бы сектантством отказываться сделать этот шаг вперед вместе с меньшинством немцев, французов, шведов, норвежцев, швейцарцев, когда мы сохраняем полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего; было бы плохой военной тактикой отказаться идти вместе с растущим международным движением протеста против социал-шовинизма из-за того, что это движение медленно, что оно делает «только» один шаг вперед, что оно готово и хочет завтра сделать шаг назад, пойти на мир со старым Международным Социалистическим Бюро».[4]

Участвовавшая в конференции французская делегация в лице Мерргейма и Бурдерона подписала с Гофманом и Ледебуром, представителями от германской делегации, совместную декларацию, в которой подчеркивалось, что «эта война не есть наша

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 414.

[2] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 300.

[3] Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала. Материалы и документы, стр. 176. Партиздат, 1934.

[4] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 300.

война». Подписавшие декларацию французские и германские делегаты взяли на себя обязательство энергично бороться против войны.

Конференция выразила свои симпатии жертвам войны и преследуемым за революционную деятельность и послала приветствие сосланным царским правительством большевистским депутатам Государственной думы, а также томящимся в тюрьме Розе Люксембург и Кларе Цеткин.

Циммервальдская конференция не стала на позиции борьбы за создание нового Интернационала. Признавая отдельные ошибки руководителей II Интернационала, правоцентристское большинство конференции высказывалось против разрыва с II Интернационалом и образования нового Интернационала. Конференция отметила лишь, что «подобно отдельным партиям, несостоятельным оказалось также и признанное представительство социалистов всех стран: Международное Социалистическое Бюро». [1]

Внесенный «Циммервальдской левой» проект резолюции указывал, что «беспощадная борьба с социал-империализмом составляет первую необходимую предпосылку мобилизации пролетариата и восстановления Интернационала». [2]

Конференция создала Интернациональную Социалистическую Комиссию, в которую вошли Роберт Гримм, Моргари, Нэн и в качестве секретаря комиссии Балабанова.

Однако правое крыло Циммервальдской конференции при этом энергично подчеркнуло, что ИСК должна представлять собой лишь временную организацию и отнюдь не должна противопоставить себя Международному Социалистическому Бюро.

Левое крыло открыто выступало против восстановления II Интернационала и настаивало на создании нового, революционного Интернационала.

Только партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным ставила вопрос об образовании нового, революционного III Интернационала со всей отчетливостью и последовательностью.

Причину недоговоренности и нечеткости в формулировке этой задачи следует искать в том, что как среди германских левых, особенно в группе «Интернационал», стоявшей в то время еще в стороне от «Циммервальдской левой», так и среди польской социал-демократической оппозиции и других групп не были еще полностью преодолены колебания по этому вопросу, не была еще осознана необходимость полного разрыва с социал-шовинистами и II Интернационалом.

Значение Циммервальдской конференции заключается в том, что это было первое начинание международного характера в де-

---

[1] Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала. Материалы и документы, стр. 176. Партиздат, 1934.

[2] Ленин. Соч., т. XVIII. Документы и материалы, стр. 416.

ле сплочения всех противников империалистической войны. На конференции оформилась «Циммервальдская левая», образованию которой Ленин придавал огромное значение.

В статье «Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г.» Ленин писал: «Сплочение указанной группы — один из самых важных фактов и один из самых больших успехов конференции. После целого года войны единственным течением в Интернационале, которое выступало с вполне определенной резолюцией, — а также с основанным на ней проектом манифеста, — и объединило последовательных марксистов России, Польши, Латышского края, Германии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Голландии, оказалось течение, представленное нашей партией». [1]

Но «Циммервальдская левая» отнюдь не была единой и монолитной группой. Среди ее участников были и колеблющиеся и непоследовательные до конца элементы (шведские «молодые», германские левые, польские социал-демократы (оппозиция), высказывавшиеся против ленинских лозунгов превращения империалистической войны в гражданскую, против лозунга поражения своего правительства в империалистической войне и против выдвинутого Лениным лозунга создания нового, революционного III Интернационала.

Из германских левых наиболее близкую к «Циммервальдской левой» позицию занимал Карл Либкнехт. В присланном на имя Циммервальдской конференции письме Либкнехт резко нападал на центристов, называя их «перебежчиками». В этом же письме Карл Либкнехт выдвигал лозунг гражданской войны. «Гражданская война, а не гражданский мир, — говорилось в этом письме Либкнехта, — международная солидарность пролетариата против лженациональной и лжепатриотической гармонии классов; международная классовая борьба за мир, за социалистическую революцию». [2]

Единственно последовательную позицию в «Циммервальдской левой» занимали большевики во главе с Лениным, подвергавшие критике ошибки и колебания левых по целому ряду важнейших принципиальных вопросов и толкая их на путь последовательной революционной борьбы.

Большевики помогали левым выковывать последовательное революционное мировоззрение, сплачивали их под знаком совместной борьбы против империалистической войны, против социал-шовинизма и центризма. «Циммервальдская левая» выпустила в Цюрихе в ноябре 1915 г. «Internationale Flugblätter» («Интернациональные летучие листовки»). Когда после Циммервальдской конференции к «Циммервальдской левой» присоединились голландские левые во главе с Паннекуком, Вайнкопом и

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 302.
[2] «Пролетарская революция», № 7, стр. 143, 1929.

Гортером, удалось приступить в 1916 г. к изданию своего печатного органа на немецком языке — «Vorbote» («Предвестник»), на страницах которого дискутировались и освещались основные вопросы международного рабочего движения.

Подводя итоги Циммервальдской конференции, Ленин в статье «Первый шаг» писал: «Успех нашей линии несомненен. Сравните факты. В сентябре 1914 г. манифест нашего Центрального Комитета — как будто одинокий. В январе 1915 г. международная женская конференция с бедной пацифистской резолюцией, за которой слепо идет О. К. В сентябре 1915 г. мы сплачиваемся в целую группу международной левой, выступаем со своей тактикой, проводим ряд основных наших идей в общем манифесте, участвуем в образовании И. С. К. (Интернациональной Социалистической Комиссии), т. е. фактически нового Международного Социалистического Бюро, вопреки воле старого, на базе манифеста, прямо осуждающего тактику старого». [1]

ОТ ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ ДО КИНТАЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

1916 г. прошел под знаком заметного оживления в рабочем движении. Недовольство и разочарование масс стали все чаще и сильнее прорываться наружу, выливаясь в форму конфликтов и стачек, волнений и демонстраций.

Об этом говорили 10-тысячная демонстрация, организованная «Союзом Спартака» в Берлине в день 1 мая 1916 г., стачка протеста 55 тысяч берлинских металлистов против каторжного приговора над Карлом Либкнехтом, 8-тысячная стачка 27 июня в Брауншвейге, демонстрация в Берлине, Штутгарте и других местах. Об этом говорили демонстрации против дороговизны во Франции в марте 1916 г. и стачки на военных заводах, стачечное движение, развернувшееся под руководством фабрично-заводских комитетов в Англии, и т. д.

Буржуазные правительства и социал-патриоты открыли против Циммервальдской конференции и ее решений бешеную кампанию лжи и клеветы, усилили преследования революционных элементов рабочего движения. Как из рога изобилия, посыпались суровые репрессии, аресты, каторжные приговоры. Все эти репрессии не могли, однако, приостановить процесс высвобождения рабочего класса из плена социал-патриотов. Этот процесс происходил в рабочем движении не только воюющих, но и «нейтральных» стран. Под давлением заметного полевения масс в Германии и усилившегося недовольства политикой официального руководства социал-демократической партии центристы принуждены были все больше маневрировать.

В связи с вынесенным 24 марта 1916 г. парламентской с.-д. фракцией германского рейхстага решением, которое поставило

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 301.

центристскую оппозицию по существу вне фракции, 18 депутатов во главе с Ледебуром оказались вынужденными приступить к образованию «Arbeitsgemeinschaft» «Трудовое содружество». Бюро фракции «Трудовое содружество» возглавляли Гаазе, Ледебур и Дитман. «Трудовое содружество» стало выпускать «Lose Flugblätter» («Свободные листки»). Когда находившийся в руках центристов берлинский «Vorwärts» был в апреле 1916 г. захвачен, центральным органом группы стали «Mitteilungsblätter» («Осведомительные листки»).

На первой общегерманской конференции сторонников Либкнехта в январе 1916 г. была организационно оформлена группа «Интернационал». Однако германские левые продолжали цепляться за единство, высказываться против организационного разрыва и с центристами.

Заслугой германских левых, объединившихся в группу «Интернационал», преобразованную позднее в «Союз Спартака», является то, что они повели пропаганду решений Циммервальдской конференции, повели нелегальную работу среди рабочих, занявшись подготовкой, организацией и развязыванием политических и экономических стачек и антивоенных демонстраций.

Заметно стало расти оппозиционное движение и внутри социалистической партии и особенно в синдикатах (профсоюзах) Франции. Французские центристы во главе с Лонге, Прессман и др., провозглашавшие, что Франция ведет оборонительную войну, голосовавшие за военные кредиты, стали под давлением масс усиленнее проводить в своих выступлениях пацифистскую линию, выступать против захватнических планов империалистов Антанты и пр. Образованный с участием оппозиционно настроенных социалистов и синдикалистов «Комитет по восстановлению международных связей» развернул во Франции энергичную деятельность. Интернационалистские элементы сгруппировались в то время вокруг издававшегося в Женеве журнала «Завтра».

Усилилась борьба оппозиционно настроенных элементов против шовинистской политики Рабочей партии и тред-юнионов также в Англии. Борьба эта закончилась на конференции Рабочей партии в Бристоле в 1916 г. победой шовинистских лидеров. Предложенная Независимой рабочей партией программа мира была отклонена. Среди членов Независимой рабочей партии выявились тенденции к разрыву с Рабочей партией. Вопрос этот обсуждался на конференции Независимой рабочей партии в Нью-Кестле в апреле 1916 г. Но предложение о выходе из Рабочей партии в связи с ее шовинистской политикой было большинством конференции отклонено. Заметно усилилось влияние левых элементов в Британской социалистической партии (Ф. Ротштейн, Аскью, Инкпин и др). В Шотландии большим успехом пользовалась революционная пропаганда Джона Маклина, в Ирландии развернулось национально-освободительное движение. Значительно выросло влияние революционного крыла и в

нейтральных странах — Швейцарии, Швеции, Норвегии, Испании и других странах.

Процесс размежевания в социал-демократической партии Швеции повел в мае 1916 г. к выходу ряда видных членов ЦК, опиравшихся на социал-демократический Союз молодежи, из состава последнего, что положило фактически начало расколу в партии.

В Норвегии Союз социал-демократической молодежи вынес 3 апреля 1916 г. официальное решение о присоединении к Циммервальдскому объединению. В июне 1916 г. за признание принципов Циммервальда высказался и ЦК партии.

Через несколько месяцев после Циммервальдской конференции ряды ее сторонников пополнились Британской социалистической партией, Независимой рабочей партией Англии, Социалистической партией США, Социалистической рабочей партией Америки и оппозиционными группами ряда других стран. Циммервальд стал центром притяжения оппозиционных сил недовольных социал-шовинистской политикой официальных вождей социалистических партий и профсоюзов.

Международное Социалистическое Бюро предприняло ряд шагов, чтобы парализовать влияние Циммервальдского объединения. На съезде голландской социал-демократической партии в январе 1916 г. секретарь М. С. Б. Г ю й с м а н с в своем выступлении заявил, что II Интернационал будет на путях взаимного соглашения восстановлен. В своей поездке по различным районам Франции Гюйсманс вел энергичную атаку против Циммервальдского объединения. Эти же попытки парализовать влияние Циммервальда лежали в основе созванной 31 июля 1916 г. в Гааге конференции нейтральных стран с участием представителей Швеции, Голландии, Дании, Аргентины и Америки. Тем не менее выделенная Циммервальдской конференцией Интернациональная Социалистическая Комиссия во главе с Гриммом решительно продолжала высказываться против организационного размежевания с социал-патриотами, вела явно примиренческую политику, отражая линию правоцентристского большинства конференции. В деятельности Интернациональной Социалистической Комиссии стала проявляться тенденция повернуть вправо.

Еще 27 ноября 1915 г. в бюллетене Интернациональной Социалистической Комиссии (№ 2) было опубликовано «Eine Erklärung» («Заявление»), в котором подчеркивалось что ИСК не противостоит МСБ как конкурирующая организация, что она имеет временный характер и распустится в тот же момент, к о г д а МСБ с о г л а с н о р е ш е н и я м Ш т у т г а р т с к о г о, К о п е н г а г е н с к о г о и Б а з е л ь с к о г о к о н г р е с с о в п о в е д е т б о р ь б у п р о т и в в о й н ы и свою тактику не будет ставить в зависимость от тех социалистических партий, которые поддерживают в своих странах военную политику правящих классов. Вопрос об отношениях ИСК и МСБ нашел свое

отражение в решениях состоявшегося 5—8 февраля 1916 г. в Берне расширенного совещания Интернациональной Социалистической Комиссии. В числе участников совещания были представители Германии, Австрии, Франции, Италии, России, Голландии, Швейцарии, Румынии, Португалии. В совещании участвовало 20 делегатов. В числе делегатов был Ленин от ЦК РСДРП(б). Большевики настаивали на придании этому совещанию характера международной конференции, стремясь противопоставить ее совещанию МСБ в Гааге. Под давлением большевиков и «Циммервальдской ловой» ИСК оказалась вынужденной взять обратно свое «заявление» и принять обращение, энергично осуждавшее лозунг «защиты отечества». В этом обращении указывалось на необходимость массовых выступлений против империалистической войны. ИСК приветствовала отказ петроградских рабочих от участия в военно-промышленных комитетах и требовала от сторонников Циммервальда отказа от голосования за военные кредиты, вне зависимости от положения на военных фронтах. Это решение косвенно осуждало позиции группы Ледебура в Германии. Большевикам удалось внести в опубликованный совещанием текст обращения ИСК, напечатанный в № 3 бюллетеня ИСК, ряд важных поправок и дополнений.

В своем заявлении «Циммервальдская левая» отметила, что она не совсем удовлетворена текстом обращения, но тем не менее усматривает в этом акте шаг вперед и поэтому находит необходимым голосовать за окончательный проект текста обращения. На этом же заседании ИСК вынесла решение о созыве очередной конференции сторонников Циммервальда в Кинтале (Швейцария) и обратилось ко всем примыкавшим к Циммервальду партиям и группам с предложением прислать свои предложения по вопросам повестки дня Кинтальской конференции. В связи с этим большевики опять исчерпывающе изложили свою позицию по вопросам международного революционного движения. Ленин в своих тезисах, направленных ИСК как «Предложение Центрального Комитета РСДРП 2-й социалистической конференции», сигнализировал о начавшемся повороте ИСК вправо. Указав, что заявление ИСК от 27 ноября 1915 г. «не только не голосовалось, но и не обсуждалось в Циммервальде», что «во всем мире фактически есть уже раскол, обнаружились уже две, совершенно непримиримые, политики рабочего класса по отношению к войне», Ленин предостерегал от замазывания факта раскола, указав, что это «поведет только к запутыванию рабочих масс и затемнению их сознания», что это затруднит революционную массовую борьбу и что «задача социалистов разъяснять массам неизбежность раскола с теми, кто ведет политику буржуазии под флагом социализма».[1]

В предложениях большевиков указывалось, что демократиче-

---

[1] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 62—63.

ский мир невозможен без ряда революций, что социалисты отнюдь не должны отказываться от борьбы и за реформы и что этим самым не снимается вопрос о революции. Далее отмечалось, что объективное значение опубликованной каутскианской «программы мира» состоит «в укреплении подчинения рабочего класса буржуазии путем «примирения» начинающих развивать революционную борьбу рабочих с их шовинистическими вождями, путем затушевывания глубины кризиса в социализме ради возвращения к тому состоянию социалистических партий, которое было до войны и которое именно породило переход большинства вождей на сторону буржуазии».[1]

ЦК РСДРП(б) энергично высказывался против курса на восстановление Международного Социалистического Бюро II Интернационала и за разрыв с социал-шовинизмом. Эти предложения легли в основание платформы левых на Кинтальской конференции.

КИНТАЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Состоявшаяся 24—30 апреля 1916 г. Вторая международная социалистическая конференция в Кинтале (Швейцария) показала происшедший за это время в рабочем движении заметный сдвиг влево. В повестке дня Кинтальской конференции стояли следующие вопросы: 1) борьба за окончание войны, 2) отношение пролетариата к вопросам мира, 3) агитация и пропаганда, 4) парламентская деятельность, 5) массовая борьба, 6) вопрос о созыве Международного Социалистического Бюро. На конференции присутствовало 43 делегата. Германия была представлена на конференции 7 делегатами во главе с Гофманом от центристской группы Гаазе — Ледебура, 2 делегатами от группы «Интернационал», 1 делегатом от группы бременских левых радикалов; от Итальянской социалистической партии в конференции участвовало 7 делегатов, в числе которых были Моргари, Ладзари, Серрати и др. Франция была представлена 3 депутатами, примыкавшими к центристскому течению, — Лонге-Бризоном, Раффен-Дюжанс и Блан и левым синдикалистом Гильбо. Избранные на конференцию Мерргейм, Бурдерон и Майю (от учителей) не смогли приехать вследствие неполучения паспортов для выезда.

Швейцария была представлена 5 делегатами — Грабером, Нэн, Нобсом, Платтеном и Робманом.

Россия была представлена на конференции 3 делегатами от ЦК РСДРП(б) во главе с Лениным, 2 делегатами от меньшевистского ОК РСДРП, 3 делегатами от левого крыла партии эсеров.

Кроме того, на конференции участвовали представители Польши (оппозиционного Краевого Правления Социал-демокра-

---

[1] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 59.

тии Королевства Польского и Литвы, Главного Правления Социал-демократии б. Королевства Польского и Литвы и «левицы» Польской Партии Социалистов), Норвегии, Австрии, Сербии, Португалии. В конференции участвовал на правах гостя 1 делегат от Англии, а также представители Интернациональной социалистической комиссии Гримм и Балабанова и представитель секретариата Интернационала молодежи. Представители Независимой рабочей партии Англии, США, Болгарии, Румынии, Греции и Швеции не могли получить паспортов и поэтому на конференции отсутствовали. На Кинтальской конференции к Циммервальдской левой примкнули и представители бременской группы «левых радикалов», революционного крыла французских синдикалистов, сербской социал-демократической партии, Интернационала молодежи.

Все больше сближался с «Циммервальдской левой» ряд представителей Швейцарии, германских спартаковцев, Главного Правления Социал-демократии б. Королевства Польского и Литвы, итальянец Серрати.

Удельный вес левого крыла значительно увеличился. «Циммервальдская левая» насчитывала на этот раз 12 чел. По некоторым вопросам оно собирало 12—20 голосов, т. е. почти половину всех голосов делегатов.

По ряду вопросов поддерживал «Циммервальдскую левую» итальянец Серрати. Это объяснялось ростом революционных настроений масс, под давлением которых находились колеблющиеся элементы, а также упорной работой большевиков внутри самой левой за это время.

Основные разногласия и борьба выявились на конференции главным образом по вопросу о созыве Международного Социалистического Бюро. Вопрос этот имел не только принципиальное значение. Он приобретал и актуальное практическое значение в связи с попытками МСБ сплотить правые элементы и с тенденциями циммервальдского большинства достигнуть с МСБ соглашения.

Под давлением левых правоцентристское большинство вынуждено было также осудить МСБ и высказаться за исключение из рядов социалистических партий министров-социалистов буржуазных правительств.

Все же идеи «взаимной амнистии» и боязнь разрыва с социал-шовинистами не были еще преодолены не только центристскими элементами, но и колеблющимися элементами среди левых.

В вопросе об отношении к социал-шовинистам конференция сделала значительный шаг вперед, шаг к разрыву с социал-патриотами.

Правоцентристское крыло конференции ограничивалось отдельными критическими замечаниями по адресу руководства II Интернационала, но продолжало энергично выступать за сохранение единства и против раскола, мотивируя это тем, что в

нарушении принципов международной пролетарской солидарности виновны не только вожди, но и массы, которые также были, мол, охвачены патриотическими настроениями.

Правоцентристское крыло конференции высказывалось за участие в предполагавшемся заседании МСБ II Интернационала. Оно указывало при этом, что сторонники Циммервальда окажутся там в большинстве и смогут добиться победы над социал-патриотами внутри МСБ, не прибегая к разрыву с ним.

Германские центристы указывали со своей стороны на то, что не следует уклоняться от борьбы с социал-шовинистами внутри самого МСБ и в том случае, если сторонникам Циммервальда не удастся добиться большинства.

Левое крыло, сплотившееся вокруг «Циммервальдской левой», со всей решительностью выступало против примиренчества в отношении МСБ, требовало самого резкого осуждения и разоблачения его деятельности, его политики обмана масс, доказывало необходимость полного разрыва с социал-шовинистами.

Вопрос был передан в комиссию из 7 членов для составления резолюции. Среди членов комиссии были Гофман (Германия), Нэн (Швейцария), Ладзари (Италия), Ленин от большевиков (Россия), Аксельрод — от русских меньшевиков и др. Большинство комиссии высказалось за проведение кампании в пользу созыва Международного Социалистического Бюро. Ленин и другие, оставшиеся в комиссии в меньшинстве, выступали энергично против этого предложения большинства комиссии. Большинство признавало, что МСБ оказалось неспособным защитить и применить принцип Интернационала во время войны и высказывалось в пользу замены МСБ другим комитетом, составленным из социалистов нейтральных стран, и за исключение из партии социалистов, участвовавших в правительствах. На пленарном заседании конференции голосовалась, на ряду с представленными большинством и меньшинством проектами резолюций, также резолюция примиренческого характера. За резолюцию большинства было подано 10 голосов, за резолюцию меньшинства голосовало 12 и за промежуточную, примиренческую резолюцию об оставлении вопроса о созыве МСБ открытым — 15 голосов. Внесенные на пленарном заседании конференции предложения Гофмана в пользу созыва МСБ получили 2 голоса, проект Серрати, в основном совпадавший с предложением большинства, — 10 голосов и предложение, внесенное от левых и требовавшее созыва конференции циммервальдцев в случае созыва МСБ, — 19 голосов.

Вопрос пришлось вновь передать в комиссию, дополненную несколькими новыми членами. В результате достигнутого в комиссии соглашения конференция приняла за основу компромиссную резолюцию.

Осудив социал-шовинистов большинством голосов, конференция оставила, таким образом, открытым вопрос об агитации за

созыв МСБ, обязав Интернациональную социалистическую комиссию, в случае созыва МСБ, собрать расширенное заседание ИСК для обсуждения вопроса о выступлении сторонников Циммервальда. Конференция вместе с тем предоставила секциям Циммервальда право требовать от своего имени созыва МСБ.

Конференция рекомендовала всем организациям, стоявшим на почве Циммервальдского объединения, «тщательно следить за действиями Исполнительного Комитета Международного Социалистического Бюро».[1]

В резолюции Кинтальской конференции по вопросу об отношении к МСБ указывается, что Исполком упорно противился созыву МСБ и этим обострил кризис в Интернационале, стал соучастником принципов «защиты отечества» и гражданского мира, обрекающих рабочий класс на бессилие; что председатель Исполкома Вандервельде счел возможным совмещение своего положения министра с обязанностями председателя МСБ, став послушным орудием одной из воюющих коалиций. Конференция выразила опасение, что «Исполнительный комитет МСБ будет созван в момент, соответствующий политическим интересам одной из обеих коалиций всяких держав».[2]

Не приняв последовательного и четкого решения о разрыве с МСБ, Кинтальская конференция отметила лишь, что МСБ неспособно защитить и применить во время войны принципы Интернационала.

Как резолюция Кинтальской конференции по вопросу о борьбе за мир, так и «обращение Второй социалистической международной конференции к разоряемым и умерщвляемым народам» были в значительной мере еще проникнуты компромиссом. Конференция не разделяла позиций борьбы за превращение империалистической войны в войну гражданскую, поражения своих правительств в империалистической войне и создания нового, III Интернационала. Но по сравнению с решением Циммервальдской конференции она представляла все же некоторый шаг вперед. «Проекты устранить опасность войн путем всеобщего ограничения вооружений, обязательных третейских судов, — говорилось в резолюции конференции об отношении пролетариата к вопросу о мире, — не более как утопия...

...Рабочий класс должен отклонить утопические требования буржуазного или социалистического пацифизма... Поэтому борьба за прочный мир может заключаться лишь в борьбе за осуществление социализма».[3]

Резолюция, внесенная левым крылом, — в основу которой легли представленные в ИСК «Предложения ЦК РСДРП(б) социалистической конференции», призывавшая обратить оружие

---

[1] Циммервальдская и Кинтальская конференции. Официальные документы, стр. 51. Ленинград, 1924.

[2] Там же, стр. 51.

[3] Там же, стр. 51.

«против общего врага — капиталистических правительств», т. е. призывавшая к гражданской войне, — была отклонена. Но в принятую конференцией резолюцию был включен целый ряд положений, внесенных левыми.

В связи с голосованием меньшинства французской парламентской фракции за военные кредиты «Циммервальдская левая» внесла на Кинтальской конференции заявление о несовместимости такого поведения с социализмом и борьбой против войны.

«Это поведение, — говорилось в заявлении, — превращает все протесты этих депутатов против войны и политики гражданского мира в бессильные платонические заявления. Оно способно подорвать всякое доверие к социалистической партии среди оппозиционно настроенных масс. Оно в чрезвычайной степени ослабляет усилия интернационалистских партий воздвигнуть интернациональный фронт для борьбы против войны». [1]

Заявление «Циммервальдской левой» было подписано также Серрати (Италия), делегатами Сербии, Португалии и рядом других делегатов конференции.

Таким образом, резолюция Кинтальской конференции была, по существу, заострена против каутскианского пацифизма с его лозунгами «прочного» и «демократического мира». Все это говорило о несомненном успехе «Циммервальдской левой».

Основные лозунги «Обращения Второй социалистической международной конференции к разоряемым и умерщвляемым народам» сводятся к борьбе за немедленный мир без аннексий, к давлению на социалистических депутатов и правительства, к требованию отказа от поддержки военной политики правительств и голосования военных кредитов, немедленного прекращения войны.

Значение Кинтальской конференции заключается в том, что большевики получили возможность дальнейшего внедрения своих принципиальных взглядов, разоблачения сущности измены социал-шовинистов и примиренчества по отношению к центристам, разъяснения своей программы конкретных действий в борьбе против империалистической войны и измены II Интернационала, проведения дальнейшей работы по сближению и сплочению левых интернационалистических элементов. Этим большевики расчищали почву для идейного и организационного размежевания в международном рабочем движении и для основания нового, действительно пролетарского революционного Интернационала — III Коммунистического Интернационала.

ОЖИВЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

В период 1916—1917 гг. политическое влияние «Циммервальдской левой» значительно возросло.

---

[1] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 437—438.

Выразителями революционных групп «Циммервальдской левой» явились такие органы печати, как «Lichtstrahlen» («Лучи света»), «Arbeiterpolitik» («Рабочая политика»), выходившие нелегально «Spartakusbriefe» («Письма Спартака») — в Германии; «Die freie Jugend» («Свободная молодежь»), «Voix des Jeunes» («Голос молодежи»), «La Sentinelle» («Часовой»), «Jugend Internationale» («Интернационал молодежи») — в Швейцарии; «Stornklokan» («Набат»), «Politiken» («Политика») — в Швеции; «Klassenkampfen» («Классовая борьба») — в Норвегии; «Call» («Призыв») — в Англии; «The Internationalist» («Интернационалист»)— в США; «Die Tribune» (Голландия); «Gazeta Robotnicza» (б. Царство Польское Российской Империи) и пр.

С самого начала существования «Циммервальдской левой» к ней примкнули из германских левых лишь «Интернациональные социалисты Германии», группировавшиеся вокруг органа «Lichtstrahlen», редактором которого был Борхардт, а после его закрытия властями — вокруг «Lichtsturm». В отличие от группы «Интернационал» сторонники группы «Интернациональные социалисты Германии» занимали в вопросе о размежевании с социал-шовинистами более правильную и последовательную позицию. Эта позиция была выражена со всей полнотой в статье Борхардта, опубликованной в «Lichtstrahlen» (№ 4) под заглавием «Почему я иду с оппозицией?» На Циммервальдской конференции он был единственным из германских делегатов, который подписал резолюции и проект манифеста «Циммервальдской левой». Вскоре после Циммервальдской конференции группа «Интернациональные социалисты Германии» официально примкнула к «Циммервальдской левой». Близкую к группе «Интернациональные социалисты Германии» позицию занимала группа бременских радикалов, в руках которой находилась «Bremer Bürger Zeitung», позднее, в середине 1916 г., захваченная у них шейдемановцами и каутскианцами. Последними был захвачен также орган левых в Брауншвейге «Volksfreund». Ленин противопоставлял группу «Интернациональные социалисты Германии» группе «Интернационал» как занимающую более последовательную позицию по вопросу о разрыве с социал-шовинистами и центристами.

Группа «Интернационал» не вошла на Циммервальдской конференции в «Циммервальдскую левую». Ее отделял от «Циммервальдской левой», и в первую очередь от Ленина и большевиков, целый ряд принципиальных разногласий. Но после Циммервальдской конференции стал наблюдаться заметный поворот в сторону сближения с «Циммервальдской левой». Группа «Интернационал» была более влиятельной и была лучше связана с массами, чем «Интернациональные социалисты Германии». Она стала складываться с первых же месяцев войны. Идейной почвой для образования ее послужили выступления Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Клары Цеткин на страницах «Labour

Leader» (Англия), Berner Tagwacht» и «Volksrecht» (Швейцария) с письмами и статьями, в которых они резко отмежевались от официального социал-шовинистского курса, взятого правлением Германской социал-демократической партии и высказались в пользу принципов пролетарского интернационализма. Большую роль в организации группы «Интернационал» сыграли пламенные, боевые выступления Карла Либкнехта в рейхстаге, в которых он мужественно разоблачал политику германского империализма и предательство социал-шовинистских вождей германской социал-демократии. Возникшие в Берлине, в Рейнской области, Саксонии, Вюртемберге, Гамбурге группы сторонников Карла Либкнехта и Розы Люксембург сплотились вокруг вышедшего в апреле 1915 г. журнала «Internationale» («Интернационал»), в котором непосредственное участие принимали Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Меринг, Мархлевский и др.

Разногласия группы «Интернационал» с «Циммервальдской левой» и в первую голову с Лениным шли по линии как программно-тактических, так и организационных вопросов. В тезисах, принятых группой «Интернационал» на общегерманской конференции, состоявшейся 1 января 1916 г. на квартире Либкнехта, была дана правильная характеристика войны как империалистической, вскрыта сущность лозунга «защиты отечества», подвергнута критике «политика гражданского мира», но в то же время они не шли дальше лозунгов «мира» и давления на свои правительства.

Вместо четкого ленинского лозунга борьбы за превращение войны империалистической в войну гражданскую был выдвинут лозунг повышения политической активности международного пролетариата.

Вместо ленинской постановки вопроса о борьбе за право наций на самоопределение вплоть до государственного отделения и за развязывание национально-освободительного движения группа «Интернационал» считала, что «в эпоху империализма не может быть более национально-освободительных войн». В вопросе о крахе II Интернационала тезисы указывали, что II Интернационал взорван войной, и выдвигали вопрос о создании «нового рабочего Интернационала», что сближало группу «Интернационал» с «Циммервальдской левой». В вопросах организационного характера группа «Интернационал» признавала необходимость критики не только социал-патриотов, но и центристов. Но в тезисах не было ясной и четкой оценки роли центризма в эпоху империализма. Левые боялись разрыва и цеплялись за принципы организационного единства. Решившись накануне Кинтальской конференции призвать к неуплате членских взносов, группа «Интернационал» выдвигала в своей листовке «Уроки 24 марта» (апрель 1916 г.) лозунг завоевания партии изнутри.

1916 и начало 1917 г. прошли под знаком повышенной активности масс, высокого подъема экономических и политических

выступлений рабочих, усилившейся массовой борьбы против войны, большого оживления деятельности революционных элементов международного рабочего движения.

Между тем вскоре после Кинтальской конференции стали появляться определенные симптомы поворота правых циммервальдистов в сторону примирения с социал-шовинистами.

Этот поворот нашел свое выражение в голосовании французских сторонников Циммервальда — Мергейма (на конгрессе синдикатов в декабре 1916 г.) и Бурдерона и Рафен-Дюжана (на съезде социалистической партии) за пацифистскую резолюцию совместно с социал-шовинистами. Он сказался в примиренческом отношении итальянских социалистов к выступлению Туратти, высказывавшегося в итальянском парламенте за «исправление границ Италии», в пацифистском манифесте Каутского по вопросу о мире. Он выразился и в поведении Роберта Гримма, председателя Циммервальдской и Кинтальской конференций, проведшего в ЦК Швейцарской социалистической партии решение об отсрочке на неопределенное время съезда партии. Это было на-руку швейцарским социал-шовинистам, так как съезд должен был определенно высказаться по вопросу о защите отечества и о кинтальских решениях. Отсрочку созыва съезда Гримм мотивировал тем, что рабочие не подготовлены, мол, к решению вопроса об отношении к лозунгу «защиты отечества», что перед социал-демократической партией стоят большие задачи по проведению борьбы с дороговизной, выборной кампании и пр. Прикрывая свой переход на сторону социал-патриотов, Гримм повел усиленную кампанию против социал-патриотов других стран, умалчивая при этом о позиции швейцарских социал-патриотов — Грейлиха, Пфлюгера, Губера, Дюрре и др. Разоблачив в своем открытом письме к члену ИСК Шарлю Нэну измену Гримма, Ленин писал: «Он хочет считаться вождем левых, председателем Интернациональной Социалистической Комиссии, представителем и руководителем циммервальдистов, он обманывает рабочих какими угодно «рреволюционными» фразами, на деле прикрывая ими старую социал-патриотическую, буржуазно-реформистскую практику партии».[1]

В закулисных переговорах Гримм дал согласие на участие в подготовке Стокгольмской конференции социал-патриотов, которая созывалась голландско-скандинавским комитетом и меньшевистско-эсеровскими элементами Петербургского Совета рабочих депутатов.

Ленин отмечал, что все показывает переход циммервальдского большинства на рельсы буржуазно-пацифистского реформизма. Подвергнув линию поведения Гримма и швейцарских центристов уничтожающей критике, Ленин разработал платформу левого интернационалистского крыла швейцарских социал-демократов.

---

[1] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 398.

Этой платформой явились «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской социал-демократической партии» и «Открытое письмо Шарлю Нэну».

Ленин требовал созыва конференции Циммервальда и смещения Гримма. С каждым днем становилось все более очевидно, что сотрудничество революционных интернационалистов с циммервальдскими центристами начинает затруднять дальнейшее продвижение вперед дела борьбы за завоевание масс.

В черновом проекте обращения к Интернациональной Социалистической Комиссии и ко всем социалистическим партиям Ленин писал: «Не как «угрозу» и не как «ультиматум», а как открытое сообщение своего решения мы заявляем, что при неизменности этого положения мы не останемся членами Циммервальдского объединения». [1]

Начавший обозначаться все более явственно и определенно блок социал-шовинистов и центристов прикрывался искусственной и тонкой революционной фразеологией. Об этом свидетельствовало выпущенное 30 декабря 1916 г. воззвание Интернациональной Социалистической Комиссии.

Воззвание квалифицировало пацифизм воюющих и нейтральных правительств как комедию лицемерия и призывало к борьбе с правительствами и социал-шовинистами.

Поворот в политике циммервальдского большинства был связан с наметившимся в мировой политике в конце 1916 г. поворотом от империалистической войны к империалистическому миру.

Сильное истощение воюющих сторон, рост недовольства и брожение в массах, начавшее переходить в активную борьбу масс против ожесточенной капиталистической эксплоатации и продолжения войны вызывали среди правящих кругов все большее чувство тревоги, все усиливавшуюся боязнь революции.

Выполняя социальный заказ буржуазии, Каутский и каутскианцы взяли на себя задачу успокоить массы, недовольные все растущей дороговизной, ухудшением жизненного уровня и затянувшейся войной, отвлечь их от революционной борьбы за подлинно демократический мир, подготовить массы к империалистическому миру.

Революционное движение в воюющих странах быстро нарастало. 6 ноября 1916 г. Пуанкаре записывает в свой дневник: «Всюду в парижском населении и в палатах заметно тревожное настроение. Число пораженцев беспрерывно растет. Начинаются забастовки... В воздухе носятся подозрительные миазмы». [2]

По Франции прокатилась широкая волна стачек. Количество забастовок в 1916 г. поднимается до 315 с 41 409 участниками и 235 907 потерянными днями. Забастовочное движение

---

[1] Ленин. Соч., т. XXX. стр. 303.

[2] Raymond Poincaré. Du Service de la France, t. IX, p. 18, Paris.

охватило металлистов, рабочих военных заводов; бастуют также самые отсталые профессии — прачки, служащие кафе и ресторанов, музыканты. Растет боевая солидарность рабочих.

Усталость от войны, письма с фронта, в которых просачивалось недовольство солдатских масс, разоблачения в парламентах сказочных прибылей капиталистов, пропаганда интернационалистских элементов — все это усиливало боевую готовность масс.

В Германии в 1916 г., по далеко не точным данным, было 240 стачек с общим количеством участников в 422 тыс. против 137 стачек с 47 тыс. участников в 1915 г. Стачки эти носили в значительной части явно политический характер.

В Англии, несмотря на измену тредюнионистских вождей, боевая активность рабочих выразилась в 1916 г. в широкой волне стачек, развернувшихся под руководством движения фабрично-заводских старост. 532 стачки охватили 276 тыс. рабочих с общим количеством в 2 581 900 потерянных дней.

В России количество боевых стачечных выступлений в 1916 г. поднялось с 928 в 1915 г. до 1 284, причем заметно возрос удельный вес политических забастовок. Стачки стали отличаться упорством, продолжительностью и напряженностью. Затяжка войны, дезорганизация народного хозяйства, острые продовольственные затруднения, обесценение рубля, резкое падение реальной заработной платы, угроза отправки на фронт за малейший протест против гнета и бесправия, суровый военный режим на предприятиях, волнения на почве дороговизны и продовольственных затруднений, рост экономических и политических стачек, а главное — работа большевистских подпольных групп и передовых сознательных рабочих — все это подтачивало основы царизма, революционизировало массы, расчищая подступы к революции.

Вся тяжесть войны ложилась на плечи рабочих и крестьян, которые переживали острую нужду и лишения, и на солдат, которые проникались все большей и большей ненавистью к царскому режиму.

Работа большевиков среди рабочих сопровождалась одновременной упорной работой среди солдат и матросов, разъяснением причин войны и разоблачением ее виновников, распространением листовок и воззваний, направленных против войны, агитацией на фронтах за братание и за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

Быстро нараставший революционный подъем завершился 28 февраля 1917 г. восстанием рабочих и солдат, под руководством партии большевиков, свержением царского самодержавия, победой революции.

Февральская революция в России явилась мощным толчком в развороте революционного движения в других странах, воодушевила рабочий класс на борьбу, принесла с собой надежды на скорое окончание империалистической войны, вызвала рост бое-

вых выступлений, готовность последовать примеру русских рабочих и крестьян и чувство солидарности и живейшей симпатии к ним. Об этом подъеме в рабочем движении говорили политические массовые стачки берлинских металлистов и демонстрации революционных рабочих под руководством левых, волнения моряков в Германии. 16 апреля 1917 г. в Берлине вспыхнула стачка 300 тыс. металлистов. Стачка распространилась на ряд других городов. Об этом говорили всеобщая стачка австрийских рабочих в середине мая 1917 г., празднование 1 мая в 1917 г. и т. д. Не взирая на сопротивление руководства социал-демократической партии, стачки эти протекали под знаком требований мира без аннексий и контрибуций, упразднения военной цензуры, полного восстановления политических свобод. Об этом говорила высоко поднявшаяся волна экономических стачек во Франции, все чаще и чаще переплетавшихся с политическими выступлениями. Это подтверждалось и проведением, вопреки запрету социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда, празднования 1 мая, митингов, демонстраций, протекавших под лозунгами борьбы против войны и солидарности с русской революцией. В Париже в мае — июне 1917 г. бастовало 180 тыс. рабочих.

Об этом же говорил и высокий подъем экономических стачек и разворот боевого движения фабрично-заводских старост в Англии. Решения Лидской конференции (9 июня 1917 г.), созванной по инициативе Британской социалистической партии, об организации Советов рабочих и солдатских депутатов, с выражением чувств живейшей симпатии и солидарности рабочих масс с русской революцией, отображали быстрый рост революционных настроений в массах.

Об этом подъеме революционного движения говорила всеобщая стачка в Турине (Италия) в августе 1917 г., переросшая в открытую вооруженную схватку с полицией и войсками под лозунгом «хлеба и мира», и т. д.

Социал-шовинисты пытались использовать Февральскую революцию в России в интересах своих империалистов, поднять военное настроение масс, озлобленных против войны и ее виновников: немецкие социал-шовинисты говорили об ослаблении «русского колосса» и приближении конца войны в результате «неминуемой» победы Германии; французские социал-шовинисты представляли революцию как дело рук «русского парламента» и призывали рабочих к продолжению войны.

Иначе отнеслись к революции рабочие массы. Так, например, социалистическая секция города Бурже во Франции послала Алексею Максимовичу Горькому резолюцию общего собрания 17 марта 1917 г., которая заканчивалась словами: «Да здравствует социальная революция, да здравствует Интернационал!» Конгресс рабочих синдикатов департамента Шер послал 18 марта приветствие борцам за пролетарское дело. Когда на митинге

1 апреля 1917 г. в Париже попытался выступить Вандервельде, его встретили с нескрываемой враждебностью, собравшиеся демонстративно пели Интернационал и не дали Вандервельде говорить.

Спартаковцы выпустили в апреле 1917 г. листовку, в которой приветствовали «своих братьев на Неве, которые подняли знамя Интернационала из грязи и ужасов войны».[1] Под непосредственным влиянием русской революции начались волнения в армиях. Так, во Франции еще в мае 1917 г. взбунтовался ряд полков, в Германии в августе 1917 г. произошло восстание на крейсере «Принц регент Луидпольд». Случаи волнений имели место и в английской армии.

На фронтах, несмотря на жестокие расправы, участились случаи братания солдат. В то же время заметно оживилось национально-освободительное движение в колониях и полуколониях (Индия, Марокко, Алжир, Тунис, Китай, Персия и др.).

«Империалистическая война, — писал Ленин, — то есть война из-за дележа награбленной добычи между капиталистами, из-за удушения слабых народов, начала превращаться в гражданскую войну, то-есть войну рабочих против капиталистов, войну трудящихся и угнетенных против своих угнетателей, против царей и королей, против помещиков и капиталистов, войну за полное освобождение человечества от войны, от нищеты масс, от угнетения человека человеком».[2]

События нарастали со стремительной быстротой и подтвердили предвидение и правильность позиции Ленина и Сталина. Они ускоряли вместе с тем внутреннее расслоение в международном рабочем движении и расчищали путь к образованию нового, революционного Интернационала.

«Когда наша партия, — писал Ленин 8 апреля (26 марта) 1917 г., — выставила в ноябре 1914 года лозунг: «превращение империалистической войны в гражданскую войну» угнетенных против угнетателей за социализм, — этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептическим, бесхарактерно-выжидательным молчанием социал-демократов «центра». Немецкий социал-шовинист, социал-империалист Давид назвал его «сумасшедшим», а представитель русского (и англо-французского) социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле, господин Плеханов назвал его «грезофарсом»...

...Теперь, после марта 1917 года, только слепой может не видеть, что этот лозунг верен. Превращение империалистической войны в войну гражданскую становится фактом».[3]

Действительность полностью подтвердила этот прогноз. Ленин все усиленнее стал подчеркивать крах Циммервальда и

[1] «Спартак» во время войны, стр. 175. Партиздат, 1933 г.
[2] Ленин. Соч., т. XX, стр. 48.
[3] Ленин. Соч., т. XX, стр. 70.

высказываться за необходимость создания нового Интернационала, указывая, что ядро этого нового, пролетарского Интернационала имеется уже налицо, что это — «Циммервальдская левая».

Уже в проекте тезисов обращения в ИСК от 7 января 1917 г. Ленин отмечал, что «Циммервальдское большинство или Циммервальдская правая вполне повернула не к борьбе с социал-шовинизмом, а к сдаче всех позиций, к слиянию с ним на платформе пустых пацифистских фраз». [1]

Центристы попрежнему видели в циммервальдском движении путь к примирению с социал-патриотами и восстановлению II Интернационала на основе взаимной амнистии. Они все более и более явственно поворачивали вправо. Ленин указывал в январе 1917 г. в обращении «К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств», что «Циммервальдская правая после Кинталя скатилась в ряде крупнейших стран, во Франции, в Германии, в Италии, вполне и целиком к этому осужденному и отвергнутому в Кинтале социал-пацифизму». [2]

В своем письме к Коллонтай 5 марта 1917 г. Ленин отметил, что «...Циммервальд» явно обанкрутился, и хорошее слово служит опять для прикрытия гнили! Циммервальдское большинство, это Туратти и К°, Каутский с Ледебуром, Meerheim — все перешло на позицию социал-пацифизма, осужденного столь торжественно (и столь бесплодно!) в Кинтале». [3]

Анализируя наметившийся поворот от империалистической войны к империалистическому миру и разоблачая начавшийся в рядах циммервальдского большинства поворот в сторону буржуазного пацифизма, Ленин в статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» указывал на наличие революционной ситуации в Европе, призывал использовать эту ситуацию для проповеди революции, свержения буржуазных правительств, завоевания пролетариатом власти, не отказываясь в то же время и от использования реформ в интересах революционной борьбы. Ленин развивал при этом мысль о том, что современное капиталистическое общество созрело для перехода к социализму и, ставя во весь рост вопрос о превращении империалистической войны в войну гражданскую, упорно доказывал, что «...демократический мир невозможен, в связи с данной войной, если революционный пролетариат не «обратит оружия» против своих правительств». [4]

Политическое влияние организационно еще слабо оформленной «Циммервальдской левой» особенно выросло после Феврал-

---

[1] Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала. Материалы и документы, стр. 61. Партиздат, 1934.

[2] Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала. Материалы и документы, стр. 70. Партиздат, 1934.

[3] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 401.

[4] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 370.

ской революции в России и оживления революционного движения в других странах.

Ленин призывал не ждать, не колебаться, не терять зря времени и указывал, что только партия большевиков может и должна выступать застрельщиком нового Интернационала, опираясь на отряды революционного пролетариата в других странах, ведущих борьбу против империалистической войны, гнета и бесправия, за социальное освобождение.

В своем письме на имя т. Коллонтай от 16 марта 1917 г. Ленин писал: «Ни за что снова по типу второго Интернационала! Ни за что с Каутским! Непременно более революционная программа и тактика (элементы и у К. Либкнехта, у Socialist Labour Party в Америке, голландских марксистов и т. д. есть) и непременно соединение легальной работы с нелегальной». [1]

Вопрос об основании нового, III Интернационала диктовался не только благоприятной объективной ситуацией, ростом революционного движения, усилением интернационалистских настроений в массах, но и тем обстоятельством, что оппортунисты и центристы пытались парализовать усилия Ленина и большевиков в деле образования III Интернационала, стремились ускорить созыв международной социалистической конференции в Стокгольме под видом необходимости обсуждения вопроса о мире, в действительности же для поисков соглашения по вопросу о восстановлении II Интернационала. Инициатива в этом направлении исходила от голландско-скандинавского комитета, от имени которого прибыл с этой целью в Петроград в апреле 1917 г. для переговоров правый датский социал-демократ Боргбьерг. Он обратился к русским социалистам с предложением принять участие в предстоящей международной социалистической конференции в Стокгольме и совместно произвести нажим на правительства воюющих стран по вопросу о мире. Не только социал-шовинисты, но и центристы высказывались в пользу участия в конференции. Фактически предложение «социалиста» Боргбьерга, являвшегося в действительности прямым или косвенным агентом германского империализма, представляло собой «самый реальный политический шаг германского империализма», [2] положение которого было к тому времени почти безнадежным. Через «своих» социал-шовинистов германский империализм пытался сговориться с социал-шовинистами стран Антанты. Отказ этих последних от совместной с германскими социал-шовинистами конференции был не чем иным, как выполнением директив их хозяев.

Русские меньшевики и эсеры, сделавшие все для того, чтобы затормозить дальнейшее продвижение русской революции,

---

[1] Ленин. Соч., т. XX, стр. 5—6.
[2] Ленин. Соч., т. XX, стр. 254.

подняли большую шумиху в связи с подготовкой Стокгольмской социалистической конференции, пытаясь этим прикрыть свое активное участие в поддержке империалистической войны и в выполнении Россией обязательств перед союзниками.

Апрельская конференция большевиков в 1917 г. со всей решительностью высказалась против участия в Стокгольмской конференции социал-патриотов, указав в своей резолюции, что «партия российского пролетариата пойдет на совещание и вступит в братский союз только с такими рабочими партиями других стран, которые революционно борются и в своей стране за переход всей государственной власти в руки пролетариата» [1].

Вопрос о создании нового, революционного Интернационала был следующим образом сформулирован Лениным в апрельских тезисах (апрель 1917 г.):

«Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против «центра». [2]

Возвращаясь вновь к этому вопросу в своей статье «Задачи пролетариата в нашей революции», Ленин 10 апреля 1917 г. опять пишет: «Нельзя терпеть далее циммервальдское болото. Нельзя из-за циммервальдских «каутскианцев» оставаться дальше в полусвязи с шовинистическим Интернационалом Плехановых и Шейдеманов. Надо порвать с этим Интернационалом немедленно. Надо остаться в Циммервальде только для информации.

Надо основать именно нам, именно теперь, без промедления, новый, революционный, пролетарский Интернационал, или, вернее, не бояться признать во всеуслышание, что он уже основан и действует». [3]

В связи с деятельностью датского социал-демократа Боргбьерга по организации международной социалистической конференции в Стокгольме и согласием центристских элементов на участие в этой конференции совместно с социал-шовинистами, продолжающимися колебаниями и нежеланием отмежеваться от последних, Ленин ставит в центре вопрос о необходимости окончательного размежевания. «Беря на себя почин такого окончательного размежевания, — говорит Ленин в статье «Социал-шовинисты и интернационалисты» от 12 мая (29 апреля) 1917 г.,— наша партия уже начала сплачивать элементы III Интернационала. Совпадение нашей тактики и тактики группы К. Либкнехта не случайность, а один из шагов на пути рождающегося III Интернационала». [4]

Зиновьев и Каменев высказывались за то, чтобы оставаться

---

[1] Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала. Материалы и документы, стр. 86. Партиздат, 1934.

[2] Ленин. Соч., т. XX, стр. 89.

[3] Ленин. Соч., т. XX, стр. 130.

[4] Ленин. Соч., т. XXX, стр. 327.

в Циммервальдском объединении и энергично выступали против образования нового революционного Интернационала. Ленин считал возможным оставаться в Циммервальде «только для информации». «Оставаясь в Циммервальде, — писал Ленин 10 июня (28 мая) 1917 г. в послесловии к брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции», — мы (хотя бы и против нашей воли) участвуем в оттягивании создания III-го Интернационала; мы косвенно тормозим его создание, будучи связаны мертвым грузом уже мертвого идейно-политически Циммервальда.

Положение нашей партии перед лицом рабочих партий всего мира теперь именно таково, что мы обязаны немедленно основать III-й Интернационал. Кроме нас, теперь этого сделать некому, а оттяжки вредны». [1]

Ленин вновь возвращается к этому вопросу в июле 1917 г. в статье «Политические партии в России и задачи пролетариата».

«Народам нужен такой Интернационал, — писал Ленин, — который объединяет действительно революционных рабочих, способных положить конец ужасной преступной бойне народов, способных избавить человечество от ига капитала. Только такие люди (группы, партии и т. п.), как немецкий социалист Карл Либкнехт, сидящий в каторжной тюрьме, только люди, борющиеся беззаветно и со своим правительством, и со своей буржуазией и со своими социал-шовинистами, и со своим «центром», могут и должны немедленно составить необходимый народам Интернационал». [2]

Зиновьев, Каменев и другие продолжали гнуть свою линию и всячески пытались сорвать линию Ленина на отказ от участия в Стокгольмской конференции и на образование III Интернационала. Они предполагали остаться в Циммервальдском объединении. Каменев заявил в своем выступлении 6 августа 1917 г. на заседании ЦИК Советов в нарушение линии партии, что над Стокгольмом «начинает развеваться широкое революционное знамя». На самой апрельской конференции большевиков Зиновьев высказывался против разрыва с Циммервальдским объединением.

Ленин резко осудил позицию Зиновьева и его предложение остаться в рядах Циммервальдского объединения, охарактеризовав его позицию как «архиоппортунистическую и вредную». Подвергнув резкой критике выступление Каменева, Ленин поставил во весь рост вопрос о III Интернационале. «Не революционное знамя, — писал Ленин 29 (16) августа 1917 г., — а знамя сделок, соглашений, амнистий социал-империалистов, переговоров банкиров о дележе аннексий, — вот какое знамя на деле начинает развеваться над Стокгольмом.

Нельзя терпеть, чтобы партия интернационалистов, перед

---

[1] Ленин. Соч., т. XX, стр. 444—445.
[2] Ленин. Соч., т. XX, стр. 143—144.

всем миром ответственная за революционный интернационализм, компрометировала себя кокетничаньем с проделками социал-империалистов русских и немецких, с проделками министров буржуазного империалистического правительства Черновых, Скобелевых и К°.

Мы решили строить III Интернационал. Мы должны осуществить это вопреки всем трудностям. Ни шагу назад, к сделкам между социал-империалистами и перебежчиками социализма!». [1]

В своем письме заграничному представительству ЦК большевиков Ленин решительно выступил против участия в Стокгольмской конференции и позиции в этом вопросе Каменева. «...я абсолютно против участия в Стокгольмской конференции, — писал Ленин. — Выступление Каменева (видали «Новую Жизнь»? ее вы должны выписывать) я считаю верхом глупости, если не подлости, и написал уже об этом в ЦК и для печати. К счастью, Каменев говорил только за себя и был дезавуирован другим большевиком... Мы делаем величайшую, непростительную ошибку, оттягивая или откладывая созыв конференции левых для основания III Интернационала». [2]

Яркую характеристику интриг социал-шовинистов и позиции, занятой Зиновьевым и Каменевым по вопросу о созыве Стокгольмской конференции, дал товарищ Сталин в своей статье, помещенной в газете «Рабочий и солдат» от 9 августа 1917 г.

«Попытки примиренцев ускорить окончание войны и восстановить Интернационал путем соглашения между «оборонческими большинствами» разных стран, — писал товарищ Сталин, — потерпели полный крах. Стокгольмская затея меньшевиков и эсеров, вокруг которой имеется густая сеть империалистических интриг, неизбежно должна превратиться либо в бессильный парад, либо в игрушку в руках империалистических правительств...» [3]

Большевики повели широкую разъяснительную работу против участия в Стокгольмской конференциии и за сплочение революционных интернационалистов под знаком борьбы за новый, пролетарский Интернационал. К позиции большевиков начали присоединяться наиболее последовательно революционные элементы других стран.

В связи с созывом Стокгольмской конференции социал-шовинистов Ленин в первой половине сентября 1917 г. писал: «Надо уйти из Циммервальда т о т ч а с...

Выходя из гнилого Циммервальда, мы должны решить тот-

---

[1] Л е н и н. Соч., т. XXI, стр. 79.

[2] Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала. Материалы и документы, стр. 89. Партиздат, 1934.

[3] Л е н и н и С т а л и н. Избранные произведения 1917 г., стр. 257—258, 1938.

час же, на заседании пленума 3 сентября 1917 г.: созываем конференцию левых...»[1]

В результате разногласий в лагере социал-шовинистов, отказа правительств Антанты в выдаче делегатам паспортов, а также в связи с борьбой большевиков и левых против Стокгольмской конференции — Стокгольмская конференция не состоялась.

ТРЕТЬЯ ЦИММЕРВАЛЬДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Вопросы русской революции, рост революционного движения на Западе, банкротство попыток созыва Стокгольмской конференции и необходимость согласования линии дальнейшего поведения сторонников Циммервальдского объединения диктовали ИСК необходимость созыва III Циммервальдской конференции.

Конференция состоялась в Стокгольме 5 сентября 1917 г.

В порядке дня III Циммервальдской конференции стояли следующие вопросы: доклад Интернациональной социалистической комиссии, борьба за мир и отношение к ней циммервальдцев, дело Гримма, отношение к Стокгольмской конференции.

Центральным вопросом III Циммервальдской конференции явился вопрос о русской революции. Еще до созыва конференции Интернациональная социалистическая комиссия выпустила воззвание «Русская революция в опасности». Международный пролетариат призывался в этом воззвании к исполнению своего прямого долга, к поддержке русской революции путем развертывания борьбы против империалистов в своей собственной стране. Эти лозунги служили лейтмотивом выпускавшихся Интернациональной социалистической комиссией, перенесшей к тому времени свое местопребывание в Стокгольм, бюллетеней и воззваний.

Создавшееся в России положение, обостренная борьба большевиков против правительства Керенского и его империалистической линии политики, сочетавшейся с попыткой удушения растущего под влиянием большевиков движения за переход власти к Советам, требовали от Циммервальдской конференции прямого ответа на поставленные развитием русской революции вопросы.

В конференции приняли участие представители: Германской независимой социал-демократической партии (Гаазе, Ледебур, Штатгаген, Оскар Кон и др.); представитель группы «Союза Спартака» Кэте Дункер; меньшевиков-интернационалистов; левых Швеции, Норвегии, Дании; социал-демократических партий Финляндии, Швейцарии; Американской рабочей социалистиче-

---

[1] Ленин. Соч., т. XXI стр. 130.

ской партии; сербских и румынских социалистов; австрийской социал-демократической оппозиции, польских социал-демократов. Представители болгарских «тесняков» Коларов и Кирнов уехали из Стокгольма, не дождавшись открытия III Циммервальдской конференции, заявив о своем присоединении к решениям, которые будут на ней вынесены. Приехавшие после окончания III Циммервальдской конференции представители оппозиции внутри болгарской социал-демократической партии «широких» и федерации болгарских «широких» Тинева и Харлаков присоединились к ее решениям. Ленин был против участия в этой конференции, и большевики участвовали на ней с информационными целями. Немецкие «независимые» готовились участвовать в Стокгольмской конференции социал-патриотов и мотивировали это стремлением разоблачить на ней шейдемановцев.

Делегация меньшевистско-эсеровского большинства Петроградского Совета рабочих депутатов сделала было попытку привлечь Интернациональную социалистическую комиссию к участию в Стокгольмской «социалистической конференции мира» и заставить их присоединить свою подпись к воззванию и программе, выработанным голландско-скандинавским комитетом и комиссией Петроградского Совета рабочих депутатов (Гольденберг, Розанов, Эрлих). Интернациональная социалистическая комиссия уклонилась, однако, от официального участия в подготовке и проведении Стокгольмской конференции и решила за несколько дней до этой конференции открыть III Циммервальдскую конференцию.

Когда выяснилось банкротство попыток созыва Стокгольмской социал-шовинистической конференции, Гаазе и его единомышленники стали высказываться в пользу созыва III Циммервальдской конференции в Стокгольме. Конференция происходила в обстановке, когда русские рабочие и крестьяне готовились к свержению власти буржуазии и установлению диктатуры пролетариата, когда II Интернационал явно обанкротился, когда ИСК, находившаяся в тот период в руках скандинавских левых, отказалась поддержать предложения делегации, специально посланной меньшевистско-эсеровскими кругами Петроградского Совета за границу для подготовки Стокгольмской конференции социал-патриотов.

Большинство конференции высказалось, по настоянию большевистской делегации (Воровского и Семашко), против участия в Стокгольмской социал-шовинистической конференции. В связи с этим решением представители ОК меньшевиков Аксельрод и Панин покинули конференцию до ее окончания. Германские центристы, стремившиеся к сотрудничеству с социал-шовинистами и в то же время не желавшие порвать с Циммервальдом, продолжали участвовать в конференции. Решения III Циммервальдской конференции носили половинчатый характер.

Разработанный конференцией манифест был оснащен интернационалистской фразеологией. Конференция выдвинула лозунги международной забастовки против войны и в защиту русской революции, но отказалась принять предложение большевиков и левых циммервальдцев об осуждении политики и тактики меньшевиков и эсеров.

Гаазе выступил на конференции от имени немецких независимых против предложения о международной политической стачке. Но при голосовании предложенного комиссией манифеста он голосовал в пользу принятия манифеста.

III Циммервальдская конференция высказалась в пользу международной всеобщей стачки.

В манифесте указывалось на тяжелое и безвыходное положение, в котором очутились в результате войны народы, и выдвигался лозунг массового революционного действия рабочих всех стран против попыток удушения реакцией революционной России. Отмечался провал попытки социал-шовинистов созвать Стокгольмскую социалистическую конференцию мира. В манифесте подчеркивалось, что лишь пролетарские массы, оставшиеся верными знамени социализма, могут положить конец войне, что изолированные выступления пролетарских масс отдельных стран не в состоянии покончить с братоубийственной войной и оказать действенную помощь революционной России.

В манифесте далее указывалось, что массовая борьба международного пролетариата в пользу мира означает в то же время спасение русской революции, что пробил час, когда необходимо начать великую общую борьбу во всех странах для достижения мира и для освобождения народов, что это должен сделать социалистический пролетариат, что средством для этого является единовременная международная всеобщая забастовка.

На конференции выявились расхождения по вопросу об опубликовании манифеста. Большинство конференции высказалось за необходимость оттянуть его опубликование под тем предлогом, что нужно предоставить возможность присоединиться к нему отсутствовавшим на конференции секциям Циммервальда. Поскольку сношения были в то время крайне затруднены, эта отсрочка сводила, собственно, на-нет всю работу конференции. В связи с восстанием в германском флоте и репрессиями германские центристы отстаивали необходимость вообще воздержаться от опубликования манифеста, даже в том случае, если к нему присоединятся сторонники Циммервальда в странах Антанты.

Для этой цели в Стокгольм специально приехала после конференции для переговоров с Интернациональной социалистической комиссией Луиза Циц. По поручению Центрального Комитета Независимой социал-демократической партии Германии она настоятельно требовала задержания опубликования манифеста.

На немедленном опубликовании принятого III Циммервальдской конференцией манифеста энергично настаивала заграничная делегация большевиков. Интернациональная социалистическая комиссия продолжала, однако, колебаться и не решалась опубликовать манифест.

III Циммервальдская конференция, весьма пестрая по своему составу, наглядно продемонстрировала, что участники ее, «неминуемо расходящиеся между собой в коренном направлении своей политики», [1] не способны на совместные действия и действительно революционную борьбу, а лишь на каучуковые и компромиссные резолюции. Они лавировали между социал-шовинизмом и политикой революционного интернационализма. Нерешительность большинства конференции, усугублявшаяся политической пестротой ее состава, и неспособность к быстрым и решительным международным действиям повели к тому, что манифест был опубликован в газете шведских левых и переведен на европейские языки уже по получении известий об Октябрьской революции.

По мере того, как в лагере левых выкристаллизовывалось, под влиянием критики Лениным центристских и полуцентристских взглядов левых, — последовательное революционно-интернационалистское крыло, на очередь все настойчивее ставился вопрос об организации III Коммунистического Интернационала.

Незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции Ленин всячески доказывал, что нужно воспользоваться сравнительной свободой в России для созыва международной интернационалистской конференции, что большевики должны взять на себя почин, что этого требует их прямой долг как интернационалистов. «Кроме России — писал Ленин 19—21 октября 1917 г. — нет сейчас ни одной страны в мире, где была бы сравнительная свобода съездов для интернационалистов и где было бы так много хорошо осведомленных в международных течениях и программах товарищей, как в нашей партии». [2] Но вопрос об основании III Коммунистического Интернационала вступил в решающую стадию лишь после Октябрьской революции.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И БОРЬБА ЗА КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

День 25 октября 1917 г. вошел в историю как день величайшей победы Октябрьской социалистической революции, победы, открывшей новую блестящую страницу в истории трудящихся страны Советов и в истории всего человечества. Под

[1] Ленин. Соч., т. XXX, стр. 358.
[2] Ленин. Соч., т. XXI, стр. 315.

И. Сталин

непосредственным руководством гениальных стратегов, организаторов и вождей пролетарской революции Ленина и Сталина была уничтожена могучим напором рабочих и крестьян власть капиталистов и помещиков. На одной шестой земного шара восторжествовала социалистическая революция, было водружено революционное знамя первой в мире республики трудящихся, республики Советов.

Великая Октябрьская социалистическая революция претворила в жизнь и расширила опыт Парижской Коммуны, создав новый тип государства в форме Советов.

Мировое значение и величие Великой Октябрьской социалистической революции заключаются в том, что впервые в истории пролетариат стал господствующим классом.

Октябрьская революция показала, что лозунг социалистической революции отнюдь не утопия, не мечта, не выдумка, как это пытались внушить массам оппортунисты. Она показала, что трудящиеся могут сами, без прежних хозяев, без капиталистов и помещиков управлять страной. Она показала, что выход из капиталистической кабалы, из империалистической войны, из гнета и порабощения следует искать только на путях непримиримой революционно-классовой борьбы, свержения власти господствующих классов, установления диктатуры пролетариата. Она воплотила в жизнь великое учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о диктатуре пролетариата, облекла высказывания основоположников социализма Маркса и Энгельса в плоть и кровь.

«История народов знает не мало революций, — говорил Сталин на I съезде колхозников-ударников. — Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были однобокими революциями. Сменялась одна форма эксплоатации трудящихся другой формой эксплоатации, но сама эксплоатация оставалась. Сменялись одни эксплоататоры и угнетатели другими эксплоататорами и угнетателями, но сами эксплоататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью уничтожить *всякую* эксплоатацию, ликвидировать *всех и всяких* эксплоататоров и угнетателей» [1].

Самое замечательное в Великой Октябрьской социалистической революции, явившейся «великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран», [2] состоит в том, что она подорвала силы империализма, расколола капиталистический мир, противопоставила друг другу две системы, два мира — мир капитализма и мир социализма, «провела непроходимую борозду между марксизмом и социал-демократизмом...» [3]

---

[1] *Сталин*. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 412.
[2] Там же, стр. 105.
[3] Там же, стр. 181.

Фабрики, заводы, шахты, железные дороги — все это стало достоянием всего народа.

«Класс наемных, класс гонимых, класс угнетенных и эксплоатируемых **впервые** в истории человечества поднялся до положения класса **господствующего**, заражая своим примером пролетариев всех стран». [1]

Великая Октябрьская социалистическая революция полностью подтвердила предвидение Ленина и Сталина. Она опрокинула все прежние установки о том, что победа социализма в одной стране является невозможной, что успех социалистической революции возможен лишь в том случае, если она обязательно произойдет **одновременно** во всех передовых капиталистических странах. Она блестяще подтвердила прогноз тов. Сталина на VI съезде большевиков (26 июня — 3 августа 1917 г.) о том, что «не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму...» [2]

Великая Октябрьская социалистическая революция была победоносной потому, что «во главе рабочего класса стояла такая, испытанная в политических боях, партия, как партия большевиков», [3] потому что руководство партией находилось в руках гениальных стратегов пролетарской революции Ленина и Сталина.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла собой целую полосу широкого национально-освободительного движения, пробудила рабочий класс и крестьянские массы к политической активности, вывела их на историческую авансцену. Она вооружила отсталые народы перспективой некапиталистического пути развития, двинула их на широкий путь борьбы за свое национальное и социальное освобождение, расчистила почву для первых молодых побегов коммунистического движения.

Пример Великой Октябрьской социалистической революции и передача помещичьих, церковных, монастырских и царских земель крестьянам поднял на борьбу за землю крестьянские массы также в капиталистических странах. Чтобы предотвратить аграрную революцию, господствующие классы поспешили позднее провести в ряде стран частичные аграрные реформы (Румыния, Греция, Болгария, Югославия, Польша, Чехословакия, Италия). Реформы эти отнюдь не уничтожили системы помещичьего землевладения и выразились в передаче части помещичьей земли на началах выкупа. Путем мелких уступок и незначительных аграрных реформ господствующим классам удалось все же обмануть крестьянские массы, отвлечь их от

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 176.
[2] Протоколы VI съезда РСДРП(б), стр. 233—234.
[3] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 204.

совместных широких революционных выступлений с пролетариатом.

Великая Октябрьская социалистическая революция полностью подтвердила предвидение Ленина и его установки на превращение империалистической войны в войну гражданскую и со всей силой и остротой поставила перед народами, втянутыми в водоворот войны, вопрос о путях и методах борьбы за революционный выход из империалистической войны. Она провела еще более глубокий водораздел между лагерем оппортунизма и лагерем марксизма-ленинизма. «Октябрьская революция родилась и окрепла под флагом ленинизма, который есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. Она знаменует поэтому победу марксизма над реформизмом, победу ленинизма над социал-демократизмом, победу III Интернационала над II Интернационалом».[1]

Вынесенная на гребне Великой Октябрьской социалистической революции Советская власть выступила без промедления с предложением о заключении немедленного перемирия по меньшей мере на 3 месяца для переговоров об установлении мира. II Съезд Советов принял ленинский декрет о мире, обратился также к рабочим Англии, Франции и Германии с призывом помочь «успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации».[2]

На ряду с этим Советское правительство опубликовало тайные договоры царского правительства, отказалось от неравноправных договоров, навязанных царским правительством Китаю, Персии и другим странам, и проявило свои симпатии, дружбу и готовность помочь всем угнетенным народам в их борьбе за свободу и независимость.

Декрет о мире произвел огромное впечатление на солдатские массы и утомленных длительной войной трудящихся всех стран. Октябрьская социалистическая революция показала им единственный выход из империалистической войны. Империалистические правительства Англии и Франции при участии и поддержке правительств других буржуазных стран отклонили программу мира молодой Советской республики и перешли к интервенции и поддержке внутренней контрреволюции, сочетая ее с политикой подавления революционного движения и национально-освободительного движения у себя дома. Политикой кнута и пряника, арестами и преследованиями революционных рабочих и солдат на фронтах, с одной стороны, и демократическими реформами, уступками и обещаниями трудящимся — с другой, они пытались сорвать революционный подъем. В победе Октябрьской социалистической революции, в самом факте суще-

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 180—181.
[2] Ленин. Соч., т. XXII, стр. 15.

ствования молодой республики Советов, империалистическая буржуазия видела опасность для своего дальнейшего безраздельного господства.

Для молодой Советской республики вопросы мира, передышки приобретали в этих условиях решающее значение. Предложение о мирных переговорах было принято только Германией, которая в своей политике руководствовалась и стремлением высвободить для операций на западном фронте сосредоточенные на восточном участке фронта военные силы.

Несмотря на решительные протесты Ленина и Сталина, Троцкий сорвал своевременное подписание Брестского мирного договора, прикрыв свое изменническое поведение брошенным им лозунгом — «ни мира, ни войны», чем облегчил германским генералам осуществление их агрессивных планов и поставил под удар молодую Советскую республику.

«Левые коммунисты» (именовавшая себя так для маскировки враждебная партии группа), возглавлявшиеся Бухариным, готовились совместно с «левыми» эсерами изнутри взорвать диктатуру пролетариата и облегчить реставрацию власти буржуазии. Они не остановились, как выяснилось впоследствии на судебном процессе троцкистско-бухаринских агентов буржуазных разведок, и перед организацией заговора против вождей пролетарской революции — Ленина, Сталина, Свердлова с целью убийства их и захвата в свои руки государственной власти.

Переговоры с Германией завершились подписанием Брестского мира. Условия этого мира были для Советской России весьма тяжелыми. «Невыносимо тяжелы условия мира, — писал Ленин 24 февраля 1918 г. — А все же история возьмет свое...

За работу организации, организации и организации. Будущее, несмотря ни на какие испытания — за нами». [1]

В своем докладе на VII Съезде партии Ленин подчеркнул по вопросу о Брестском мире, что «тот тяжелый кризис, который переживает наша партия, в связи с образованием в ней левой оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией». [2]

Между тем заключение мира «дало партии возможность выиграть время для укрепления Советской власти, для приведения в порядок хозяйства страны.

Заключение мира дало возможность использовать столкновения в лагере империализма (продолжавшаяся война Австро-Германии с Антантой), разложить силы противника, организовать советское хозяйство, создать Красную армию». [3]

Воспользовавшись противоречиями между империалистическими группами, Советская республика вышла из империалистической войны.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXII, стр. 15.
[2] Ленин. Соч., т. XXII, стр. 326.
[3] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 209.

Троцкий, а также Бухарин, Радек, Пятаков и другие «левые коммунисты», выступавшие совместно с «левыми» эсерами, своей борьбой против Ленина, Сталина и ЦК большевиков «на деле помогли германским империалистам и помешали росту и развитию революции в Германии».[1]

В своей враждебной, интервенционистской политике империалисты опирались на поддержку социал-шовинистских лидеров международного рабочего движения.

Ряд видных деятелей Рабочей партии Англии (Гендерсон, Томас и др.) более или менее открыто поддерживал в 1917—18 гг. политику интервенции. Германские социал-империалисты позднее также проявили готовность поставить Германию на службу англо-французским интервентам.

В момент Великой Октябрьской социалистической революции капиталистический мир был разделен на две враждующих коалиции. Это обстоятельство исключало в тот момент возможность создания единого фронта капиталистических государств против молодой Советской республики.

«Только благодаря тому, — писал Ленин, — что наша революция попала в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно наброситься одна на другую, ни соединиться против нее, — только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать это свое блестящее триумфальное шествие в Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию».[2]

Антанта надеялась втянуть молодую Советскую республику в войну с Германией, чтобы, таким образом, покончить с очагом мировой пролетарской роволюции. Просчитавшись в своих надеждах использовать Германию для удушения Советской республики, она перешла к практическому осуществлению интервенционистской политики, пытаясь использовать силы внутренней контрреволюции, прибегая к организации заговоров, шпионажу и диверсии и помогая деньгами и оружием формировать белогвардейские воинские части. В этих же целях был использован мятеж чехословацкого корпуса. Заговором французского посла Нуланса было предусмотрено также использовать союзнический десант на севере в Мурманске и Архангельске и контрреволюционные белогвардейско-эсеровские восстания в Ярославле, Москве и других городах. Наступление ген. Краснова с целью захвата Дона и операции адм. Колчака на восточном фронте потерпели неудачу. Советская Россия устояла против всех атак и продолжала успешно борьбу и защиту великих Октябрьских завоеваний.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXII, стр. 307.
[2] Ленин. Соч., т. XXII, стр. 317.

В своей борьбе против интервентов Советская Россия опиралась на симпатии и поддержку западноевропейского пролетариата.

В непосредственной связи с победой Великой Октябрьской социалистической революции развернулись революционные бои в Финляндии. Уже 13 ноября началась всеобщая стачка, рабочие стали быстро вооружаться и создавать отряды Красной гвардии. Во многих городах власть очутилась в руках рабочих. Но вожди финской социал-демократии уклонились от решающего боя. На состоявшемся 25—27 ноября 1918 г. съезде социал-демократической партии Финляндии оппортунистические вожди энергично сопротивлялись применению революционных методов борьбы и, угрожая революционному меньшинству съезда расколом, отказались следовать по революционному пути, указанному представителем партии большевиков — товарищем Сталиным — в выступлении на съезде.

Между тем финская буржуазия готовилась подавить растущее революционное движение и приступила в разоружению рабочих. Во главе вооруженных белогвардейских отрядов стал ген. Маннергейм. В ответ на действия белогвардейских отрядов революционные рабочие перешли к активным действиям и, опираясь на Красную гвардию, суда Балтийского флота и гарнизон, захватили 27 января 1918 г. власть.

Совет народных уполномоченных провел целый ряд мероприятий, направленных на обеспечение нормальной хозяйственной жизни, облегчение положения арендаторов земли (торпарей). Вместе с тем Совет народных уполномоченных принял меры к пуску предприятий, установил контроль над банками. Его ошибкой было то, что он не принял меры к созданию союза пролетариата с мелким крестьянством и обеспечению крестьян землей. Собравшись с силами, ген. Маннергейм перешел в наступление. С помощью германских войск ему удалось сломить сопротивление красных частей. Рабочая финская революция была с неслыханной жестокостью удушена, чему содействовали и вожди шведской социал-демократии во главе с Брантингом.

Вооруженные опытом финской революции, революционные рабочие порвали связь с оппортунистической финской социал-демократией и 29 августа 1918 г. основали самостоятельную коммунистическую партию Финляндии.

Усилилось размежевание и внутри с.-д. партии. На съезде в конце 1918 г. в социал-демократической партии выкристаллизовалось оппозиционное левое течение. Советские республики в Литве (15 декабря 1918 г.), Латвии (17 декабря 1918 г.) и Эстонии (30 ноября 1918 г.) также пали под ударами интервенции международной буржуазии. Изгнанные революцией фабриканты, заводчики, помещики были поддержаны правительством Шейдемана и Эберта. В удушении Советов в Эстонии принимали активное участие меньшевики и «социалисты революционеры».

Советы провели ряд мероприятий по улучшению положения трудящихся, установили 8-часовой рабочий день, покончили с национальным угнетением и т. д. Но они, точно так же, как финские революционные рабочие, не положили в основание своей деятельности линию на создание боевого союза пролетариата с основными массами крестьянства, не провели раздела помещичьей земли, не наделили крестьян землей.

В огне революционной борьбы за пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата в Литве, Латвии и Эстонии были созданы коммунистические партии. В июне 1918 г. социал-демократическая партия Латвии, после исключения меньшевиков, была переименована в коммунистическую, 6 сентября 1918 г. на съезде коммунистов в Вильно была образована коммунистическая партия Литвы и Белоруссии.

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции сказалось и в развернувшихся в 1918 г. событиях на Балканах. Начавшийся в Хорватии и других районах захват деревенской беднотой и батрачеством помещичьей земли завершился возникновением в Загребе и других городах Советов рабочих депутатов.

В Болгарии революционным напором солдатских масс был свергнут король Фердинанд. Солдатские массы двинулись на столицу Болгарии — Софию, но близ нее были разбиты совместными силами германских войск и болгарских юнкерских частей. Под давлением масс коалиционное правительство с участием социал-демократов было вынуждено объявить в конце декабря амнистию и пойти на ряд уступок. Активное участие в массовом движении принимала и партия «тесняков», требовавшая суда над виновниками вовлечения Болгарии в войну и спекулянтами. Она повела работу среди солдатских масс, выступала энергично в защиту Советской России.

Великая Октябрьская социалистическая революция показала прежде всего революционный выход из кризиса трудящимся массам Австрии и Венгрии, которые с особой остротой испытывали всю тяжесть войны.

Австрийские рабочие с огромным вниманием следили за ходом мирных переговоров между Германией и Советской Россией. Вызывающее поведение представителя германской мирной делегации в Бресте генерала Гофмана, а также сокращение в Австрии хлебного пайка вызвали 14 января 1918 г. всеобщую стачку, охватившую всю Австро-Венгрию. В течение 5 дней были приостановлены работы на предприятиях, на городском и частично железнодорожном транспорте. На улицах Вены, Будапешта, Праги происходили кровавые столкновения рабочих с полицией. Был создан совет рабочих депутатов Вены, который правительство оказалось вынужденным признать.

Чтобы удержать боевое выступление масс в рамках легальности, выхолостить из него революционное содержание и сохра-

нить свое влияние на массы, руководители социал-демократической партии Виктор Адлер, Карл Реннер и другие поспешили возглавить всеобщую стачку и начали переговоры с правительством. Последнее обещало отказаться от своих империалистических планов и заключить мирное соглашение с Советской Россией, улучшить продовольственное снабжение, расширить избирательные права. Лидеры социал-демократической партии призывали массы прекратить стачку.

1 февраля 1918 г. знамя восстания было поднято моряками военного флота в Катарро. Под руководством образованного моряками совета матросских депутатов были разоружены и арестованы офицеры. Вывесив красные флаги, моряки потребовали немедленного заключения мира. Восстание было со всей жестокостью подавлено. Глубокое недовольство, охватившее рабочих в связи с создавшимся в стране тяжелым продовольственным положением, усугубившимся угольным голодом, нехваткой нефтепродуктов, транспортной разрухой, ростом дороговизны и резким ухудшением жизненного уровня, вылилось под влиянием военных неудач и поражения на фронте в начавшуюся 29 октября 1918 г. всеобщую политическую стачку, направленную против монархии Габсбургов. Массы уже имели за собой опыт январской всеобщей стачки и восстания матросов в Катарро. 30 ноября была провозглашена республика. Австро-Венгерская монархия распалась. Вожди социал-демократической партии Австрии сделали все, зависящее от них, чтобы спустить на тормозах бурный подъем революционного движения, выхолостить революционное содержание, подчинить Советы своему влиянию, — спасти капитализм.

Экономическое положение Австрии было весьма тяжелым. Страна ощущала острую нехватку сырья, угля, продовольствия. Чтобы парализовать боевые выступления масс и предотвратить пролетарскую революцию, социал-демократические лидеры упорно внушали массам, что пролетарская революция в Австрии незамедлительно повлечет за собой прекращение Антантой подвоза в Австрию продовольственных продуктов, и страна будет осуждена на голодную смерть.

Стремясь связать революционный подъем масс, буржуазия поспешила с помощью социал-демократических лидеров провести ряд социальных реформ (8-часовой рабочий день, государственное пособие безработным и пр.). Все это облегчило австрийской социал-демократии, искусно использовавшей псевдореволюционную фразеологию, удержать под своим влиянием широкие массы. В этой обстановке была основана в октябре 1918 г. коммунистическая партия, объединившая небольшую группу леворадикальных интеллигентов и незначительную группу рабочих с группой «новых коммунистов».

В Г е р м а н и и весть о Великой Октябрьской социалистической революции вызвала среди масс, истощенных и утомлен-

ных затяжкой империалистической войны, радостные надежды на ее близкое окончание. Пример русских рабочих и крестьян показал германскому пролетариату путь к его собственному освобождению, воодушевил его на борьбу против кайзеровской монархии, за революционный выход из войны.

«Пример России, где народ добился прекращения ненавистной войны путем свержения своего империалистического правительства, не мог не послужить уроком для австро-германских рабочих. А германские солдаты, стоявшие на восточном фронте и переведенные потом, после Брестского мира, на западный фронт, не могли не разложить там германскую армию своими рассказами о братании с советскими солдатами и о том, как советские солдаты избавились от войны» [1].

«С беспримерным геройским мужеством, — писал в своем воззвании «Союз Спартака», — не боясь жертв, не щадя собственной крови, русские пролетарии борются сейчас, опираясь на крестьянство, за удержание и укрепление только что завоеванной ими власти. Они преследуют при этом двойную цель: покончить с бойней народов. Приступить к осуществлению социализма... Неужели Германия одна останется в Европе последним оплотом реакции?.. Бьет решительный час для германского пролетариата!» [2]

Чаша долготерпения германских рабочих переполнилась, когда стало очевидным для всех, что юнкерско-буржуазная монархия медлит заключить мир с Советской Россией. Чувства солидарности с Советской Россией и симпатии к ней вылились в начавшуюся 27 января 1918 г. всеобщую стачку, охватившую более миллиона рабочих. В одном только Берлине в стачке участвовало около 500 000 чел. Всеобщая стачка охватила также Гамбург, Мюнхен, Нюрнберг, Данциг и другие города Германии. 28 января в Берлине был создан Совет рабочих депутатов.

Всеобщая стачка, носившая ярко выраженный политический характер, была направлена своим острием против затяжки империалистической войны и на защиту молодой Советской республики и протекала под знаком борьбы против кайзеровской монархии и за республику. Выдвигались также лозунги борьбы за свободу стачек, собраний и печати, за освобождение политических заключенных, за мир на основе предложений, развернутых Советским правительством, и за привлечение к мирным переговорам в Бресте делегатов германских рабочих.

30—31 января произошли кровавые столкновения рабочих с полицией. На фронте солдаты все чаще кричали своим товарищам, отправлявшимся на передовые позиции: «Штрейкбрехеры, продолжатели войны! Товарищи, проснитесь!»

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 220.
[2] «Спартак» во время войны, стр. 180—182. Партиздат, 1933.

Центристы — Гаазе, Дитман, Ледебур и другие старались удержать массы под своим влиянием и руководством. «Союз Спартака» принимал в движении активное участие и звал заговорить с реакцией «по-русски».

Боевое выступление германских рабочих было, путем свирепой расправы со стачечниками и с помощью Шейдемана, Эберта и других лидеров социал-демократической партии, удушено. Это развязало германскому кайзеровскому правительству руки в брестских переговорах и подготовило почву для Брестского мира.

Начавшийся осенью 1918 г. военный разгром Германии и ее союзников и последовавшая в связи с этим капитуляция Болгарии, а вслед за ней и Австрии, усилили революционные настроения масс и вызвали в господствующих классах повышенное чувство беспокойства и тревоги. Чтобы предотвратить революционные выступления снизу, создано было правительство Макса Баденского с участием представителей социал-демократической партии Шейдемана и Бауэра и сделана попытка провести ряд демократических реформ. В противовес прямой и открытой поддержке правительства кайзеровской монархии социал-шовинистами и нерешительности и колебаниям независимцев спартаковцы выдвинули на своей общеимперской конференции 7 октября 1918 г. требования экспроприации шахт и горных заводов, банковского капитала, крупного и мелкого землевладения. Вместе с тем, спартаковцы выдвигали лозунг образования Советов рабочих и солдатских депутатов.

Ленин придавал событиям в Германии и Австрии и возникновению Советов огромное значение. «Когда в Германии и Австрии, — говорил по этому поводу Ленин, — дело доходит до образования Совета Рабочих Депутатов и до второй массовой стачки, — тогда мы должны сказать, ни капли не преувеличивая, нисколько не обольщаясь, что это означает момент наступления революции... мы помогли австрийским и немецким рабочим почувствовать себя не врагами, которые душат русских рабочих из-за интересов кайзера, из-за интересов немецких капиталистов, а мы помогли им почувствовать себя братьями русских рабочих, которые ведут такую же революционную работу».[1] Однако отсутствие массовой и последовательно-революционной партии пролетариата продолжало оставаться ахиллесовой пятой революционного движения в Германии.

Накануне ноябрьской революции в Германии Ленин писал: «Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней **нет** революционной партии... Конечно, могучее революционное движение масс может выправить этот недостаток, но он остается великой бедой и великой опасностью»[2].

Предвидение Ленина оправдалось.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 95.
[2] Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 224.

Начавшееся 3 ноября 1918 г. восстание матросов, поддержанное рабочими Киля, переросло в вооруженное восстание, охватившее Любек, Гамбург, Бремен. Восстание быстро распространилось и на Ганновер, Лейпциг, Штутгарт. В огне революционной борьбы всюду возникали Советы рабочих и солдатских депутатов.

В ночь с 7 на 8 ноября рабочие и солдаты захватили власть в Мюнхене. Повсюду избирались Советы рабочих и солдатских депутатов. 9 ноября Берлин оказался в руках народа. С балкона императорского дворца Либкнехт провозгласил социалистическую республику в Германии. Династия Гогенцоллернов была сметена. В состав Совета народных уполномоченных вошли три представителя от правительственных социалистов — Эберт, Шейдеман и Ландсберг и три представителя от независимцев — Гаазе, Дитман и Барт. Но власть фактически оказалась в руках правительственных социалистов, которые накануне ноябрьской революции сделали все для того, чтобы спасти монархию и предотвратить революцию. Созданные советы рабочих и солдатских депутатов оказались в руках шейдемановцев и центристов.

Социал-демократические лидеры повели с самого начала революции борьбу против принципов пролетарской диктатуры и за принципы буржуазной демократии. На практике правительственные социалисты подчинили Берлинский Совет рабочих депутатов Совету народных уполномоченных и правлению социал-демократической партии. Захватив в свои руки большинство в Советах, они сводили их самостоятельную роль к нулю, выхолащивали всячески из них революционный дух.

В тех местах, где руководство местными Советами находилось в руках независимцев, они придавали Советам роль совещательных органов. Независимцы пытались сочетать систему Советов с буржуазной парламентской системой.

Все свои усилия социал-демократия направила на то, чтобы удержать массы от революционных методов классовой борьбы, затормозить дальнейший поступательный ход движения, предотвратить повторение «русского» опыта. Правительственные социалисты — Шейдеман, Эберт и другие вошли в контакт с реакционными генералами и поспешили сговориться с правительствами Антанты о заключении перемирия. Они ставили себе целью удушение революции, готовы были заключить мир на любых условиях, с тем, чтобы приступить к демобилизации и разоружению восставших народных масс, покончить с возникшими в Германии Советами. В свою очередь, центристы старались всячески привить массам недоверие к Октябрьской социалистической революции в России, подорвать симпатии к молодой Советской республике. Они внушали массам, что путь пролетарской революции в России — тяжелый путь гражданской войны и неизбежных ее спутников — разрухи, голода и лишений, что этот путь привел бы Германию к новому столкновению с империалистической Антантой и закончился бы только полным и бес-

поворотным разгромом Германии. Связывая по рукам активность масс, центристы убаюкивали массы требованиями «социализаций промышленности» и прочими пышными лозунгами. Шейдемановцы и каутскианцы упорно внушали массам, что путь развития новой Германии иной, чем путь развития «отсталой» России. Разделяя принципы буржуазной демократии, они добивались скорейшего созыва Национального собрания.

Характеризуя линию поведения независимых, Ленин писал, что «между спартаковцами и шейдемановцами — колеблющиеся, бесхарактерные «каутскианцы», единомышленники Каутского, на словах «независимые», на деле з а в и с я щ и е целиком и по всей линии сегодня от буржуазии и шейдемановцев, завтра от спартаковцев, частью и другие за первыми, частью за вторыми, люди без идей, без характера, без политики, без чести, без совести, живое воплощение растерянности филистеров, на словах стоящих за социалистическую революцию, на деле неспособных понять ее, когда она началась, и защищающих по-ренегатски «демократию» вообще, то есть н а д е л е защищающих б у р ж у а з н у ю демократию».[1]

Первый Всегерманский съезд Советов (16—21 декабря 1918 г.) принял решение о созыве Национального собрания и тем самым решил основной вопрос германской революции — Советы или Национальное собрание — в пользу буржуазии. Съезд пытался отвлечь внимание масс от готовившегося шейдемановцами разгрома революционного рабочего движения и ликвидации Советов решениями о «социализации промышленности» и созыве Национального собрания. Только после организованной шейдемановцами второй попытки произвести путч, независимцы решили выйти из состава правительства.

«Союз Спартака» продолжал призывать массы последовать «русскому» примеру, высказывался за разоружение буржуазии и вооружение рабочих, образование социалистической республики, передачу власти Берлинскому Совету до образования Всегерманского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В своей речи, произнесенной в революционном флотском комитете 23 ноября 1918 г., Карл Либкнехт говорил, что революция, может быть, останется тем, чем была до сих пор, — движением за мир и буржуазные реформы, или же станет пролетарско-социалистической революцией. Даже и в первом случае ее важнейшей опорой будет пролетариат. Но пролетариат не может довольствоваться буржуазно-реформистским содержанием революции. Он должен итти вперед, к социальной революции, иначе он потеряет и то, что уже завоевал. Далее Либкнехт отметил, что начался всемирно-исторический поединок между капиталом и трудом, что существуют только два пути ликвидации войны — империалистический и социалистический.

---

[1] Л е н и н. Соч., т. XXIII, стр. 498.

Но спартаковцы все еще оставались немощной группой, еще слабо связанной с массами и организационно не закрепившей еще своего влияния в массах. К тому же они не сумели учесть уроков большевиков, продолжая и в ноябрьские дни все еще цепляться за формальное «единство». Вплоть до осени 1918 г. «Союз Спартака» не порывал организационной связи с независимой с.-д. партией. Коммунистическая партия Германии была образована только 29—31 декабря 1918 г., когда руководство социал-демократической партии укрепилось у власти. В момент своего основания компартия не понимала необходимости создания централизованной, построенной по большевистскому типу, партийной организации, страдала крупными сектантскими ошибками и оказалась неспособной завоевать широкие массы, возглавить революционный подъем.

Спартаковцы не изжили еще люксембургских ошибок, не понимали подлинной роли партии как авангарда пролетариата, не имели ясности в понимании системы диктатуры пролетариата. В принятой учредительным партейтагом 30 декабря 1918 г. программе замалчивался вопрос о наделении землей малоземельного, а частично и среднего крестьянства за счет помещичьей земли, что показывало непонимание спартаковцами роли крестьянства как союзника пролетариата и резерва пролетарской революции. Неправильную позицию заняло большинство партейтага и по вопросу о работе коммунистов в реформистских профсоюзах. Вопреки Розе Люксембург и Карлу Либкнехту, оставшихся в меньшинстве, съезд принял неправильное решение о бойкоте выборов в Национальное собрание.

Все же образование коммунистической партии имело огромное международное значение и явилось одним из важнейших факторов в деле основания Коммунистического Интернационала.

В «Письме к рабочим Европы и Америки» от 24 января 1919 г. Ленин писал: «Когда германский «Союз Спартака» с такими всемирно известными и всемирно знаменитыми вождями, с такими верными сторонниками рабочего класса, как Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Франц Меринг, порвал окончательно свою связь с социалистами вроде Шейдемана и Зюдекума, с этими социал-шовинистами (социалистами на словах, шовинистами на деле), навсегда опозорившими себя союзом с грабительской, империалистической буржуазией Германии и с Вильгельмом II, когда «Союз Спартака» назвал себя «коммунистической партией Германии», — тогда *основание* действительно пролетарского, действительно интернационалистского, действительно революционного III Интернационала, *Коммунистического Интернационала*, стало *фактом*. Формально это основание еще не закреплено, но фактически III Интернационал теперь уже существует».[1]

В Голландии, под влиянием Октябрьской революции в

[1] Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 494—495.

России, начался резкий подъем рабочего движения, вспыхнули волнения в военном лагере Гарсками. В ночь на 12 ноября была сделана попытка организовать вооруженное восстание, но безуспешно. Под давлением масс лидеры социалистической партии и федерации профсоюзов были вынуждены выступить с требованием немедленной демобилизации, проведения демократических реформ, восьмичасового рабочего дня, проведения ряда мероприятий по борьбе с безработицей и т. д.

Оппортунистические вожди во главе с Трульстрой сделали все от них зависящее, чтобы усыпить массы и помочь буржуазии выйти из создавшегося положения.

Весть об Октябрьской революции в России была встречена с огромным энтузиазмом и во Франции. На митингах рабочие выносили резолюции с выражением приветствия и симпатии Великой Октябрьской социалистической революции. Малейшие попытки оппортунистических руководителей социалистических партий и синдикатов выступить вразрез с общим настроением рабочих, дискредитировать молодую республику Советов, подорвать доверие к советской власти — неизменно встречались массами враждебно. Буржуазная печать напрягала все силы, чтобы дискредитировать в глазах французского народа Великую Октябрьскую социалистическую революцию, Советы и большевизм. Она не останавливалась перед самой грубой ложью и клеветой. Но массы подчас инстинктивно угадывали подлинную сущность большевизма и все глубже проникались к нему симпатиями. В марте 1918 г. развернулись боевые стачечные выступления в Париже, распространившиеся затем и на другие районы и охватившие до 330 тыс. рабочих. На многочисленных митингах бастующих рабочих в бассейне Луары, охваченном в тот момент всеобщей массовой стачкой, приветствия Октябрьской социалистической революции сочетались с энергичными требованиями о немедленном заключении перемирия на фронтах, о заключении мира без аннексий и контрибуций, с признанием права на самоопределение наций. Несмотря на отказ лидеров Французской социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда, в день 1 мая 1918 г. имели место внушительные массовые революционные демонстрации. В развернувшейся весной и летом 1918 г. широкой волне стачек, захватившей и предприятия военной промышленности, во всеобщей стачке сталелитейщиков в Изберге, металлургов Фирмини и Деказвилля, рабочих арсенала в Бресте, авиационного завода в Нан-Барре, военных заводов в Одинкуре и пр. экономические требования неразрывно переплетались с политическими лозунгами и требованиями мира. Весной 1918 г. в целом ряде полков происходили крупные волнения среди солдат. Летом 1918 г., во время прокатившейся мощной волны стачек и демонстраций, солдаты, высланные против демонстрантов, во многих местах отказывались повиноваться приказаниям властей.

Вся страна была охвачена огнем боевых революционных выступлений, Франция была очень близка к революции. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции заметно оживилась деятельность левых элементов в социалистическом движении.

На митингах, созванных левыми элементами социалистического и синдикального движения, резолюции с требованием прекращения империалистической войны и призывами последовать примеру пролетарской революции в России встречались с огромным подъемом. На национальной конференции Французской социалистической партии 6 октября 1918 г. во время речи Лонге по поводу антисоветской интервенции раздавались возгласы: «Да здравствует Советская республика!»

Центристские вожди социалистической партии во главе с Лонге, ставшим теперь лидером партии, начали под давлением масс поворачивать влево, но «сдвиг масс влево происходил гораздо быстрее, чем полевение вождей». [1]

Те самые центристские вожди, которые еще незадолго перед этим смотрели, так же, как правые лидеры — Ренодель и др., на Великую Октябрьскую социалистическую революцию как на вспышку «безумия» большевиков, стали выступать на защиту Советской России, против империалистической интервенции. Такой же поворот наблюдался и среди лучшей части синдикалистов. «Эти люди, несмотря на очень скудные сведения о большевистском коммунизме, — говорил позднее об этом повороте французский коммунист Садуль на I Конгрессе Коминтерна, — повидимому, инстинктивно поняли его подлинную силу и жизнеспособность». [2] Характеризуя позиции центристов в тот период, Садуль говорил: «Они начали даже разоблачать интриги буржуазных правительств Антанты и выразили свой протест против вооруженной интервенции, обосновывая, впрочем, свою тактику не чувством социалистической солидарности, а правом народов самим решать свою судьбу... Ошеломленные и испуганные радикальным характером гигантского социального переворота, с твердой решимостью проводимого Советской властью, они следили за этой молниеносной революцией, не понимая ее необходимости и не оценивая ее мощи. Но осудить ее они также не осмелились». [3]

В рядах Французской социалистической партии и внутри Всеобщей конфедерации труда все более отчетливо выкристаллизовывалось левое крыло, которое выступало под знаком борьбы против империалистической политики французской и международной буржуазии, против антисоветской интервенции и блокады Советской власти, за принципы революционной классовой борьбы, за собирание всех революционных сил во французском рабочем движении.

---

[1] Стеногр. отчет Первого конгресса Комм. Интерн., стр. 58. Партиздат, 1933.
[2] Там же, стр. 57.
[3] Там же.

Влияние Октябрьской революции в Англии нашло свое выражение в мощном развороте стачечного и рабочего движения. Особенно оживленная деятельность наблюдалась в то время в движении фабрично-заводских старост. Последние развернули под руководством Галлахера, Мак-Мануса, Поллита и других энергичную кампанию против империалистической войны, за немедленное признание молодой Советской республики. В связи с организацией английским правительством интервенции против Советского Союза, левые элементы в Британской социалистической партии, в тред-юнионах и в движении фабрично-заводских старост повели борьбу с вооруженной интервенцией, направленной против социалистической революции в России. Организация боевых стачечных выступлений и протестов докеров, транспортников и моряков, кампания на военных заводах против поставки снаряжения Юденичу, Колчаку, Деникину и другим контрреволюционным армиям — явились живым свидетельством международной пролетарской солидарности и возросшей симпатии масс к Октябрьской социалистической революции. Напуганное ростом английского пролетариата, боевых настроений и стачечной борьбы и движением в пользу создания Советов в Англии, правительство Ллойд-Джорджа приняло все меры к подавлению движения с помощью политики «кнута и пряника». Усиление репрессий сопровождалось поспешным проведением в законодательном порядке 8-часового рабочего дня, расширением избирательного права.

Движение подтачивалось изнутри оппортунистическими элементами, которые выхолащивали боевое содержание Советов. Последние начали возникать на основе решения конференции в Лидсе еще в июне 1917 г. Появились солдатские комитеты, участились случаи неповиновения солдат и матросов. Лозунги заключения мира без аннексий и контрибуций встречали в массах все более широкий отклик. Под влиянием революционного подъема усилился процесс кристаллизации левых элементов и размежевание в рабочем движении Великобритании. Даже Рабочая партия поспешила объявить себя на чрезвычайной конференции 28 января 1918 г. «социалистической», чтобы этим прикрыть свою оппортунистическую сущность. В то же время был изменен и устав с расчетом открыть более широкий доступ в партию мелкобуржуазным попутчикам и оппортунистическим элементам. Однако образование компартии сильно замедлилось.

В Ирландии влияние Великой Октябрьской социалистической революции нашло выражение в обострении национально-освободительной борьбы, принявшей характер вооруженной партизанской войны. Правительственным английским войскам приходилось с огромным трудом преодолевать сопротивление ирландцев.

В Польше, восстановленной Антантой в качестве самостоятельного государства для создания барьера против проникновения большевизма на Запад и использования ее в борьбе

против Советской России, Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала живейший отклик в массах. Под ее влиянием возникает в момент отступления из Польши германских войск Варшавский Совет рабочих депутатов. Советы были образованы также 8 ноября 1918 г. в Домбровском районе, в Лодзи, Люблинском округе и других местах.

Инициаторами в организации Варшавского Совета рабочих депутатов явилась революционная «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы», и «левица ППС» при участии Варшавского Совета профессиональных союзов. Лидеры оппортунистической и националистической ППС (польской социалистической партии), участвовавшие в правительстве, были вынуждены под давлением масс подхватить лозунг Советов и образовали свои самостоятельные Советы. Последние были ими противопоставлены революционным Советам. В свою очередь самостоятельные Советы были образованы в тот период еврейской социал-демократической партией «Бунд» совместно с другими мелкобуржуазными еврейскими социалистическими партиями — Паолей-Цион и Ферейнигте (социалисты-территориалисты).

Влияние «Социал-демократии Королевства Польского и Литвы» и «левицы ППС» настолько возросло в массах, что оппортунистическая ППС и еврейские мелкобуржуазные социалистические партии были вынуждены в декабре 1918 г. пойти навстречу предложению СДКП и Л и «левицы ППС», выдвинув через Варшавский Совет рабочих депутатов вопрос о создании единых Советов.

В этой обстановке начавшегося революционного подъема произошло объединение «Социал-демократии Королевства Польского и Литвы» и «левицы ППС», и на съезде в декабре 1918 г. было положено начало существованию Коммунистической партии Польши. Программная декларация компартии встретила одобрение со стороны Розы Люксембург и Тышко, принимавших деятельное участие в революционном движении польского пролетариата. Карл Либкнехт приветствовал от имени «Союза Спартака» образование компартии Польши, развернувшей энергичную революционную работу по организации и мобилизации масс для борьбы против «социалистического» правительства Морачевского и в защиту Советской России.

В Чехословакии социал-демократия приняла с самого начала самостоятельного государственного существования участие в правительстве, сотрудничая с буржуазией в «национальной революции». Она играла роль социальной опоры буржуазии. Политика социал-демократии была направлена на то, чтобы удержать массы от революционных выступлений.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции стало складываться в чешской и немецкой социал-демократических партиях левое крыло. Одновременно начали возникать коммунистические группы.

В **Италии** под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и революционного подъема в странах западной Европы наблюдался быстрый рост революционных настроений. Ряды социалистической партии выросли с 45 000 в 1913 г. до 66 700 в 1918 г. Внутри социалистической партии начало вызревать идейное размежевание на приверженцев реформистской тактики и революционных методов борьбы, на сторонников и противников принципов пролетарской диктатуры. Линии этого размежевания начали выявляться еще на состоявшемся 25 октября 1918 г. XV конгрессе социалистической партии в Риме. Размежевание внутри социалистической партии вылилось в 1919 г. на очередном XVI конгрессе социалистической партии в Болонье в открытую борьбу двух основных течений — реформистского и коммунистического.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в **Швейцарии** развернулись революционные демонстрации, сопровождавшиеся в Цюрихе кровавыми столкновениями с полицией. В день похорон жертв кровавых столкновений была объявлена всеобщая стачка. Среди стачек, последовавших вслед за этими событиями, выделилась забастовка банковских служащих. В стачке солидарности приняло участие около 20 000 рабочих.

Отказ правительства выполнить требования образованного из представителей социал-демократической партии и профессиональных союзов Комитета действия в Ольтене (о введении 8-часового рабочего дня, отмене запрещения собраний, союзов и демонстраций улучшении снабжения и против высылки Советской миссии) послужил толчком к однодневной всеобщей забастовке, развернувшейся в генеральную стачку по всей стране. Боевое выступление рабочих было подавлено со всей жестокостью, начались суровые репрессии. В этой обстановке резкого обострения классовой борьбы усилилось размежевание внутри социал-демократической партии, и левые элементы стали завоевывать среди рабочих все большее влияние. Состоявшаяся летом 1918 г. конференция разрозненно существовавших коммунистических групп и представителей существовавших в ряде мест солдатских организаций вынесла решение всемерно активизировать свою оппозиционную деятельность внутри социал-демократической партии и выдвинуть лозунг образования Советов рабочих депутатов. В связи с забастовкой солидарности, объявленной в октябре 1918 г. для поддержки бастовавших банковских служащих, и предательским поведением социал-демократических профсоюзных лидеров среди левых элементов усилились настроения в пользу выхода из социал-демократической партии. Организация компартии затянулась вследствие начавшихся после всеобщей стачки 11—14 ноября 1918 г. массовых арестов и репрессий против левых. Буржуазная печать обвинила коммунистов в подготовке вооруженного восстания и повела широкую кам-

панию против коммунистических и левых элементов в профсоюзах. В этих условиях левые продолжали свою революционную работу, организовали нелегальный Совет рабочих депутатов в Цюрихе, пропагандировали создание всюду Советов рабочих и солдатских депутатов. На съезде металлистов предложение левых о создании Совета рабочих депутатов было отклонено, инициаторам пригрозили исключением из союза. Правые социал-демократические союзы мотивировали это тем, что советы не предусмотрены... уставом союза. Коммунистические элементы не смогли преодолеть влияние оппортунистических лидеров социал-демократической партии и реформистских профсоюзов и установить сотрудничество с левой социал-демократической оппозицией в значительной мере вследствие своих левацких ошибок в вопросе об участии в парламентской борьбе и о работе в профсоюзах. «Левые» коммунистические группы стояли на позиции антипарламентаризма и решительно высказывались против участия в выборах в законодательные учреждения. Левацкие ошибки коммунистических групп помешали им вырвать из-под влияния социал-демократии и завоевать широкие массы рабочего класса.

В Швеции Великая Октябрьская социалистическая революция была встречена злостной клеветнической кампанией со стороны буржуазной и социал-демократической печати. Особенно рьяную кампанию проводил орган «Socialdemokraten» под руководством лидера социал-демократической партии Брантинга. Последний всячески поощрял посылку белогвардейских отрядов из Швеции для удушения рабочей революции в Финляндии. Позиция социал-демократических лидеров явилась толчком для более глубокого размежевания в рабочем движении. Возникшая в мае 1917 г. лево-социал-демократическая партия установила связь с синдикалистами и антипарламентскими младо-социалистами, равно как и союзом рабочих и солдат, и проводила совместно с ними выступления в защиту Советской России. Слабостью лево-социал-демократической партии было наличие в рядах партий случайных попутчиков типа «гуманиста» и «пацифиста» Линдагагена, выступавшего против диктатуры пролетариата и методов революционного насилия.

В Норвегии под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции прокатилась широкая волна стачек и демонстраций, и зимой 1917—1918 г. стали возникать первые Советы рабочих и солдатских депутатов. Усилившееся идейное размежевание в Норвежской рабочей партии повело к обострению борьбы левого крыла против позиции, занятой оппортунистическим большинством ЦК партии. Последние высказались против Советов и большевизма, за принцип буржуазной демократии. Левое крыло опиралось на большинство местных организаций и на такие крупные профсоюзы, как Союз рабочих, объединявший рудокопов, строителей и др., и Союз металлистов. Левому крылу удалось добиться на съезде партии в кон-

це марта 1918 г. большинства. Съезд выразил чувства горячей симпатии Великой Октябрьской социалистической революции и постановил официально примкнуть к Циммервальдскому объединению. Председателем партии был избран Кюрре Грэпп, один из наиболее видных руководителей левого крыла.

К важнейшим событиям 1918 г. следует отнести «рисовые бунты» в Японии, которые в заметной мере парализовали свободу действий японской военщины, начавшей по сговору с американскими империалистами и правительствами Антанты интервенцию в Сибири.

«Рисовые бунты» явились завершением поднявшейся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции целой волны боевых выступлений японских рабочих, крестьян и интеллигенции.

В «рисовых бунтах» участвовали и широкие массы городских рабочих и бедноты. «Рисовые бунты» были поддержаны стачечными выступлениями горняков, текстильщиков и др.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции стало складываться левое крыло в рабочем и профессиональном движении Японии.

Великая Октябрьская социалистическая революция послужила могучим толчком для развития революционного движения в США.

Симпатии передовых рабочих были всецело на стороне Советской России. Многие американские рабочие изъявили желание поехать в Советскую Россию и вступить в ряды Красной армии. В то же время социалистические лидеры стали все откровеннее выступать против Советской России и большевизма. Социалисты, члены законодательного собрания, открыто выражали свое враждебное отношение к большевикам.

Развернувшиеся под руководством левых элементов социалистической партии и союза «Индустриальных рабочих мира» экономические стачечные выступления сочетались с борьбой в защиту Советской России, против скрытой, а затем и открытой поддержки правительством США интервенции японских войск на Дальнем Востоке и в Сибири и против посылки американских отрядов в Сибирь, Мурманск и другие районы Советской России.

На фоне развернувшейся экономической борьбы и возросшей политической активности масс все более усиленными темпами происходил процесс идейного размежевания в рабочем движении. Внутри социалистической партии стало складываться под руководством Рутенберга, Браудера, Джона Рида и других левое крыло, которое усилило борьбу против реформистского руководства партии, выступая за методы революционной классовой борьбы. Левые группы стали возникать по всей стране еще весной 1918 г. «Манифест левого крыла, — писал в своей статье «Революционное движение в Америке» Джон Рид, — составленный Нью-Иоркской фракцией и разосланный

по всей стране, требовал пересмотра программы и тактики партии; требовал, чтобы партия заняла ту же позицию, что и русская коммунистическая партия и группа германских спартаковцев, т. е. чтобы партия отказалась от парламентского реформизма, признала революционную борьбу за власть и диктатуру пролетариата».[1]

Органы левого крыла «The Class Struggle» («Классовая борьба»), орган Лиги социалистической пропаганды «New International» («Новый Интернационал»), еженедельник «The Revolutionary Age» («Революционный век») в Бостоне, еженедельник «New Jork Communist» («Нью-Иоркский коммунист») повели ожесточенную борьбу против оппортунистических лидеров социалистической партии, за принципы коммунизма.

Левое крыло явилось родоначальником основанной позднее коммунистической партии США.

Великая Октябрьская социалистическая революция не только освободила угнетенные народы бывшей царской России, являвшейся «тюрьмой народов», но разбудила и подняла на борьбу против империалистического гнета народы колоний и зависимых стран, открыв «новую эпоху, эпоху колониальных революций, проводимых в угнетенных странах мира в союзе с пролетариатом, под руководством пролетариата.[2]

Огромное, всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции заключается в том, что «бросив семена революции как в центры империализма, так и в его тылы, ослабив мощь империализма в метрополиях и расшатав его господство в колониях, — Октябрьская революция поставила тем самым под вопрос самое существование мирового капитализма в целом».[3]

Великая Октябрьская социалистическая революция стала исходным пунктом развернувшегося в зависимых и колониальных странах могучего подъема национально-освободительного движения, сочетавшегося с ростом революционного рабочего движения. На фоне этого движения стали зарождаться и первые побеги молодого коммунистического движения.

Под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и усиленной борьбы с начавшейся вскоре империалистической интервенцией разлилось широкой волной национально-освободительное движение в Турции, направленное своим острием против империализма.

«Этим примером Советской России заразились очень многие народы, независимо от их сочувствия или несочувствия «большевистским шептунам», — говорил Ленин на пленуме Московского Совета. — Об этих «шептунах» на всем свете много говорят и нас даже называют зловредными шептунами по от-

[1] «Коммунистический Интернационал», № 10, стр. 1492, 1920.
[2] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 178, изд. II.
[3] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 179, изд. II.

ношению к Турции... тот грабеж, на который империалистические правительства осудили Турцию, вызвал отпор, заставивший самые мощные империалистические державы убрать руки прочь».[1]

Национально-освободительное движение, опиравшееся главным образом на крестьянство и городскую мелкую буржуазию, возглавлялось буржуазией, которая сумела предотвратить аграрную революцию и направить движение крестьянских масс по линии борьбы с империализмом и греко-армянской ростовщической компрадорской буржуазией. Пролетариат был еще малочислен, слабо организован и не мог играть в то время руководящей роли. Константинополь и Смирна были оккупированы империалистами.

В Китае Великая Октябрьская социалистическая революция послужила стимулом к усилению национально-освободительного движения и резкого обострения борьбы между Югом, возглавлявшимся Сун-Ят-Сеном, и милитаристами Севера. На почве начавшегося подъема национально-освободительного движения пускает первые ростки рабочее движение, начинают складываться социалистические группы, которые повели пропаганду идей Великой Октябрьской социалистической революции и борьбу против антисоветской интервенции.

В Иране поднявшаяся бурная волна национально-освободительного движения, сочетавшаяся со стачками рабочих, проводившимися под лозунгами борьбы за 8-часовой рабочий день, и признания свободы коалиции, — завершилась завоеванием независимости Ирана.

В Индии под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и на почве усиления промышленного развития, роста пролетариата, обострения аграрного кризиса, обнищания широких крестьянских масс, голода и эпидемий развернулось широко национально-освободительное и рабочее движение. Летом 1918 г. началась первая крупная политическая стачка бомбейских текстильщиков, а в декабре этого же года — новая стачка 125 000 текстильщиков с требованием повышения заработной платы.

В огне стачечных выступлений возникли профессиональные организации, — в первую очередь созданный в апреле 1918 г. буржуазными националистами Мадрасский рабочий союз.

Напуганная Великой Октябрьской социалистической революцией индийская буржуазия старается подчинить рабочий класс своему влиянию, парализовать дальнейший рост рабочего движения, которое пробудило и крестьянские массы и городскую мелкую буржуазию.

Все более широкий размах стачечной борьбы рабочих, революционные волнения среди крестьянства, разгром помещичьих владений, участившиеся нападения на правительственных чи-

[1] Ленин. Соч., т. XXVI, стр. 176—177.

новников создавали массовую базу для национально-освободительной борьбы против империализма, угрожали буржуазным устоям и вызывали среди буржуазии чувство растущей тревоги.

Вождем буржуазного национализма явился Махандас Карамчанд Ганди, который сумел возглавить национально-освободительное движение и повести его по пути предотвращения надвигавшихся крупных революционных битв, — удержать Индию в повиновении английскому империализму.

Влияние буржуазных националистов, особенно на первой стадии развития рабочего движения, затормозило возникновение коммунистического движения.

В Индонезии под влиянием социалистической революции и молодой Советской республики развернулось массовое стачечное движение.

Экономические требования были неразрывно связаны с политическими лозунгами. Особенного напряжения достигла стачка докеров в 1918 г. в Семаране. В том же году были сделаны в Сурабайе попытки образования Советов матросских и солдатских депутатов.

Внутри националистического союза Ислама и социал-демократической партии началось быстрое расслоение. В результате раскола в социал-демократической партии возникают первые коммунистические группы.

Бурным и могучим потоком разлилось национально-освободительное и антиимпериалистическое движение в странах африканского континента — Египте, в странах Южной Америки — Аргентине, Бразилии, Уругвае, Парагвае, Чили и других.

В Аргентине начавшееся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции внутреннее размежевание в рабочем движении привело к образованию 6 января 1918 г. коммунистической партии Аргентины.

В Бразилии откликом на Великую Октябрьскую социалистическую революцию явилась попытка пролетарского восстания в Рио-де-Жанейро. Буржуазии удалось быстро подавить восстание.

В Чили под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции высоко поднялась волна рабочего движения, завершившаяся в ноябре 1918 г. всеобщей забастовкой.

* * *

Против Великой Октябрьской социалистической революции ополчились не только вся международная буржуазия, не только все силы контрреволюции, поддержанные эсерами и меньшевиками, но и лидеры международной социал-демократии: Вандервельде, Каутский, Гильфердинг, Отто Бауэр, Реннер, Ренодель, Гендерсон, Сноуден и другие.

Идеологом развернутого похода против Великой Октябрьской социалистической революции, диктатуры пролетариата,

против большевиков и большевизма явился теоретический вождь II Интернационала — Каутский. В своих выступлениях против диктатуры пролетариата и большевиков он старался доказать, что отсталая Россия не созрела еще для пролетарской революции, усматривал вместе с другими лидерами международной социал-демократии в Великой Октябрьской социалистической революции «большевистский эксперимент» и «опасную авантюру». В выпущенной им в 1918 г. брошюре «Диктатура пролетариата» Каутский пытался всячески доказать преимущества буржуазной демократии и высказывался против принципов диктатуры пролетариата. Видный теоретик австрийской социал-демократии Отто Бауэр в свою очередь упорно доказывал в своей брошюре «Русская революция и западноевропейский пролетариат», что революционная Россия с ее преобладающим крестьянским населением не созрела для социалистической революции и развивается в сторону капитализма. В этом же духе выступали и другие лидеры международной социал-демократии, предостерегавшие пролетариат западной Европы от следования по пути русских рабочих и крестьян.

Диктатуре пролетариата Каутский и другие лидеры оппортунистически противопоставляли теорию «чистой демократии», пытаясь обосновать буржуазную демократию «надклассовым» ее характером. Этим они предали полному забвению учение Маркса — Энгельса о классовом характере буржуазного государства и учение о диктатуре пролетариата. Это отступничество Каутского от марксизма Ленин заклеймил в своих гениальных работах «Государство и революция» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Идеологическая борьба против Великой Октябрьской социалистической революции и большевизма сопровождалась открытой вооруженной борьбой, организованной под руководством лидеров правительственной социал-демократической партии Германии против пролетарской революции и революционного авангарда пролетариата. Социал-демократическое правительство Тусара в Чехословакии участвовало в подавлении Венгерской советской республики. Своим участием в буржуазных правительствах и политикой классового сотрудничества с буржуазией социал-демократические лидеры Австрии, Германии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Швеции и Дании удерживали пролетарские массы от революционных классовых боев и направляли все свои силы на предотвращение пролетарской революции и сохранение капитализма.

В этой связи вопрос о скорейшем размежевании с оппортунистическими элементами, об организационном оформлении революционного лагеря рабочего движения, о создании партий, способных подготовить, организовать и возглавить решающие классовые бои, партий, спаянных железной дисциплиной и волей к революционному действию, партий нового типа, — становился все более актуальным и не терпящим отлагательства вопросом.

Такие гениальные теоретические работы Ленина, как «Война и российская социал-демократия», «Крах II Интернационала», «Империализм как высшая стадия капитализма», «О лозунге Соединенных Штатов Европы», написанные им после Февральской и Октябрьской революций в России, «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», а также выступление Сталина на VI съезде партии большевиков и его статьи в газете «Рабочий» по основным вопросам стратегии и тактики пролетарской революции — явились ценнейшим вкладом в сокровищницу революционного марксизма и укрепляли идейные и теоретические основы коммунистических партий.

Большую роль в деле развертывания коммунистического движения в странах капитализма сыграли и письма Ленина, информировавшие рабочих капиталистических стран о принципах и методах борьбы большевиков и идейно вооружавшие рабочих в их борьбе против интервенции и против реакционных лидеров рабочего движения.

Вопрос об организации нового—III, Коммунистического—Интернационала повелительно диктовался теперь всей обстановкой начавшегося революционного подъема в странах капитализма, необходимостью согласования действий компартий и групп и руководства компартиями в их борьбе за массы и завоевание подступов к пролетарской революции.

ПОДГОТОВКА К СОЗЫВУ I КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Еще 24 января 1918 г. в Петрограде состоялось под руководством Сталина созванное ЦК РСДРП (большевиков) совещание представителей левых социалистических партий и групп Европы и Америки по вопросу о созыве конференции левых интернационалистов. Совещание вынесло решение, что такая конференция должна быть созвана с участием партий и организаций, готовых стать на путь революционной борьбы против своих правительств за немедленный мир и стоящих на позиции поддержки Октябрьской Социалистической революции и советской власти.

Могучий подъем революционного рабочего движения сопровождался все более усиливавшимся процессом размежевания в международном рабочем движении. Указывая на наличие всех предпосылок для основания Коммунистического Интернационала, Ленин в своей блестящей работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» 10 ноября 1918 г. писал: «Большевизм добил старый, гнилой Интернационал Шейдеманов и Каутских, Реноделей и Лонге, Хендерсонов и Макдональдов, которые будут теперь путаться в ногах друг у друга, мечтая о «единстве» и воскрешая труп. Большевизм *создал* идейные и тактические основы III Интернационала, действительно проле-

тарского и коммунистического, учитывающего и завоевания мирной эпохи, и опыт *начавшейся эпохи революции*».[1]

Начавшаяся подготовка к созыву конгресса Коммунистического Интернационала вызвала в лагере социал-шовинистов и центристов усиленные попытки ускорить созыв международной социалистической конференции.

В декабре 1918 г. социал-шовинисты из Рабочей партии Англии обратились к социалистическим партиям других стран с предложением созвать в Лозанне 6 января 1919 г. международную социалистическую конференцию в целях восстановления II Интернационала. В связи с этим ЦК РКП(б) разослал 24 декабря 1918 г. радиограмму, разоблачавшую попытку восстановления II Интернационала с целью «создания оплота против быстро развивающейся мировой пролетарской революции».[2] ЦК РКП(б) призывал сплотиться вокруг фактически уже созданного Интернационала и не участвовать в Лозаннской конференции.

25 января 1919 г., по инициативе ЦК РКП(б), вновь состоялось под руководством Ленина совещание, в котором участвовали представители заграничных секций венгерской, польской, германской и австрийской коммунистических партий, русского бюро латышской компартии, ЦК финской компартии, Балканской федерации революционных социал-демократов, Социалистической рабочей партии Америки.

«Гигантски быстрый ход мировой революции, — говорилось в опубликованном совещанием совместном обращении, — ставящей все новые и новые проблемы, опасность удушения этой революции со стороны союза капиталистических государств, которые организуются против революции под лицемерным знаменем «Союза народов»; попытки со стороны социал-предательских партий столковаться и, дав «амнистию» друг другу, помочь своим правительствам и своей буржуазии еще раз обмануть рабочий класс; наконец, накопившийся громадный революционный опыт и интернационализация всего хода революции — заставляют нас взять на себя инициативу постановки в порядок дня обсуждения вопроса о созыве международного конгресса революционных пролетарских партий».[3]

В качестве ближайшей задачи пролетариата разработанная совещанием платформа выдвигала захват политической власти рабочим классом путем массовых революционных действий — до вооруженной схватки с государственной властью буржуазии включительно.

Выдвигая Советы рабочих депутатов как форму пролетар-

[1] *Ленин*. Соч., т. XXIII, стр. 385.

[2] Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала. Материалы и документы, стр. 105—106. Партиздат, 1934.

[3] *Там же*, стр. 113.

ской власти, совещание отметило, что первыми шагами Советов должны стать экспроприация капитала, отмена частной собственности на средства производства с передачей их в собственность всего народа, разоружение буржуазии и вооружение пролетариата. В то же время подчеркивалась необходимость отвоевать на сторону пролетарской революции лучшие элементы, идущие за центристами, критиковать и разоблачать вождей центризма. Совещание указало на необходимость привлечения и объединения в революционном рабочем движении тех элементов, которые в общем разделяют принципы пролетарской диктатуры в форме Советской власти и тяготеют к революционному рабочему движению, и в том числе синдикалистских элементов. Совещание вынесло решение предложить 39 организациям и группам обсудить вопрос о созыве международного коммунистического конгресса и прислать на него своих представителей.

Отметив, что базой III Интернационала должны явиться прежде всего спартаковцы в Германии и коммунистические партии в ряде других стран, совещание признало, что «съезд должен принять наименование I съезда Коммунистического Интернационала, причем отдельные партии станут его секциями», что «теоретически уже Маркс и Энгельс считали название «социал-демократия» неправильным» и что «позорный крах социал-демократического Интернационала» требует отмежевания и здесь».[1]

Состоявшаяся в Берне в феврале 1919 г. Международная социалистическая конференция была, по меткому определению Ленина, «попыткой гальванизировать труп II Интернационала»[2] и имела целью спасти капитализм от гибели, связать растущее революционное движение масс, удержать эти массы под своим влиянием и руководством и парализовать все начинания в деле организации нового революционного Интернационала.

В противовес предстоящему конгрессу Коммунистического Интернационала они собрались 3 февраля 1919 г. в Берне (Швейцария) на международную социалистическую конференцию. Коммунистические партии, а также итальянская, швейцарская, болгарская, румынская и сербская социал-демократические партии, левые социалистические партии и группы Швеции, Норвегии и Финляндии, социал-демократические партии Латвии и Польши, международные социалистические организации молодежи и женщин отказались от участия в Бернской конференции. Осуждая Бернскую конференцию, секретарь Итальянской социалистической партии Лаццари писал:

«Социалистическая партия Италии не может принимать участия в собраниях таких партий или групп, которые соединили

[1] Стеногр. отчет Первого конгресса Комм. Интерн., стр. 255, Партиздат, 1933.

[2] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 689. Документы и материалы.

свое дело с делом своих буржуазных правительств, а в особенности таких, на совести которых лежит двойное убийство — Карла Либкнехта и Розы Люксембург...»

Лаццари призывал «держаться подальше от людей, которые не желают ничего другого, как забвения своей прошлой вины и своих недавних преступлений».[1]

Конференция прошла под знаком ожесточенной внутренней борьбы между социал-шовинистами Франции и Германии и попытки переложить всю ответственность за войну на германскую социал-демократию. После длительных прений была принята в результате ожесточенной борьбы между французской и германской делегациями компромиссная резолюция, предложенная комиссией под председательством шведского социал-демократа Брантинга.

В резолюции отмечалось, что вопрос о виновнике войны вполне выяснен во время прений и благодаря декларации германских социал-демократов большинства (т. е. шейдемановцев), в которой выявлен «дух новой Германии и полный разрыв последней с ответственным за войну старым режимом».[2]

Реакционные лидеры Бернской конференции пытались провести резолюцию с осуждением большевизма и социалистической революции, которая была бы моральным и политическим оправданием интервенции.

В резолюции, принятой конференцией по докладу Брантинга о демократии и диктатуре, заявлялось вслед за лицемерным и лживым приветствием русской, австро-венгерской и германской революции, что, поскольку «действительно социалистическое развитие возможно лишь в полной связи с демократией, то уже с самого начала следует отказаться от методов обобществления, не имеющих шансов привлечь на свою сторону большинство народа. Еще опаснее была бы каждая попытка осуществления такой диктатуры, которая опирается только на часть пролетариата. Это может привести к истреблению пролетариата в гражданской войне и, в заключение, к диктатуре реакции».[3]

Против этой резолюции с открытым осуждением большевизма, дававшим оружие в руки интервентам, выступило меньшинство (Ф. Адлер, Лонге и др.), которое высказалось «против какого бы то ни было отношения к положению дел в Советской России». Меньшинство мотивировало свою позицию отсутствием материалов о положении в Советской России и предложило послать туда специальную делегацию для изучения положения на месте. За резолюцию голосовало большинство французских делегатов, а также голландские, испанские, ирландские, норвежские и греческие делегаты.

---

[1] Коммунистический Интернационал, № 2, стр. 230, 1919.
[2] Ленин. Соч., т. XXV. Прилож., стр. 730.
[3] Ленин. Соч., т. XXIV. Прилож., стр. 730.

В образовании Лиги Наций конференция видела единственное средство к предотвращению новых международных конфликтов и призывала к ее поддержке.

Острие вынесенных большинством Бернской конференции решений по вопросу об отношении к русской революции было направлено против Великой Октябрьской социалистической революции, против принципов пролетарской диктатуры и большевизма. Особую враждебность в этом отношении проявили Каутский, Бернштейн, русские меньшевики (Аксельрод) и социалисты-революционеры (Рубанович).

ПЕРВЫЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

К моменту созыва I конгресса Коммунистического Интернационала капиталистический мир переживал острый революционный кризис. Все усилия международной буржуазии и внутренней буржуазно-помещичьей контрреволюции сломить энергичное сопротивление и борьбу молодой Советской республики оказались безуспешными.

Пролетарская диктатура крепла и закалялась в огне борьбы на фронтах и в тылу. Советская Россия проводила в невероятно трудных условиях свои начинания по социалистическому преобразованию страны и преодолению сопротивления классового врага. Украина сбрасывала гнет германской оккупации и успешно боролась против белых армий. И только на Востоке Колчак продолжал свой нажим, который вскоре был подавлен наступлением Красной армии.

Как германские войска, так и союзный экспедиционный корпус, соприкасаясь с населением на Украине, на Севере, в Крыму, заражались большевистскими «бациллами» и под влиянием энергичной подпольной агитации и пропаганды большевиков в армии и флоте разлагались, теряли свою боеспособность, надежность. Демонстрации французских моряков в Севастополе, рост «опасных мыслей» среди интервенционистских солдат в Одессе, Севастополе, Архангельске, отказ последних вести борьбу против рабочих и крестьян Советской России и требования немедленного возвращения на родину все учащались. И все это — несмотря на массовые аресты и казни, на разгул контрразведки. Интервенты стали испытывать все усиливающееся чувство беспокойства и тревоги. Убийством Розы Люксембург и Карла Либкнехта, расстрелами рабочих во время январских боев в Германии, попытками подавления боевого подъема среди рабочих и революционного брожения и волнений в войсках Франции, разгромом революционного пролетариата Финляндии и т. п. буржуазия надеялась предотвратить революционный взрыв и выйти из кризиса.

В момент образования Коммунистического Интернационала молодые компартии были большей частью слабы и малочислен-

ны, неопытны и непоследовательны в своей политике, недостаточно связаны с массами, проникнуты зачастую пережитками люксембургианских ошибок. К тому же им приходилось вести борьбу, имея против себя старые социал-демократические партии, у которых был длительный политический опыт, вышколенный партийный аппарат и идущие за ними массовые профессиональные союзы. За лидерами социал-демократии и профсоюзов стоял весь аппарат буржуазной власти.

Между тем во многих странах коммунистический авангард вел свою работу в условиях подполья, мобилизуя массы на борьбу за свержение буржуазии и пролетарскую революцию.

Собравшийся в обстановке революционного подъема I конгресс Коммунистического Интернационала стал фактором величайшего международного значения.

Первый конгресс состоялся 2—6 марта 1919 г. в Москве с участием коммунистических партий России, Германии, Австрии, Венгрии, Польши, Украины, Литвы, Латвии, Белоруссии, Финляндии, Эстонии, Армении, Немцев Поволжья, Левой Шведской социал-демократической партии, Норвежской социал-демократической партии, Швейцарской социал-демократической партии (оппозиция), Американской социалистической рабочей партии, Балканской социал-демократической федерации, циммервальдского левого крыла Франции, объединенной группы восточных народов Советской России, Китайской социалистической рабочей партии, Корейского рабочего союза и т. д.

Уже самый состав участников I конгресса показал коренное отличие его от обычных конгрессов II Интернационала. В конгрессе приняли участие не только организации, представлявшие страны Европы, но и организации Америки и стран Востока.

В связи с блокадой и интервенцией многие из делегатов не могли попасть на конгресс, финляндские и часть венгерских делегатов были арестованы по дороге, отсутствовали представители Итальянской социалистической партии и оппозиционных групп Франции, Англии, Америки. Арестован был на германской границе и второй германский делегат (Е. Левинэ). Всего на конгрессе присутствовало 52 делегата от 30 стран, из них с решающим голосом 34 и с совещательным — 18.

Открывая I конгресс Коммунистического Интернационала, Ленин отметил в своей вступительной речи, что «ход событий после империалистической войны неизбежно способствует революционному движению пролетариата», что «народ сознает величие и значение разыгрывающейся в настоящее время борьбы», что «необходимо только найти ту практическую форму, которая даст возможность пролетариату осуществить свое господство», что «такой формой является советская система с диктатурой пролетариата».[1]

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 5.

Диктатура пролетариата до этого была для широких масс латынью. «Благодаря распространению системы Советов по всему миру, эта латынь переведена на все современные языки; практическая форма диктатуры найдена рабочими массами. Она стала понятной широким массам рабочих, благодаря Советской власти в России, благодаря спартаковцам в Германии и аналогичным организациям в других странах, как например, Shop Stewards Committees (комитеты фабричных старост — *И. Ю.*) в Англии». [1]

В своем выступлении на торжественном объединенном заседании ВЦИК Моссовета, МКРП(б), ВЦСПС, профсоюзов и фабрично-заводских комитетов в Москве, 6 марта 1919 г., Ленин заявил: «Мы боремся не только за победу социализма для нас, не только за то, чтобы дети наши вспоминали о капиталистах и помещиках, как о доисторических чудовищах,— мы боремся за то, чтобы рабочие всего мира победили вместе с нами». [2]

Первый конгресс Коммунистического Интернационала принял следующую повестку дня: 1) конституирование III Интернационала, 2) доклады, 3) платформа международной коммунистической конференции, 4) буржуазная демократия и пролетарская диктатура, 5) Бернская конференция и отношение к социалистическим партиям, 6) международное положение и политика Антанты, 7) манифест, 8) белый террор, 9) выборы бюро и различные организационные вопросы.

На предварительном совещании 1 марта с участием представителей России, Германии, Финляндии и других стран обнаружились разногласия по вопросу о целесообразности немедленного образования III Интернационала. Вопрос этот обсуждался и на конгрессе. На основании полученного от Центрального Комитета императивного мандата германский делегат высказался против того, чтобы считать первую международную коммунистическую конференцию первым конгрессом Коммунистического Интернационала. Эта позиция явилась отражением в руководстве партии колебаний и слабости, унаследованных от «Союза Спартака», очень поздно осознавшего необходимость организации партии пролетариата. В своем выступлении германский делегат указал на преждевременность создания III Интернационала, отметив, что коммунистическое движение во всем мире еще недостаточно созрело. Он настаивал на том, чтобы конституирование Коммунистического Интернационала отложить и вести заседания в качестве первой международной коммунистической конференции.

Делегация большевиков и представитель финских коммунистов придерживались того взгляда, что момент для осно-

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 5.
[2] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 30.

вания Коммунистического Интернационала вполне назрел. В связи с тем, что целый ряд делегатов не успел еще прибыть в Москву, и по настоянию германского делегата — предварительное совещание 2 марта 1919 г. решило вести свою работу в качестве международной коммунистической конференции.

Конференция перешла к заслушанию информационных докладов представителей Германии, Швейцарии, Советской России, Финляндии, Норвегии, Соединенных Штатов Америки, Венгрии, Голландии, Балканской социал-демократической федерации, Украины, Франции и Англии. Изложив положение в этих странах и перспективы пролетарской революции, представители соответствующих партий и групп подчеркнули важность и актуальность сплочения всех коммунистических сил для подготовки к решающим классовым битвам. Однако в связи с обсуждением платформы международной коммунистической конференции и прибытием делегатов от немецкой Австрии, вопрос о конституировании Коммунистического Интернационала в качестве его I конгресса вновь был поставлен на обсуждение.

Германский делегат попрежнему продолжал упорно отстаивать свою точку зрения, указывая, что его возражения против немедленного образования Коммунистического Интернационала продиктованы отнюдь не принципиальными соображениями, а стремлением подсчитать предварительно на международной коммунистической конференции наличные силы и выработать политическую платформу, на которой могло бы совершиться объединение всех коммунистических отрядов пролетариата.

Позиция, занятая по этому вопросу германским делегатом, не встретила поддержки среди делегатов конференции и подверглась критике со стороны представителей целого ряда делегаций.

Выступая против германского делегата, представитель финских коммунистов Куусинен отметил, что малочисленность собрания, которое положило основание I Интернационала, не послужила препятствием для образования Международного товарищества рабочих и что это обстоятельство не вызывало ни малейших сомнений у представителя германских социалистов — Вильгельма Либкнехта — и вряд ли вызвало бы сомнения у Карла Либкнехта, если бы он мог быть на этой конференции. Куусинен настаивал на принятии решений об основании Коммунистического Интернационала еще до окончания конференции.

«Если бы такой центр существовал вчера, неделю, месяц тому назад, — говорил другой представитель финской компартии Рахья, — то мы могли бы быть уверены, что революционный пролетариат всех стран вел бы гораздо интенсивнее и правильнее борьбу, которая теперь продолжается с героическими усилиями». [1]

[1] Стеногр. отчет Первого конгресса Комм. Интерн. стр. 127. Партиздат, 1933.

В этом же духе высказался и представитель американских рабочих — Рейнштейн, указавший, что «повсеместно существуют небольшие группы, которые нуждаются в этом центре (т. е. «Коммунистическом Интернационале»), и пролетариат Германии также безусловно желает III Интернационала». [1]

Группа представителей коммунистической партии немецкой Австрии, левой социал-демократической партии Швеции, Балканской революционной социал-демократической федерации и коммунистической партии Венгрии вынесла совместное заявление, в котором предлагалось приступить к основанию Коммунистического Интернационала. В заявлении подчеркивалось, что борьба за диктатуру пролетариата требует «существования единой, сплоченной, международной организации всех коммунистических элементов». [2]

Указав на попытки восстановления в Берне II Интернационала, внесшие это заявление делегации мотивировали необходимость немедленного образования Коммунистического Интернационала стремлением провести резкую грань между революционным пролетариатом и социал-предательскими элементами. «Конституирование III Интернационала, — говорилось далее в заявлении, — является поэтому безусловным историческим требованием и должно быть осуществлено заседающей в Москве Международной коммунистической конференцией». [3]

После выступления в пользу этого предложения представителей Российской Коммунистической партии, Финляндии, Балканской революционной социал-демократической федерации, Венгрии, Франции, немецкой Австрии и Англии конгресс приступил к голосованию.

За немедленное основание Коммунистического Интернационала было подано абсолютное большинство голосов при 5 воздержавшихся. Германский делегат заверил конгресс, что по возвращении в Германию он приложит все усилия к тому, чтобы всемерно ускорить формальное присоединение к Коммунистическому Интернационалу коммунистической партии Германии.

Участники Циммервальдской конференции во главе с Лениным в своем заявлении отметили, что «циммервальдские элементы «центра» объединяются теперь с социал-патриотами для борьбы с революционным пролетариатом и используют таким образом Циммервальд в интересах реакции... Циммервальдское объединение изжило себя. Все, что было в Циммервальдском объединении действительно революционного, переходит и примыкает к Коммунистическому Интернационалу». [4]

В соответствии с заявлением группы участников Циммер-

---

[1] Стеногр. отчет Первого конгресса Комм. Интерн., стр. 98. Партиздат, 1933.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 118.

[4] Там же, стр. 21.

вальдского объединения о том, что дальнейшее существование его является излишним, конгресс вынес постановление о ликвидации Циммервальдского объединения.

Основным вопросом I конгресса был доклад Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата.

Тезисы Ленина — важнейший исторический документ, явившийся стержневым программным документом I конгресса Коммунистического Интернационала и имеющий крупнейшее политическое значение. Анализируя пути развития капиталистической системы и обосновывая неизбежность ее гибели, тезисы дают ключ к пониманию путей, средств и методов завоевания политической власти пролетариатом и установления диктатуры пролетариата.

Ленин подверг критике взгляды Каутского и центристов на государство как на форму «надклассовой» организации, выступил против фетишизации буржуазного парламентаризма и противопоставил системе буржуазной демократии диктатуру пролетариата. Признавая преимущества буржуазной демократии по сравнению с абсолютистским строем, Ленин высказывался в тезисах также против бойкотизма и антипарламентаризма. Системе буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма Ленин противопоставил систему советской власти и диктатуры пролетариата как высшую форму демократии.

«История учит, — говорил Ленин, — что ни один угнетенный класс никогда не приходил к господству и не мог притти к господству, не переживая периода диктатуры, т. е. завоевания политической власти и насильственного подавления самого отчаянного, самого бешеного, ни перед какими преступлениями не останавливающегося сопротивления, которое всегда оказывали эксплоататоры». [1]

Критикуя теоретические и политические позиции социалистов в вопросах буржуазной демократии и диктатуры пролетариата, Ленин говорил: «Величайшей нелепостью было бы думать, что самая глубокая революция в истории человечества, первый в мире переход к власти от меньшинства эксплуататоров к большинству эксплуатируемых может произойти внутри старых рамок старой, буржуазной, парламентской демократии, может произойти без самых крупных переломов, без создания новых форм демократии, новых учреждений, воплощающих новые условия ее применения и т. д.». [2]

Социалисты ранее сами подчеркивали, что буржуазия пришла к власти путем восстаний и гражданских войн, решительного подавления попыток реставрации своей власти королями, феодалами, рабовладельцами. Выступления социалистических лидеров из II Интернационала в пользу «демократии вообще»

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 7.
[2] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 12.

и «диктатуры вообще» на самом деле представляют собой защиту диктатуры буржуазии против диктатуры пролетариата. Ленин подчеркнул при этом, что «в самых демократических республиках на деле господствуют террор и диктатура буржуазии», которую последняя старается скрыть, но которая проявляется «открыто всякий раз, когда эксплуататорам начинает казаться, что власть капитала колеблется».[1] Говоря о кажущемся внешнем сходстве и в то же время глубокой принципиальной разнице по существу между системой диктатуры пролетариата и диктатурой других классов, Ленин показал, что сходство между диктатурой пролетариата и диктатурой других классов заключается в насильственном подавлении сопротивления ранее господствовавших классов, отличие же их друг от друга заключается в том, что «диктатура помещиков и буржуазии была насильственным подавлением сопротивления громадного большинства населения, именно трудящихся. Напротив, диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплуататоров, т. е. ничтожного меньшинства населения, помещиков и капиталистов».[2]

Далее Ленин подверг ожесточенной критике попытки «независимых» соединить систему диктатуры пролетариата (Советы) и буржуазной демократии в Германии (Национальное собрание) и квалифицировал эти попытки как идейное банкротство социал-демократии, как «политическую реакционность мелких буржуа, и их трусливые уступки неудержимо растущей силе новой, пролетарской демократии».[3] Подчеркнув роль пролетариата как гегемона пролетарской революции, Ленин указал, что только пролетариат в состоянии объединить и вести за собой распыленные и отсталые слои трудящегося и эксплоатируемого населения, что советская власть является носителем подлинной демократии.

Ленин формулировал сущность Советской власти и преимущества советской демократии следующим образом:

«Сущность Советской власти состоит в том, что постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата является массовая организация именно тех классов, которые были угнетены капитализмом, т. е. рабочих и полупролетариев (крестьян, не эксплуатирующих чужого труда и прибегающих постоянно к продаже хотя бы части своей рабочей силы). Именно те массы, которые даже в самых демократических буржуазных республиках, будучи равноправны по закону, на деле тысячами приемов и уловок отстранялись от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами, привлекаются

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 10.
[2] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 13.
[3] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 15.

теперь к постоянному и непременному, притом решающему участию в демократическом управлении государством».[1]

Ленинские тезисы о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре явились важным программным документом Коминтерна, подводившим итоги историческим этапам революционной борьбы пролетариата со времени Парижской Коммуны до образования Коммунистического Интернационала и победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Ленинские установки на сущность и преимущества советской демократии нашли свое воплощение, дальнейшее развитие и завершение в великой Сталинской Конституции. Марксизм-ленинизм отнюдь не безразличен к формам государственного устройства и учит, что рабочий класс должен всемерно бороться за расширение демократических свобод: Ленин указывал в своем докладе на I конгрессе Коммунистического Интернационала, что по сравнению со средневековьем буржуазная демократия прогрессивна. Именно поэтому коммунисты, ставя себе целью осуществление принципов пролетарской диктатуры, не могут в наши дни оставаться безразличными зрителями фактов полной или постепенной ликвидации буржуазной реакцией остатков демократических свобод под шумок империалистической войны и должны возглавить борьбу против поползновений реакции, под каким бы флагом последняя ни выступала.

Принятие тезисов Ленина диктовалось и тем, что лидеры социал-демократии извращали и опошляли учение Маркса о диктатуре пролетариата и заменяли его болтовней о «чистой» демократии и т. п.

Выполняя социальный заказ буржуазии, Каутский предсказывал быстрое падение Советской власти и доказывал, что Россия еще не созрела для социалистической революции. Тезисы Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата были весьма актуальны еще и потому, что молодые коммунистические партии не имели еще ясного, подлинного марксистско-ленинского понимания сущности Советской власти и диктатуры пролетариата.

В связи с тезисами Ленина и докладами делегатов различных стран конгресс установил, что «главная задача коммунистических партий во всех странах, где еще не существует советской власти, заключается в следующем:

1) Выяснение широким массам рабочего класса исторического значения политической и исторической необходимости новой, пролетарской демократии, которая должна быть поставлена на место буржуазной демократии и парламентаризма.

2) Распространение и организация Советов среди рабочих всех отраслей промышленности и среди солдат армии и флота, а также среди батраков и бедных крестьян.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 13.

3) Основание внутри Советов прочного коммунистического большинства». [1]

Своей упорной и непримиримой борьбой против отступничества Каутского от марксистского учения о государстве, о сущности буржуазной демократии и о диктатуре пролетариата Ленин подвел прочный идеологический фундамент под существование Коммунистического Интернационала.

К числу разногласий, выявившихся на I конгрессе, следует отнести вопрос о профсоюзах, по которому возникли расхождения между германской делегацией и представителем американских рабочих.

Выступая по вопросу о платформе международной коммунистической конференции, представитель США — Рейнштейн — указал на существовавшую среди многих коммунистов недооценку необходимости работы внутри реформистских профсоюзов. Полемизируя с германским и финским делегатами по этому вопросу, американский делегат усиленно выдвигал вопрос о необходимости довести борьбу за освобождение профессиональных союзов от реформистской бюрократии и высказывался за то, чтобы Коммунистический Интернационал призвал коммунистические партии и группы с удвоенной энергией развернуть работу внутри реформистских профсоюзов и таким образом «придать профессиональному движению тот характер, который оно (т. е. профдвижение. — *И. Ю.*) действительно должно иметь». [2]

На резко противоположной точке зрения стоял германский делегат, отображая ошибочные установки по вопросу о профсоюзах Розы Люксембург и руководства германской коммунистической партии в целом.

Указывая на то, что профсоюзы в Германии стали после ноябрьской революции играть, по существу, лишь роль касс взаимопомощи, что руководство экономическими боями перешло в руки фабрично-заводских комитетов, что положение профсоюзов в различных странах неодинаково, германский делегат развивал мысль, что установить единую линию в этом вопросе для всех стран не представляется возможным. На этом основании им было предложено предоставить разрешение этого вопроса на усмотрение каждой компартии в отдельности.

В результате внесенное в тезисы о платформе предложение Рейнштейна было передано в Бюро (т. е. Исполнительный Комитет) Коммунистического Интернационала с указанием, что для отдельных стран предложение Рейнштейна может иметь существенное значение и что Исполком сможет сам разрешить этот вопрос.

Приняв платформу Коммунистического Интернационала, в

---

[1] Стеногр. отчет Первого конгресса Комм. Интерн., стр. 188. Партиздат, 1933.

[2] Там же, стр. 96.

которой даны основные принципиальные позиции Коммунистического Интернационала по вопросам завоевания политической власти, буржуазной демократии и пролетарской диктатуры, конгресс вынес вместе с тем резолюцию о международном положении.

В этой резолюции конгресс разъяснил сущность империализма и его хищнические, грабительские планы, подлинный характер Брестского мира, с одной стороны, и империалистические планы Антанты с их лицемерной «мирной» политикой — с другой, а также внутренние противоречия внутри самой Антанты. Вместе с тем резолюция разоблачала миротворческие иллюзии в связи с подготовкой Версальского мира.

В резолюции указывалось на грубое подавление прав наций на самоопределение, на разжигание национальных противоречий, на разгул реакции в буржуазных странах, на наличие новых международных противоречий в результате войны не только между победителями и побежденными, но и между самими странами-победительницами. Указывая на крайне враждебную, интервенционистскую и реакционную политику Антанты, конгресс подчеркнул, что «в отношении к Советской России всего ярче выступает хищнический, человеконенавистнический и реакционный характер союзного империализма».[1]

Обсудив вопрос об отношении к социалистическим течениям и осудив Бернскую конференцию социалистов, I конгресс в принятой по этому вопросу резолюции отметил крах II Интернационала и наличие трех течений, образовавшихся в международном рабочем движении, — социал-шовинизма, центризма и коммунизма. Заклеймив социал-шовинистов, конгресс указал в то же время на необходимость отколоть от центризма наиболее революционные элементы путем беспощадной критики и разоблачения центристских вождей.

В резолюции указывается далее на то, что Бернская международная социалистическая конференция явилась в действительности орудием в руках империалистов. Это нашло свое выражение в ее позиции по вопросу о виновниках первой мировой империалистической войны, в колониальном вопросе, равно как в вопросах о Лиге Наций. С особой наглядностью прислужничество участников Бернской конференции сказалось в сотрудничестве с Парижской конференцией империалистов и в попытке осудить большевизм и тем самым прикрыть и политически оправдать вмешательство империалистических правительств в «русские дела». Конгресс призвал рабочих всех стран развернуть энергичную борьбу против Бернского Интернационала.

Конгресс разоблачил в резолюции о белом терроре политику жестокого насилия и грабежа масс и заклеймил убийц и

---

[1] Стеногр. отчет Первого конгресса Комм. Интерн., стр. 200. Партиздат, 1933.

их пособников из рядов социал-демократии. Резолюция призывала рабочих всех стран свергнуть господство капитала и тем самым положить конец насилиям и кровавым репрессиям. «В борьбе за сохранение капиталистического строя, — говорилось в этой резолюции, — буржуазия прибегает к неслыханным приемам, перед которыми бледнеют все жестокости средневековья, инквизиции, колониального грабежа».[1]

Конгресс обратился к пролетариям капиталистических стран и трудящимся колоний и зависимых стран с манифестом, в котором было обрисовано положение как в побежденных странах, так и в странах-победительницах, создавшееся в результате первой мировой империалистической войны. На ряду с этим в манифесте указывалось на рост внешних и внутренних противоречий в капиталистическом мире, предательскую роль международной социал-демократии, заговор империалистов и их оруженосцев в лагере рабочего движения против первой в мире страны пролетарской диктатуры.

Подчеркнув в манифесте, что Коммунистический Интернационал является прямым продолжателем героической борьбы целых поколений — от Бабёфа до Карла Либкнехта и Розы Люксембург, что в отличие от II Интернационала III, Коммунистический, Интернационал является Интернационалом массового действия, революционного осуществления, Интернационалом дела, — I конгресс призвал пролетариев всех стран стать под знамя борьбы за власть Советов и диктатуру пролетариата, под знамя Коммунистического Интернационала.

В принятом конгрессом обращении «К рабочим всех стран» была дана конкретная программа требований в борьбе против империалистической интервенции, направленной на удушение Советской России.

В числе выдвинутых конгрессом требований были: невмешательство Антанты во внутренние дела Советской России, немедленное отозвание всех войск Антанты, действовавших на территории Советской республики, отказ от прямой и скрытой интервенции, аннулирование договоров с русскими контрреволюционерами или с соседними государствами в целях их использования для интервенционистских планов, признание Советской власти, возобновление нормальных дипломатических отношений, снятие экономической блокады и восстановление торговых связей.

Конгрессом была принята внесенная тов. Коллонтай резолюция, которая призывала коммунистические партии «выступить со всей силой и энергией для привлечения пролетарских женщин к партии и использовать все средства для воспитания работниц в духе новых общественных форм и коммунистической этики в социальной и семейной жизни».[2]

---

[1] Стеногр. отчет Первого конгресса Комм. Интерн., стр. 214. Партиздат, 1933.

[2] Там же, стр. 212.

Конгресс с большим чувством удовлетворения заслушал резолюцию Японской социалистической партии, с негодованием заклеймившей посылку японских войск в Сибирь для осуществления интервенционистских планов.

Рассказав о подъеме революционного движения во Франции, небывалом росте симпатий трудящихся к Советской России, о развернувшейся борьбе с интервенцией и выразив чувства радости по поводу успехов Красной армии, представитель Франции Садуль, бывший офицер французской армии, внес в конгресс предложение «обратиться со словами признательности к первой интернациональной армии, превратившей в ничто задуманную союзниками карательную экспедицию, обеспечившей дело русской революции и тем самым давшей возможность западноевропейскому пролетариату организоваться и подготовиться к борьбе». [1]

В принятом конгрессом приветственном обращении к Красной Армии выражены «пожелания полной победы в борьбе против международного империализма». [2] Эти же чувства братской классовой солидарности конгресс вложил и в приветствие украинским рабочим в связи с III съездом Советов Украины.

Организационные принципы, легшие в основание Коммунистического Интернационала, находились в резком противоречии с организационными принципами II Интернационала. Избранный решением Парижского международного социалистического конгресса постоянный исполнительный орган, преобразованный затем в Международное Социалистическое Бюро (МСБ), с местопребыванием в Брюсселе, не играл руководящей роли. Он не оказывал никакого влияния на политику партий, примыкавших ко II Интернационалу в довоенный период. Каждая партия пользовалась неограниченной автономией и считала решения конгрессов II Интернационала необязательными к исполнению. II Интернационал представлял собой объединение партий, не связанных единой программой, общностью тактики и организационных принципов. Связь между социалистическими партиями, входившими во II Интернационал, осуществлялась путем созыва международных социалистических конгрессов. В промежутке между конгрессами роль связующего звена между партиями II Интернационала играло Международное социалистическое бюро, которое являлось в действительности лишь «почтовым ящиком». Принципы демократического централизма, которыми руководствовался в своей деятельности I Интернационал под руководством Маркса, были чужды оппортунистическим руководителям II Интернационала.

I конгресс Коммунистического Интернационала противопо-

[1] Стеногр. отчет Первого конгресса Комм. Интерн., стр. 56. Партиздат, 1933.

[2] Там же, стр. 219.

ставил организационным принципам II Интернационала принципы демократического централизма, положенные в основу общих организационных принципов, разработанных Карлом Марксом для I Интернационала. С самого начала своего существования Коммунистический Интернационал и его Исполнительный Комитет рассматривали себя как единую, построенную на основе принципов демократического централизма, международную коммунистическую партию, как руководящий орган международного революционного пролетариата, боевой штаб мировой пролетарской революции.

Руководство Коммунистического Интернационала в промежутке между его конгрессами было передано в руки Исполнительного Комитета, в который должны были входить «по одному представителю от коммунистических партий самых значительных стран». [1]

Исполнительный Комитет должен был выделить из своего состава бюро из 5 лиц. В состав первого Исполнительного Комитета конгрессом были выделены представители России, Германии, немецкой Австрии, Венгрии, Балканской федерации, Швейцарии, Скандинавии. Конгресс предусмотрел в своем решении пополнение состава Исполнительного Комитета за счет представителей тех партий, которые заявят до II конгресса о своем вступлении в Коммунистический Интернационал.

Подводя итоги конгресса, Ленин писал в своей статье, помещенной в «Правде» от 6 марта 1919 г. и посвященной I конгрессу Коммунистического Интернационала: «Прочно только то в революции, что завоевано массами пролетариата. Записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано.

Основание III, Коммунистического, Интернационала в Москве 2 марта 1919 г. было записью того, что завоевали не только русские, не только российские, но и германские, австрийские, венгерские, финляндские, швейцарские — одним словом, международные пролетарские массы.

И именно поэтому основание III, Коммунистического, Интернационала есть дело прочное». [2]

Состоявшийся в конце марта 1919 г. VIII съезд РКП(б) присоединился к решениям I конгресса Коммунистического Интернационала. «Российская Коммунистическая партия, — гласит резолюция съезда, — всеми силами и средствами будет бороться за осуществление великих задач III Интернационала и поручает ЦК оказывать самую мощную всестороннюю поддержку организаций и деятельности III Интернационала». [3]

Историческое значение I конгресса Коммунистического Интернационала состоит в том, что он положил начало единой

---

[1] Стеногр. отчет Первого конгресса Комм. Интерн., стр. 218. Партиздат, 1933.
[2] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 25.
[3] ВКП(б) в резолюциях, ч. I, стр. 343.

мировой партии революционного пролетариата и сформулировал ее основные задачи.

«Всемирно-историческое значение III, Коммунистического, Интернационала состоит в том, — писал Ленин 15 апреля 1919 г. в статье «Третий Интернационал и его место в истории», — что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием: диктатура пролетариата». [1]

Основание Коммунистического Интернационала явилось завершением всей той огромной, напряженной борьбы, которая была проведена большевиками во главе с Лениным против оппортунизма и центризма, за партию нового типа в национальном и международном масштабе, за новый Интернационал — революционного массового действия, за боевой штаб мировой пролетарской революции. Созданный на I конгрессе Коммунистический Интернационал был международной партией нового типа, подобно тому, как партия большевиков, партия, выпестованная Лениным и Сталиным, явилась партией нового типа, партией пролетарской революции в отличие от старых социал-демократических партий, партий социальных реформ. Первый конгресс, на котором был заложен фундамент Коммунистического Интернационала, является поэтому важнейшей вехой в истории международного революционного рабочего движения.

Если душой, мозгом и организатором I Интернационала был Карл Маркс, то душой, мозгом и непосредственным организатором и руководителем первого конгресса, вписавшего одну из первых блестящих страниц в историю Коммунистического Интернационала, был великий стратег и вождь пролетарской революции Ленин.

Борьбой за революционный выход из войны, за пролетарскую революцию, за сплочение интернационалистских сил и создание нового Коммунистического Интернационала руководствовался Ленин, когда он вел оживленную переписку с оставшимися верными принципам пролетарского интернационализма социалистами, когда он выступал со своими рефератами в Лозанне, Берне и других городах Швейцарии, когда посылал свои тезисы на конференцию представителей итальянских и швейцарских социалистов в Лугано, когда он всячески пытался использовать для пропаганды своих идей состоявшийся 23 ноября 1914 г. съезд шведских социал-демократов. Необходимостью организации сил интернационалистского крыла международного рабочего движения для успешной борьбы против империалистической войны и его прислужников за новый, III, Интернационал руководствовался Ленин, когда он сносился через тов. А. Кол-

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 248.

лонтай с шведскими и норвежскими левыми, когда переписывался с Социалистической рабочей партией и следил за работой Социалистической лиги пропаганды в США. Стремлением к собиранию революционных сил руководствовался Ленин, когда принимал активное участие в движении швейцарских левых, составлял для последних свои тезисы — «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской социал-демократической партии» в первой половине декабря 1916 г., когда поддерживал контакт с германскими, польскими и др. левыми, когда принимал активное участие в Циммервальдской и Кинтальской конференциях и сколачивал «Циммервальдскую левую».

Этим Ленин нащупывал, собирал, организовывал силы для разрешения своей основной задачи — подготовки пролетарской революции и основания III, Коммунистического, Интернационала.

Говоря о роли Ленина в основании Коммунистического Интернационала, пламенная революционерка и друг Карла Либкнехта и Розы Люксембург Клара Цеткин в своих воспоминаниях о Ленине пишет: «Он был величайшим, гениальнейшим реальным политиком и революционером всех стран и времен. Ему в первую голову обязаны мы основанием Коминтерна».[1]

МЕЖДУ I И II КОНГРЕССАМИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Основание Коммунистического Интернационала было встречено буржуазией во всем мире бурным взрывом негодования, бешенства, лжи и клеветы.

Против Коммунистического Интернационала поднялась не только международная буржуазия и вся ее пресса, от бульварных газет до влиятельных органов консервативной и либеральной печати, сочетавших кампанию против большевизма и Коммунистического Интернационала с усиленными попытками сплочения единого антисоветского блока для удушения Советской России.

Монархисты и демократы, анархисты и социалисты, оппортунистические вожди реформистских и анархо-синдикалистских профсоюзов, заправилы желтых и христианских организаций — все они объединились в дружной злобствующей кампании против коммунизма.

Особенную активность проявили оппортунистические лидеры Бернского Интернационала, социалистических партий и профсоюзов. Реакционный лидер шведской социал-демократической партии Брантинг писал, в связи с ликвидацией Циммервальдского объединения и образованием Коммунистического Интернационала, следующее:

«Это решение пришло как тяжелое, но целительное испытание для всех колеблющихся элементов в международном со-

[1] Клара Цеткин. Воспоминания о Ленине, стр. 10, Партиздат, 1933.

циалистическом движении. Циммервальд был единственным прибежищем для всех, кто стоял одной ногой в одном, другой в другом лагере... Где Берн молчал, там высказалась Москва: Берн или Москва — третьего пути нет. С нами или против нас».[1]

С меньшими недомолвками и с большей откровенностью выступил против большевиков и Коммунистического Интернационала секретарь Амстердамского Интернационала Профсоюзов голландский социал-демократ Удегест. В беседе с корреспондентом газеты «Petit Parisien» Удегест заявил, что, по его мнению, большевикам ни в Интернационале, ни вообще на свете не может быть места.

Против Коммунистического Интернационала были заодно с реакционной буржуазией и реакционными лидерами социалистических партий и профсоюзов и представители центристского направления в международном рабочем движении.

Одним из таких наиболее типичных выступлений можно считать появление во французской, в то время социал-шовинистской газете «L'Humanité» («Человечество») от 14 апреля 1919 г. статьи лидера Независимой рабочей партии Рамсея Макдональда под заглавием «III Интернационал».

Выступая в защиту Бернского Интернационала и за единство с социал-шовинистами путем взаимной амнистии, против основания III, Коммунистического, Интернационала, — Макдональд писал: «Меня лично этот факт (основание Коммунистического Интернационала. — *И. Ю*) глубоко огорчает, — ведь социалистический Интернационал в настоящее время достаточно открыт для всех видов социалистической мысли, и, несмотря на все теоретические и практические несогласия, порожденные в нем большевизмом, я не вижу причины, почему левое крыло его должно отделиться от центра и образовать самостоятельную группу».[2]

Разоблачив позиции Макдональда, Ленин в своей статье «О задачах III Интернационала» от 14 июля 1919 г. показал, что II Интернационал есть «независимо от доброй воли и невинных пожеланий тех или других из его членов организация агентов международного империализма, действующих внутри рабочего движения, проводящих в нем буржуазное влияние, буржуазные идеи, буржуазную ложь и буржуазный разврат».[3]

Вскрывая с предельной ясностью и полнотой сущность непримиримых разногласий с Бернским Интернационалом и указывая на словесное признание социал-шовинистами и центристами принципов диктатуры пролетариата, Ленин предостерегающе писал:

«III, Коммунистический, Интернационал для того и основан,

[1] «Коммунистический Интернационал», № 1, стр. 262, 1919.
[2] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 385.
[3] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 391.

чтобы не позволять «социалистам» отделываться тем словесным признанием революции, образцы которого дает Рамсэй Макдональд в своей статье. Словесное признание революции, на деле прикрывшее насквозь оппортунистическую, реформистскую, националистическую, мелкобуржуазную политику, было основным грехом II Интернационала, и с этим злом мы ведем войну не на живот, а на смерть». [1]

Поднявшаяся во всем мире бешеная кампания против большевизма и Коммунистического Интернационала должна была служить моральным оправданием враждебной по отношению к Советской России политики империалистических правительств Антанты и активизировать интервенцию.

Осуществление этих планов было парализовано революционными событиями в Венгрии и Баварии и развернувшимся во всем мире могучим революционным подъемом.

Возникновение в самом центре Европы новых очагов пролетарской революции вызвало среди международной буржуазии большой переполох и смятение и отвлекло на время ее внимание и силы от Советской России.

Все усилия международной буржуазии были направлены теперь на удушение молодых советских республик. Окруженная со всех сторон железным кольцом враждебных империалистических сил, Венгерская советская республика приступила с первых же дней своего существования к разоружению буржуазии и к созданию Красной армии, провела национализацию банков и промышленности, осуществила ряд неотложных мероприятий по повышению жизненного уровня трудящихся. Но вместо того чтобы последовать примеру большевиков в разрешении крестьянского вопроса, венгерские коммунисты, не изжившие еще люксембургианских пережитков, отказались произвести раздел помещичьей земли между мелким и бедным крестьянством. Венгерским коммунистам не удалось поэтому создать прочный союз рабочего класса с трудящимся крестьянством и использовать этот могучий резерв и союзника пролетарской революции.

В то же время проведенная Венгерской советской республикой национализация мелкой промышленности восстановила против нее и мелкую буржуазию. Одной из наиболее крупных ошибок венгерских коммунистов было слияние образованной в ноябре 1918 г. Венгерской компартии с социалистической партией.

«Быстро, в один миг, — писала Клара Цеткин, — венгерская социалистическая партия сделала поворот налево и, как Савл, превратившийся в Павла, примкнула к коммунистам, которых она только что перед тем, в союзе с буржуазной демократией, ожесточенно преследовала во имя сохранения национального государства». [2]

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 392.

[1] «Коммунистический Интернационал», № 4, стр. 516, 1919.

Ленин горячо приветствовал возникновение молодой Советской республики и предостерегал венгерских коммунистов от возможного предательства социал-демократов. «Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, — писал Ленин в своей статье «Привет венгерским рабочим», — или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно... Во всем мире, все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне». [1]

Предвидение Ленина полностью подтвердилось. Когда империалисты Антанты двинули против Венгерской советской республики чехословацкие легионы и румынские и югославские войска, оппортунистические социал-демократические лидеры метнулись вновь вправо. Колебания, нерешительность, саботаж и подрывная деятельность социал-демократических лидеров завершились тем, что они стали предлагать ликвидацию Советской власти и пытались приостановить интервенцию переговорами с интервентами о составлении нового правительства из более умеренных элементов.

Свыше четырех с половиной месяцев молодая Советская республика оказывала героическое сопротивление напору интервенционистских войск извне и проискам контрреволюции внутри страны.

Допущенные Венгерской советской республикой ошибки в разрешении крестьянского вопроса, саботаж и предательство венгерской и международной социал-демократии облегчили интервентам ее разгром.

Под напором контрреволюционных отрядов Гофмана и Носке, выполнявших социальный заказ германской и международной буржуазии и ее прислужников из II Интернационала, пала и Баварская советская республика.

Дорого обошлись революционному пролетариату Баварии также колебания и нерешительность независимцев, пытавшихся найти путь соглашения с Носке.

Ошибки, допущенные в свою очередь баварскими коммунистами, связанные точно так же с люксембургианскими установками на крестьянство, мешали Советской власти найти крепкую опору в широких массах трудящегося крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата, равно как отсутствие активной и действенной поддержки со стороны крупнейших пролетарских центров Германии облегчили и ускорили гибель Советской власти в Баварии.

Усилия Коммунистического Интернационала поднять международный пролетариат на помощь революционному пролетариату советской Венгрии и советской Баварии были предательски сорваны оппортунистическими лидерами французского и английского рабочего движения.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 316.

Еще 28 марта 1919 года Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала обратился к рабочим и солдатам всех стран с призывом стать на защиту Венгерской советской республики.

Обращение Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала к съезду венгерских коммунистов, к баварскому пролетариату и воззвание его, переданное по радио, в котором рабочие всех стран призывались отвести занесенный над Венгерской советской республикой кровавый меч империалистической интервенции, были пронизаны тревогой за судьбы пролетарской революции в Венгрии и Баварии.

Под давлением масс оппортунистические лидеры социалистических партий Франции и Англии вынуждены были выступить, по крайней мере на словах, за немедленное прекращение интервенции. Даже созванный шейдемановским Центральным Советом 14 апреля 1919 г. в Берлине II Всегерманский съезд Советов выносит резолюцию с требованием прекращения враждебных действий против Советской России, установления дружественных отношений со всеми державами, в том числе с Венгерской советской республикой, и особенно с Советской Россией.

Чтобы успокоить взволнованные умы рабочих, оппортунистические лидеры рабочего движения Англии и Франции согласились принять предложение Итальянской социалистической партии об организации международной стачки протеста в защиту Советской Венгрии и Советской России.

27 июня 1919 г. в пользу проведения международной стачки высказался конгресс английской рабочей партии в Саутпорте в присутствии представителей Итальянской и Французской социалистических партий.

Международная стачка была успешно проведена в Италии, Австрии и Норвегии и частично в Германии. Во Франции, являвшейся в то время центром международной реакции, и в Англии стачка была по существу реформистами сорвана.

Саботаж международной стачки со стороны реакционных лидеров английского рабочего движения и прямой срыв ее Всеобщей конфедерацией труда во главе с Жуо развязали руки международной буржуазии и ускорили падение Венгерской советской республики.

Австрийские социал-демократические вожди Реннер, Отто Бауэр и Фридрих Адлер оказывали приют венгерским контрреволюционным офицерам и не остановились перед высылкой советского посольства. Вождь чешской социал-демократической партии Немец проявил совершенно безучастное отношение к походу чехословацких легионов против советской Венгрии.

Предательство международной стачки реакционными лидерами партий II Интернационала было сурово заклеймено в особом обращении Исполнительного Комитета Коммунистичес-

кого Интернационала от 24 июля 1919 г. — «К рабочим стран «Согласия».

В другом воззвании, от 5 августа 1919 г., Исполком Коминтерна пригвоздил к позорному столбу и лидеров венгерской социал-демократии, которые всей своей линией поведения, саботажем и предательством облегчили интервентам дело разгрома Венгерской советской республики и несли также ответственность за кровавую расправу с венгерскими революционными рабочими.

Срыв международной стачки 21 июля и разгром Венгерской советской республики окрылили надежды международной буржуазии и дали последней возможность направить теперь свое внимание и силы против Советской России. В своей враждебной политике по отношению к большевизму и Советской России международная буржуазия опиралась на фактическую поддержку реакционных лидеров II Интернационала.

Это подтвердил состоявшийся 2—9 августа 1919 г. Международный социалистический конгресс в Люцерне (Швейцария). Конгресс принял большинством голосов, против центристов, решение, являющееся признанием Версальского договора как основы для урегулирования международных отношений. Своим формальным и лицемерным протестом против блокады и интервенции, — сочетавшимся с враждебными нападками против большевизма, — он вооружил империалистов фактической моральной поддержкой.

Этот открыто антибольшевистский характер Люцернского международного конгресса II Интернационала вынужден был признать лидер английской Независимой рабочей партии Макдональд. Такую же позицию формального, лицемерного протеста против интервенции занял также состоявшийся 25 июля — 2 августа Международный конгресс Амстердамского Интернационала профсоюзов. Позиция эта прикрывала фактическую поддержку ими империалистов и их враждебную политику по отношению к Советской России.

Разоблачая позиции II и Амстердамского Интернационала профсоюзов по вопросу о Версальском мире и интервенционистской политике империалистов по отношению к Советской Венгрии и Советской России, Исполком Коминтерна в специальном воззвании от 14 мая 1919 г. указал, что «рабочие-коммунисты всех стран воспримут версальские условия мира как удар международному пролетариату, как покушение, отбить которое возможно только объединенным усилием пролетариев всех стран». Вместе с тем в воззвании отмечалось прислужничество германского правительства перед Антантой, поход правительства Носке, Шейдемана против Баварской советской республики, организованная атака против Венгерской советской республики и т. д. Исполком Коминтерна призывал далее к свержению правительства Носке и Шейдемана и к установлению власти Советов как

к единственному выходу из Версальского мира. Борьба в защиту советской Венгрии и советской Баварии и против интервенционистских замыслов в отношении Советской России протекала на фоне общего революционного подъема. Источником этого революционного подъема было глубокое недовольство масс, выросшее на почве распада всей капиталистической системы и обострения классовых противоречий. Миллионы вернувшихся с фронтов демобилизованных не могли найти применения для своего труда ни в промышленности, ни в области сельского хозяйства. Массовая безработица давила на уровень заработной платы и жизненный уровень занятых в промышленности рабочих. Заработная плата резко снизилась по сравнению с довоенным периодом.

Глубокое разочарование в результатах первой мировой империалистической войны, снижение жизненного уровня масс, рост безработицы, неуверенность в завтрашнем дне — все это пробуждало в массах тягу в рабочие и профессиональные организации, толкало на путь боевых стачечных выступлений.

Движению нехватало последовательно революционного руководства. Компартия в наиболее крупных и передовых промышленных странах находилась еще в стадии организации и роста, в остальных еще только складывалась. Социалистические партии, опиравшиеся на реформистские профсоюзы, пользовались еще большим влиянием на массы. Продиктованная бурным революционным подъемом уступчивость буржуазии, введение в целом ряде стран 8-часового рабочего дня, провозглашение программы социальных реформ в области регулирования рабочего времени, борьбы с безработицей, охраны труда детей, подростков и женщин, свободы коалиции, создания Международного бюро труда при Лиге Наций, привлечение представителей II Интернационала и Амстердамского Интернационала Профсоюзов к разработке XIII раздела Версальского договора и т. д. — все это сеяло в массах иллюзии о возможности мирного врастания капитализма в социализм путем постепенных социальных реформ. Иллюзии эти усиленно прививались массам оппортунистическими лидерами и способствовали укреплению влияния последних.

Парламентская деятельность социалистов, работа широко разветвленного аппарата реформистских профсоюзов на биржах труда, в страховых кассах и т. д., путем выдачи пособия из касс взаимопомощи, заключения коллективных договоров, юридической помощи и проч. — все эти рычаги были использованы, чтобы отвлечь рабочие массы от классовых боев, удержать их под влиянием и руководством социалистических партий и реформистских профсоюзов, парализовать все растущее влияние коммунистического авангарда.

Лидерам социалистических партий и профсоюзов удалось смягчить остроту боевых выступлений пролетариата, сорвать во Франции и Англии 21 июля международную стачку в защиту

Советской Венгрии и против антисоветской интервенции, но в глубинах рабочих масс накипело столько недовольства, накопилось столько обид и протеста, что стачки 1919 г. и первой половины 1920 г., протекавшие на фоне промышленного подъема, приняли совершенно невиданный размах.

Во Франции только за 1919 г. было зарегистрировано 2 026 стачек с 1 151 тыс. бастующих, в Англии — 1 352 стачки с 2 591 тыс. бастующих, в Италии — 1 663 стачки с 1 049 438 бастующими, в Германии — 3 682 стачки с 2 100 000 бастующих, в США — 2 665 стачек с 410 000 000 бастующих.

Отличительной чертой стачечных выступлений рабочего класса за период 1919 и первую половину 1920 г. были их явно наступательный характер, напряженность, упорство и выдержка бастующих, участие неорганизованных масс, переплетение экономических требований с политическими, перерастание экономических стачек в массовые всеобщие политические стачки.

Особенно гигантские размеры приняли политические стачки во Франции в ответ на антисоветскую интервенцию, переплетаясь с боевыми выступлениями матросов французского военного флота в Черном море, волнениями и восстаниями в различных частях интервенционистских войск.

Во Франции это давление масс на парламентскую фракцию социалистической партии было столь сильно, что парламентская трибуна стала еще в марте 1919 г. ареной бурных выступлений оппозиции, вынудивших Клемансо дать обещание прекратить блокаду и интервенцию и отозвать французские войска и флот из пределов Советской России. Протесты французских рабочих нашли живой отклик во французском флоте и войсках, вылившись в апреле 1919 г. в восстание французских моряков в Крыму и Одессе.

Вдохновителем восстания стал механик миноносца «Протей» Андре Марти. Моряки отказались направить огонь против трудящихся Севастополя. Броненосцы «Жан Бар» и «Франс» подняли красные флаги. 27 апреля 1919 г. моряки крейсера «Вальдек Руссо», стоявшие в Одесском порту, точно так же вышли из повиновения, стали брататься с рабочими и выступать вместе с ними на революционных демонстрациях. Все усиливавшийся процесс разложения интервенционистских войск, крупные успехи Красной армии и развернувшиеся революционные события в Венгрии и Баварии заставили французское правительство приступить к реализации обещания Клемансо в палате депутатов об отзыве французских войск из Советской России.

«Победа, которую мы одержали, вынудив убрать английские и французские войска, — писал Ленин, — была самой главной победой, которую мы одержали над Антантой. Мы у нее отняли ее солдат». [1]

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 594.

Социалистический депутат французской палаты депутатов Кашен приветствовал с парламентской трибуны неповиновение солдат. Состоявшиеся 6 апреля 1919 г. массовые демонстрации в ответ на оправдание французским судом Виллена, убийцы Жореса, приняли столь внушительный характер, что вынудили французское правительство и французскую буржуазию начать организованное отступление и прикрыть свою интервенционистскую политику миролюбивыми декларациями.

В 300-тысячной манифестации участвовало много солдат и матросов. Лозунги: «Да здравствуют Советы», «Да здравствует Ленин» демонстранты встречали возгласами громкого одобрения. Правительство проявило лихорадочную поспешность в проведении ряда социальных реформ. Проект о 8-часовом рабочем дне был проведен в течение 8 дней в палате депутатов и стал законом.

«Le Populaire», орган центриста Жана Лонге, «Le journal du peuple», издававшийся Анри Фабром, синдикалистский «L'Avenir International» и многие другие стали выступать все решительнее в защиту Советской России.

Социал-шовинистского лидера французской социалистической партии Ренoделя и секретаря Всеобщей конфедерации труда Жуо массы встречали в штыки, им не давали говорить.

Празднование 1 мая приняло небывалый еще грандиозный характер. Несмотря на правительственное запрещение, в первомайских манифестациях участвовало свыше 500 000 рабочих. «Долой Клемансо», «Да здравствует социалистическая революция», «Да здравствует Советская Россия», «Да здравствуют Советы», — эти лозунги дружно подхватывались демонстрантами и публикой. Произошли кровавые столкновения с полицией и жандармерией. По решению партии социалистические министры Компер-Морель и Буисон должны были выйти из состава правительства. Решительные протесты французского пролетариата против планов удушения Советской России и Венгерской советской республики заставили Французскую социалистическую партию выступить 24 июня с словесным протестом против интервенционистской политики.

«Вот уже в течение двух лет наши солдаты, наши моряки и наши деньги употребляются на то, чтобы задушить пролетариат России и Венгрии, — говорилось в этом воззвании. — Социалистическая партия заклинает и умоляет французский народ не допускать удушения рабочих и революции. Если они будут задушены ценой новых кровавых жертв, реакционная волна захлестнет и наши надежды на освобождение, отдалит социализм во Франции и во всем мире, уничтожит наши мизерные свободы и опозорит республику новыми версальцами...»[1]

Срыв оппортунистическими лидерами Французской социа-

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 4, стр. 516, 1919.

листической партии и Всеобщей конфедерации труда международной стачки 21 июля вызвал глубокое брожение в рядах передовой части французских рабочих. Но процесс внутреннего размежевания внутри социалистической партии протекал медленно. Коммунистические группы пользовались незначительным влиянием. Лишь осенью 1919 г., в связи с образованием «Комитета III Интернационала», коммунистические группы начинают проявлять себя более активно. Слабость коммунистического движения являлась в значительной мере результатом распыленности в разобщенности сил революционного рабочего движения — малочисленного и пользовавшегося в то время небольшим влиянием коммунистического движения, Комитета III Интернационала, Комитета синдикальной защиты, Комитета по восстановлению международных связей и др.

В этой связи французский коммунист, участник I конгресса Коминтерна, Садуль в своем обращении к рабочим и крестьянам Франции в декабре 1919 г. писал:

«У нас много групп, у нас даже слишком много групп, это распыление лучших сил мешает проявлению общей воли к совместному действию. Этот пагубный раскол осуждает все наши усилия на бесплодность и все выступления на неудачу».[1]

Комитету III Интернационала центристские лидеры Жан Лонге и Поль Фор противопоставили образованный ими в конце 1919 г. Комитет по восстановлению Интернационала и пытались затормозить тягу революционных рабочих к Коммунистическому Интернационалу.

В опубликованном 7 января 1920 г. в «Le Populaire» заявлении инициаторы Комитета по восстановлению Интернационала, высказавшись на словах за принципы пролетарской диктатуры и систему советов и продолжая оставаться вместе со сторонниками Ренoделя в одной партии, стали выступать за разрыв с II Интернационалом. В то же время они решительно высказывались против присоединения к Коммунистическому Интернационалу.

Между тем все новые и новые пласты рабочего класса приходили в движение и приобщались к политической борьбе. Социалистическая партия насчитывала к началу 1920 г. 180 000 членов, синдикаты насчитывали свыше 2 000 000 членов. За II или III, Коммунистический, Интернационал — этот вопрос ставился все больше в центре всех споров и горячих дискуссий на собраниях и митингах, в синдикатах, кооперативах, местных организациях социалистической партии. В рабочем классе происходили заметные сдвиги. Старое деление на социалистов, анархистов и анархо-синдикалистов все больше стало уступать место новым делениям по линии сторонников II или III, Коммунистического, Интернационала. Под знаком борьбы против II

[1] «Коммунистический Интернационал», № 7—8, стр. 991, 1919.

или за III, Коммунистический, Интернационал выступали на первых порах на ряду с подлинно коммунистическими элементами и те, кого до отвращения отталкивали парламентский кретинизм и предательская антиклассовая политика II Интернационала. И те, кто искал новых путей и методов в борьбе против капиталистической эксплоатации, за полное социальное низвержение капитализма, и те, кто приносил с собой свои пацифистские и антимилитаристские настроения, и те, кто мечтал о революционной всеобщей стачке-избавительнице, — стремились теперь в ряды молодого коммунистического движения. Лишь в процессе упорной и напряженной борьбы и тяжелых испытаний случайные элементы и попутчики отсеивались и выкристаллизовывалось сплоченное и сознательное ядро коммунистического движения.

Одними из первых к коммунистической партии присоединились и стали на позиции Коммунистического Интернационала такие организации, как Молодежь синдикалистов Сены, Социалистическая федерация Роны, Социалистическая организация Ангулема, Социалистическая федерация Воклюза, Строительный синдикат Марселя, Федерация преподавателей Финистерра, Интернациональная группа в Ниме и др. В начале 1920 г. стал издаваться коммунистический орган «Le Bulletin Communiste». Вопрос о II или III, Коммунистическом, Интернационале стал осью борьбы на конгрессе Французской социалистической партии 28—29 февраля 1920 г. в Страсбурге. За резолюцию социал-шовиниста Реноделя было подано всего 337 голосов. Резолюция центриста Лонге о выходе из II Интернационала прошла подавляющим большинством голосов (4 330 гол.). Резолюция левого крыла, высказывавшаяся за безоговорочное присоединение к Коммунистическому Интернационалу, собрала уже на этом конгрессе довольно значительное количество голосов (1 621 гол.). Принятая Страсбургским конгрессом резолюция на деле не являлась отражением подлинного соотношения сил внутри партии, особенно в промышленных центрах страны. Это подтверждается тем, что на состоявшемся перед Страсбургским конгрессом съезде крупнейшей Сенской федерации за резолюцию Ренаделя было подано 615 голосов. За резолюцию Лонге — 5 998 и за безоговорочное присоединение к Коммунистическому Интернационалу — 9 930 голосов.

Незадолго до Страсбургского конгресса генеральный секретарь социалистической партии Фроссар ездил специально в Швейцарию для встречи с центристскими руководителями социал-демократической партии Швейцарии Робертом Гриммом, Паулем Грабером и Хуглером, а также одним из центристских лидеров Независимой социал-демократической партии Германии Криспиным. Попытки эти имели целью нащупать почву для совместной деятельности по созданию центристского Интерна-

ционала в целях противопоставления его Коммунистическому Интернационалу.

Борьба с интервенцией против Советской России и в защиту жизненных нужд и интересов французского пролетариата сопровождалась дальнейшим ростом влияния и роли коммунистического движения.

Рядом с коммунистами в защиту Советской России выступали федерации анархистов, союзы инвалидов войны, федерация учителей и т. д. Деятельное участие в кампании против интервенции принимала передовая часть французской интеллигенции во главе с Анри Барбюсом, Анатолем Франсом, Ромэном Ролланом, Вайяном Кутюрье, Лефевром и также организации социалистической и синдикалистской молодежи и революционного студенчества.

Лейтмотивом таких органов печати, как «La vie Ouvrière», «L'Humanité», «Le Populaire», «Journal du peuple», «La Vague», «Internationale», «L'Avenir International», «La Plebe», «Bolshewik» и др., являлись вопросы борьбы с интервенцией. Развернутая борьба с интервенцией, принявшей скрытую форму и проводившейся французской и английской буржуазией через шляхетско-панскую Польшу, сочеталась с боевыми стачками железнодорожников. Последняя вылилась еще в феврале 1920 г. во всеобщую стачку железнодорожников и в мае 1920 г. — во всеобщую забастовку французского пролетариата, выступившего на поддержку возобновившейся всеобщей стачки железнодорожников. Вся нормальная хозяйственная жизнь Франции была парализована. Бастовали портовые рабочие, металлисты, горняки, транспортники и т. д. Предательская тактика руководителей Всеобщей конфедерации труда во главе с Жуо помогла французскому правительству разбить сплоченные ряды бастующих, подавить забастовку, произвести расправу с бастующими и перейти в наступление на рабочий класс. Поражение нанесло сильный удар рабочему движению. Среди рабочих царило большое возбуждение против предательских оппортунистических лидеров социалистической партии и особенно против Всеобщей конфедерации труда. В этой обстановке центристские вожди социалистической партии, в руки которых перешло после Страсбургского конгресса партийное руководство, решили активизировать переговоры с Исполнительным Комитетом Коминтерна и направить для выяснения условий приема в Коммунистический Интернационал своих представителей в Москву на II конгресс Коминтерна.

В Англии 1919 г. и первая половина 1920 г. явились периодом гигантских классовых боев. Три крупнейших тред-юниона — углекопов, транспортных рабочих и железнодорожников — выдвинули требования национализации шахт, транспорта и железных дорог.

Вожди «Тройственного союза» Роберт Смайли, Дж. Г. То-

мас и Роберт Виллиамс объезжали промышленные районы страны, выступая с многообещающими декларациями, и угрожали правительству всеобщей стачкой. Чтобы парализовать активность масс, правительство вступило в переговоры с оппортунистическими лидерами «Тройственного союза» и поручило комиссии Санки исследовать условия труда в горной промышленности и провести необходимые реформы. На созванной в конце февраля 1919 г. специальной конференции представителей промышленников и рабочих были разработаны мероприятия по обеспечению «промышленного мира».

Экономическая борьба рабочих сочеталась с энергичным сопротивлением интервенционистским планам английского правительства по отношению к Советской России.

Широкая кампания лжи и клеветы буржуазной печати против Советской России наталкивалась на резкий отпор со стороны рабочих. Реакционным лидерам английского рабочего движения не давали на митингах говорить. Митинги Британской социалистической партии в честь Советской России проходили с огромным подъемом. Симпатии английских рабочих были явно на стороне рабочих и крестьян Советской России.

Борьба таких органов рабочей печати, как «Labour Leader», «Call», «The workers Drednought», направленная против блокады и интервенции и разоблачавшая реакционных лидеров рабочего движения, встречала живой отклик в массах. С небывалым подъемом прошли в 1919 и 1920 гг. первомайские празднества. На первомайских митингах в Гайд-парке участвовало свыше 100 000 рабочих, в промышленном городе Ковентри была успешно проведена всеобщая забастовка, в Ланкашире в шествиях и митингах участвовало свыше 40 000 рабочих. В Шотландии, особенно в Глазго, была с большим успехом проведена всеобщая стачка. В Ирландии всеобщая забастовка охватила всю страну. Остановились железные дороги, прекратили работу фабрики и заводы, приостановилось пароходное сообщение, закрылись магазины, типографии, театры и пр.

В этой обстановке массового революционного подъема процесс передвижки влево происходил усиленными темпами. Политика Рабочей партии стала подвергаться снизу все более ожесточенной критике. Участились и перебежки из лагеря либералов в лагерь Рабочей партии. Среди перебежчиков оказался и полковник Веджвуд, состоявший до этого несколько месяцев в качестве английского представителя при белогвардейском правительстве Колчака в Сибири. Процесс передвижки влево сказался сильно уже на открывшейся 21 февраля 1919 г. в Ходерсфильде конференции Независимой рабочей партии.

«Социалистический строй, — заявил на этой конференции Филипп Сноуден, один из лидеров Независимой рабочей партии, — вот единственное спасение всего мира. Мы видим уже начало конца капиталистической системы, над двумя третями

Европы развевается уже красное знамя. По всему миру звучат отклики русской революции». [1]

Большинство делегатов высказывалось за советскую систему и подвергало резкой критике деятельность парламентской фракции Рабочей партии.

На открывшейся 21 апреля 1919 г. в Шеффильде конференции Британской социалистической партии этот процесс передвижки влево выявился под влиянием I Конгресса Коммунистического Интернационала с особой отчетливостью. На конференции был открыто поднят вопрос о полном и безоговорочном разрыве с II Интернационалом и присоединении к Коммунистическому Интернационалу. Вопрос не был решен на конференции и был передан для всестороннего изучения в комиссию.

Вторая половина 1919 г. и первая половина 1920 г. прошли под знаком резкого обострения борьбы английского пролетариата против интервенционистских планов английской и международной буржуазии. Движение в защиту Советской России нарастало с такой силой и приобрело такой грандиозный размах, что даже реакционные вожди Английской рабочей партии и тред-юнионов вынуждены были на словах высказываться в пользу требований об отзыве английских войск из Советской России и прекращении английским правительством проводимой им политики интервенции. На митинге в связи с очередным национальным конгрессом тред-юнионов в Глазго 9 сентября 1919 г. рабочие не дали говорить известным своей реакционностью вождям английской Рабочей партии Гендерсону и Клайнсу и чествовали Ленина и Советскую Россию. Вождь английских углекопов Смайли выступил на конгрессе с резкой и необычной для него речью против английского правительства и парламентского комитета Рабочей партии.

«Вопрос о блокаде, обрекающей тысячи женщин и детей на голодную смерть, и вопрос об интервенции, — заявил Смайли, — эти два вопроса уже сами по себе оправдывали бы созыв специального конгресса». [2]

Борьба с интервенцией сочеталась с начатой железнодорожниками 26 сентября — 5 октября всеобщей стачкой. Ситуация сложилась весьма напряженная. Если бы в этот момент во главе английского пролетариата стояла подлинно революционная, закаленная в классовых боях партия, события приняли бы, несомненно, другой оборот.

Правительство отказалось вести переговоры с бастующими, впредь до возобновления ими работы. Вожди тред-юнионов уступили.

На почве недовольства соглашательской политикой Рабочей партии и тред-юнионов в рабочем движении начало складывать-

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 3, стр. 400, 1919.
[2] Там же, № 7—8, стр. 996, 1919.

ся оппозиционное течение. Оппозиционные настроения в рабочем движении нашли открытое и полное выражение в созыве в Лондоне, 10—12 марта 1920 г., английского рабочего съезда. Съезд потребовал национализации угольных шахт, высказался за немедленное создание Советов и приветствовал национально-освободительное движение Индии, Египта и Ирландии. По предложению Национального комитета «Руки прочь от России» была принята резолюция с приветствием Красной армии в связи с «блестящими успехами, достигнутыми в борьбе против объединенных сил капиталистических правительств». [1]

Конгресс решительно осудил парламентский комитет Рабочей партии за то, что тот не поставил вопрос о борьбе с интервенцией и высказался в пользу лозунга всеобщей стачки для прекращения интервенции против Советской России. В заключение конгресс вынес резолюцию, которая призывала все рабочие организации к выходу из II Интернационала, «к принятию коммунистической платформы и к вступлению в Третий Интернационал». [2]

Коммунистическое движение медленно и с огромными трудностями пробивало себе дорогу.

Левое крыло было не только крайне распылено, но раздиралось изнутри острыми разногласиями и было не в силах преодолеть влияние Рабочей партии и Независимой рабочей партии. На ряду с Британской социалистической партией существовали также Социалистическая рабочая партия, Южноуэльское социалистическое общество, Социалистическая федерация рабочих, комитеты фабрично-заводских старост. Наиболее близкой к позиции Коммунистического Интернационала была Британская социалистическая партия. В отличие от позиции Британской социалистической партии резко отрицательную и непримиримую позицию по отношению к Рабочей партии и к парламентаризму занимала Социалистическая рабочая партия. Южноуэльское социалистическое общество объединяло по преимуществу активных рабочих Уэльса и отличалось своим явно синдикалистским уклоном. Социалистическая федерация рабочих во главе с Сильвией Панкхерст объединяла большей частью женщин и занимала резко антипарламентскую и антимилитаристскую позицию. Резко враждебную парламентаризму позицию занимали также комитеты фабрично-заводских старост. Последние высказывались за методы революционной борьбы против капитализма и диктатуру пролетариата, боролись за национализацию промышленности, пропагандировали лозунг Советов рабочих депутатов, энергично выступали в защиту Советской России и пользовались среди рабочих довольно значительным влиянием.

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 10, стр. 1574, 1919.
[2] Там же, стр. 1578.

Ленин внимательно следил за ходом развития рабочего движения и высказывался за сближение и сотрудничество с этими революционными элементами английского рабочего движения с тем, чтобы помочь последним в процессе совместной с ними борьбы преодолеть их ошибки и предрассудки.

Еще 28 августа 1919 г. в своем ответе на письмо «английского коммуниста» (Сильвии Панкхерст) и затронутый в нем вопрос об участии в парламентской борьбе Ленин, разъясняя необходимость использования парламентаризма, писал:

«Нет сомнения, что Коммунистический Интернационал и коммунистические партии отдельных стран сделали бы непоправимую ошибку, если бы оттолкнули от себя рабочих, стоящих за Советскую власть, но несогласных участвовать в парламентской борьбе...

Лучше быть с революционными рабочими, когда они ошибаются по частному или второстепенному вопросу, чем с «официальными» социалистами или социал-демократами, если они не искренние, не твердые революционеры, не хотят или не умеют вести революционную работу среди рабочих масс, но разделяют правильную тактику по этому частному вопросу». [1]

Подъем рабочего движения и влияние I конгресса Коммунистического Интернационала нашли также свое отражение в рабочем и национально-освободительном движении Ирландии. На митинге в Дублине в апреле 1919 г. политика Бернского Интернационала и Английской рабочей партии была подвергнута вождями ирландского рабочего и национально-освободительного движения Джонсоном и О. Шаппоном беспощадной критике. Выступавшие на митинге ораторы, выражая симпатии большевикам и венгерским коммунистам, единодушно подчеркивали, что освобождение Ирландии от гнета английского империализма последует лишь на путях революционной борьбы за диктатуру пролетариата.

Развернувшееся национально-революционное движение сочеталось со стачечной борьбой. Вся страна была объявлена на военном положении. В ряде мест стали вспыхивать всеобщие забастовки. В апреле 1919 г. рабочие гор. Лимерик ответили на правительственные репрессии всеобщей стачкой и образованием Совета рабочих депутатов. В течение 11 дней город находился фактически в руках рабочих. Города Ирландии были наводнены английскими войсками. Тюрьмы были переполнены ирландскими революционерами-синн-фейнерами; в Дендальке, Лисберне и др. местах имели место вооруженные схватки с полицией и войсками. Карательные экспедиции производили суровую расправу с революционным движением, подавляя готовившееся вооруженное восстание ирландцев против английского империализма.

В Канаде небывалый подъем революционного движения вылился в мае 1919 г. в непрерывную волну экономических

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 437—438.

стачек, завершившихся в Винипеге всеобщей стачкой. В ответ на локаут предпринимателей металлообрабатывающей промышленности вспыхнула всеобщая стачка солидарности. Не было такого города в Канаде и такой отрасли промышленности, которые не были бы охвачены стачечной борьбой. Экономические стачки стали приобретать все чаще ярко выраженный политический характер. Лозунги борьбы за национализацию промышленности, за рабочий контроль сочетались с лозунгами создания «Единого большого союза» в противовес профорганизациям Американской федерации труда. Буржуазия и правительственные власти растерялись. Полиция была бессильна справиться с движением. Демобилизованные солдаты были на стороне рабочих. Буржуазия стала спешно создавать вооруженные штрейкбрехерские организации — «комитеты граждан», «гражданскую милицию» — для борьбы с растущим революционным движением. В Виннипеге и Ванкувере возникли Советы рабочих депутатов. В Сиднее, Новой Скотии образовался Совет рабочих и солдатских депутатов.

В Германии вторая половина 1919 г. и первая половина 1920 г. ознаменовались новым обострением классовой борьбы. Июльская стачка железнодорожников и забастовка сельскохозяйственных рабочих в Восточной Пруссии, равно как сентябрьская стачка портовых рабочих в Бремене и Гамбурге, явились отдельными звеньями в нараставшем, несмотря на суровые репрессии, движении. Подъем революционной энергии германского пролетариата выявился с особой отчетливостью и силой во время монархического путча Каппа-Лютвица, встретившего поддержку со стороны части буржуазии, помещиков и монархически настроенного офицерства. Путч проводился под флагом организации вооруженного сопротивления Версальскому миру и Антанте. Рабочие массы единодушно поднялись против наступления монархической реакции. Под давлением боевой решимости масс руководство социал-демократической партии и «свободных» профсоюзов было вынуждено объявить всеобщую стачку. В Рурской области рабочие выдвинули лозунг диктатуры пролетариата и советской власти, требовали проведения национализации промышленности. Около 100 000 рабочих мужественно сражались в образовавшихся отрядах красной гвардии. В своем обращении «К рабочим Германии, рабочим всего мира» от 25 марта 1920 г. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, приветствуя революционную борьбу германского пролетариата, выдвигал перед ним вопрос о необходимости вооружиться, построить свою Красную Армию и создать Советы. В то же время Исполком призывал рабочих и солдат Франции, Англии, Бельгии и Италии поддержать борьбу германских рабочих.

«Победа Советской власти в Германии, — говорилось в этом воззвании, — с гигантской силой двинет вперед дело про-

летарской революции во всех странах... откроет дорогу германским и русским рабочим для налаживания хозяйства и для спасения народа от голода...

С затаенным дыханием рабочие всех стран следят за героической борьбой славных германских пролетариев. Трудящиеся массы всего мира окружают любовью растущую на наших глазах германскую пролетарскую революцию».[1]

Часть руководства Германской компартии, во главе которой стоял в тот период Пауль Леви, вскоре исключенный из партии и перекочевавший затем в лагерь социал-демократической партии, заняла неправильную позицию «нейтралитета» в отношении капповского путча, расценивая борьбу с капповцами как внутреннюю борьбу в лагере буржуазии.

Исполком Коминтерна поспешил выправить эту ошибку. Это было тем более необходимо, что после подавления капповского путча руководство компартии заявило о своей готовности занять точку зрения лойяльной оппозиции, отказаться от насильственного свержения правительства в том случае, если, в соответствии с обещанием Эберта, будет образовано «социалистическое» правительство. Ленин считал позицию руководства компартии в основном правильной, но подвергнул критике его заявление в той части, в которой шла речь о правительстве шейдемановцев как «социалистическом» правительстве. Но покончив с капповским путчем, правительство стянуло войска к Рурской области и обрушилось теперь против революционных рабочих. Предательское поведение руководства социал-демократической партии сильно отрезвило значительную часть тех рабочих, которые все еще продолжали слепо доверять ему. Во время выборов в рейхстаг в июне 1920 г. социал-демократическая партия получила лишь $6^1/_2$ млн. вместо $11\frac{1}{2}$ млн. голосов в 1919 г. В то же время Независимая социал-демократическая партия собрала 5 млн. голосов. Она не являлась в идеологическом отношении единой и монолитной партией и колебалась между социал-демократизмом и коммунизмом. Оппортунистическое руководство Независимой социал-демократической партии на словах высказывалось за принципы диктатуры пролетариата и III, Коммунистического, Интернационала, а на деле разделяло принципы буржуазной демократии, искало примирения с шейдемановцами и тянулось к II Интернационалу.

За принципы буржуазной демократии или диктатуры пролетариата, за II или III Интернационал — этот вопрос явился центральным вопросом на состоявшемся 30 ноября — 6 декабря 1919 г. партейтаге Независимой социал-демократической партии в Лейпциге. Лейпцигский партейтаг оказался в тот момент крупнейшим событием в международном рабочем движении, явившись показателем степени внутреннего размежевания в

[1] Коммунистический Интернационал, № 10, стр. 1652, 1920.

рядах партии после I конгресса Коммунистического Интернационала.

Партейтаг вынес решение о выходе из II Интернационала и поручил Центральному Комитету партии вступить в переговоры с Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала. Выход из II Интернационала Независимой социал-демократической партии, влиятельнейшей и крупнейшей партии, объединявшей около 700 000 членов, еще больше подорвал и без того достаточно пошатнувшийся престиж II Интернационала и со всей наглядностью показал глубину его распада и огромный рост влияния Коммунистического Интернационала.

Будучи вынуждены под давлением масс порвать с II Интернационалом, центристские лидеры независимцев медлили с реализацией решений Лейпцигского партейтага. Стоя на почве принципов буржуазной демократии и будучи на деле противниками пролетарской революции и диктатуры пролетариата, они стремились противопоставить Коммунистическому Интернационалу нечто среднее между II и III Интернационалом в надежде удержать в своих руках идейное руководство международным рабочим движением.

Извещая в своем письме на имя Исполкома Коминтерна от 15 декабря 1919 г. о постановлении Лейпцигского партейтага, Центральный Комитет Независимой социал-демократической партии приглашал Коминтерн принять участие в конференции, в которой предполагалось участие всех революционных социалистических партий, для образования «боеспособного» Интернационала. Исполком Коминтерна без особого труда разгадал маневр независимцев. Об этом говорит и письмо его западноевропейского секретариата от 15 января 1920 г. ко всем партиям, присоединившимся к Коммунистическому Интернационалу, в котором прямо подчеркивалось, что инициаторы конференции предусматривают, очевидно, участие и таких партий, как Немецко-Австрийская, Шведская, Голландская, Французская социалистические партии и Независимая рабочая партия Англии, и что Исполком Коминтерна считает такое предложение неприемлемым. «Мы заявляем открыто, — говорилось в этом письме, — что считаем совершенно невозможным вести с немецко-австрийскими, шведскими и голландскими социал-демократами какие-либо переговоры об образовании революционного Интернационала; переговоры же по этому поводу с Английской независимой рабочей партией мы считаем заранее обреченными на неуспех. Немецко-Австрийская, Шведская и Голландская социал-демократические партии стоят фактически на почве оппортунизма, на почве коалиционной политики с буржуазией. Английская независимая рабочая партия в большей своей части носит реформистский характер и отклоняет всякую мысль о диктатуре пролетариата». [1]

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 10, стр. 1607—1608, 1920.

О своем отрицательном отношении к инициативе руководителей Независимой социал-демократической партии Исполком Коминтерна открыто заявил в ответном письме на извещение, присланное Криспиным от Независимой социал-демократической партии 15 декабря 1919 г.

В этом письме, адресованном ко всем рабочим Германии, Центральному Комитету Независимой социал-демократической партии и Центральному Комитету коммунистической партии, Исполком Коммунистического Интернационала подвергает критике оппортунистическую линию политики правых вождей «независимых», отрицание ими советской системы и признание принципов буржуазной демократии; письмо указывает на клеветнические выступления главного их идеолога — Каутского в выпущенной им брошюре «Терроризм и коммунизм».

Далее в письме отмечалось, что развитие пролетарской революции протекает мучительным путем в силу того, что шейдемановцам удалось разоружить пролетариат, вбить клин между Германией и Советской Россией и что немалая доля вины за все это падает на правых вождей Независимой социал-демократической партии. Исполнительный Комитет подверг анализу основные ошибки и колебания центристов в отношении присоединения к Коммунистическому Интернационалу, подчеркнув, что эти колебания не прекратились после выхода из II Интернационала, что независимцы продолжают проявлять терпимость в отношении Каутского, что эти колебания нашли свое выражение и в участии независимцев в Бернской и Люцернской конференциях II Интернационала. Начав переговоры с Коммунистическим Интернационалом, независимцы в то же время продолжали поддерживать контакт с целым рядом реформистских партий, в том числе с социал-демократической партией Финляндии, скомпрометировавшейся своим сотрудничеством с палачом финских рабочих ген. Маннергеймом.

Центральный Комитет Независимой социал-демократической партии оставил письмо Исполкома Коминтерна без ответа и не довел его до сведения партийной членской массы.

Это свое поведение он пытался оправдать ссылками на капповский путч, необходимостью подготовки выборов в рейхстаг, чрезмерной загруженностью и пр.

Чтобы вскрыть подлинные оппортунистические мотивы правых вождей независимых и выяснить, что именно затрудняет соглашение о вступлении Независимой социал-демократической партии в Коминтерн, Исполнительный Комитет обратился 27 мая к Центральному Комитету независимцев с предложением прислать своих представителей в Москву для совместного обсуждения вопросов, касающихся присоединения к Коммунистическому Интернационалу.

Политика Коммунистического Интернационала преследовала цель вскрыть до конца подлинную сущность принципиальных

позиций оппортунистического руководства Независимой с.-д. партии, усилить размежевание внутри партии между ее правым и левым крылом, привлечь левые элементы в лагерь коммунизма. Задача заключалась в том, чтобы из Коммунистической партии, левой части Независимой социал-демократической партии и образовавшейся в октябре 1919 г. Германской коммунистической рабочей партии создать единую, действительно массовую коммунистическую партию германского пролетариата.

Коммунистическая рабочая партия возникла в результате решения II партейтага Коммунистической партии Германии в Гейдельберге, на основании которого «левая» оппозиция была исключена из рядов партии. Причиной исключения «левых», пользовавшихся наибольшим влиянием в Гамбургской, Берлинской и Бременской организациях, явилось то обстоятельство, что «левые» во главе с Лауфенбергом и Вольфгеймом пропагандировали анархо-синдикалистские взгляды, считали тактику руководства Германской коммунистической партии оппортунистической, яростно выступали против участия коммунистов в буржуазных парламентах и работы внутри реформистских профсоюзов. «Левые» из КРПГ по существу отрицали необходимость политической борьбы и руководящую роль компартии в пролетарской революции.

Ленин пытался предотвратить раскол. Осуждая анархо-синдикалистские установки оппозиции, Ленин призывал к преодолению ошибок «левых» в процессе совместной работы с ними.

В статье «Привет итальянским, французским и немецким коммунистам» Ленин в октябре 1919 г. писал:

«Эта ошибка вызвана революционной неопытностью искреннейших, убежденнейших героических революционеров из рабочего класса. Поэтому Карл Либкнехт и Роза Люксембург были тысячу раз правы, когда они в январе 1919 г. видели эту ошибку, указывали на нее, но предпочитали остаться вместе с ошибающимися по не очень важному вопросу пролетарскими революционерами, чем с предателями социализма, шейдемановцами и каутскианцами, которые не ошибались по вопросу об участии в буржуазном парламенте, но перестали быть социалистами, сделались мещанскими демократами, пособниками буржуазии».[1]

Но предотвратить раскол все же не удалось. В своем письме ЦК Коммунистической партии Германии от 28 октября 1919 г. Ленин писал:

«При наличности согласия в о с н о в н о м (за власть Советов против буржуазного парламентаризма), объединение, по-моему, возможно и необходимо — так же, как необходим раскол с каутскианцами. Если раскол оказался неизбежным, надо постараться не разжигать его, обратиться за посредничеством к Исполнительному Комитету III Интернационала, заставить «левых» фор-

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 482.

мулировать, в тезисах и в брошюре, их разногласия. С точки зрения интернациональной восстановление единства Коммунистической партии Германии и возможно и необходимо».[1]

На состоявшемся 4 апреля 1920 г. в Берлине съезде «левой» оппозиции было оформлено ее самостоятельное существование под названием Коммунистической рабочей партии.

Съезд официально подтвердил лозунг ухода германских коммунистов из «свободных» профессиональных союзов, выдвинутый Фрицем Лауфенбергом, Вольфгеймом, Карлом Шредером и др. В то же время съезд отрицательно отнесся и к участию в кампании по выборам фабрично-заводских комитетов (Betriebsräte). Резко отрицательную позицию занял съезд и в вопросе о парламентаризме. Высказываясь против соглашения Коммунистической партии с левыми элементами Независимой социал-демократической рабочей партии, Лауфенберг и Вольфгейм выступали в то же самое время фактически за гражданский мир с буржуазией при условии, если буржуазия согласится... признать советскую власть.

Этим путем «левые» идеологи КРПГ пытались создать коалицию пролетариата с националистической частью буржуазии и офицерства для войны с Антантой. Таким образом, Лауфенберг и Вольфгейм «способствовали распространению той вредной иллюзии, будто германская буржуазия из чувства националистической ненависти может стать союзницей пролетариата».[2]

Среди «левых» лидеров КРПГ были и такие элементы (например, Рюле и другие в Дрездене), которые отрицали вообще «всякую партию, как образование якобы реакционное и оппортунистическое».[3] Эта смесь анархистских и реакционных взглядов сочеталась у этих «левых» вождей КРПГ с отрицательным отношением и открытым походом против партийной интеллигенции, с проявлениями махаевщины на германской почве.

В своем «Открытом письме к членам коммунистической партии Германии» от 2 июня 1920 г. Исполнительный Комитет Коминтерна резко осудил позицию Коммунистической рабочей партии, указав, что ее борьба против компартии Германии «является определенным колебанием в сторону мелкобуржуазной анархистской политики».[4]

Отметив небывалый рост «свободных» профсоюзов, насчитывавших около 8 миллионов профессионально организованных рабочих, которым КРПГ пыталась противопоставить свой Всеобщий германский рабочий союз (Arbeiterunion) с 70 100 чел., Исполком Коминтерна осудил уход из реформистских профсоюзов.

«Социал-демократическим руководителям «свободных» про-

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 502.
[2] «Коммунистический Интернационал», № 11, стр. 1878, 1920.
[3] Там же, стр. 1881.
[4] Там же, стр. 1883.

фессиональных союзов, — говорилось в этом обращении, — только и нужно, чтобы передовые рабочие коммунисты ушли из рядов этих союзов и оставили господ Легина, Зассенбаха, Роберта Шмидта и др. профессиональных «вождей» полными хозяевами «свободных» профессиональных союзов» [1].

В обращении указывалось на начавшееся внутри реформистских союзов расслоение, на ту гигантскую силу, которую представляют собой «свободные» профсоюзы, отмечалась их огромная роль в дни мартовских боев и подчеркивалось, что реформистские профессиональные союзы и Амстердамский Интернационал Профсоюзов являются массовой опорой II Интернационала.

Осудив антипарламентаризм КРПГ, Исполком Коминтерна указал, что этот вопрос не должен служить поводом для раскола коммунистического движения в Германии.

Положив в основу ленинские установки по этому вопросу, Исполком Коминтерна писал:

«Мы полагаем, что и сейчас вопрос о парламентаризме, как играющий подчиненную роль, ни в коем случае не может стать предметом раскола среди коммунистов». [2]

Отрицательное отношение некоторых идеологов КРПГ ко всякой партии вообще было осуждено Исполкомом Коминтерна, в переговорах с делегатами КРПГ. В обращении Коминтерна к членам Коммунистической партии Германии говорилось: «Величайшее несчастье западноевропейского рабочего класса как раз и заключается в том, что он вступает в эпоху мировой революции, не имея сильных, единых, боевых революционных партий». [3]

Руководствуясь стремлением ликвидировать раскол, Исполком Коминтерна предлагал КРПГ прислать своих представителей на предстоявший II конгресс Коммунистического Интернационала для обсуждения спорных вопросов. Впредь до конгресса Исполком Коминтерна требовал немедленного исключения из партии Лауфенберга, Вольфгейма и Рюле, заявления о готовности КРПГ подчиниться решениям II конгресса и ее согласия на образование временного согласительного бюро из представителей КРПГ и КПГ на паритетных началах под председательством члена Исполкома Коминтерна.

Лидеры КРПГ сделали все, что было в их силах, чтобы предотвратить возможность какого-либо соглашения с компартией Германии и Коммунистическим Интернационалом, и продолжали упорствовать в своих ошибках.

Процесс идейного расслоения начался и в рядах анархистов. Лучшим выражением этого процесса отхода передовых, революционных элементов анархизма в сторону коммунизма, заметно усилившегося под влиянием I конгресса Коммунистического Интернационала, явилось выступление Эриха Мюзама. В при-

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 11, стр. 1869, 1920.
[2] Там же, стр. 1873.
[3] Там же, стр. 1881.

сланном в сентябре 1919 г. письме из Аугсбургской крепости Эрих Мюзам, один из видных идеологов германского анархизма, писал:

«Ход революции, ее временное подавление объединенными силами милитаризма, капитализма, социал-патриотизма и контрреволюции привели меня теперь к другому решению: отныне я вступаю в германскую коммунистическую партию» [1].

В Италии период между I и II конгрессами Коммунистического Интернационала был точно так же полосой высокого революционного взлета.

С исключительной организованностью и единодушием итальянские рабочие провели 21 июля 1919 г. день всеобщей международной стачки в защиту Венгерской советской республики и Советской России.

Рост стачечных выступлений городских рабочих сопровождался боевыми выступлениями сельскохозяйственных рабочих и крестьян. Особенно серьезный характер приобрели выступления крестьян в Сицилии и в южных районах Италии, где крестьяне стали захватывать и распределять помещичьи земли.

Летом 1919 г. развернулись крупные стачки в металлургической и текстильной промышленности с целью установления минимума заработной платы. Около 2 месяцев бастуют 200 000 металлистов Ломбардии, Эмилии и Лигурии. Бастуют 60 000 рабочих шерстяной промышленности в Бьелезе, 100 000 сельскохозяйственных рабочих, механики текстильных предприятий в Ломбардии и Пьемонте, рабочие типографий в Риме, Турине и др. местах. С каждым днем атмосфера накалялась все больше и больше. Тираж центрального органа Социалистической партии «Avanti» вырос до 300 000 экз. Ряды Всеобщей конфедерации труда выросли до 1 млн. членов.

Огромная победа Социалистической партии на парламентских выборах в ноябре 1919 г. явилась ярким отражением революционных настроений итальянского пролетариата. Социалистическая партия собрала около 2 млн. голосов и провела в парламент 156 депутатов, став наиболее крупной и влиятельной политической партией в парламенте и стране. Вскоре после I конгресса Коминтерна — 19 марта 1919 г. — Центральный комитет Социалистической партии, собравшись в Милане, высказался за выход из II Интернационала и присоединение к Коммунистическому Интернационалу. На состоявшемся 5—8 октября 1919 г. XVI конгрессе Итальянской социалистической партии вопрос об изменении программы в духе коммунизма и присоединении к Коммунистическому Интернационалу стал осью крупных разногласий, в связи с чем в партии обнаружилось наличие четырех идейных течений. Реформисты во главе с Турати и Дарагоной продолжали отстаивать принципы буржуазной демократии. Центристы во главе с Лаццари высказывались за дик-

[1] «Коммунистический Интернационал», № 9, стр. 1359, 1919.

татуру пролетариата, но были против применения насилия. Максималисты-парламентаристы во главе с Серрати стояли на позиции диктатуры пролетариата и на почве решений I конгресса Коминтерна. Максималисты-антипарламентаристы во главе с Бордигой расходились с максималистами группы Серрати своим отрицательным отношением к парламентаризму.

Новая программа партии была принята большинством 48 411 голосов против 14 880 голосов центристов и реформистов, а также против 3 417 голосов максималистов группы Бордига. В программе отмечалось, что «пролетариат должен прибегнуть к насилию, чтобы захватить власть и закрепить завоевания революции», что «насильственное завоевание политической власти рабочими должно означать переход этой власти от буржуазии к пролетариату и начало переходного периода диктатуры пролетариата».[1]

Конгресс вынес также решение «примкнуть к III Интернационалу, органу мирового пролетариата, являющемуся выразителем и поборником этих принципов».[2]

Приветствуя решение Болонского конгресса и предостерегая итальянских рабочих против попыток оппортунистических элементов сорвать его решения, Ленин в своем письме «Товарищу Серрати и итальянским коммунистам» от 29 октября 1919 г. писал: «Пример Итальянской социалистической партии окажет громадное влияние в целом мире. Особенно ваше решение об участии в выборах в буржуазный парламент кажется мне весьма правильным. Надеюсь, что оно посодействует изжитию разногласий, возникших в данное время среди немецких коммунистов по этому вопросу».[3]

1920 год проходит под знаком новых крупнейших стачечных выступлений. Стачки железнодорожников, работников почты и телеграфа, табачных предприятий, химической промышленности, арсеналов сочетались с всеобщей стачкой в Турине. Рабочие выдвигают требование контроля над производством. Уже в марте 1920 г. рабочие стали приступать к захвату предприятий.

Стачки городских рабочих сопровождаются аграрными забастовками в апреле — мае 1920 г. в провинциях Наварра, Вергелли, Павиа, Александриа, Верона, Падуя, Парма и в др. местах. Экономические и политические стачки сочетаются с энергичной борьбой против интервенции. Рабочие успешно борются с отправкой оружия и снаряжения, предназначенного для Колчака, Деникина, Юденича и Польши.

В Соединенных Штатах Северной Америки коммунистическое движение складывалось точно так же, как в странах западной Европы, на фоне бурного революционного

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 6, стр. 915, 1919.
[2] Там же.
[3] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 504.

подъема. Рост стачечного движения отличался невиданным еще в истории рабочего движения США размахом. За один только 1919 г. имели место 3 500 стачечных выступлений с общим количеством 4 000 000 бастующих рабочих.

Участники коммунистического движения рекрутировались из сторонников левого крыла американской социалистической партии, лучших элементов социалистической рабочей партии, наиболее революционной части членов союза «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) и более передовых рабочих, входивших в Американскую федерацию труда.

В сентябре 1919 г., в связи с исключением левого крыла из Социалистической партии, в Чикаго возникают две коммунистические партии. Одна из них — коммунистическая партия во главе с Рутенбергом, Браудером и другими, организованная на основе национальных секций, и другая — коммунистическая рабочая партия во главе с Джоном Ридом и другими, объединявшая преимущественно коренные американские элементы.

Существование двух коммунистических партий наносило большой вред молодому коммунистическому движению и отвлекало внимание и силы этих партий в сторону взаимной фракционной борьбы. Перед Исполкомом Коминтерна встал поэтому вопрос о том, чтобы всемерно ускорить слияние обеих партий.

Осуществление этой задачи сильно осложнялось в то время тем, что напуганная могучим подъемом революционного движения во всем мире и сильным обострением классовых противоречий внутри страны американская буржуазия открыла поход против революционных рабочих. Обе компартии были загнаны в подполье. Тысячи рабочих были арестованы и высланы из страны как «нежелательный элемент».

Один из видных вождей Социалистической партии Виктор Бергер, избранный членом конгресса, не был туда допущен. В Нью-Йорке были исключены из законодательного собрания все его члены — социалисты. Под давлением революционных настроений масс Социалистическая партия вышла из II Интернационала, но в то же время она уклонилась от присоединения к Коммунистическому Интернационалу, продолжала отстаивать принципы буржуазной демократии и заявляла о своем стремлении бороться за социализм легальными конституционными методами. Осуждая Шейдемана и Носке, с одной стороны, прославляя Карла Либкнехта и Розу Люксембург и восхваляя большевиков, с другой, она в то же время энергично нападала на американских коммунистов.

Чтобы облегчить процесс дальнейшего расслоения внутри социалистической партии и превратить коммунистическое движение в подлинно массовое движение, Исполком Коминтерна решил притти ему на помощь и взять на себя инициативу в разрешении внутренних споров между обеими коммунистическими партиями и в деле скорейшего их объединения. Инициатива Ис-

полкома Коминтерна по слиянию коммунистических партий сопровождалась в то же время попытками найти путь к сближению и соглашению с союзом «Индустриальные рабочие мира» и объединению всех профессиональных организаций, стоявших на позиции революционно-классовой борьбы. К числу их относились на ряду с «Индустриальными рабочими мира» также «Единый большой союз» и некоторые местные организации Американской федерации труда.

В специальном обращении Исполкома Коминтерна к «Индустриальным рабочим мира», от 6 января 1920 г., вопросы разногласий, отделяющих этот союз от американского коммунистического движения и Коммунистического Интернационала, были подвергнуты всестороннему товарищескому обсуждению. В основу начатых Исполкомом с «Индустриальными рабочими мира» переговоров были положены ленинские установки на сближение с «левыми» элементами рабочего движения и преодоление ошибочных анархо-синдикалистских тенденций ИРМ путем товарищеской критики и взаимного сотрудничества.

На ряду с крупнейшими передовыми капиталистическими странами в водоворот классовых революционных боев были втянуты также Норвегия, Швеция, Дания, Голландия, Чехословакия, Польша, Болгария, Румыния, Югославия, Испания, Швейцария, страны Южной Америки, народы колоний.

Мужественная борьба чехословацких рабочих против отправки транспортов оружия и снаряжения для панской Польши, бурные демонстрации 2 августа 1919 г. в различных городах Болгарии с требованием провозглашения советской власти и всеобщая забастовка в декабре 1919 г., борьба деревообделочников в Швеции и массовые демонстрации против блокады Советской России в Стокгольме в октябре 1919 г., стачка 500 000 горняков в ноябре 1919 г. в США, кампания Норвежской Рабочей партии 13—22 февраля 1920 г. против антисоветской интервенции, всеобщая железнодорожная забастовка в марте 1920 г. в Болгарии и т. д. — все это были отдельные звенья в длинной цепи революционных боев этого периода и высокого подъема активности масс.

В этой обстановке высокого революционного подъема Коммунистический Интернационал становился центром притяжения всех революционных сил. Ряды его быстро пополнялись все новыми и новыми революционными отрядами пролетариата.

В своей речи 6 марта 1920 г. на торжественном заседании Московского Совета, посвященном годовщине Коммунистического Интернационала, Ленин отметил, что в течение года Коммунистический Интернационал «достиг таких побед, которых нельзя было ожидать, и можно смело сказать, что никто не ожидал таких громадных успехов при его основании». [1]

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 71.

В период между I и II конгрессами Коминтерна продолжали складываться в целом ряде стран коммунистические партии и группы, заявлявшие о своем присоединении к Коммунистическому Интернационалу.

«Нет ни одной страны в мире, — говорил Ленин на заседании Московского Совета, — даже самой неразвитой, где бы все мыслящие рабочие не присоединялись к Коммунистическому Интернационалу, не примыкали к нему идейно». [1]

В Швейцарии коммунистическая партия была основана на первой конференции коммунистических групп в Цюрихе. Но компартия оставалась малочисленной и слабо связанной с массами вследствие занятой ею ультралевой, антипарламентской и сектантской позиции. На ряду с молодой компартией на позиции Коминтерна стала выросшая внутри швейцарской социал-демократической партии оппозиция. Влияние левого крыла особенно возросло в связи с революционным подъемом в стране и срывом стачки солидарности с девятидневной всеобщей забастовкой в Базеле правыми и центристскими вождями партии. На съезде социал-демократической партии в Базеле (1919 г.) левому крылу удалось большинством голосов провести решение о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. Но правые и центристы воспользовались предоставленным им по уставу правом и добились постановки этого вопроса на референдум всех членов партии, рассчитывая на поддержку со стороны мелкобуржуазных элементов партии.

В Голландии социал-демократическая партия, издававшая газету «The Tribune», переименованная еще в 1918 г. в Коммунистическую партию, приняла 13 апреля 1919 г. решение о вступлении в Коммунистический Интернационал. Партия имела прекрасные революционные традиции, но левосектантские ее позиции, отрицательное отношение к парламентаризму и анархо-синдикалистский ее уклон мешали партии завоевать широкое влияние на массы.

В пользу разрыва с II Интернационалом, за необходимость начать переговоры с социалистическими партиями Восточной Азии и за присоединение к новому революционному Интернационалу высказался в Корее в апреле 1919 г. съезд «Союза корейских социалистов» — «Ханин-Сахве-Дан» и «Шин-Мин-Дан» — «Союз корейских граждан».

На этом съезде состоялось объединение их в «Ханин-Сахве-Дан» (корейскую социалистическую партию). Съезд в тот момент еще не знал об образовании Коминтерна.

В Болгарии социал-демократическая партия «тесняков» вынесла 25 мая 1919 г. на XXII съезде партии по докладу т. Коларова решение о переименовании в Коммунистическую партию и присоединении к Коммунистическому Интернационалу.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 77.

Выросшие в долголетней и решительной борьбе с мелкобуржуазным социализмом и с анархическими уклонами «тесняки» заняли в годы первой мировой империалистической войны интернационалистические позиции. После ее окончания они повели мужественную борьбу за принципы диктатуры пролетариата, сумели завоевать широкое влияние на рабочий класс и стали одним из лучших, революционных отрядов международного коммунистического движения.

8 июня 1919 г. за выход из II Интернационала и присоединение к Коммунистическому Интернационалу высказался подавляющим большинством съезд Рабочей партии Норвегии, объединявший около 100 000 чел.

12—16 июня 1919 г. постановление о вступлении в ряды Коминтерна было принято (большинством 186 против 22 голосов) от имени 25 000 организованных членов конференции левой социал-демократической партии Швеции.

В Дании идейное размежевание в социал-демократической партии привело к образованию левосоциалистической партии. Ядром новой, левосоциалистической партии явились социал-демократический союз молодежи, группа независимых социал-демократов и членов Социалистической рабочей партии. Последняя была организована весной 1918 г., но под ударами правительственных репрессий пришла к концу 1918 г. в упадок.

22 июля 1919 г. о своем присоединении к Коммунистическому Интернационалу сообщила образованная в 1918 г. коммунистическая партия Польши.

«Центральный Комитет Коммунистической рабочей партии Польши, — говорилось в этом постановлении, — с восторгом приветствует основание III Интернационала, задачей которого должно явиться создание непрерывной связи между отдельными отрядами международной армии социализма, и заявляет, что вполне разделяет его цели. Центральный Комитет Коммунистической рабочей партии постановляет присоединиться к Коммунистическому Интернационалу».[1]

В августе такое же сообщение поступило от коммунистической партии Восточной Галиции. В сентябре о своем присоединении к Коммунистическому Интернационалу заявила социалистическая партия Эльзас-Лотарингии.

В ноябре 1919 г. на этот же путь стали коммунисты Мексики, которые еще в марте 1919 г. организовали в столице революционную группу рабочих, проникнутых симпатиями к Великой Октябрьской революции, и стали издавать еженедельник «El Soviet». Большинство членов партии имело еще смутное представление о коммунистических принципах и, будучи проникнуто чувством глубокой симпатии к Советской России, принесло с собой в партию большой груз анархо-синдикалистских пережитков.

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 5, стр. 701, 1919.

11—12 декабря 1919 г. на съезде социалистической партии Испании в пользу вступления в Коммунистический Интернационал было подано 12 530 из 26 530 голосов. Начало выкристаллизовываться коммунистическое крыло партии, ставшее позднее родоначальником компартии Испании. В Мадриде стал выходить коммунистический журнал «Nuestra Palabra» («Наше слово»). За присоединение к Коммунистическому Интернационалу высказалась и анархо-синдикалистская Национальная конфедерация труда.

В апреле 1920 г. решение о вступлении в Коминтерн приняла на своем II съезде закалившаяся в экономических и политических боях «Социалистическая рабочая партия» Греции. К прежнему ее наименованию было прибавлено в скобках новое дополнительное наименование — «коммунистов».

В Югославии крупные массовые стачки в различных отраслях промышленности в 1919 г. завершились в апреле 1920 г. всеобщей забастовкой железнодорожников, что создало благоприятную почву для коммунистического движения.

На объединительном съезде в апреле 1919 г. была образована «Социалистическая рабочая партия (коммунистов)», вынесшая решение о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. На своем втором създе в июне 1920 г. в Вуковаре она постановила переименоваться в Коммунистическую партию Югославии.

В декабре 1920 г. международный съезд пролетарского юношества в Берлине, положивший основание Коммунистическому Интернационалу молодежи, вынес от имени 220 000 членов решение о присоединении к Коминтерну.

В этом же духе высказался в декабре также Скандинавский рабочий конгресс от имени 300 000 рабочих.

В Австрии успешная деятельность образованной еще в 1918 г. молодой коммунистической партии сильно тормозилась «левым» сектантством, неумением сочетать борьбу за частичные требования пролетариата с борьбой за конечные цели. В избранном осенью 1919 г. новом составе Совета количество коммунистов заметно выросло. Но выступления коммунистов неизменно наталкивались на энергичное сопротивление социал-демократического большинства и яростные атаки лидеров социал-демократической партии и профсоюзов. Вслед за тем, в марте 1920 г., последние перешли к методам скрытого саботажа Венского совета.

Молодой компартии удалось повести энергичную работу по разоблачению предательской и лицемерной роли социал-демократических вождей, которые пальцем о палец не ударили, чтобы прекратить снабжение австрийскими военными заводами панской Польши. В целом ряде случаев железнодорожники отказывались под влиянием коммунистической пропаганды от перевозки военных грузов.

23 июня 1919 г. решение в пользу присоединения к Коммунистическому Интернационалу принял съезд революционной партии «Адалет», переименованный в Коммунистическую партию Ирана.

В Турции еще в 1919 г. возникает константинопольская газета революционного направления «Курумаш» («Освобождение»). Группой революционных рабочих и студентов организуется Социалистическая рабоче-крестьянская партия Турции. В Анкаре начинают складываться коммунистические группы со своей газетой «Рабочий». Такие же коммунистические группы возникают в различных пунктах Анатолии. Обеспокоенные ростом коммунистического движения, сторонники Мустафа-Кемаль-паши обратились к руководителю турецких коммунистов Мустафа-Субхи с письмом, в котором предостерегали коммунистов от выступлений, могущих нарушить единство нации и подорвать силы национально-освободительного движения. Кемалисты пытались взять коммунистическое движение на буксир и в этих целях создали свою правительственную «коммунистическую партию». Вместе с тем они сделали попытку проникнуть в ряды Коммунистического Интернационала. Вскоре после этого кемалисты обрушились против компартии суровыми репрессиями и подавили коммунистическое движение.

В Индии период 1919—1920 гг. представляет собой полосу мощного разворота национально-освободительного движения. Проникшие через щели суровой английской цензуры вести об Октябрьской социалистической революции разбудили в массах трудящихся чувства живейшей симпатии и солидарности. Характеризуя настроения трудящихся Индии в этот период, индийский буржуазный журналист Дас говорит, что революция в России и особенно установление Советской республики пробудили надежды на новый строй, что наиболее важным фактором в развитии радикального течения в Индии является правительство Советской России.

Резко противоположную позицию заняла по отношению к Советской России националистическая индийская буржуазия. Последняя относилась враждебно к революционным методам борьбы за национальное освобождение Индии и пыталась предотвратить повторение «русского» примера у себя дома. Вождь индийского буржуазного национализма Ганди открыто выступал против стачечной борьбы в тот момент, когда в апреле 1919 г. волна стачечного движения приняла небывалые еще в истории Индии размеры.

Кровавая расправа с мирной демонстрацией в Амритсаре 10 апреля 1919 г., жестокие репрессии английских властей (вплоть до бомбардировки деревень с самолетов и карательных экспедиций) парализовали на некоторое время попытки Ганди и индийской буржуазии приостановить бурный рост национально-освободительного движения и придать ему мирный характер.

Кровавые расстрелы в Амритсаре стали отправным пунктом для бурных революционных выступлений, переросших во многих местах в вооруженное восстание. Город Ахмедабад очутился на 3 дня в руках рабочих. Лагора была охвачена пламенем вооруженного восстания. Крупные революционные события имели место в Вазирабаде, Хафшабаде, Акалгаре, Рамнагаре и др. местах. Вскоре в движение включились индийские мусульмане. Движение мусульман получило еще более могучий толчок в связи с защитой ими Турции против навязанного ей союзными империалистами условий мира и благоприятным исходом англо-афганской войны весной 1919 г. 30 апреля 1920 г. совместная индусско-мусульманская конференция заявила о своем отказе сотрудничать с английскими властями. Создание единого фронта индусско-мусульманской буржуазии против английского империализма протекало на фоне могучего стачечного движения рабочих и широкого крестьянского движения, охватившего миллионы населения. Лозунги отказа от уплаты налогов правительственным властям и отказа от уплаты ренты помещикам и долгов ростовщикам встречали самый широкий отклик в массах.

1919—1920 гг. были годами высокого взлета стачечной борьбы. Не было почти ни одного предприятия, ни одной профессии, ни одного уголка страны, где рабочие не были бы охвачены стачечной борьбой. Только за первое полугодие 1920 г. стачками было охвачено свыше 1 500 000 чел. Рабочие потянулись в профорганизации. В одном только мадрасском президентстве насчитывалось в 1919 г. 4 союза с общим количеством в 20 000 профессионально организованных членов. Профсоюзы возникли также в Калькутте, Бомбее, Ахмедабаде и других промышленных районах страны. Осенью 1920 г. был созван в Бомбее под председательством националиста Лала Ладжиат Рая первый всеиндийский конгресс тред-юнионов. В конгрессе приняли участие представители 75 профсоюзов. Конгресс прошел под сильным влиянием буржуазных лидеров Национального конгресса.

По мере дальнейшего развития национально-освободительного движения, сочетавшегося с подъемом стачечной борьбы рабочего класса и революционного движения крестьянства, становится все более отчетливым начавшееся внутри национально-революционного лагеря идейное размежевание. Соглашательская политика Ганди начала встречать осуждение со стороны его противников, являвшихся сторонниками применения методов массового революционного действия.

* * *

Коммунистический Интернационал и его авангард — партия большевиков, партия Ленина — Сталина — стремились объединить не только коммунистические партии и группы, целиком и полностью разделявшие программные, стратегические и тактические установки коммунистического движения. Они старались

привлечь в лагерь коммунизма и те «левые» элементы, которые не понимали коммунистической тактики и были проникнуты «левыми» предрассудками, анархистскими и анархо-синдикалистскими пережитками. Большую роль в сближении с этими «левыми» элементами рабочего движения и борьбе за преодоление их ошибок и предрассудков сыграла вышедшая незадолго перед II конгрессом Коминтерна блестящая работа Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

Указав на то, что на ряду со старыми оппортунистическими вождями — Каутским, Гильфердингом, Криспиным и другими внутри Независимой социал-демократической партии Германии существует левое крыло, которое высказалось на Лейпцигском партейтаге в 1919 г. за безусловное и немедленное присоединение к Коммунистическому Интернационалу, Ленин писал:

«Бояться «компромисса» с этим крылом партии — прямо смешно. Напротив, обязательно для коммунистов искать и найти подходящую форму компромисса с ними, такого компромисса, который бы, с одной стороны, облегчал и ускорял необходимое полное слияние с этим крылом, а с другой стороны ни в чем не стеснял коммунистов в их идейно-политической борьбе против оппортунистического правого крыла «независимцев». [1]

Ленин показал в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», что уход из профсоюзов равносилен наибольшей услуге буржуазии, что такой шаг только на руку оппортунистическим профсоюзным руководителям.

«Не работать внутри реакционных профсоюзов, это значит оставить недостаточно развитые или отсталые рабочие массы под влиянием реакционных вождей, агентов буржуазии, рабочих аристократов или «обуржуазившихся рабочих». [2]

Разоблачая несостоятельность позиции «левых» в вопросе о работе в реформистских профсоюзах, Ленин подчеркивал, что коммунисты должны «обязательно работать там, где есть масса», что коммунисты не должны останавливаться перед жертвами, что они должны «преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса. А профсоюзы и рабочие кооперативы (эти последние иногда, по крайней мере), это именно такие организации, где есть масса». [3]

Ленин высказывался за то, чтобы Исполнительный Комитет

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 213. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 196. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

[3] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 198. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

прямо осудил отказ от работы в реформистских профсоюзах и в этом духе внес предложение на предстоящий II конгресс Коммунистического Интернационала. Столь же неправильным, как и лозунг выхода из реформистских профсоюзов, Ленин считал также лозунг отказа от участия в парламентской борьбе и отрицательное отношение к парламентаризму вообще. В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин с железной логикой вскрыл ошибочность позиции германских «левых», голландских коммунистов и сторонников антипарламентаризма в Англии.

Отметив, что «в Западной Европе и Америке парламент сделался особенно ненавистным передовикам революционерам из рабочего класса»,[1] Ленин объясняет резко отрицательное отношение к парламентаризму предательской политикой оппортунистов и поведением большинства социалистических депутатов в парламентах за время войны и после окончания войны. «Было бы не только неразумно, — говорил Ленин, — а прямо преступно поддаваться этому настроению при решении вопроса, как следует бороться с общепризнанным злом».[2]

Указав на опыт большевиков в деле революционного использования трибуны Государственной думы, а затем выборов в Учредительное собрание, на прекрасный образец революционного использования реакционных парламентов Карлом Либкнехтом в кайзеровской Германии, Ленин подчеркивает полную несостоятельность антипарламентаризма и необходимость последовательного революционного использования парламентаризма в интересах мобилизации и организации масс для осуществления своих классовых задач. «Именно потому, — говорит Ленин, — что отсталые массы рабочих и — еще более — мелких крестьян в Западной Европе гораздо сильнее, чем в России, пропитаны буржуазно-демократическими и парламентскими предрассудками, именно поэтому только изнутри таких учреждений, как буржуазные парламенты, могут (и должны) коммунисты вести длительную, упорную, ни перед какими трудностями не останавливающуюся борьбу разоблачения, рассеяния, преодоления этих предрассудков».[3]

Ленин подчеркивал в тот период, что опасность «слева» менее значительна, чем опасность справа, со стороны социал-шовинизма и центризма. «Левое доктринерство есть тоже ошибка не только правое доктринерство, — писал Ленин. — Конечно, ошибка левого доктринерства в коммунизме является, в настоящий момент, в тысячу раз менее опасной и менее значительной, чем ошибка правого доктринерства (т. е. социал-шовинизма и каутскианства), но ведь это только потому так, что левый коммунизм

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 204.
[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 204.
[3] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 206.

течение совсем молодое, только-только зарождающееся. Только поэтому болезнь, при известных условиях, может быть легко излечена, и необходимо приняться за ее излечение с максимальной энергией». [1]

Между тем разногласия по вопросу об участии в парламентской борьбе и работе внутри реформистских союзов вызывала все более обостренные споры в лагере революционного рабочего движения, тормозя сплочение революционного крыла рабочего движения в Англии и затрудняя соглашение с «Индустриальными рабочими мира».

Ленин предвидел, что не исключена возможность и того, что раскол с «левыми» станет интернациональным явлением, и сделал вывод, что «раскол все же лучше, чем путаница, мешающая и идейному, теоретическому, революционному росту, созреванию партии и ее дружной, действительно организованной, действительно подготовляющей диктатуру пролетариата, практической работе». [2]

Коммунистический Интернационал продолжал усиленную расчистку авгиевых конюшен международной социал-демократии.

Оплотом последней оставались реформистские профсоюзы. После первой империалистической войны широкие массы рабочих потянулись в профсоюзы в поисках защиты своих интересов и борьбы против системы капиталистической эксплоатации. К 1920 г. профсоюзы объединяли свыше 24 миллионов организованных рабочих. Эту огромную потенциальную революционную силу лидеры восстановленного в 1919 г. Амстердамского Интернационала профсоюзов стремились использовать не в интересах классовой борьбы и пролетарской революции, а в целях классового сотрудничества с буржуазией в национальном и международном масштабе. С помощью профсоюзов реакционные лидеры II Интернационала стремились удержать под своим влиянием и руководством миллионные массы пролетариата, задержать начавшуюся в связи с Октябрьской революцией и основанием Коммунистического Интернационала внутреннюю дифференциацию в рабочих массах. Буржуазная демократия или диктатура пролетариата, борьба за восстановление капитализма и отказ на деле от классовой борьбы или борьба за насильственное свержение капитализма через пролетарскую революцию, социал-демократизм или коммунизм — вот по какой линии развертывалась борьба.

В этой связи вопрос, поставленный Лениным во весь рост в его работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», — о работе в реформистских профсоюзах и завоевании масс, о борьбе с реформистской профбюрократией, за превращение

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 237. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 241.

профсоюзов из орудия классового сотрудничества в орудие боевой классовой политики, — становился вопросом исключительно важным и актуальным.

Начавшееся в рабочих массах внутреннее размежевание ускорило кристаллизацию революционной оппозиции внутри реформистских профсоюзов и оформление революционного крыла международного профдвижения.

Первый шаг в деле образования международного центра революционного профдвижения был сделан на совещании представителей профорганизаций Советской России, Англии и Италии в Москве 16 июня 1920 г.

Осудив попытки ухода из реформистских профсоюзов, совещание призывало «упорно и систематически работать в существующих организациях на пользу Коммунистического Интернационала...» [1]

В результате ряда совещаний с представителями Италии, Испании, Англии, Германии, США и Австрии 15 июля 1920 г. был основан при активном участии ВЦСПС Международный Совет профессиональных союзов, переименованный позднее в Красный Интернационал профсоюзов.

Привлечение к международному центру революционного профдвижения анархистских руководителей Национальной конфедерации труда Испании и революционно-синдикалистского меньшинства Всеобщей конфедерации труда Франции являлось шагом к сближению с непоследовательными, но все же революционно настроенными элементами рабочего движения.

Образование международного центра революционного профдвижения должно было служить началом развернутой атаки против массового оплота международной социал-демократии — реформистских профсоюзов, и за превращение их в боевое оружие пролетарской революции и коммунизма. С самого начала существования международного центра революционного профдвижения среди примкнувших к нему организаций обнаружились разногласия, которые позднее вылились в открытую и ожесточенную борьбу против реформистских и анархо-синдикалистских тенденций.

Уже на первых совещаниях представителей советских профсоюзов с делегатами профорганизаций Италии, Испании, Франции, Англии и других стран выявился ряд разногласий. Последние относились, главным образом, к вопросам признания принципов диктатуры пролетариата, необходимости создания самостоятельной партии пролетариата, взаимоотношений между партией и союзами, отношения профсоюзов к Коммунистическому Интернационалу.

В этих первых столкновениях с реформистскими и анархо-

---

[1] 10 лет Профинтерна в резолюциях, документах и цифрах, стр. 24. Изд. ВЦСПС, Москва, 1930.

синдикалистскими тенденциями скрывались в зародыше те разногласия, которые развернулись после II конгресса Коминтерна в лагере революционного профдвижения, по мере спада волны революционного подъема. Разногласия эти приобретали все большую остроту и сопровождались постепенным отсевом случайных попутчиков или людей, искусно замаскировавших в момент высокого подъема революционных настроений рабочего класса свое подлинное лицо.

ВТОРОЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Если к моменту созыва I конгресса Коммунистического Интернационала «в большинстве стран существовали только коммунистические направления и группы»,[1] то II конгресс Коммунистического Интернационала состоялся в обстановке высокого революционного подъема, когда «в большинстве стран существуют уже не только коммунистические течения и направления, но и коммунистические партии и организации».[2]

II конгресс собирался в обстановке все большего распада II Интернационала. Не только такие влиятельные партии II Интернационала, как Независимая социал-демократическая партия Германии, Социалистическая партия Франции, Социал-демократическая партия Швейцарии, Независимая рабочая партия Англии, но даже Польская социалистическая партия (ППС) Дашинского и Пилсудского, заявили о своем выходе из II Интернационала. Тяга центристских партий к Коммунистическому Интернационалу была прямым следствием огромной тяги сознательных рабочих в коммунистические партии, показателем завоеванного за один только год своего существования большого престижа в массах. II конгресс открылся в Петрограде 19 июля, а затем продолжал и закончил свои работы в Москве в августе 1920 г., исчерпывающим образом разработав основные стратегические, тактические и организационные установки Коммунистического Интернационала. На II конгрессе участвовало 217 делегатов, 169 с решающим и 48 с совещательным голосом от 67 организаций из 41 страны, в том числе от 27 коммунистических партий и 10 союзов молодежи. С совещательным голосом были допущены на конгресс представители Французской социалистической партии Фроссар[3] и Кашен, и Независимой социал-демократической партии Германии — Криспин, Дитман, Деймиг и Штеккер, которые приехали в Москву для переговоров об условиях приема в Коммунистический Интернационал.

В порядке дня II конгресса стояли следующие вопросы:

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 279.
[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 279.
[3] Фроссар — впоследствии ренегат коммунизма.

1. О международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала; 2) о роли и структуре коммунистической партии до и после завоевания власти пролетариатом; 3) профсоюзы и фабрично-заводские комитеты; 4) вопрос о парламентаризме; 5) национальный и колониальный вопросы; 6) аграрный вопрос; 7) условия приема в Коммунистический Интернационал; 8) Устав Коммунистического Интернационала; 9) об условиях образования советов; 10) организационные вопросы; 11) выборы; 12) разные.

Для всесторонней разработки вопросов конгрессом были образованы комиссии 1) по вопросам профдвижения, 2) о парламентаризме, 3) по аграрному вопросу, 4) о задачах Коммунистического Интернационала, 5) по национальному и колониальному вопросу, 6) об условиях приема в Коммунистический Интернационал, 7) о роли и структуре коммунистических партий, 8) мандатная комиссия, 9) об условиях образования советов, 10) по вопросу о вхождении коммунистов в Рабочую партию Англии, 11) комиссия по организационным вопросам.

II конгресс Коммунистического Интернационала явился конгрессом смотра революционных сил и мобилизации их на борьбу с международным оппортунизмом и центризмом справа и с сектантскими течениями «слева», служившими тормозами на пути успешного развертывания классовых боев и пролетарской революции в капиталистических странах. Под этим углом зрения на конгрессе протекало обсуждение и разрешались все поставленные в повестку дня вопросы. Богатейший революционный опыт партии большевиков, партии Ленина — Сталина, ведущей партии в Коммунистическом Интернационале, и вышедшая незадолго перед конгрессом гениальная работа Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» были положены делегациями коммунистических партий в основание принятых конгрессом решений.

На первом заседании II конгресса был заслушан доклад Ленина «О международном положении и основных задачах Коминтерна». Доклад Ленина и выдвинутые им в этом докладе вопросы были стержнем всей работы конгресса.

Ленин дал глубокий анализ международного положения и сделал практические выводы для коммунистических партий.

В своем докладе Ленин отметил, что «после войны сразу не менее как миллиард с четвертью населения подвергается колониальному гнету, подвергается эксплоатации зверского капитализма, который хвастался миролюбием, и лет пятьдесят тому назад имел некоторые права хвастаться этим, пока земля не была поделена, пока не господствовала монополия, пока капитализм мог развиваться сравнительно мирно, без колоссальных военных конфликтов».[1]

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 332—333.

Версальский договор обострил все капиталистические противоречия не только в побежденных и колониальных странах, но и в странах-победительницах. Положение резко ухудшилось, все тяготы войны легли на плечи трудящихся. Рост цен и дороговизна, уменьшение зарплаты и снижение жизненного уровня масс усилили рост недовольства и революционные настроения в массах. Стачечное движение поднялось. Нужда масс и разруха в огромной мере возросли.

Дав анализ источникам мирового кризиса, Ленин указал, что революционный кризис является основой революционного действия. Подвергнув критике как ошибки буржуазных экономистов, изображавших кризис как «беспокойство», так и утверждения некоторых революционеров о том, что этот кризис абсолютно безвыходный, Ленин отметил, что «абсолютно безвыходных положений не бывает», [1] что буржуазия не остановится ни перед какими средствами и методами для подавления масс, не остановится и перед усыплением масс различными уступками или перед разгромом движения. Задача заключается в том, чтобы умело использовать революционный кризис для победы социалистической революции. «Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, — говорил Ленин, — что у них (т. е. компартий. — *И. Ю.*) достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции». [2]

Указывая, что оппортунисты «лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа», что «без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы удержаться», [3] Ленин в заключительной части своего доклада говорил: «Мы можем с гордостью сказать: на первом конгрессе мы были, в сущности, только пропагандистами, мы только бросали пролетариату всего мира основные идеи, мы только бросали призыв к борьбе, мы только спрашивали: где люди, которые способны пойти по этому пути? Теперь у нас есть везде передовой пролетариат. Есть везде, хотя иногда и плохо организованная, требующая переорганизации пролетарская армия...» [4]

Далее Ленин указал на быстрое распространение идеи Советов не только среди передовых капиталистических стран Запада, но и среди народов Востока, среди всех колониальных народов. Ленин при этом отметил, что, преодолевая сопротивление мещанских элементов и влияние ничтожной верхушки рабочей аристократии, революционный пролетариат соединит в борьбе за свержение империализма свой натиск против господствующих классов «с революционным натиском сотен мил-

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 340.
[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 340—341.
[3] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 343—344.
[4] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 346.

лионов человечества, которое до сих пор стояло вне истории, рассматривалось только как ее объект». [1]

Говоря о корнях оппортунизма в рабочем движении, Ленин указал, что подачки и подкуп рабочих вождей империализмом производится «повышением культуры в наиболее крупных центрах, созданием образовательных учреждений, созданием тысячи местечек для вождей кооперативов, для вождей тред-юнионов, парламентских вождей», [2] что миллиарды капиталистической сверхприбыли «есть экономическая основа, на которой держится оппортунизм в рабочем движении». [3] Ленин призывал к очищению рабочих революционных партий от буржуазного влияния и к преодолению оппортунизма в их собственной среде.

Принятая II конгрессом по докладу Ленина резолюция следующим образом определяет задачу диктатуры пролетариата и советской власти: «Победа социализма (как первой ступени коммунизма) над капитализмом требует осуществления пролетариатом, как единственным действительно революционным классом, трех следующих задач. Первая — свергнуть эксплуататоров и в первую голову буржуазию, как главного экономического и политического представителя их; разбить их наголову; подавить их сопротивление; сделать невозможным какие бы то ни было попытки с их стороны восстановить иго капитала и наемное рабство. Вторая — увлечь и повести за революционным авангардом пролетариата, его коммунистической партией, не только весь пролетариат или подавляющее, огромное большинство его, но и всю массу трудящихся и эксплуатируемых капиталом; просветить, организовать, воспитать, дисциплинировать их в самом ходе беззаветно смелой и беспощадно твердой борьбы против эксплуататоров, вырвать это подавляющее большинство населения во всех капиталистических странах из зависимости от буржуазии; внушить ему на практическом опыте доверие к руководящей роли пролетариата и его революционного авангарда. Третья — нейтрализовать или обезвредить неизбежные колебания между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и советской властью со стороны довольно еще многочисленного почти во всех передовых странах, хотя и составляющего меньшинство населения, класса мелких хозяев в земледелии, промышленности, торговле и группирующегося вокруг этого класса слоя интеллигенции, служащих и т. п.» [4]

Ленин направил главный огонь своей критики против центризма. Разоблачив позиции Макдональда, отвергавшего классовую борьбу, и Отто Бауэра, высказывавшегося против рево-

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 344.
[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 343.
[3] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 343.
[4] Протоколы II конгресса Комм. Интерн., стр 468. Партиздат, 1934.

люционного насилия, — Ленин подчеркнул, что основная задача международного революционного пролетариата заключается в борьбе с оппортунизмом и особенно с центризмом, с тем, чтобы «во всех партиях эту борьбу довести до конца».[1] Вместе с тем Ленин усиленно подчеркивал, что «по сравнению с этой задачей, исправление ошибок «левого» течения в коммунизме будет задачей легкой»,[2] что борьба против этих двух опасностей должна вестись не одинаковыми методами, ибо сущность этих двух опасностей не одинакова. «Одна, очень серьезная и представляющая громадную непосредственную опасность для успеха дела освобождения пролетариата, — говорилось в тезисах Ленина об основных задачах II конгресса Коммунистического Интернационала, — состоит в том, что часть старых вождей и старых партий II Интернационала, частью полубессознательно уступая желаниям и напору масс, частью сознательно обманывая их для сохранения за собой прежней роли агентов и помощников буржуазии внутри рабочего движения, заявляют о своем условном или даже безусловном присоединении к III Интернационалу, оставаясь на деле, во всей практике своей партийной и политической работы, на уровне II Интернационала».[3]

Ленин вместе с тем отметил, что на ряду с этой опасностью существует «другая, гораздо менее значительная ошибка, которая является скорее всего болезнью роста движения, состоит в стремлении к «левизне», ведущем к неправильной оценке роли и задач партии по отношению к классу и к массе и обязательности для революционных коммунистов работать в буржуазных парламентах и реакционных профсоюзах».[4]

Ленин призывал к самой беспощадной борьбе против оппортунистических вождей и в то же время подчеркивал, что «к массам надо научиться подходить особенно терпеливо и осторожно...»[5]

После заслушания доклада Ленина о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала конгресс принял ряд приветствий и воззваний: «К пролетариям Красного Петрограда», «К Красной Армии и Красному Флоту РСФСР», «К пролетариям всех стран» и специальное обращение «К пролетариям и пролетаркам всех стран», посвященное войне с панской Польшей.

Конкретизация намеченных Лениным установок в тезисах об основных задачах II конгресса Коминтерна и в докладе о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала проходит красной нитью во всех решениях конгресса.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 344.
[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 344.
[3] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 312.
[4] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 312—313.
[5] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 318.

Вопрос о роли компартии до и после захвата власти пролетариатом занял на II конгрессе Коммунистического Интернационала виднейшее место. Вопрос этот имел весьма актуальное значение потому, что ряд коммунистических партий — Коммунистическая рабочая партия Германии, компартия Голландии (группа Паннекук — Гортер — Вайнкоп), а также революционные элементы анархо-синдикалистов, — не понимали роли партии, не понимали, что без революционной партии пролетариата и ее руководства нельзя завоевать и отстоять пролетарскую диктатуру. Социал-демократические партии с их оппортунизмом и политикой классового сотрудничества с буржуазией усилили в некоторых слоях революционных рабочих реакцию в форме отрицательного отношения к политическим партиям, в том числе к коммунистической партии и к участию в политической жизни вообще. Эти тенденции нашли свое отражение в позициях революционных синдикалистов во Франции, Национальной конфедерации труда Испании, «Индустриальных рабочих мира» в США, фабрично-заводских старост в Англии, Всеобщего рабочего союза в Германии, сторонников Бордиги в Италии и пр.

Против предложенных тезисов «О роли и составе коммунистической партии до и после завоевания власти рабочими» выступили на заседании конгресса 23 июля 1920 г. представители Национальной конфедерации труда Испании Пестанья, германский анархо-синдикалист Суши и делегат английских фабрично-заводских старост Теннер. Последние отстаивали синдикалистские установки, возражали против основных установок о руководящей роли компартии в деле подготовки и организации пролетарской революции и высказывались против необходимости существования политической партии пролетариата. Представитель Всеобщего рабочего союза в Германии, связанный с Коммунистической рабочей партией, Суши дошел даже до утверждения, что «политические партии — создание буржуазии». [1] Не понимали значения руководящей роли компартии до и после пролетарской революции и «левые», коммунисты Галахер и Рамзай (Англия), Вайнкоп (Голландия).

В своем выступлении 23 июля по этому вопросу Ленин, подвергнув разбору сущность разногласий по вопросу о роли коммунистической партии в связи с выступлениями представителей фабрично-заводских комитетов Теннера и Британской социалистической партии Мак-Лейна, заявил: «Единственное различие, которое существует между нами, заключается в своего рода недоверии, которое английские товарищи питают к политической партии. Они представляют себе политические партии не иначе, как наподобие Гомперса и Гендерсона, или партию

---

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 95. Партиздат, 1934 г.

парламентских дельцов, изменников делу рабочего класса... Нам нужны новые партии, партии иные».[1]

II конгресс Коммунистического Интернационала отметил в принятой им резолюции роль компартии как авангарда пролетариата и главного орудия в борьбе за освобождение рабочего класса. В резолюции отмечалось, что коммунистическая партия создается путем отбора лучших, наиболее сознательных, наиболее самоотверженных, наиболее дальновидных рабочих, что коммунистическая партия не имеет интересов, отличных от интересов всего рабочего класса. «Коммунистическая партия есть часть рабочего класса, именно его наиболее передовая, наиболее сознательная, а поэтому наиболее революционная часть», — говорилось в резолюции конгресса.

Коммунистическая партия отличается от всей массы рабочих тем, что она обозревает весь исторический путь рабочего класса в целом и старается на всех поворотах этого пути защитить интересы не отдельных групп, не отдельных профессий, а интересы рабочего класса в целом. Коммунистическая партия есть тот организационно-политический рычаг, при помощи которого наиболее передовая часть рабочего класса направляет по правильному пути всю массу пролетариата и полупролетариата».[2]

В резолюции конгресса разъяснялось существующее различие между партией и классом и указывалось, что партия является авангардом класса.

Конгресс предостерегал в этой резолюции от смешения понятий партии с понятием класса, так как такое смешение понятий «способно привести к величайшим ошибкам и путанице».[3]

Указав на возможность существования при определенных исторических данных многочисленных реакционных прослоек в рабочем классе, II конгресс подчеркнул в резолюции, что задача коммунистической партии состоит не в приспособлении к отсталым членам рабочего класса, а в том, чтобы «поднимать весь рабочий класс до уровня его коммунистического авангарда».[4]

Резолюция конгресса устанавливает далее, что «пока государственная власть не завоевана пролетариатом, до тех пор, пока пролетариат раз навсегда не упрочил своего господства и не гарантировал его от буржуазной реставрации, — до этих пор коммунистическая партия по правилу будет иметь в своих организованных рядах лишь меньшинство рабочих. До захвата власти и в переходное время коммунистическая партия может при благоприятных обстоятельствах пользоваться безраздельным

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 348.

[2] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 481—482. Партиздат, 1934.

[3] Там же, стр. 482.

[4] Там же.

идейно-политическим влиянием на все пролетарские и полупролетарские слои населения, но не может организационно объединять их в своих рядах».[1]

В резолюции указывалось далее на необходимость объединения в одном центре руководства различными формами движения пролетариата — профсоюзами, фабрично-заводскими комитетами, культурно-просветительными организациями, кооперативами и т. д. и подчеркивалось, что таким общим объединяющим и руководящим центром может быть только политическая партия пролетариата.

Принятая конгрессом резолюция направлена своим острием против непонимания роли коммунистической партии как авангарда пролетариата анархистами и революционными синдикалистами. В ней разъяснялась сущность и подлинно руководящая роль компартии: «Коммунистический Интернационал самым решительным образом отвергает тот взгляд, — говорилось в этой резолюции, — будто пролетариат может совершить свою революцию, не имея своей самостоятельной политической партии».[2]

Конгресс подчеркнул далее в резолюции, что «только в том случае, если у пролетариата имеется в виде руководителя организованная и испытанная партия со строго определенными целями и конкретно выработанной программой ближайших действий как в области внутренней, так и внешней политики, — завоевание политической власти не явится случайным эпизодом, а послужит отправной точкой длительного коммунистического строительства пролетариата».[3]

Высказавшись за существование в каждой стране одной единой коммунистической партии на началах демократического централизма и за построение коммунистических ячеек, конгресс предостерег компартии от сектантства, указав на необходимость установления и соблюдения коммунистическими партиями самой тесной связи с широкими массовыми рабочими организациями.

II конгресс подчеркнул в этой же резолюции, что коммунисты не должны при некоторых обстоятельствах останавливаться перед тем, чтобы принять участие и в организациях, имеющих явно реакционный характер (желтых и христианских союзах и пр.), с тем, чтобы использовать это участие для разъяснения рабочим, какими путями они могут улучшить свое положение, и для разоблачения их реакционных лидеров. Это решение конгресса легло впоследствии в основу установок Коммунистического Интернационала о работе коммунистов внутри реформистских и реакционных массовых организаций.

Конгресс высказался за построение коммунистических партий на началах демократического централизма и за сочетание

---

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 482. Партиздат, 1934.

[2] Там же, стр. 483.

[3] Там же.

в капиталистических странах методов легальной работы с нелегальной.

Эпоха империализма, новая эпоха войн и революций, диктовала необходимость создания партии нового типа, подлинно революционной партии пролетариата. Образцом такой партии нового типа явилась партия большевиков, партия, испытанная в боях, прошедшая длительную школу борьбы с оппортунизмом и центризмом на русской и международной почве, сумевшая отстоять революционный марксизм и пронести в чистоте через годы империалистической войны знамя революционного интернационализма.

Для создания партии нового типа и превращения Коммунистического Интернационала в подлинный штаб мировой пролетарской революции, в международную партию нового типа, требовалась непримиримая борьба за очищение партии от оппортунизма и центризма, нужно было заградить доступ в ряды Коммунистического Интернационала оппортунистам и ненадежным элементам центристского направления.

О необходимости повышенной настороженности и бдительности в деле приема в Коммунистический Интернационал свидетельствовало то обстоятельство, что в связи с растущим его престижем и под все усиливавшимся давлением рабочих в ряды Коммунистического Интернационала пытались было проникнуть и такие явно оппортунистические элементы, как Моррис Хилквит (США), болгарские социал-демократы «широкие» и другие.

«Промежуточные партии и группы «центра», — говорилось в тезисах Ленина об условиях приема в Коммунистический Интернационал, — видя полную безнадежность II Интернационала, пытаются прислониться ко все более крепнущему Коммунистическому Интернационалу, надеясь при этом, однако, сохранить такую «автономию», которая давала бы им возможность проводить прежнюю оппортунистическую или «централистскую» политику. Коммунистический Интернационал становится до известной степени модой».[1]

Под сильным давлением масс оппортунистические лидеры центристских партий вынуждены были повести переговоры о вступлении в Коммунистический Интернационал. Но многие из них, начав переговоры с Исполкомом Коминтерна, продолжали все еще оглядываться назад, тянулись в действительности к II Интернационалу, не расставались с тяжелым грузом социал-демократических взглядов и оппортунистических пережитков. Правая часть лидеров Независимой социал-демократической партии Германии — Криспин, Дитман, Гильфердинг, Каутский, Брейтшейд и другие оказали решительное сопротивление требованию Исполкома Коминтерна об исключении реформистских

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 279.

элементов, разделявших принципы буржуазной демократии и враждебных принципам диктатуры пролетариата и всей линии политики и тактики Коммунистического Интернационала. В требовании Коминтерна они усматривали «вмешательство» в свои «внутренние дела». Один из видных правых вождей Итальянской социалистической партии Модиниани открыто выступал против принципов пролетарской диктатуры и Коммунистического Интернационала. Точно так же Турати открыто высказывался в том смысле, что коммунистическая тактика — это тактика «безумия» и «ребячества». Тревес не возражал против вступления в Коммунистический Интернационал, но при условии, что вступившие в него партии не будут связаны его решениями.

Все эти оппортунистические вожди центристских партий стремились к обеспечению «автономии» для своих партий, что дало бы им возможность демонстрировать в торжественной обстановке международных конгрессов согласие с революционным духом решений Коминтерна, а у себя дома проводить на практике линию, идущую вразрез с этими решениями. Это мотивировалось обычно особыми «национальными условиями», «исключительными обстоятельствами», «сложившейся, особой, чрезвычайной ситуацией» и пр.

Вот почему Ленин указывал на «опасность разжижения его (Коминтерна. — *И. Ю.*) шаткими и половинчатыми группами, не разделавшимися еще с идеологией II Интернационала».[1] Вместе с тем Ленин отмечал, что в итальянской и шведской партиях осталось «значительное реформистское и социал-пацифистское крыло, которое только ожидает момента, чтобы вновь поднять голову, начать активный саботаж пролетарской революции и тем помочь буржуазии и II Интернационалу».[2]

Опасность разжижения Коммунистического Интернационала оппортунистическими и ненадежными элементами с особой отчетливостью подтверждалась и выступлениями на II конгрессе представителей правого крыла Независимой социал-демократической партии Криспина и Дитмана и левого крыла — Деймига и Штеккера. Дитман, бывший член Совета народных уполномоченных, сотрудничавший с Шейдеманом, Эбертом и Носке, выступал на II конгрессе в роли поборника революционных принципов, ссылаясь на принятие партейтагом Независимой социал-демократической партии в Лейпциге программы революционных действий с признанием принципов завоевания политической власти пролетариатом, диктатуры пролетариата и советской системы.

Криспин, другой правый лидер Независимой социал-демократической партии, выступавший на Лейпцигском партейтаге против присоединения к Коммунистическому Интернационалу

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 279.
[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 280.

как «скороспелому образованию», пытался в своем выступлении на II конгрессе уверить делегатов конгресса в том, что Каутский не пользуется в партии влиянием и по сути неопасен. Криспин выступал в роли сторонника диктатуры пролетариата и высказывался за пролетарскую революцию, оговорившись при этом, что пролетарская революция не должна повести за собой ухудшения жизненного уровня трудящихся. Криспин не отмежевался от своей позиции на Лейпцигском партейтаге по отношению к Коминтерну и утверждал, что раскол — это горькая необходимость.

Выступления представителей Независимой социал-демократической партии Германии и Французской социалистической партии были подвергнуты всесторонней и исчерпывающей критике со стороны представителей подавляющего большинства делегатов конгресса.

Особо заслуживает быть отмеченным выступление по этому вопросу одного из видных вождей коммунистической партии Венгрии Ракоши. Он показал опасность разжижения компартий и Коминтерна на опыте венгерской пролетарской революции. «Венгерская коммунистическая партия была так же, как и Российская коммунистическая партия, истинным авангардом пролетариата, — говорил в своей речи Ракоши. — С того же момента, как наша партия объединилась с социал-демократами, и благодаря этому в ее ряды влились отсталые части пролетариата и большое количество мелкой буржуазии, которая раньше наполняла социал-демократическую партию, наша партия перестала выражать волю лучшей части пролетариата».[1]

Ленин с предельной ясностью и убедительностью подверг глубокому анализу и критике правоцентристские установки и каутскианскую сущность позиции выступавших с изложением взглядов Независимой социал-демократической партии Дитмана и Криспина. Ленин показал, что независимцы делают лишь словесные уступки диктатуре пролетариата и, высказываясь за захват политической власти пролетариатом, они по существу обходят сущность вопроса о пролетарской диктатуре и продолжают в действительности стоять на почве принципов буржуазной демократии.

Указав, что Каутский оказал и оказывает громадное влияние на Криспина, на весь ход его мыслей и идей, — Ленин отчетливо подчеркнул, что «направление Криспина не соответствует Коммунистическому Интернационалу».[2]

Ленин в то же время вскрыл в своем выступлении и ошибочную позицию Серрати, который в свою очередь так же утверждал, что Турати не играет никакой роли в Итальянской социалистической партии, что надо шире распахнуть двери Коммунистического Интернационала.

---

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 61.
[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 359.

Ленин подчеркнул, что направлению Коммунистического Интернационала соответствует коммунистическое крыло Итальянской социалистической партии, органом которой являлось «Ordine Nuovo» («Новый порядок»), выходивший в Турине, а не тогдашнее «большинство руководителей социалистической партии и их парламентской фракции».[1]

В связи с выступлениями на конгрессе представителя голландских «левых» Вайнкопа и представителя Интернационала молодежи против приглашения на конгресс представителей Независимой социал-демократической партии Германии и Французской социалистической партии, Ленин терпеливо разъяснял в своей речи несостоятельность критики ими действий Коммунистического Интернационала «слева».

«Когда Каутский выступает против нас и пишет книги, — говорил Ленин, — то мы полемизируем с ним, как с врагом нашего класса. Но когда сюда является для переговоров партия независимых, выросшая, благодаря приливу революционных рабочих, то мы должны говорить с ее представителями, ибо они представляют собой часть революционных рабочих».[2]

Конгресс требовал следующих условий приема в Коммунистический Интернационал:

1. Повседневной пропаганды и агитации, как устной, так и в печати, в строгом соответствии с программой и решениями Коммунистического Интернационала;

2. Планомерного и систематического удаления с руководящих постов в партийных организациях, профсоюзах, кооперативах, парламентских фракциях, муниципалитетах, органах печати — реформистов и сторонников «центра»;

3. Сочетания, особенно в условиях гражданской войны, легальной и нелегальной форм работы и создания повсюду параллельно с легальным и партийным аппаратом — нелегального аппарата;

4. Легального и нелегального проведения систематической пропаганды в войсках;

5. Систематической работы в деревне в целях закрепления своего влияния на сельскохозяйственных рабочих и беднейших крестьян и нейтрализации своей политикой остальных слоев деревни;

6. Разоблачения не только откровенного социал-патриотизма, но и лицемерия и фальши социал-пацифизма;

7. Полного разрыва с реформизмом и политикой «центра», с Турати, Каутским, Гильфердингом, Хилквитом, Лонге, Макдональдом, Модилиани и другими оппортунистическими лидерами;

8. Проведения четкой линии партии в вопросе о колониях

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 356—360.

[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 359.

и об угнетенных национальностях, а также поддержки национально-освободительного движения в колониях и борьбы с отечественными империалистами;

9. Ведения систематической коммунистической работы в профсоюзах, в советах, кооперативах и других массовых организациях и образования внутри этих организаций коммунистических ячеек;

10. Упорной борьбы против Амстердамского Интернационала профсоюзов и поддержки международного объединения революционных профорганизаций;

11. Очищения парламентских фракций от ненадежных элементов и подчинения их центральным комитетам партий;

12. Осуществления в построении партий принципов демократического централизма и установления в них железной дисциплины;

13. Проведения систематической чистки своих рядов партиями в странах, где компартии существуют легально;

14. Оказания беззаветной поддержки каждой советской республике против контрреволюционных сил и интервенции;

15. Пересмотра в кратчайший срок старых социал-демократических программ в духе постановлений Коммунистического Интернационала;

16. Признания решений Коммунистического Интернационала обязательными для всех входящих в него партий;

17. Установления названий партий — коммунистическая партия такой-то страны (секция III Коммунистического Интернационала);

18. Опубликования в органах партийной печати всех важнейших документов Коммунистического Интернационала;

19. Созыва всеми партиями, входящими в Коммунистический Интернационал, или желающими к нему присоединиться, не позднее чем через 4 месяца, экстренных съездов своей партии для обсуждения условий вступления в ряды Коммунистического Интернационала;

20. Введения в состав центральных комитетов желающих вступить в Коммунистический Интернационал не менее $^3/_4$ членов из высказывавшихся еще ранее в пользу присоединения к Коммунистическому Интернационалу;

21. Исключения из партии тех ее членов и делегатов экстренных партийных съездов, которые принципиально отвергают 21 условие, выставленное Коммунистическим Интернационалом.

В основание 21 условия, принятых комиссией, выделенной по этому вопросу конгрессом, легли тезисы Ленина — «Условия приема в Коммунистический Интернационал». Обсуждение 21 условия заняло три пленарных заседания конгресса. Докладчиком от комиссии выступил на пленарных заседаниях конгресса 29 и 30 июля германский делегат Эрнст Мейер. 21 условие было принято подавляющим большинством голосов.

Постановка на II конгрессе вопроса о профсоюзах и о роли и задачах фабрично-заводских комитетов имела точно так же весьма важное и актуальное значение. II Интернационал и социал-демократические партии продолжали опираться на массовые профессиональные союзы. В результате усилившейся после окончания первой мировой империалистической войны тяги масс в профсоюзы, последние являлись уже организацией не только передовой части пролетариата, но и широких масс. Оппортунистические вожди во главе с Легином, Жуо, Гомперсом и другими стремились восстановить и укрепить Амстердамский Интернационал профессиональных союзов. Они проводили политику классового сотрудничества с капиталом и всячески пытались подчинить интересы рабочего класса интересам буржуазии, отвлечь рабочий класс от борьбы за осуществление своих классовых задач, подменить общие революционные цели рабочего движения частичными реформистскими требованиями.

Детская болезнь «левизны», нашедшая свое выражение в пренебрежении и прямом отказе от работы в профсоюзах еще не была изжита. Ленинские установки о необходимости борьбы за завоевание масс путем упорной, терпеливой и систематической работы внутри реформистских союзов наталкивались на сопротивление со стороны «левых» элементов в коммунистических партиях Германии, Англии, Голландии и других стран. Не было ясности в понимании задач коммунистов по вопросу о работе в профсоюзах и среди американских коммунистов, которые отказывались вести работу в союзах Американской федерации труда и настаивали на строительстве самостоятельных революционных союзов. Занимавший на II конгрессе «левые» позиции английский коммунист Галлахер указывал в своем выступлении на невозможность завоевания профсоюзов изнутри. «Профессиональное движение в Англии, — говорил Галлахер, — никогда не может быть завоевано для коммунизма. Наоборот, мы должны рассматривать эту организацию, как орудие для защиты капитализма от социальной революции». [1]

Делегат Германского всеобщего рабочего союза, отстаивавший анархо-синдикалистские позиции, старался убедить конгресс в том, что профсоюзы, «теснейшим образом связанные с производством, призваны организовать хозяйственную жизнь и взять ее в свои руки». [2]

Отказ от работы в реформистских профсоюзах встретил энергичный отпор со стороны подавляющего большинства конгресса и в первую очередь со стороны большевиков, отстаивавших установки, нашедшие исчерпывающее и блестящее выражение в выпущенной еще до конгресса работе Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

---

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 401.
[2] Там же, стр. 76.

Выступая в пользу линии на завоевание реформистских профсоюзов изнутри и против ухода из них, делегат Российской Коммунистической партии Лозовский говорил:

«И если пессимистически настроенные товарищи заявляют, что абсолютно невозможно завоевать профессиональные союзы, и если бы, с другой стороны, было верно, что во Франции и в Италии профессиональные союзы были и всегда останутся на стороне реформизма, — то такие товарищи должны признать, что в этих странах социальная революция невозможна. Надо овладеть профессиональными союзами еще до наступления социальной революции, чтобы они были основой диктатуры пролетариата...» [1]

В принятой II конгрессом резолюции была дана яркая характеристика антирабочей, соглашательской политики оппортунистических лидеров реформистских профсоюзов и осуждался уход коммунистов из профсоюзов, поскольку это означало изоляцию от масс и оставление рабочих под влиянием и руководством реформистских руководителей профсоюзов.

Конгресс указал, что «коммунисты должны во всех странах входить в профессиональные союзы для того, чтобы сделать из них сознательные органы борьбы за ниспровержение капитализма и за коммунизм». [2]

Осуждая уход из профсоюзов, конгресс признал, что «всякое добровольное устранение от профессионального движения, всякая искусственная попытка создания особых союзов без вынуждения к тому исключительными актами насилия профессиональной бюрократии (роспуск отдельных революционных местных отделений союзов оппортунистическими центрами), или ее узкой аристократической политикой, закрывающей широким массам малоквалифицированных рабочих доступ в организацию, — представляет собой громадную опасность для коммунистического движения». [3] В то же время конгресс внес ясность и уточнил вопрос об отношении к революционным проморганизациям, существовавшим на ряду с реформистскими союзами. Этот вопрос был особенно актуален в то время для США, где одновременно с Американской федерацией труда существовал союз Индустриальные рабочие мира, и для Канады, где возник Единый большой союз. В соответствии с настояниями выступавшего на II конгрессе американского делегата Джона Рида и других конгресс указал в резолюции, что «там коммунисты обязаны поддерживать эти революционные профессиональные союзы, помогать им отказаться от синдикалистских предрассудков и стать на почву коммунизма...» [4] Вместе с тем конгресс признал необходимым оказать поддержку движению

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 358—361.

[2] Там же, стр. 516.

[3] Там же, стр. 516.

[4] Там же, стр. 517.

фабрично-заводских старост в Англии, указав при этом, что поддержка революционных профорганизаций «не должна означать ухода коммунистов из оппортунистических профессиональных союзов»,[1] что коммунисты должны стремиться к созданию полного единства между профессиональными союзами и коммунистической партией и «подчинить профессиональные союзы фактическому руководству партии, как авангарда рабочей революции».[2] Задача эта должна была быть осуществлена путем организации в профсоюзах и фабрично-заводских комитетах коммунистических фракций с тем, чтобы «идейно овладеть при их помощи профессиональным движением и руководить им».[3]

«Задача коммунистов состоит в том, — говорится в резолюции II конгресса, — чтобы и профсоюзы, и фабрично-заводские комитеты наполнить одним и тем же духом решительной борьбы, сознанием и пониманием самых лучших методов этой борьбы, т. е. духом коммунизма».[4]

Определяя задачи фабрично-заводских комитетов, конгресс отметил, что борьба за рабочий контроль фабрично-заводских комитетов «подводит рабочий класс к борьбе за захват власти»,[5] что «фабрично-заводские комитеты организуются для рабочего контроля над производством, для борьбы против хозяйственной разрухи, охватывают всех рабочих на предприятиях».[6] Стремясь выхолостить в ряде стран (Германия, Англия) боевое содержание и боевой характер в деятельности фабрично-заводских комитетов, руководивших зачастую вопреки воле и через голову профсоюзов боевыми стачками рабочих, реакционные лидеры профсоюзов всячески пытались сузить роль и размах движения фабрично-заводских комитетов, втиснуть их в рамки существующих профсоюзов, подчинить своему влиянию и организационному руководству. В решении конгресса указывается, что лишь по мере того как профсоюзы преодолевают реакционные тенденции своей бюрократии и становятся боевыми классовыми органами, — коммунисты должны поддерживать стремление к превращению фабрично-заводских комитетов в фабрично-заводские низовые организации профсоюзов.

Исторические решения II конгресса Коммунистического Интернационала о необходимости упорной систематической и терпеливой работы в реформистских профсоюзах давали ключ к разрешению проблемы завоевания широких масс на сторону пролетарской революции.

Пробуждению освободительного движения в колониальных и полуколониальных странах и обсуждению национально-колониальной проблемы было отведено II конгрессом исключительно

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 518.
[2] Там же, стр. 518.
[3] Там же, стр. 518.
[4] Там же, стр. 520.
[5] Там же, стр. 520.
[6] Там же, стр. 520.

большое место и внимание. Это было тем более необходимо, что революционное движение на Востоке стало принимать к тому времени внушительные размеры.

«Восток зашевелился, — писал товарищ Сталин, — и мы имеем теперь перед собой на Востоке целый ряд освободительных движений, направленных против Антанты, против империализма».[1]

Конгресс подошел к разрешению национально-колониального вопроса под углом зрения обеспечения союзников и резервов пролетарской революции.

В основу работ комиссии, выделенной конгрессом по национальному и колониальному вопросам, лег ленинский «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам». В этом наброске Лениным были учтены и использованы присланные Сталиным с южного фронта замечания, касающиеся вопроса о переходных формах сближения трудящихся разных наций и сводившихся к предложению внести в тезисы, на ряду с вопросом о федерации, также вопрос о конфедерации.

Ленин поставил вопрос о том, должны ли отсталые колониальные народы неизбежно пройти стадию капиталистического развития, и подчеркнул возможность некапиталистического пути развития для колониальных стран, указав, что после осуществления диктатуры пролетариата в передовых капиталистических странах развитие колониальных стран пойдет совершенно иными, новыми путями. «Если революционный, победоносный пролетариат, — говорил на II конгрессе Ленин, — поведет среди них систематическую пропаганду, а Советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей».[2]

Направляя огонь против буржуазного национализма и социал-шовинизма, Ленин подверг критике люксембургианские взгляды на национально-колониальный вопрос и недооценку национально-колониальной проблемы. Конгресс выдвинул в своем решении в качестве основного лозунга — право наций на самоопределение вплоть до отделения и призвал компартии к поддержке национально-освободительного движения.

В своем выступлении 26 июля на пленуме конгресса от имени комиссии по национальному и колониальному вопросам Ленин подчеркнул огромное значение и задачи компартий в этой области. Ленин показал, что отличительной чертой империализма является то, что весь мир разделен на «большое число угнетенных народов и ничтожное число народов уг-

---

[1] Сталин. Сб. Об Октябрьской революции, стр. 32, 1932.

[2] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 101—102.

нетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой», что свыше миллиарда населения принадлежит к числу угнетенных народов, находящихся в «непосредственной колониальной зависимости, или относятся к окраинным колониальным государствам, как напр. Персия, Турция, Китай, или же, будучи побеждены армией крупной империалистической державы, по договорам оказались в зависимости от нее».[1]

Ленин ставил вопрос о поддержке не всякого национального, буржуазно-демократического движения в отсталых странах. Ленин подчеркивал, что задача коммунистов — «поддерживать буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых. Если же нет налицо и этих условий, то коммунисты должны в этих странах бороться против реформистской буржуазии, к которой принадлежат и герои II Интернационала».[2]

Ленинско-сталинские установки в разрешении национально-колониальной проблемы встретили живой отклик и энергичную поддержку со стороны выступавших на конгрессе представителей Китая, Кореи, Персии, Голландской Индии, Турции, Индии и др. стран. Представители европейских стран и трудящихся колониальных и зависимых стран подчеркивали в своих выступлениях, что сочетание революционной борьбы рабочих империалистических стран с национально-революционным движением угнетенных народов является лучшим залогом успеха в борьбе против империализма и всех форм национального угнетения.

Резким диссонансом прозвучало выступление на конгрессе Серрати, который усмотрел в постановке в тезисах вопроса о поддержке коммунистами национально-революционного движения в колониальных странах и о возможности заключать временные союзы с национальной буржуазией опасность для чистоты классовых принципов коммунистических партий.

Высказываясь против ленинских установок по этому вопросу, Серрати усиленно подчеркивал, что рабочий класс может использовать революционное движение «буржуазного характера», но что он не должен в отсталых странах поддерживать национальную «буржуазию под угрозой потери своей классовой позиции». «Истинная революция угнетенных народов, — говорил он, — может быть достигнута только при помощи пролетарской революции и советской власти, а не при помощи поддержки (хотя бы косвенной, в форме временных союзов) коммунистами буржуазных партий, называемых революционно-националистическими».[3]

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 354.
[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 353.
[3] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 155.

После исчерпывающих прений на пленарных заседаниях конгресса 26 и 28 июля резолюция по национально-колониальному вопросу была принята конгрессом единодушно при 3 воздержавшихся. В числе последних были Серрати и Пестанья, от анархо-синдикалистской национальной конфедерации труда Испании.

В принятой конгрессом по национальному и колониальному вопросам резолюции указывалось на необходимость «вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны или революционно-освободительного движения в отсталых странах или среди отсталых национальностей».[1]

Конгресс отметил далее, что коммунистические партии должны поставить во главу угла «точный учет исторически конкретной и прежде всего экономической обстановки», «отчетливое выделение интересов угнетенных классов, эксплуатируемых, из общего понятия народных интересов вообще, означающего интересы господствующего класса» и «такое же отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных, в противовес буржуазно-демократической лжи, которая затушевывает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран».[2]

Конгресс вменил коммунистам в обязанность неустанно разоблачать факты нарушения равноправия наций и гарантии прав нацменьшинств, несмотря на «демократические» конституции, разъяснять, что «только советский строй в состоянии дать на деле равноправие наций».[3]

Конгресс отметил вместе с тем необходимость самой энергичной борьбы с «наиболее закоренелыми мелкобуржуазными национальными предрассудками (которые проявляются во всевозможных формах, как например, расовая ненависть, национальная травля, антисемитизм)...»[4]

Решения конгресса обязали коммунистические партии, особенно тех стран, от которых отсталые нации зависят в колониальном или финансовом отношении, оказывать поддержку национально-освободительному движению, проявлять особую осторожность к «пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях», и «итти на из-

---

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 492, Партиздат, 1934.

[2] Там же, стр. 491.

[3] Там же, стр. 493.

[4] Там же.

вестные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков».[1]

В решениях конгресса отмечалось также, что коммунистические партии должны работать в тесном контакте с пролетарскими партиями в колониях и через них оказывать моральную и материальную помощь и поддержку революционному движению в целом. Конгресс указал в своем решении на необходимость «вступать во временные соглашения, даже в союзы, с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней, а безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения, даже в самой зачаточной его форме».[2]

Это решение заслуживает тем большего внимания, что II Интернационал явно игнорировал национальный и колониальный вопросы. «Вместо того, чтобы оказывать моральную и материальную помощь революционному движению в колониях, члены II Интернационала сами превратились в империалистов».[3]

Под углом зрения обеспечения союзников и резервов пролетарской революции подошел II конгресс и к разрешению аграрного вопроса. Решение конгресса дает ключ к правильному пониманию и последовательному разрешению этого сложного и важнейшего вопроса, затрагивающего миллионные массы крестьянства, ближайшего союзника пролетариата в социалистической революции.

Конгрессом был учтен опыт разрешения аграрного вопроса в Советской России и серьезные ошибки, допущенные Венгерской советской республикой.

Разработанный Лениным «Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу» был принят конгрессом за основу и передан на редакцию в комиссию. Представленные на пленарное заседание конгресса 4 августа Эрнстом Мейером, тезисы были приняты конгрессом единогласно при одном воздержавшемся.

Воздержавшимся от голосования оказался Серрати, который в своих выступлениях в комиссии, а затем на самом конгрессе, высказывался против ленинских установок о разделе земли крупных землевладельцев для привлечения крестьянства на сторону пролетарской революции, мотивируя свои возражения тем, что опыт разрешения аграрного вопроса в Советской России не может быть использован в передовых европейских странах. В аграрной комиссии конгресса и на пленуме конгресса Ленину пришлось выступить против Серрати, считавшего, что тезисы являются «не вполне соответствующими запросам революции на Западе».[4]

---

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 496.
[2] Там же, стр. 495.
[3] Там же, стр. 497.
[4] Там же, стр. 382.

II конгресс Коммунистического Интернационала дал в своих решениях анализ классовой борьбы в деревне, вскрыл роль и контрреволюционную сущность кулачества и на ряду с этим определил роль беднейшего и среднего крестьянства.

Конгресс определил ту позицию, которую пролетариат должен занять конкретно по отношению к каждой отдельной группе крестьянства до и после завоевания политической власти, на какие слои крестьянства ему ориентироваться в своей борьбе, на какие силы крестьянства пролетариат может и должен рассчитывать.

Подчеркнув, что пролетариат должен выступить как авангард всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение эксплуататорских классов, Ленин в своих тезисах дал анализ отдельных групп крестьянства с точки зрения их отношения к революционной борьбе рабочего класса.

В оценке Ленина основным союзником пролетариата являются сельскохозяйственные рабочие, добывающие себе средства к существованию работой по найму в капиталистических сельскохозяйственных и связанных с ними промышленных предприятиях.

Сельскохозяйственные рабочие должны поэтому стать опорой революционного движения в деревне, задача коммунистических партий заключается в привлечении их на сторону пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

Не менее важной задачей коммунистических партий является обеспечение влияния и привлечения на сторону пролетарской революции полупролетариев или парцельных крестьян. Эта группа трудящихся деревни весьма многочисленна в капиталистических странах и близка к пролетариату.

Работая на собственных или арендуемых клочках земли и не имея возможности добывать себе достаточные средства к существованию, этот слой крестьянства вынужден искать себе работу в сельскохозяйственных и промышленных предприятиях.

Коммунистические партии должны привлечь на сторону пролетарской революции и третью группу трудящихся деревни — мелкое крестьянство, не применяющее чужой наемной рабочей силы. Эта группа крестьянства заинтересована в победе пролетарской революции, так как последняя несет ей освобождение от платежа арендной платы или испольной доли урожая, от ипотечных долгов, от различных форм зависимости от крупных землевладельцев и, что особенно важно, помощь пролетарской государственной власти в их хозяйстве.

В решении конгресса подчеркивается, что до полной победы пролетарской революции возможны и даже неизбежны колебания мелкого крестьянства в сторону использования прав частной собственности и что при твердой и правильной политике и пролетарской помощи мелкое крестьянство будет на стороне пролетарской революции.

Резолюции конгресса подчеркивают, что «за исключением сельских рабочих, которые уже теперь стоят на стороне революции, разрозненное, забитое, придавленное, осужденное во всех, даже наиболее передовых, странах на полуварварские условия жизни, сельское население вышеназванных трех категорий, будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, способно решительно поддержать революционный пролетариат лишь после завоевания пролетариатом политической власти, лишь после решительной расправы его с крупными землевладельцами и капиталистами, лишь после того как эти задавленные люди увидят на практике, что у них имеется организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства, для указания им верного пути».[1]

В отношении среднего крестьянства в резолюции конгресса устанавливалось, что эта группа крестьянства, имеющая не только возможность обеспечить себе скудные средства к существованию, но и получать известные излишки и зачастую прибегать к найму рабочей силы, не может быть, по крайней мере в начале периода диктатуры пролетариата, привлечена на сторону рабочего класса.

Задача коммунистических партий ограничивается нейтрализацией среднего крестьянства в этот период.

Победа пролетарской революции принесет этой группе крестьянства уничтожение арендной платы ипотеки, передаст ей машины, обеспечит применение электроэнергии в сельском хозяйстве и улучшит положение среднего крестьянства.

В резолюции конгресса отмечалось далее, что совершенно иным должно быть отношение к зажиточному и кулацкому крестьянству, являющемуся по своему экономическому и социальному положению прямым врагом пролетарской революции.

Решительная борьба с этой группой крестьянства за освобождение трудящегося и эксплоатируемого большинства сельского населения из-под идейного и политического влияния этого слоя крестьянства, подавление сопротивления, саботажа и вооруженных контрреволюционных его выступлений — таковы задачи коммунистических партий в отношении этого слоя крестьянства.

Что касается помещиков, крупных землевладельцев, то в резолюции конгресса требовалась немедленная и безусловная конфискация их земель без всякого вознаграждения за экспроприируемые у них земли.

Установление союза с основными массами крестьянства и пролетарское руководство крестьянским движением — вот важнейшая и неотложная задача, поставленная конгрессом перед

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 525.

коммунистическими партиями, обеспечивающая привлечение на сторону пролетариата крестьянства как союзника в пролетарской революции.

Решения конгресса определили, какова должна быть политика пролетарской диктатуры в области аграрного вопроса, и наметили путь перехода от мелкого распыленного крестьянского хозяйства к крупным коллективным формам сельского хозяйства.

Конгресс разъяснил причины уклонения партий II Интернационала, опирающихся на развращенную империалистическими привилегиями «рабочую аристократию», от революционной работы среди трудящихся масс деревни и показал причины их соглашательства с буржуазией, с крупным и средним крестьянством. Вместе с тем конгресс наметил те мероприятия, которые должны быть проведены пролетарской диктатурой в пользу среднего крестьянства и обеспечить успех политики его «нейтрализации».

В решении конгресса указывается далее на необходимость преимущественного сохранения для передовых капиталистических стран крупных сельскохозяйственных предприятий и ведения их по типу советских хозяйств в Советской России. Кроме того, конгресс отметил необходимость образования коллективных хозяйств (сельскохозяйственных артелей, коммун), поскольку это в интересах безземельных сельскохозяйственных рабочих и парцельных крестьян, добывающих себе пропитание главным образом наемной работой в крупных хозяйствах.

Вместе с тем конгресс признал, что в тех странах, где крупное сельское хозяйство играет сравнительно незначительную роль и где существует большое количество мелких крестьян, стремящихся к получению земли, — «раздел земли крупных землевладельцев есть вернейшее средство привлечь крестьянство на сторону революции».[1] Это относилось прежде всего к странам с большим количеством мелких крестьян, добивающихся получения земли, и к странам, где крупное сельскохозяйственное производство играет сравнительно незначительную роль.

В решении конгресса были сформулированы и задачи компартий и профсоюзов сельскохозяйственных рабочих в деле повышения классовой сознательности трудящихся слоев крестьянства, организации их совместной с пролетариатом борьбы и обеспечения победы пролетарской революции.

Решения конгресса по аграрному вопросу внесли ценнейший вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма и вооружили революционный пролетариат тактическими и стратегическими установками в борьбе за резервы и союзников пролетарской революции.

---

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 529.

Под углом зрения борьбы за массы подошел II конгресс и к вопросу о вхождении английских коммунистов в Рабочую партию.

Вопрос о вхождении коммунистов в Рабочую партию Англии вызвал сильное сопротивление со стороны лево-коммунистических и синдикалистских элементов. Особенно энергично выступили против вхождения в Рабочую партию Сильвия Панкхерст от английской Социалистической федерации рабочих и Галлахер и Теннер от Комитетов фабрично-заводских старост.

«Я думаю, — говорила Панкхерст на конгрессе, — что если мы предложим партиям, чтобы они примкнули к Рабочей партии и связали себя общей дисциплиной и действием, то тем самым мы отдадим судьбу английской пролетарской революции в руки старых тред-юнионов». [1]

Выступавший за вступление в Рабочую партию Мак-Лейн от Британской социалистической партии (переименованной 2—3 августа 1920 г. в коммунистическую партию) отметил, что было бы актом самоубийства отказаться от возможности вести пропаганду в тред-юнионах и повсюду, используя этот большой аппарат», [2] но что коммунисты должны вступить в Рабочую партию, «лишь при условии, если коммунистическая партия сохраняет за собой свободу в области ведения коммунистической пропаганды и организации». [3] Позиция противников вхождения коммунистов в Рабочую партию была подвергнута Лениным внимательному анализу и товарищеской критике. В своем выступлении 6 августа 1920 г. Ленин старался убедить «левых» в ошибочности их позиции, поскольку Рабочая партия Англии не представляла собой партию в обычном смысле, а являлась «своеобразной четырехмиллионной рабочей организацией, наполовину профессиональной, наполовину политической и руководимой буржуазными вождями». Ленин исходил в своей позиции из того, что вхождение коммунистов в Рабочую партию открыло бы им путь к общению с широкими массами и позволило бы использовать представлявшуюся всей структурой Рабочей партии благоприятную возможность ведения коммунистической пропаганды внутри Рабочей партии. Вместе с тем Ленин указал на необоснованность опасений Галлахера, что вступление в Рабочую партию оттолкнуло бы лучшие элементы английских рабочих. Ленин подчеркнул при этом, что задача сторонников Коммунистического Интернационала в Англии заключается в стремлении «к созданию настоящей политической партии рабочего класса», [4] что обязанность всех сторонников Галлахера и Панкхерст — вступить в ее ряды, что «настоящая революцион-

---

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 439.
[2] Там же, стр. 57.
[3] Там же, стр. 58.
[4] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 369.

ная партия только тогда может быть создана, когда она впитает в себя все лучшие элементы революционного класса и использует каждую возможность для борьбы против реакционных вождей там, где они себя проявляют». [1]

Противники вхождения коммунистов в Рабочую партию продолжали все же упорствовать и собрали довольно значительное количество голосов. Резолюция, одобрявшая вхождение коммунистов в Рабочую партию, была принята большинством 58 против 24 голосов, при 2 воздержавшихся от голосования.

Оппортунистические ошибки «слева» и весь тяжелый груз анархистских и анархо-синдикалистских пережитков нашли на конгрессе не менее отчетливое выражение в выступлениях представителей «Индустриальных рабочих мира» США, фабрично-заводских старост Англии, Национальной конфедерации труда» Испании и «левых» коммунистов Италии, Швейцарии, Германии, Англии по вопросу о парламентаризме.

Выступая против содокладчика по вопросу о парламентаризме «левого» коммуниста Бордиги и вскрывая ошибочность его позиции, Ленин пытался переубедить сторонников антипарламентаризма и найти общий язык с теми, кто не изжил еще путаницы и непонимания важности и необходимости использования буржуазного парламента в интересах подготовки масс к пролетарской революции.

Такой подход к «левым» в деле исправления их ошибок вытекал из того, что Ленин усматривал в антипарламентаризме течение, которое «поддерживается некоторыми передовыми отрядами пролетариата из ненависти к старому парламентаризму, из законной, правильной, необходимой ненависти к поведению парламентских деятелей в Англии, во Франции, в Италии, во всех странах». [2]

В своем выступлении на конгрессе 2 августа Ленин подвергнул анализу и критике сущность антипарламентских настроений, указав при этом, что «слабость очень многих новых коммунистических партий заставляет их отрицать парламентскую работу».

Большинством (против 7 голосов) конгресс принял предложенный комиссией проект резолюции, тезисы же Бордиги получили 3 голоса.

Резолюция конгресса осуждала старую социал-демократическую теорию, признававшую необходимость завоевания большинства в парламентах для овладения государственной властью. Конгресс отметил в своей резолюции, что «парламентаризм, как государственная система, стал «демократической» формой господства буржуазии, нуждающейся, на определенной ступени

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 369.
[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 344.

развития, в фикции народного представительства, которое внешне выступает как организация внеклассовой «народной воли», по существу же является орудием подавления и угнетения в руках господствующего капитализма». [1]

Подчеркнув, что задачей коммунистической партии является не завоевание большинства в буржуазном парламенте для овладения государственной властью, а всемерное использование парламента как трибуны для революционных выступлений, — конгресс указал в резолюции, что центр тяжести революционного движения пролетариата лежит в массовых выступлениях и в революционной борьбе вне парламента. Этой задаче должна была быть подчинена революционная работа коммунистов в парламентах.

Высказавшись за революционное использование парламентаризма в духе большевиков, конгресс решительно отверг позицию «принципиального антипарламентаризма», указав, что отказ от парламентской деятельности является выражением неверия в силы коммунистического авангарда, в его революционную сплоченность и дисциплину.

Конгресс признал необходимым обеспечить контроль со стороны партии над коммунистическими фракциями в парламентах, требовал проявления систематической заботы о подборе состава коммунистических фракций, настаивал на выдвижении кандидатами в депутаты рабочих, выявлении и устранении примазывающихся к компартиям карьеристских элементов. Конгресс особо подчеркнул необходимость сочетания коммунистическими депутатами легальной и нелегальной работы и подчинения своих парламентских выступлений внепарламентской работе партии. «Депутаты-коммунисты, — говорилось в резолюции, — должны использовать парламентскую трибуну для разоблачения не только буржуазии и ее открытых прихвостней, но и социал-патриотов, реформистов, половинчатых политиков «центра» и других противников коммунизма и для широкой пропаганды идей III Интернационала». [2]

Бурный подъем революционного движения в капиталистических странах и возникновение советов в ряде стран вызвали необходимость обсуждения и разрешения конгрессом вопроса о том, где, когда и при каких условиях можно и должно создавать советы. Возникнув впервые на гребне массовой революционной борьбы 1905 года в России, советы явились в тот период революционными органами мобилизации и организации масс для борьбы за власть. После победоносной Октябрьской революции 1917 года советы превратились в непосредственные органы пролетарской власти. Без революции советы могут превратиться в руках социал-демократов в орудие буржуазного

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 507, Партиздат, 1934.

[2] Там же, стр. 513.

влияния на массы, в рычаг борьбы против пролетарской революции.

Вопрос об условиях образования советов имел в тот период весьма актуальное значение, тем большее, что центристские вожди в Германии пытались объединить систему советов с системой буржуазной демократии и выхолащивали революционную сущность советов.

В Германии и Австрии социал-шовинистские лидеры социал-демократических партий, захватив советы в свои руки, превратили их в орудие политики соглашательства с буржуазией и придаток к Национальному собранию.

В ряде стран коммунисты и революционно настроенные рабочие предпринимали попытки образовать советы без учета конкретной политической ситуации. В январе 1919 г. секция союза металлистов в Цюрихе (Швейцария) образовала под влиянием «левых» Совет рабочих депутатов, но он вскоре прекратил свое существование.

В 1918 г. в Нью-Йорке, Детройте и других городах США возникли рабочие советы, которые в большинстве очутились в руках анархиствующих элементов из русских выходцев. Советы здесь являлись по существу не боевой политической, а профсоюзной организацией, лишенной к тому же влияния на широкие массы американских рабочих.

Учитывая все эти обстоятельства и накопившийся опыт в организации советов, конгресс установил, что создание советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возможно лишь в условиях: «а) массового революционного подъема среди самых широких кругов рабочих и работниц, солдат и трудящегося населения вообще; б) обострения экономического и политического кризиса в такой мере, что власть начинает ускользать из рук прежнего правительства; в) когда в рядах значительных слоев рабочих и прежде всего в рядах коммунистической партии созрела серьезная решимость начать решительную систематическую и планомерную борьбу за власть». [1]

Сформулировав эти условия, конгресс подчеркнул, что «при отсутствии этих условий коммунисты могут и должны систематически и настойчиво *пропагандировать* идею советов, *популяризировать* ее в массах, доказывать самым широким слоям населения, что советы — единственная целесообразная форма государства, переходного к полному коммунизму. Но приступить к *непосредственной* организации советов при отсутствии указанных условий невозможно». [2]

Конгресс решительно высказался также против сочетания системы советов с системой буржуазной демократии, указав, что попытки независимых — Гильфердинга, Каутского и других

---

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 533, Партиздат, 1934.

[2] Там же.

«доказать совместимость «системы советов» с буржуазным Учредительным собранием есть либо полное непонимание законов развития пролетарской революции, либо сознательный обман рабочего класса. Советы — это диктатура пролетариата. Учредительное собрание — это диктатура буржуазии. Соединить и примирить рабочих с диктатурой буржуазии невозможно». [1]

Конгресс предостерег против попыток создания советов при отсутствии революционной ситуации, указав, что «действительные советы возможны только как форма государственной организации, идущей на смену буржуазной демократии, ломающей буржуазную демократию и заменяющей ее рабочей диктатурой». [2]

Единодушное принятие резолюции по вопросу об условиях образования советов наглядно показало, как глубоко идея советов проникла в массы и насколько безраздельно она завоевала всеобщее признание в среде революционного пролетариата.

II Конгресс принял устав Коммунистического Интернационала. Уже в отчете Исполкома Коминтерна II конгрессу отмечалось, что «Коммунистический Интернационал должен сложиться теперь, как сплоченная централизованная международная пролетарская организация, которая должна иметь не только совершенно ясную программу, но и совершенно точную тактику и совершенно оформленную отчетливую организацию». [3]

Коммунистический Интернационал рассматривал себя как единую мировую компартию и поэтому считал для себя не только допустимым, но и необходимым «вмешиваться» в работу своих секций в той мере, в какой это касается вопросов, имеющих международное и принципиальное значение.

Коммунистический Интернационал исходил при этом из той предпосылки, что без строго организованной и централизованной партии рабочий класс не сумеет успешно отстаивать дело пролетарской революции и противостоять своим классовым врагам. Подтверждением этого служил опыт пролетарской революции и гражданской войны в Советской России и в Советской Венгрии.

Устав предусматривал существование в каждой стране лишь одной коммунистической партии, секции Коммунистического Интернационала.

Далее в уставе говорилось о роли конгрессов как верховных органов Коминтерна и Исполнительного комитета с его президиумом. Последний должен был являться руководящим органом Коминтерна в промежутках между конгрессами, направлять и контролировать работу секций Коминтерна.

---

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 533, Партиздат, 1934.

[2] Там же, стр. 613.

[3] Там же.

Уставом предусматривался созыв пленумов Исполкома Коминтерна с привлечением представителей отдельных секций.

Конгресс заключил свои работы выборами Исполнительного Комитета и принятием манифеста, который заканчивался следующим пламенным боевым призывом: «На земле есть только одно знамя, заслуживающее того, чтобы бороться и умирать под ним. Это знамя Коммунистического Интернационала».[1]

Ленин придавал огромное значение II конгрессу и его решениям.

Подводя итоги II конгресса, Ленин в статье «II конгресс Коммунистического Интернационала» отметил, что за короткое время со времени I конгресса были «достигнуты громадные, решающие успехи», что если на I конгрессе было лишь «водружено знамя коммунизма, вокруг которого должны были собираться силы революционного пролетариата», то в период между I и II конгрессами огромный рост сочувствия в массах коммунизму заставил выйти из II Интернационала Французскую социалистическую партию, Независимую рабочую партию Англии и пр. «Во всех передовых странах Европы и Америки есть уже коммунистические партии или многочисленные коммунистические группы, — писал Ленин. — И на закончившемся 7 августа конгрессе сплотились уже не только передовые предвозвестники пролетарской революции, а делегаты крепких и могучих организаций, связанных с массами пролетариев. Всемирная армия революционного пролетариата — вот что стоит теперь за коммунизм, вот что получило свою организацию, ясную, точную, подробную программу действий на закончившемся конгрессе».[2]

Второй конгресс явился крупнейшим этапом на пути развития Коммунистического Интернационала и коммунистических партий. Разработкой стратегических, тактических и организационных задач и выдвинутыми условиями для приема в ряды Коммунистического Интернационала II конгресс вооружил марксистско-ленинскими установками международный пролетариат в борьбе за свое социальное освобождение.

Если I конгресс заложил фундамент Коммунистического Интернационала, то II конгресс, собравшийся в момент наивысшего подъема революционной борьбы международного пролетариата, в момент, когда Красная армия была на подступах к Варшаве, фактически и в полной мере явился учредительным конгрессом Коммунистического Интернационала.

II конгресс Коммунистического Интернационала открыл собою полосу упорной и напряженной борьбы за полное и окончательное идейное и организационное размежевание внутри социалистических партий, полосу развернутого наступления против центризма и детской болезни «левизны» в коммунизме.

---

[1] Протоколы II конгресса Коммунистического Интернационала, стр. 565.
[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 370.

ПОСЛЕ II КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Решения II конгресса вызвали новый взрыв бешеной кампании со стороны буржуазии во всех странах против Коммунистического Интернационала, большевизма и Советской России. Буржуазные журналисты всех политических направлений, от крайних реакционеров до демократов и радикалов, предостерегали от растущей опасности большевизма и «диктатуры Москвы», призывали к сплочению всех сил для совместной защиты «цивилизации» и «культуры» от «московского варварства». В унисон с буржуазией выступали лидеры II Интернационала и социалистических партий. Поднятая реформистскими лидерами кампания инсинуаций и клеветы приняла такой разнузданный характер, что с трудом представлялось возможным установить какие-либо грани, которые отделяли реформистскую печать от реакционной буржуазной прессы.

Выдвинутое II Конгрессом 21 условие вызвало разочарование и протесты со стороны центристских элементов, пытавшихся было проникнуть в ряды Коммунистического Интернационала, чтобы под прикрытием «автономии» входящих в него партий продолжать на деле свою прежнюю реформистскую политику.

На телеграфный запрос корреспондента буржуазной газеты «Daily News» («Ежедневные новости») Сегрю Ленин, в связи с поднятой широкой антибольшевистской кампанией, писал в своем ответе от ~~15 августа~~ 1920 г.: Н8.IX.

«Естественно, что каутскианцы, вроде Криспина и Дитмана, недовольны большевизмом. Было бы печально, если бы такие люди были довольны нами... Плох был бы III Коммунистический Интернационал, если бы он допустил вхождение в его ряды Дитманов немецкого, французского или какого угодно иного образца».[1]

Реформистам и центристам Германии, Франции, Англии, Италии, Скандинавии и др. стран не удалось преодолеть тягу масс к Коммунистическому Интернационалу и дискредитировать последний в глазах масс. Им не удалось также сорвать решение II конгресса Коммунистического Интернационала о 21 условии для приема в состав Коминтерна, имевших огромное идейно-политическое значение для кристаллизации и формирования коммунистических партий и для углубления идейного размежевания в рабочем движении. Попытка проникнуть в ряды Коммунистического Интернационала и зайти в тыл большевизму и Коммунистическому Интернационалу после неудавшихся лобовых атак натолкнулась на 21 условие и окончилась безуспешно.

Вся полоса между II и III конгрессами Коммунистического Интернационала была полосой ожесточенной и развернутой

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 375.

борьбы буржуазии и реформистов против Коммунистического Интернационала и решений II конгресса. Борьба эта протекала в обстановке начавшегося спада высокой волны революционного подъема, совпавшего во второй половине 1920 г. с мировым экономическим кризисом и наступлением буржуазии на все основные завоевания рабочего класса периода революционного натиска.

Начавшийся с середины 1920 г. мировой экономический кризис усугубился обострившимися противоречиями мирового капиталистического хозяйства и особенно тем обстоятельством, что Советская Россия оказалась вне мирового капиталистического товарооборота.

Мировой экономический кризис нашел свое выражение в приостановке работы предприятий, сокращении производства, огромном росте безработицы. На фоне развернувшегося экономического кризиса началось широкое наступление капитала. Это наступление было направлено на отмену 8-часового рабочего дня, уменьшение заработной платы, сведение на-нет коллективных договоров и ликвидацию всех основных завоеваний рабочего класса в области социального законодательства.

Ликвидация социальных и экономических завоеваний пролетариата сопровождалась широким наступлением против компартий, революционных профорганизаций и других классовых объединений пролетариата. В разгроме компартий и революционных профорганизаций активную роль сыграли созданные буржуазией боевые контрреволюционные и штрейкбрехерские организации. С помощью Общества Технической помощи в Германии, «соматенов» в Испании, «гражданских лиг» в Бельгии, Американского легиона и Ку-клукс-клана в США буржуазия ставила себе целью отбросить рабочий класс назад, восстановить за счет понижения жизненного уровня трудящихся масс подточенные силы капитализма, парализовать политическую активность пролетариата, уничтожить компартии и революционные пролетарские организации, предотвратить опасность пролетарской революции.

Реформисты и центристы со все большей откровенностью, упорством и ожесточением выступали теперь в обстановке начавшегося отлива высокой волны революционного движения против принципов пролетарской диктатуры и пролетарской революции, против «диктатуры Москвы», всячески маневрируя, прикрывая свои атаки против большевизма и Коммунистического Интернационала революционной фразеологией, а также требованиями «автономии» и «невмешательства» Коммунистического Интернационала во «внутренние дела» партии.

Атаки против Коммунистического Интернационала носили на этот раз особенно ожесточенный характер потому, что 21 условие возводило крепкий барьер против стремлений реформистов и центристов идейно и организационно разложить Коммунистический Интернационал. 21 условие проводило глубокий во-

водораздел между реформистскими и центристскими элементами, с одной стороны, и подлинно революционными, коммунистическими — с другой.

«Сначала коммунисты должны были на весь мир провозгласить свои принципы, — писал Ленин позднее в своем «Письме к немецким коммунистам». — Это сделано на I конгрессе. Это первый шаг. Вторым шагом было организационное оформление Коммунистического Интернационала и выработка условий приема в него, — условий отделения на деле от центристов, от прямых и косвенных агентов буржуазии внутри рабочего движения. Это сделано на II конгрессе».[1]

Решения II конгресса Коммунистического Интернационала по вопросу о роли компартии до и после пролетарской революции, по профсоюзному вопросу, по аграрному и национально-колониальному вопросам внесли богатейший идейно-тоеретический вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма, легли в основу политики и тактики компартий в их борьбе за завоевание масс на сторону пролетарской революции. Эти решения не потеряли своей актуальности и сейчас. Обсуждение тезисов и решения, вынесенные на II конгрессе Коминтерна, заставили лучшие революционные элементы из центристских партий, равно как и из лагеря «левых», крепко призадуматься и подвергнуть тщательной ревизии свои принципиальные установки.

В своих воспоминаниях о Великой Октябрьской социалистической революции один из представителей английских «левых» на II конгрессе Коминтерна, Галлахер, ныне один из руководителей английской компартии и коммунистический депутат английского парламента, пишет по поводу ошибочности своих «левых» позиций на II конгрессе следующее:

«Когда я вступил в спор о политической и профсоюзной резолюции, мне здорово досталось. Некоторые из моих «наилучших» аргументов были очень легко разбиты. Оппоненты не упускали возможности вставить острую реплику в мое выступление. Разумеется, я огрызался, и спор разгорался все сильнее. Чувствуя, что почва ускользает у меня из-под ног, я пришел в очень дурное расположение духа. Но Ленин, ведя непримиримую принципиальную критику моих установок, каждый раз пользовался случаем помочь мне, сказать что-нибудь такое, что облегчило бы трудное положение, в которое меня завели мои ошибочные идеи».[2]

На почву коммунизма стали под влиянием II конгресса и многие передовые представители революционного синдикализма. Весьма интересны в этом отношении воспоминания одного из тогдашних деятелей союза «Индустриальные рабочие мира», ныне председателя Американской компартии, т. Фостера. В своей

---

[1] Ленин. Соч., т. XXVI, стр. 491.

[2] Галлахер. Воспоминания об Октябрьской революции, журн. «Коммунистический Интернационал», № 10—11, 1925, стр. 139—140.

книге «From Brayan to Stalin» («От Брайана до Сталина») т. Фостер рассказывает о том, как он из синдикалиста, после своего пребывания в Москве на II конгрессе, стал убежденным сторонником Коммунистического Интернационала. «Мои предыдущие 9 лет в социалистической партии и дюжина лет в синдикалистском движении (I. W. W., S. L. и U. E. L.),[1] равно как двадцать лет членства в различных союзах дали мне достаточно широкий теоретический и практический опыт для вынесенного мною решения... И вот, когда я вернулся в США, в середине 1921 г. я вступил в компартию и занял место в рядах революционного Коммунистического Интернационала».[2]

Руководствуясь решениями II конгресса по вопросу о парламентаризме, Исполком Коминтерна направил свои заботы и усилия на исправление допущенных рядом коммунистических партий ошибок в отношении участия в парламентской борьбе.

Отрицательные позиции в отношении участия в парламентской борьбе занимало не только большинство руководства германской компартии, но и молодые неопытные, слабо связанные с массами компартии Франции, Швейцарии, Австрии и других стран. Ошибки эти могли быть чреваты серьезными последствиями для развития революционного рабочего движения и повести к отрыву их от масс.

В письме к австрийским коммунистам от 15 августа 1920 г. Ленин терпеливо разъясняет, что, пока коммунисты не взяли в свои руки государственную власть, они обязаны использовать для агитации среди трудящихся масс выборы и выступления в парламенте, разоблачать с трибуны обман буржуазии. «Пока сколько-нибудь значительное число трудящихся — не только пролетариев, но также и полупролетариев и мелких крестьян — доверяет еще буржуазно-демократическим орудиям обмана рабочих буржуазией, — писал Ленин, — мы должны разъяснять обман *именно с той трибуны*, которую отсталые слои рабочих и в особенности непролетарской трудящейся массы считают наиболее существенной, наиболее авторитетной».[3]

26 августа 1920 г. Исполком Коминтерна обратился со специальным письмом к австрийской компартии с указанием на необходимость принять активное участие в предстоявших в то время в Австрии выборах в парламент, ландтаг и муниципалитеты.

«Мы ждем от вас проведения этой резолюции, — говорилось в этом письме Исполкома Коминтерна, — не только по соображениям дисциплины, представляющей основу для деятельности Коммунистического Интернационала и примкнувших к нему коммунистических партий. Мы убеждены, что и вы, по зрелой

---

[1] «Индустриальные рабочие мира», Социалистическая партия и Лига профпропаганды.

[2] *Foster*. From Bravan to Stalin, Intern. Publ., p. 163.

[3] *Ленин*. Соч., т. XXV, стр. 373.

оценке всей политической ситуации, в особенности австрийской, и принятых II конгрессом по этому вопросу точек зрения, также сочтете целесообразным участие в избирательной кампании».[1]

Стремление к исправлению на примере австрийской компартии «левых» ошибок, допущенных рядом молодых компартий по вопросу об участии в парламентских выборах и о работе в профсоюзах, сопровождалось упорными и настойчивыми усилиями по внесению полного идейного и организационного размежевания внутри международного рабочего движения.

Стремлением к проведению полного размежевания в лагере международного революционного рабочего движения на основе решений II конгресса руководствовался Исполком Коминтерна, когда он на своем заседании 7 августа 1920 г. поставил германской делегации независимых в упор вопрос о ее готовности принять 21 условие и исключить из рядов партии правоцентристские и враждебные Коминтерну элементы.

На этом заседании со всей рельефностью вскрылись разногласия и внутри самой Независимой социал-демократической партии Германии.

Криспин и Дитман заявили на этом заседании, что крупных теоретических и принципиальных разногласий у них с Коммунистическим Интернационалом нет и что эти расхождения идут, главным образом, лишь по линии их отрицательного отношения к исключению из рядов партии правоцентристских вождей.

Представители же левого крыла независимцев Деймиг и Штеккер настойчиво высказывались в том смысле, что Независимая социал-демократическая партия «должна немедленно же присоединиться к III Интернационалу, окрепшему и усилившемуся благодаря своему конгрессу».[2]

На II конгрессе Коммунистического Интернационала представители правого крыла Независимой социал-демократической партии заявили, что они всецело разделяют принципы демократического централизма, и со своей стороны обещали бороться по возвращении в Германию за преодоление существующих в рядах партии предрассудков в области организационных принципов.

По возвращении же в Германию Дитман и Криспин вместе с Гильфердингом и другими оппортунистическими лидерами Независимой социал-демократической партии направили острие своей борьбы против решений II конгресса и в том числе против организационных принципов Коммунистического Интернационала. Видный представитель правого крыла Брейтшейд изображал требование Коминтерна о том, чтобы партии, входящие в Коминтерн, оказывали беззаветную поддержку каждой со-

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 13, 1920, стр. 2613—2614.
[2] Там же, стр. 2593—2594.

ветской республике в ее борьбе против контрреволюции, как попытку втравить Германию в войну с Антантой. Правые вожди независимцев изощрялись в нападках на «диктатуру русских» в Коммунистическом Интернационале. Российская Коммунистическая партия в действительности пользовалась на II конгрессе Коминтерна таким же количеством решающих голосов, как и делегации Германии, Франции и Англии. Все важнейшие вопросы в Коминтерне обсуждались при обязательном участии представителей соответствующих стран. В Исполкоме Коминтерна было представлено 15 наиболее крупных партий.

Не согласны были оппортунистические руководители Независимой социал-демократической партии и с постановкой Коминтерном вопроса о сочетании легальной работы с нелегальной.

На II конгрессе Коммунистического Интернационала была по этому вопросу принята формулировка, с которой соглашался и Дитман. Эта формулировка предусматривала необходимость систематической пропаганды в войсках и проведение этой работы нелегальным путем там, где не представляется возможным вести ее легально.

По возвращении же Дитмана из поездки в Москву правые вожди Независимой социал-демократической партии стали со всей решительностью высказываться против сочетания методов легальной работы с нелегальной деятельностью, отражая этим свои легалистские установки и нежелание стать на путь непримиримой революционной борьбы.

Поднятая Криспином и Дитманом против Коммунистического Интернационала кампания ставила себе целью вызвать враждебное отношение к Коммунистическому Интернационалу. Свои разногласия с Коммунистическим Интернационалом они изображали как защиту самостоятельности Независимой социал-демократической партии Германии. Они обвиняли Коминтерн в том, что он якобы требовал передачи органов печати независимцев в руки германских спартаковцев. В то же время ими инспирировались слухи, что Исполкомом Коминтерна заранее составлены проскрипционные списки лиц, подлежащих исключению из партии, что эти методы Коминтерна неприемлемы и т. д.

Усиленному обстрелу подвергались в печати независимцев 14-й пункт резолюции II конгресса о роли компартии до и после пролетарской революции и принцип построения коммунистических партий на основе демократического централизма. Но особенную ярость вызывало среди оппортунистического крыла Независимой социал-демократической партии требование Коммунистического Интернационала об очищении рядов партии от оппортунистических, ненадежных и, по существу, враждебных Коминтерну элементов.

С тем большей настойчивостью и твердостью продолжал Коммунистический Интернационал отстаивать необходимость полного и безоговорочного разрыва с оппортунистами.

В связи с предстоящим партейтагом Независимой социал-демократической партии Германии в Галле Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала обратился 28 сентября 1920 г. с открытым письмом ко всем членам этой партии.

Письмо это имело целью разъяснить членской массе Независимой социал-демократической партии, а также рабочим других стран сущность разногласий с оппортунистическими лидерами правого крыла Независимой социал-демократической партии по основным вопросам политики, стратегии и тактики Коммунистического Интернационала.

Это было тем более необходимо, что письмо Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, посланное руководству Независимой социал-демократической партии Германии в связи с Лейпцигским партейтагом, не было им доведено до сведения широкой членской массы.

Когда Исполнительный Комитет Коминтерна пытался получить по этому поводу объяснения, руководители независимцев сообщили в ответ на запрос, что неопубликование документа Коминтерна вызвано... бумажным кризисом, который испытывала в тот момент Германия. В письме Исполкома Коминтерна приводятся все перипетии переговоров с делегацией Независимой социал-демократической партии Германии по вопросу о линии поведения этой делегации на II конгрессе Коминтерна.

«...Мы хотели, — говорилось в письме Исполкома Коминтерна к членам Независимой с.-д. партии и чрезвычайному партейтагу в Галле от 28 сентября 1920 г., — поставить Криспинов и Дитманов на очную ставку с представителями международного пролетариата...

Мы хотели заставить Криспина и Дитмана показать свое настоящее лицо, отнять у них возможность дипломатически прятаться за словесные формулы. И мы достигли этой цели». [1]

В письме разоблачалось двурушническое поведение Криспина и Дитмана, которые на II конгрессе Коминтерна признавали в основном 21 условие, заявив, что они «сожалеют только о двух последних пунктах этих условий, которые, по их мнению, без нужды заостряют требования», а после своего возвращения в Германию повели энергичную кампанию против Коммунистического Интернационала и выдвинутых им 21 условия.

«Дитман и Криспин, — говорилось в этом письме Исполкома Коминтерна, — объявили черным то, что они вчера сами объявили белым, и подняли бешеную травлю и демагогию против Коммунистического Интернационала и Советской России». [2]

В письме были подвергнуты внимательному разбору основные политические и организационные проблемы и вскрывались корни и сущность разногласий с оппортунистическими лидерами Независимой социал-демократической партии Германии.

[1] «Коммунистический Интернационал», № 14, 1920, стр. 2903—2906.
[2] Там же.

«Автономию в тех рамках, — говорилось в этом письме Исполкома Коминтерна, — в каких она необходима для здорового развития в каждой стране, Коммунистический Интернационал признал. Правым вождям нужна не такая автономия, им нужна автономия, которая на деле развязывает им руки для того, чтобы продолжать полушейдемановскую политику. На эти условия Коммунистический Интернационал не пойдет». [1]

Анализируя процесс быстрой дифференциации внутри Независимой социал-демократической партии Германии, Социалистической партии Франции, Социалистической партии Америки, Исполком Коммунистического Интернационала подчеркнул, что «задача Коммунистического Интернационала заключается, несомненно, в том, чтобы ускорить и усилить указанную дифференциацию, помочь пролетарским элементам указанных партий освободиться от тлетворного влияния реформизма». [2]

В письме исчерпывающим образом разъяснялось, почему Коммунистический Интернационал закрывает доступ в свои ряды всем желающим примкнуть к нему партиям.

Отметив, что Коммунистический Интернационал «становится до известной степени модой», Исполнительный Комитет заявил: «Мы широко открывали двери в Коммунистический Интернационал каждой массовой пролетарской революционной организации, но мы десять раз продумали раньше, чем открыть двери Коммунистического Интернационала перед пришельцами из лагеря мелкобуржуазных, чиновничьих, оппортунистических верхов типа Гильфердинга и Криспина. Если мы пустим в Коммунистический Интернационал оппортунистические элементы, Коммунистический Интернационал перестанет быть тем, чем он является: международной боевой организацией пролетарской революции». [3]

12—17 октября 1920 г. в Галле состоялся чрезвычайный партейтаг Независимой социал-демократической партии Германии с участием 458 делегатов. Конгресс привлек к себе внимание всего международного рабочего движения. Решения партейтага, представлявшего 700 тысяч организованных членов, имели крупное международное значение не только с точки зрения соотношения сил в рабочем движении самой Германии, но и с точки зрения размежевания внутри партий центристского направления других стран, — и в первую очередь Франции.

Партейтаг прошел под знаком ожесточенной борьбы двух течений — центристского и революционного.

Высказываясь на словах за Коммунистический Интернационал, центристские элементы во главе с Гильфердингом, Криспином, Дитманом, уклонились от открытой борьбы по основным принципиальным вопросам германского и международного рабо-

[1] «Коммунистический Интернационал», № 14, 1920, стр. 2919.
[2] Там же, стр. 2907—2908.
[3] Там же.

чего движения. Выступая против 21 условия и «диктатуры Москвы», они продолжали указывать на неприемлемость их, поскольку они, по их мнению, отрицают «автономию» партий и являются покушением на их самостоятельность со стороны «русских коммунистов и Коминтерна». В основе их сопротивления 21 условию Коминтерна лежала приверженность принципам буржуазной демократии и отрицание принципов пролетарской диктатуры. Из этой основной предпосылки вытекали и враждебные выпады в центристской газете «Freiheit» («Свобода»), одобрительное отношение правого крыла к выступлению на партейтаге русского меньшевика Мартова и активная защита соглашательской политики Амстердамского Интернационала профсоюзов. Левое крыло конгресса во главе с Деймигом, Штеккером и др. высказывалось за безусловное присоединение к Коммунистическому Интернационалу на основе решений II конгресса Коминтерна. Участвовавшая в партейтаге делегация Коминтерна разоблачила оппортунистическую сущность позиций центристов, подчеркнула, что в Германии имеются налицо все предпосылки для пролетарской революции, и призвала к объединению всех коммунистических сил на основе решений II конгресса Коммунистического Интернационала.

Большинством 237 голосов против 156 партейтаг высказался за принятие 21 условия. Правые покинули партейтаг и, не подчинившись решению большинства, объявили себя Независимой социал-демократической партией Германии. Левые во главе с Деймигом, Гофманом, Штеккером и другими стали на путь объединения с коммунистической партией Германии.

В связи с расколом Независимой социал-демократической партии вопрос об объединении левых независимцев с коммунистами, а также о собирании всех сил германского коммунистического движения приобретал глубоко актуальный характер.

Вопрос о необходимости собирания и сплочения всех коммунистических сил Германии был выдвинут как задача, не терпящая ни малейшего отлагательства, в совместном обращении Коммунистического Интернационала, представителей левого крыла Независимой социал-демократической партии и германской коммунистической партии.

Этому же вопросу было посвящено обращение Исполкома Коминтерна к партейтагу Германской коммунистической партии, в котором последняя призывалась обеспечить условия для братского сотрудничества с левой Независимой социал-демократической партией и к подготовке объединительного конгресса. Перед Исполкомом Коминтерна встала теперь не менее сложная и трудная задача — привлечь к подготовительным работам по созданию единой массовой коммунистической партии основную массу революционных рабочих, объединенных в рядах Коммунистической рабочей партии Германии. Последние не освободились еще от ошибочных взглядов по вопросам о работе в реформи-

стских профсоюзах, об отношении к парламентаризму, были в значительной мере проникнуты синдикалистскими настроениями, но в основном стояли на позиции революционно-классовой борьбы. Следуя указаниям Ленина, Исполком Коминтерна проявлял в переговорах с Коммунистической рабочей партией Германии терпение, выдержку и такт, пытаясь под углом дружеской критики помочь лучшим пролетарским элементам, связанным с Коммунистической рабочей партией Германии, преодолеть их ошибки и предрассудки и стать в ряды единой коммунистической партии. Исход переговоров мог иметь влияние и на сближение с американским союзом «Индустриальные рабочие мира», а также с французскими и итальянскими синдикалистами.

Отказ присланных на II конгресс Коминтерна делегатов Коммунистической рабочей партии Германии от участия во II конгрессе и их заявление об аннулировании решения партии о присоединении к Коммунистическому Интернационалу явились поводом для вторичного обращения Коминтерна к Центральному Комитету и ко всем членам Коммунистической рабочей партии Германии.

В этом обращении от 26 августа 1920 г. Исполком Коминтерна осудил поведение делегатов Коммунистической рабочей партии на II конгрессе и подверг резкой критике подрывную деятельность Вольфгейма и Лауфенберга и их позицию, являвшуюся смесью национализма с коммунизмом.

Исполком Коминтерна вместе с тем указал на ошибочность решений партейтага Коммунистической рабочей партии Германии, который, правда, осудил позиции Вольфгейма и Лауфенберга, но в то же время подчеркнул, что он «принципиально отклоняет «вмешательство» Интернационала во внутренние дела Коммунистической рабочей партии Германии, чем по существу поддерживал линию поведения своих делегатов на II конгрессе Коминтерна.

Исполнительный Комитет указал при этом на необходимость сомкнуть ряды всех германских коммунистов и вернуться в ряды Коммунистической партии Германии. Для совместного обсуждения всех этих вопросов Коммунистическая рабочая партия Германии приглашалась прислать в Москву новую делегацию, с которой Исполком мог бы достигнуть соглашения.

Чтобы облегчить взаимное сближение, левая Независимая социал-демократическая партия и Коммунистическая партия пригласили Коммунистическую рабочую партию Германии принять участие в объединительном конгрессе 4 декабря 1920 г.

Исполком Коминтерна сделал со своей стороны все от него зависящее, чтобы облегчить такое сближение и сотрудничество с Коммунистической рабочей партией Германии и тем самым расчистить путь к полному объединению всех коммунистических элементов в Германии. В связи с продолжавшимися Коммунистической рабочей партией Германии переговорами о присоеди-

нении к Коминтерну, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала вынес 28 сентября 1920 г. решение, которое рекомендовало Коммунистической рабочей партии Германии вступить в ряды организующейся Объединенной коммунистической партии. Несмотря на возражения Германской компартии, Исполком Коминтерна выразил готовность временно, впредь до слияния с компартией, принять Коммунистическую рабочую партию Германии в Коммунистический Интернационал в качестве сочувствующей партии с правом совещательного голоса.

Выпущенное после партейтага в Галле совместное обращение Исполкома Коминтерна, Центрального Комитета Независимой социал-демократической партии (большинства. — *И. Ю.*) и Центрального Комитета Коммунистической партии Германии призывало рабочих всех стран к использованию уроков партейтага в Галле. Это было важно потому, что процесс размежевания во всех партиях еще более усилился после партейтага в Галле, который вооружил коммунистический авангард неопровержимыми фактами и документами о борьбе против пустой псевдореволюционной фразеологии и оппортунизма центристских лидеров.

Становилось еще более очевидным, что последние тянутся к II Интернационалу, но, отдавая дань революционным настроениям масс, вынуждены были послать своих представителей на II конгресс и вести переговоры о присоединении к Коммунистическому Интернационалу, искусно маневрируя и тормозя в то же время его практическое осуществление.

Особенно актуальное значение имели решения II конгресса Коммунистического Интернационала для революционного рабочего движения Италии. Создавшаяся напряженная политическая обстановка в Италии, стоявшей в тот момент на грани решающих классовых боев, повелительно диктовала необходимость придания Итальянской социалистической партии характера действительно боевого авангарда пролетарской революции. Для того чтобы партия могла успешно подготовить, организовать и возглавить надвигавшуюся пролетарскую революцию, она должна была прежде всего очистить свои ряды от реформистов и колеблющихся элементов. Принятие и проведение в жизнь 21 условия должны были расчистить путь к выполнению вставшей перед партией ответственной задачи по мобилизации и организации масс на победоносную борьбу за свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата.

Но решения II конгресса Коминтерна натолкнулись на энергичное и дружное сопротивление реформистов и центристов — сторонников Серрати. Разногласия по вопросу о признании 21 условия отчетливо выявились уже на пленуме Центрального Комитета Итальянской социалистической партии в Милане 28 сентября — 1 октября 1920 г.

Коммунистическое крыло ЦК (Террачини, Дженнари и др.) высказалось во внесенном им проекте резолюции за радикальное

очищение партий от реформистских элементов. Центристская же резолюция (Баратоно, Серрати и др.) высказывалась против разрыва с реформистами, за «необходимость сохранить единство Итальянской социалистической партии на основе 21 пункта».[1] В этой резолюции подчеркивалось при этом, что «необходимо сообразовать политический критерий каждой секции III Коммунистического Интернационала с историческими условиями и с конкретными фактическими особенностями данной страны, ставя их на одобрение того же Интернационала»...[2]

Собравшись на конференцию в Реджио Эмилио (11 октября 1920 г.), реформисты встретили демонстративными шумными овациями Турати и высказались за принятие 21 условия Коминтерна лишь при условии оставления в рядах партии таких реформистских вождей, как Дарагона, Модилиани, Турати и др.

Ситуация в социалистической партии осложнилась еще тем, что фракция Серрати, называвшаяся коммунистами-унитариями (т. е. объединенцами), продолжала с большим упорством отстаивать свои позиции и решительно добивалась пересмотра 21 условия. На деле она защищала сотрудничество с реформистами в партии и возражала против очищения рядов партии от реформистов.

Не менее настойчивые возражения и протесты вызвало со стороны реформистов и центристов решение Исполкома Коминтерна о необходимости установления сотрудничества с итальянскими синдикалистами, объединенными в «Unione Syndicale» (синдикалистский союз). Серрати обвинял Коминтерн в «левом оппортунизме» и наотрез отказался проводить это требование Коминтерна в жизнь.

Обращение Исполкома Коммунистического Интернационала по этому поводу Серрати не опубликовал. Имя Серрати широко использовывалось в тот момент правоцентристскими вождями не только в Германии, но и во Франции для срыва решений II конгресса Коммунистического Интернационала. Статьи Серрати подхватывались и цитировались в центристской печати, его выступления восхвалялись буржуазной печатью.

В основе позиции Серрати, нашедшей выражение в его статьях в центральном органе Итальянской социалистической партии «Avanti» («Вперед») (12 октября 1920 г.) и в журнале Communismo» (30 сентября 1920 г.), посвященных решениям II конгресса Коминтерна, лежали его боязнь, что раскол поведет к ослаблению профсоюзов, кооперативов и муниципалитетов, и непонимание того, что размежевание внутри социалистической партии является предпосылкой успешности дальнейшей революционной борьбы.

В своем письме в редакцию «L'Humanité» («Человечество»)

---

[1] Цитировано по Соч. Ленина, т. XXV, стр. 460.
[2] Там же.

Серратти писал: «Мы все стоим за принятие московских условий. Вопрос идет лишь об их применении. Я поддерживаю взгляд, что необходимо очистить партию от вредных элементов, — и я внес предложение об исключении Турати, — но что мы не должны при этом терять массы в профсоюзах и кооперативах. Другие же хотят коренного раскола». [1]

Создавшаяся в Итальянской социалистической партии ситуация вызывала в Коммунистическом Интернационале тем большее чувство тревоги, что объективные предпосылки для пролетарской революции были в Италии в то время налицо. В августе — сентябре 1920 г. итальянские металлисты приступили к захвату фабрик и заводов.

Экономические и политические стачки сочетались с энергичной борьбой против антисоветской интервенции. Многие фабрики и заводы вынуждены были прекратить производство оружия и снаряжения для Колчака, Деникина и панско-шляхетской Польши. Ряды Всеобщей конфедерации труда выросли в 1920 г. до небывалых еще размеров и насчитывали около 2 000 000 членов, в том числе 750 000 сельскохозяйственных рабочих. Итальянская буржуазия была в полной растерянности и ожидала назревавших крупных событий. Она не решалась стать на путь насильственного подавления революционного движения и предпочитала пойти на сделку с реформистами, чтобы таким путем спасти свое положение. Наиболее влиятельная буржуазная газета «Corriere della Sera» открыто указывала, что в создавшейся обстановке следует применять не «хирургические» (т. е. насильственные), а «гомеопатические» методы лечения (т. е. сотрудничество с реформистами для постепенного преодоления кризиса). В результате достигнутого одним из наиболее дальновидных и влиятельных лидеров буржуазии Джиолитти соглашения с Дарагоной, руководителем Всеобщей конфедерации труда, должны были быть созданы паритетные комиссии из представителей капиталистов и рабочих организаций для совместной выработки принципов и методов контроля над производством. Этим реформистские вожди Дарагона, Модилиани, Дугони и др., всячески пытавшиеся направить боевой массовый подъем в русло чисто экономической борьбы, открыли буржуазии благоприятный выход из кризиса и спасли ее от пролетарской революции. Собравшись с силами, буржуазия вскоре стала переходить в наступление.

С тем большей настойчивостью встал вопрос о скорейшем и полном разрыве с реформистами и ненадежными колеблющимися элементами.

Подобно германским независимым, итальянские реформисты пытались обосновать и оправдать свои позиции тем, что в случае победы пролетарской революции Италия будет подвергнута

[1] «L'Humanité», № 6048, 14/X 1920.

блокаде со стороны империалистических буржуазных держав. Вместо того чтобы поднимать массы на борьбу, внушить им сознание необходимости итти на жертвы ради достижения своих классовых целей, мобилизовать на преодоление неизбежных трудностей, они внедряли массам неверие в свои силы и сомнения в победе. По этому поводу Ленин в статье «Фальшивые речи о свободе» от 4 ноября 1920 г. писал:

«Реформисты указывают на возможность блокады, чтобы саботировать революцию, чтобы отпугнуть от революции, чтобы передать массам свое настроение паники, запуганности, нерешительности, колебаний, шатаний. Революционеры и коммунисты не должны отрицать опасности и трудностей борьбы, чтобы внушить массам больше твердости, — чтобы очистить партию от слабых, колеблющихся, шатких; — чтобы пропитать все движение большим энтузиазмом, большим интернационализмом, большей готовностью на жертвы ради великой цели: ускорить революцию в Англии, Франции, Америке, если эти страны решатся блокировать пролетарскую и советскую итальянскую республику».[1]

Разоблачая саботаж пролетарской революции реформистами, попытки внушить массам, что пролетарская революция неизбежно вызовет блокаду и возможность неминуемого поражения пролетариата, Ленин предостерегал и убеждал итальянских социалистов, что «исключение из партии всех участников съезда в Реджио Эмилия 11 октября 1920 г. не ослабит, а усилит партию, ибо такие «вожди» способны лишь «по-венгерски» погубить революцию, даже оставаясь лойяльными».[2]

Ленин упорно разъяснял, что опыт пролетарской революции в России и уроки венгерской революции показывают, что нельзя победить, не порвав окончательно с реформистами и не покончив с центристскими колебаниями, что предпосылкой победы пролетарской революции в Италии является создание крепкой и до конца последовательной боевой коммунистической партии. В этой же статье «Фальшивые речи о свободе» Ленин писал: «Теперь самое необходимое и безусловно необходимое для победы революции в Италии состоит в том, чтобы действительным авангардом революционного пролетариата в Италии сделалась партия вполне коммунистическая, неспособная колебаться и проявить слабость в решительный момент, — партия, которая бы собрала в себе максимальный фанатизм, преданность революции, энергию, беззаветную смелость и решимость».[3]

Эти ленинские установки легли также в основание обращения Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала от 11 ноября 1920 г. «Ко всем членам Итальянской социалисти-

---

[1] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 465-466.
[2] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 467.
[3] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 464.

ческой партии и ко всем членам итальянских профессиональных союзов».

Подчеркнув, что в Италии «почти все предпосылки для победоносной пролетарской революции налицо», что «рабочий класс единодушен в своей готовности к революционному низвержению капитализма», что значительная часть крестьянства проникнута волей к борьбе, что пролетарской революции обеспечена поддержка трудящихся Советской России и французских рабочих, Исполком Коминтерна указывает, что «влияние реформистов в рабочих организациях Италии есть главный тормоз» революционного движения, тяготеющий над ним как роковое проклятие. Эта отрицательная роль реформистов особенно выявилась в тот момент, когда рабочие приступили к захвату фабрик и заводов. «Это было новое слово, которое вы сказали международному пролетариату, — говорилось в обращении. — Само собой понятно, что один захват фабрик и заводов без завоевания политической власти, без параллельной борьбы за диктатуру пролетариата не мог бы дать победы рабочему классу. Но захват фабрик и заводов был превосходным началом, из которого могло вырасти настоящее революционное движение масс».[1]

Исполком Коминтерна призвал всех искренних и последовательных сторонников Коммунистического Интернационала поддержать коммунистическое крыло Итальянской социалистической партии, сгруппировавшееся вокруг «Avanti», выходившего в Турине, и «Communist» в Болонье, и очистить ряды социалистической партии от реформизма. «Это вы должны выполнить в кратчайший срок, — говорилось в этом же обращении Исполкома Коминтерна, — и во что бы то ни стало. С вождями, если они этого хотят; без вождей, если они колеблются и выжидают; против вождей, если они мешают нам произвести очистительную работу».[2]

Размежевание внутри итальянской социалистической партии завершилось отколом коммунистического крыла партии 15—21 февраля 1921 г. на конгрессе в Ливорно. При голосовании резолюции о принятии 21 условия реформистами было собрано 11 000 голосов, коммунистами — 58 783 голоса, группой Серрати — 97 000 голосов. Прошла резолюция сторонников Серрати — унитариев, которая была принята подавляющим большинством конгресса. Тогда коммунисты покинули Ливорнский конгресс и открыли свой собственный конгресс, на котором было положено начало существованию коммунистической партии Италии. Представители Исполкома Коминтерна на Ливорнском конгрессе (тт. Кабакчиев и Ракоши) осудили в своей декларации линию поведения унитариев и заявили о своей солидарности с позицией коммунистического лагеря. Позднее Серрати при-

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 15, 1920, стр. 3395.
[2] Там же, стр. 3399-3400.

знал свои ошибки и вернулся в ряды Коммунистического Интернационала.

Очень сложен и труден был путь организации единой массовой коммунистической партии также во **Франции**.

Чтобы разъяснить смысл решений II конгресса применительно к конкретным условиям французского рабочего движения и ускорить процесс внутреннего размежевания в социалистической партии Франции, делегации Французской социалистической партии, участвовавшей на II конгрессе, было передано официальное обращение Исполкома Коминтерна ко всем членам Французской социалистической партии, в котором обстоятельно излагались условия приема в Коммунистический Интернационал.

На заседании Исполкома Коминтерна 29 июля 1920 г. при обсуждении вопроса о присоединении Французской социалистической партии к Коминтерну представители французских социалистов солидаризировались с 21 условием и обещали добиваться пересмотра программы партии в духе принципов Коммунистического Интернационала, развернуть более интенсивную борьбу против империалистической интервенции и в защиту Советской России.

Большую работу в этом направлении провел т. Кашен. Интересны воспоминания т. Кашена об обстановке, сложившейся в тот период, и настроениях среди широких кругов рабочих, членов Французской социалистической партии.

Рассказывая о своем выступлении на 40-тысячном собрании в Париже, в связи с отчетом о поездке в Москву на II конгресс Коминтерна, т. Кашен пишет:

«Мы с трудом пробились к трибуне, и надо сказать, что никогда в этом громадном городе не было такого потрясающего, такого горячего, такого волнующего собрания французского народа, который в течение многих часов выражал свое восхищение Октябрьской социалистической революцией, о которой мы привезли ему самые свежие и самые радостные вести... С 15 августа до 25 сентября 1920 г. мы объехали всю страну; мы информировали наш народ о всех документах, о всех решениях II конгресса Коммунистического Интернационала. Решения конгресса обсуждались в течение более 4 месяцев по всей стране, вплоть до самых отдаленных деревень. Никогда еще обсуждение не было столь активным и всесторонним». [1]

Оппортунистические лидеры Французской социалистической партии Прессман, Поль Фор и др., точно так же, как правые независимые в Германии, пытались отгородиться от последовательно революционной политики словесным признанием принципов Коммунистического Интернационала, свести свои рас-

---

[1] Кашен. Встречи с В. И. Лениным, «Коммунистический Интернационал», № 1, январь 1939, стр. 38.

хождения с коммунистическим движением к разногласиям организационного порядка. Они так же упорно твердили, что 21 условие Коминтерна лишает партии «автономии», пытались восстановить французских рабочих против решений II конгресса Коммунистического Интернационала и тем самым наложить узду на растущую в массах тягу к Коминтерну, парализовать борьбу за пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата.

Оппортунистические лидеры Французской социалистической партии всячески обходили молчанием вопросы пролетарской революции, в лучшем случае трактовали эти вопросы формально, бездушно, тщательно замалчивая политику классового сотрудничества с буржуазией, проводившуюся на деле социалистической партией и Всеобщей конфедерацией труда.

Реформистские лидеры совершенно безучастно относились к преследованиям правительственными властями левого крыла французского рабочего движения и отказывались от применения форм нелегальной работы. В рядах партии продолжали оставаться такие люди, как Ренодель, Альберт Тома и др.

Подвергая анализу и критике словесное признание вождем французских центристов Лонге принципов пролетарской диктатуры и его идейное родство с Каутским, Коммунистический Интернационал терпеливо разъяснял, что от французских социалистов требуется не немедленное совершение пролетарской революции, — как это старались изображать центристы, — а лишь проведение систематической пропаганды в пользу пролетарской революции и диктатуры пролетариата и полный разрыв с реформистской линией политики и практики.

Ведя курс на завоевание профсоюзов изнутри, Коммунистический Интернационал старался внушить французским социалистам необходимость организации коммунистических ячеек в синдикатах, изгнания из партии и синдикатов реакционных вождей, поскольку успех пролетарской революции возможен лишь при условии непримиримой борьбы с такими реакционными лидерами, как Альберт Тома, Ренодель, Жуо и другие. В то же время Исполкомом Коминтерна был перед Французской социалистической партией поставлен вопрос об ее участии в организации Международного совета революционных профсоюзов, в связи с предстоявшим международным конгрессом революционных профорганизаций.

Вопрос о размежевании во Французской социалистической партии имел не менее актуальное значение, чем в Независимой социал-демократической партии Германии. В то время как в Германии центристы произвели под давлением рабочих раскол еще в 1916 г., французские центристы все еще продолжали оставаться в одной партии с Реноделем, Альбертом Тома, Мистралем и др. и проявляли большую терпимость к Жуо и Всеобщей конфедерации труда.

Очищение Французской социалистической партии от агентуры буржуазии в лице реакционных лидеров было предпосылкой успешного развертывания революционной борьбы. Французская буржуазия играла в тот период наиболее активную и реакционную роль в мировой политике и была важнейшим оплотом международной буржуазной реакции. Она была застрельщиком в удушении Венгерской советской республики и в империалистической антисоветской интервенции, играла первую скрипку в выработке грабительского Версальского мира, вдохновляла германскую буржуазию в ее наступлении на революционный пролетариат Германии, инспирировала разгром революционного движения на Балканах. В осуществлении своих задач французская империалистическая буржуазия опиралась на реакционных лидеров Французской социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда. Разрыв с этими реакционными лидерами должен был служить первым шагом на пути борьбы за создание массовой коммунистической партии и завоевания пролетарских масс на сторону пролетарской революции.

В пользу принципов Коммунистического Интернационала высказывались широкие круги членов Французской социалистической партии. На ряду с рабочими за присоединение к Коминтерну выступали лучшие представители французской интеллигенции. «В уставе III Интернационала, — писал в «Humanité» от 24 октября 1920 г. Анри Барбюс, — искренний социалист и честный гражданин не найдет ничего такого, чего бы они не могли принять от всего сердца — с радостью и признательностью». [1]

Состоявшийся 6 декабря 1920 г. конгресс Французской социалистической партии в Туре большинством в две трети голосов высказался за полное и безоговорочное присоединение к Коммунистическому Интернационалу. Конгресс закончился расколом Французской социалистической партии. Большинство конгресса оформилось в коммунистическую партию Франции. Меньшинство продолжало отстаивать свои прежние позиции и попрежнему объединяло в своих рядах открытых реформистов и центристов во главе с Лонге.

В Англии лидеры Независимой рабочей партии решили в 1920 г., подобно германским и французским центристам, порвать с II Интернационалом и начать переговоры с Коммунистическим Интернационалом. Их подстегивал рост боевых настроений в английском пролетариате. Но срыв двухнедельной стачки горняков реакционными лидерами, предотвративший присоединение к ней железнодорожников и транспортников, и начавшийся отлив высокой волны подъема рабочего движения были использованы лидерами Независимой рабочей партии для отказа от присоединения к Коммунистическому Интернационалу. Лидеры Независимой рабочей партии открыли систематическую кампанию

---

[1] «Humanité», № 6058, 24/X 1920.

против решений II конгресса Коминтерна. Коммунистическое движение было слишком слабо и распылено, чтобы умело использовать решения II конгресса Коминтерна для внесения серьезного размежевания внутри Независимой рабочей партии и быстро продвинуться вперед. Чтобы ускорить образование компартии в Англии, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала вынес еще на своем заседании 10 августа 1920 г., с участием английской делегации, постановление о необходимости созвать в течение 4 месяцев общий конгресс коммунистических групп Англии. В результате должна была быть создана «единая коммунистическая партия на основе решения II Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала».[1]

В соответствии с этим постановлением Исполкома Коминтерна к участию в объединительном съезде должны были быть привлечены: Объединенная коммунистическая партия, Коммунистическая партия, комитеты фабрично-заводских старост, шотландские коммунистические группы, группы Уэльса, Социалистическая рабочая партия, левое крыло Независимой рабочей партии и др.

В то же время, по предложению Коминтерна, должен был быть создан общий комитет действия для подготовки созыва объединительного съезда. В Комитет действия должны были войти представители от каждой группы под общим председательством представителя Исполкома Коминтерна.

Коммунистическая партия была создана только летом 1920 г. по инициативе Британской социалистической партии, примкнувшей к тому времени к Коминтерну. Социалистическая рабочая партия согласилась вступить в коммунистическую партию лишь при условии, что вопрос о ее вступлении и вхождении в Рабочую партию будет передан на решение предстоящего съезда. Социалистическая федерация рабочих, состоявшая преимущественно из женщин и созданная из суфражисток, ставших под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции на позиции социализма, но проникнутых «левыми» предрассудками, решительно отказалась вступить в Объединенную коммунистическую партию, присвоив себе название Коммунистической партии. На учредительном съезде в Лондоне, в котором приняли участие также гильдейские социалисты и ряд местных организаций Независимой рабочей партии, позиция Социалистической федерации рабочих была большинством голосов отклонена, но вопрос о вхождении в Рабочую партию не был окончательно решен. За вступление в Рабочую партию было подано 100 голосов, против 85, за участие в парламентской борьбе — 186, против участия — 19. На этом съезде было положено начало существованию Английской компартии. Но она продолжала оставаться идеологически и организационно весьма слабой. В числе участников учредительного съезда были и такие люди, как Роберт Виллиамс и

[1] «Коммунистический Интернационал», № 13, 1920, стр. 2595.

Альфред Персель, которые вскоре оказались перебежчиками и ренегатами.

Однако разногласия в лагере революционного рабочего движения Великобритании, главным образом, по вопросу о парламентаризме и о вхождении в Рабочую партию, продолжали сильно тормозить выполнение директивы Исполкома Коминтерна.

В своем заседании от 29 сентября 1920 г. Исполком Коминтерна вновь возвращается к прежнему своему постановлению от 10 августа 1920 г. и, подтвердив его, опять в категорической форме заявляет, что он «ультимативно» требует исполнения этого решения»[1] и созыва съезда не позднее января 1921 г.

Молодой компартии, созданной на учредительном съезде 2—3 августа 1920 г., удалось развернуть успешную борьбу против новых интервенционистских планов английских империалистов, добиться образования Рабочей партией и тред-юнионами «Совета действия» и сорвать антисоветскую кампанию. Только на съезде в Лидсе 29—30 января 1921 г. удалось, благодаря энергичным усилиям Коминтерна, создать объединенную компартию Англии и привлечь в ее ряды коммунистическую партию (Социалистическую федерацию рабочих), Коммунистическую рабочую партию Шотландии, организации фабрично-заводских старост и отдельные, разрозненно существовавшие в разных местах коммунистические группы. Социалистическая рабочая партия продолжала отказываться от присоединения к объединенной компартии, которая стала на платформу Коммунистического Интернационала.

В Швейцарии решения II конгресса Комитерна натолкнулись на упорное сопротивление со стороны оппортунистического руководства социал-демократической партии Швейцарии. В борьбе против 21 условия между правым крылом и центром создался на деле прочный блок. Грейлих, один из наиболее видных лидеров социал-демократической партии, не скрывал своего резко враждебного отношения к большевизму и Коминтерну. Реформисты и центристы во главе с Гриммом прикрывали свою враждебность к Коммунистическому Интернационалу словесным признанием принципов пролетарской диктатуры и своей готовностью вступить в Коминтерн (при условии сохранения «самостоятельности» партии) и предложениями о создании «единого» и «всеобъемлющего» Интернационала.

Левое крыло социал-демократической партии высказывалось за необходимость присоединения к Коммунистическому Интернационалу. Состоявшееся 11—12 сентября 1920 г. в Ольтене совещание левого крыла подчеркнуло, что оно «неизменно остается на платформе принципов III Интернационала и признает так же принятые на II конгрессе III Интернационала тезисы, как и их логическое последствие, известные 21 условие».[2]

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 14, 1920, стр. 2947—2948.

[2] Там же, № 15, 1920, стр. 3251.

На почве усилившейся борьбы левого крыла за присоединение к Коммунистическому Интернационалу стали учащаться перебежки ряда деятелей левого крыла. Один из видных деятелей левого крыла, делегат Циммервальдской конференции Нобс опубликовал в швейцарской социал-демократической газете «Volksrecht» («Право народа») заявление, в котором стал выступать с нападками на большевиков за нарушение «свободы» и «равенства» партий и поспешил отмежеваться от решений II конгресса Коммунистического Интернационала. В статье «Фальшивые речи о свободе» Ленин подверг позицию Нобса резкой критике, квалифицировав ее как защиту предрассудков мелкобуржуазной демократии. «Вы «свободны», товарищ Нобс, защищать те взгляды, которые вы защищаете, — писал Ленин. — Но мы также «свободны» объявлять эти взгляды мелкобуржуазными предрассудками, вредными для дела пролетариата, полезными для капитала; мы также «свободны» отказываться от вступления в союз или в общество с людьми, защищающими эти взгляды или соответствующую им политику».[1]

Энергично выступила в пользу Коминтерна и выдвинутых им 21 условия существовавшая самостоятельно и оформившаяся еще в 1919 г. коммунистическая партия. На состоявшемся в начале сентября 1920 г. совещании коммунистической партии были вынесены решения в пользу безоговорочного признания решений II конгресса Коминтерна и слияния с левым крылом социал-демократической партии Швейцарии, в соответствии с указаниями Исполкома Коминтерна. Начавшийся в швейцарской промышленности кризис и усиливавшаяся безработица вызывали полевение масс и диктовали необходимость объединения левого крыла социал-демократической партии с коммунистической партией.

В своем обращении к швейцарской левой, посланном в связи с предстоявшим конгрессом швейцарской социал-демократической партии, Исполком Коминтерна подчеркнул, что «главная задача заключается в том, чтобы собрать всех революционных рабочих на почве полного и безоговорочного признания программных тезисов Второго конгресса Коммунистического Интернационала» и что «разрыв с реформистами, являющимися на деле предателями рабочего класса, есть ультимативное условие Коммунистического Интернационала».[2]

Состоявшийся в декабре 1920 г. в Берне конгресс социал-демократической партии явился ареной ожесточенной борьбы. Против присоединения к Коммунистическому Интернационалу было подано 350 и за присоединение 213 голосов.

Результаты голосования представляли собой несомненный успех левого крыла. Левые покинули съезд. 5—6 марта 1921 г. на объединительном съезде левого крыла социал-демократиче-

---

1 Ленин. Соч., т. XXV, стр. 471.
2 «Коммунистический Интернационал», № 15, 1920, стр. 3399—3400.

ской партии в Цюрихе было положено начало существованию единой коммунистической партии Швейцарии.

21 условие ускорило расслоение и внутри социал-демократической партии Чехословакии. Усиление революционных тенденций в рабочем движении Чехословакии, развернувшаяся в стране энергичная борьба против империалистической антисоветской интервенции и борьба против коалиционной политики руководства социал-демократической партии явились источником ускорения этого процесса размежевания между революционными и реформистскими элементами в социал-демократической партии.

26 августа 1920 г. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала обращается к левому крылу социал-демократической партии Чехословакии и к коммунистическим группам с призывом объединить свои силы и создать массовую коммунистическую партию. «Исполнительный комитет ожидает с полной уверенностью, — говорилось в этом обращении, — что марксистская левая, а также коммунистические группы, объединятся в стремлении образовать единый коммунистический фронт на всей чехословацкой территории». [1]

Прямым толчком к разрыву с реформистскими элементами послужило вынесенное партийным руководством постановление об отсрочке съезда партии на 25—26 декабря 1920 г. Реформистская часть руководства партии намеревалась произвести перед съездом предварительную чистку партии от левых элементов, сторонников присоединения к Коммунистическому Интернационалу.

Созванный по инициативе левого крыла партии съезд высказался против коалиции, в пользу принципов диктатуры пролетариата и за присоединение к Коммунистическому Интернационалу. «Мы объявляем, — говорилось в решении съезда, — что соглашаемся с принципами III Интернационала, и Центральному Исполнительному комитету партии поручается немедленно войти в сношения с Исполкомом III Интернационала». [2]

Раскол в рядах социал-демократической партии Чехословакии сопровождался расколом парламентской фракции. 18 депутатов парламентской фракции присоединились к решению съезда, 56 депутатов остались на позиции реформистских лидеров. Решения съезда были поддержаны большинством рабочих, членов социал-демократической партии.

Чтобы предотвратить захват реформистами «Рабочего дворца», а также редакции и типографии газеты «Право лиду», фабрично-заводской комитет, стоявший на стороне левых, установил специальную охрану из рабочих. С помощью судебных органов и при содействии правительственных властей реформи-

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 13, 1920, стр. 2621—2622.
[2] Там же, № 15, 1920, стр. 3217—3218.

стам удалось удержать в своих руках газету «Право лиду», но «Руде право», «Прага», «Вечерник Руде право», «Свобода Кладно», «Ровность» и ряд других периодических и непериодических органов печати стали на позиции левого крыла партии.

Правые лидеры социал-демократической партии созвали свой съезд, и раскол стал совершившимся фактом. С помощью полиции и суда они заняли 9 декабря партийный дом. Рабочие ответили на этот акт всеобщей забастовкой, в которой приняло участие свыше 1 млн. рабочих. Рейхенбергское районное руководство социал-демократической партии примкнуло к забастовке и было за это исключено из социал-демократической партии.

Массовая забастовка сопровождалась кровавыми столкновениями. В Росице вблизи Берно и в других местах рабочие создали советы. В ряде мест рабочие стали захватывать предприятия. Левое крыло («марксистская левая») не проявило решительности, не заняло четкой и последовательной позиции революционно-классовой борьбы, и в результате правительству удалось с помощью социал-демократической партии подавить движение. Вскоре после этого произошел раскол в немецкой социал-демократической партии.

В связи с расколом в Чехословакии и приездом чехословацкой делегации в Москву для переговоров, Исполком Коминтерна еще в своем решении от 11 ноября 1920 г. указал, что «в Чехословакии необходима «единая» партия из чехов, немцев, словаков, мадьяр», что до создания такой единой партии, «чешские, немецкие, словацкие и мадьярские партии должны предпринимать и проводить свои выступления сообща, по соглашению друг с другом».[1] Оформление «марксистской левой» в чехословацкую секцию Коминтерна состоялось лишь весной 1921 г.

В Польше, в результате размежевания в лагере Польской социалистической партии и Бунда, ряды компартии пополнились в 1919—20—21 гг. отколовшимися от этих партий группами.

Резко обострилась борьба вокруг решений II конгресса Коминтерна и внутри Социалистической партии Румынии.

Чтобы парализовать борьбу сторонников немедленного присоединения к Коммунистическому Интернационалу, Национальный Совет Румынской социалистической партии вынес еще в апреле 1920 г. решение поставить вопрос об отношении к Коммунистическому Интернационалу на предстоящем съезде партии. Но в то же время съезд партии был отложен на август 1920 г., в надежде лучше подготовиться к съезду и сорвать решение в пользу вступления в Коммунистический Интернационал. Руководство партии не хотело к тому же «скомпрометировать» себя в глазах мелко-буржуазных избирателей и правительства связью с Коминтерном накануне предстоявших в то время в Румынии парламентских выборов. Сопротивление принципам Коммунисти-

[1] «Коммунистический Интернационал», стр. 3362, № 15, 1920.

ческого интернационала оппортунистические и центристские элементы партии продолжали прикрывать стремлением к сохранению «единства» партии.

Полевение рабочих масс вынудило постучаться в двери Коммунистического Интернационала и руководство Социалистической партии Румынии, которая до этого все еще сохраняла тесную связь с II Интернационалом и не решалась ее порывать.

Среди делегатов, посланных в Москву для переговоров с Коминтерном от имени объединившейся с социалистическими партиями Трансильвании и Буковины, был и Флуераш, бывший министр правительства Трансильвании, махровый оппортунист. Исполком Коммунистического Интернационала осудил участие в делегации Флуераша и с тем большей осторожностью подошел к вопросу о принятии Румынской социалистической партии в ряды Коминтерна. Обсудив положение в этой партии, Исполком Коминтерна обратился к социалистам Румынии с письмом, в котором были изложены основные условия приема Социалистической партии Румынии. В своем письме к румынским социалистам Исполком Коминтерна ставил себе задачу — внести ясность в вопрос о сущности разногласий с реформистами и центристами и содействовать скорейшему и окончательному размежеванию внутри социалистического рабочего движения Румынии.

Начало существованию компартии Румынии было положено лишь на съезде Румынской социалистической партии в Бухаресте, на котором за присоединение к Коммунистическому Интернационалу высказалось большинство делегатов.

Глубокий процесс идейного размежевания в связи с решениями II конгресса и выдвинутыми им 21 условием для приема в Коммунистический Интернационал обнаружился также в скандинавских странах.

В Швеции, в результате обострившейся внутренней борьбы в рядах левосоциалистической партии, подавляющее большинство членов партии высказалось в пользу 21 условия Коминтерна.

В Норвегии Рабочая партия приступила к введению персонального членства в партии и предоставила местным организациям, несогласным с присоединением к Коммунистическому Интернационалу, известный срок для пересмотра их позиций в этом вопросе. Оставив прежнее название — «Рабочая партия Норвегии», добавила к нему «секция Коммунистического Интернационала».

Оппортунистические крайние правые элементы вышли из партии и образовали социал-демократическую партию Норвегии.

В Дании левосоциалистическая партия пополнилась откоровшимися от социал-демократической партии сторонниками Коммунистического Интернационала и была переименована в 1920 г. в Коммунистическую партию Дании.

Под влиянием решения II конгресса Коминтерна стала отчет-

ливо заметна кристаллизация левого крыла в Социалистической партии Испании. После чрезвычайного съезда партии в июне 1920 г. руководство Социалистической партии было вынуждено под давлением рабочих вынести постановление о посылке в Москву делегации в составе представителей большинства и меньшинства съезда.

Стремясь довести до конца начавшееся в рядах испанских социалистов идейное размежевание, Исполком Коминтерна в своем обращении к Испанской социалистической партии ставит со всей остротой вопрос о необходимости полного разрыва с реформистами, консолидации левого крыла и безоговорочном присоединении к Коммунистическому Интернационалу. «Реформисты пусть идут в лагерь желтого, полубуржуазного «Интернационала», — говорилось в обращении Коминтерна. — А вы, испанские рабочие, как и рабочие всего мира, входите в III Интернационал...» [1]

Коммунистическая партия Испании возникла в 1921 г. путем откола левого крыла от Социалистической партии и присоединения к нему части революционных анархо-синдикалистских элементов.

Коммунистическое влияние особенно глубоко проникло в ряды Социалистического союза молодежи. После декабрьского съезда союза молодежи в 1919 г. около 3000 членов Союза ушло из Социалистической партии и составило ядро образованной при их активном участии компартии Испании. Левое крыло социалистической партии в свою очередь откололось от социалистической партии после апрельского съезда 1921 г. и образовало Коммунистическую рабочую партию Испании. Лишь осенью 1921 г. состоялось объединение двух разрозненно существовавших компартий в единую компартию, испанскую секцию Коминтерна.

Руководствуясь решением II конгресса Коммунистического Интернационала о том, что в каждой стране должна существовать одна коммунистическая партия, Исполком Коминтерна предпринял сейчас же после конгресса шаги для объединения раздельно существовавших в Соединенных Штатах Америки двух коммунистических партий — коммунистической партии (Communist Party) и объединенной коммунистической партии (United Communist Party).

Еще 8 августа 1920 г. Исполком Коминтерна, обсудив с участием представителей обеих коммунистических партий состояние коммунистического движения в США, признал, что «серьезных программных разногласий между двумя партиями нет», что «есть известные расхождения по вопросам организационным», что «раскол их не имеет ни малейшего оправдания и должен быть ликвидирован во что бы то ни стало». [2]

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 15, 1920, стр. 3415—3416.
[2] Там же, № 10, 1920, стр. 1887.

Коммунистическая партия объединяла преимущественно коренные американские элементы, в то время как Объединенная коммунистическая партия опиралась, главным образом, на иностранные группы рабочих.

«Поскольку обе партии стоят на платформе Коммунистического Интернационала, — говорилось в письме Коммунистического Интернационала обеим компартиям США, — а сомневаться в этом у нас нет никакого основания, — постольку единство партии не только вполне возможно, но и абсолютно необходимо. Исполнительный Комитет категорически настаивает на немедленном его осуществлении». [1]

К коммунистической партии примкнули лучшие революционные элементы из союза «Индустриальных рабочих мира», «Единого большого союза» и местных организаций Американской федерации труда. В конце 1920 г. была организована под руководством т. Фостера Лига профсоюзной пропаганды. Но лишь в конце 1921 г. удалось добиться объединения коммунистического движения США. Секретарем Американской компартии был избран Рутенберг. К компартии примкнула группа сторонников Коммунистического Интернационала, отколовшаяся от Социалистической рабочей партии и профессиональных союзов.

Размежевание в рабочем движении Японии протекало на почве экономического кризиса 1920—21 гг. и резкого ухудшения положения трудящихся. Кризис обрушился тяжелым бременем на рабочих и крестьян. Широкие массы трудящихся были охвачены глубоким недовольством, вылившимся в форме стачечной борьбы и широкого политического движения против политического бесправия и гнета. Борьба эта сочеталась с движением против антисоветской интервенции японской военщины. Еще в начале 1920 г. была организована социалистом Сакаи и отошедшим от анархизма Ямакава Социалистическая лига (Сякайсюги Домей).

Первая коммунистическая японская группа была организована Катаямой в США в 1919 г. С тех пор Катаяма являлся идейным вдохновителем и вождем коммунистического движения Японии.

Большую роль в создании Социалистической лиги сыграла газета «Нихон родо симбун». К декабрю 1920 г. Социалистическая лига объединяла около 3000 членов. Подвергнутая властями разгрому, Социалистическая лига продолжала вести свою работу в подполье. Внутри Социалистической лиги шла ожесточенная борьба между сторонниками и противниками парламентаризма, централизма и федерализма. В результате этой борьбы лучшие революционные элементы все больше отходили от позиций анархизма и становились на коммунистические позиции. Коммунистические элементы во главе с Ватанабе

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 10, 1920, стр. 1888.

Масаносуке продолжали усиленную борьбу против анархизма и оппортунистических элементов за принципы революционного марксизма.

В августе 1921 г. возникла Гёмин Кёсанто (Коммунистическая партия пробуждения народа), а позднее 15 июля 1922 г. состоялся учредительный съезд Японской компартии.

Решения II конгресса по национально-колониальному вопросу встретили живейший отклик на собравшемся 2 сентября 1920 г. в Баку первом съезде народов Востока, на который съехались 1275 представителей от 37 народов колониальных и зависимых стран Востока — Индии, Турции, Персии, Египта, Афганистана, Белуджистана, Китая, Индокитая, Кореи, Аравии, Месопотамии, Сирии, Палестины и др.

Съезд народов Востока стал отправным пунктом в развитии коммунистического движения в целом ряде стран Востока. Избранный на этом съезде Совет пропаганды и действия приступил к выпуску журнала «Народы Востока» на турецком, арабском и персидском языках, организации специальных курсов для воспитания молодых революционных кадров и т. д.

В то же время решения II конгресса Коммунистического Интернационала и первого съезда народов Востока внесли водораздел в национально-революционное движение колоний и зависимых стран. Часть буржуазных националистов становилась все больше на путь поисков соглашения с империалистами Антанты, другая часть все решительнее становилась на почву революционных методов национально-освободительной борьбы с империализмом и сближения с коммунистами.

В Китае на фоне подъема национально-революционного и антиимпериалистического движения и органически связанной с этим широкой волны стачек (Шанхай, Кантон и др.), прокатившейся в 1920 г. в текстильной, строительной и металлургической промышленности и на транспорте, возникает в 1920 г., в результате процесса расслоения внутри национально-революционного движения, молодая коммунистическая партия Китая. Слабая и малочисленная компартия развертывает после своего первого съезда в 1921 г., в условиях жестоких репрессий и преследований, энергичную и мужественную работу по внедрению коммунистических идей в пролетарские массы.

Отражением вызванного решениями II конгресса Коминтерна, особенно в области национально-колониального вопроса, перелома среди трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран явилось также заявление социалистической партии Кореи — Хансалим — о желании вступить в ряды Коммунистического Интернационала в соответствии с постановлением своего съезда партии в апреле 1920 г.

«...I Интернационал, — заявил на заседании Исполкома Коминтерна 11 ноября 1920 г. представитель этой партии, — был весной корейского социализма, II Интернационал — его летом,

а III — его осенью, приносящей зрелые плоды всего предшествующего развития».[1]

В связи с тем, что на ряду с партией Хансалим в Корее существовали социалистическая партия Хан-сах-ве-дан, примыкавшая уже к Коминтерну, Исполком Коминтерна признал необходимым объединение обеих социалистических партий и предоставил социалистической партии Хан-сах-ве-дан, впредь до объединения, лишь право совещательного голоса.

Решения II конгресса Коммунистического Интернационала и съезд народов Востока дали толчок к образованию компартии Турции, начало существованию которой было положено в Баку в сентябре 1920 г. В то же время в конце 1920 г. был создан «Интернациональный союз рабочих Константинополя», примкнувший позднее — в 1921 г. — к Красному Интернационалу профсоюзов.

В результате усилившегося размежевания в социал-демократической партии Индонезии левое крыло оформилось в 1920 г. в коммунистическую партию Индонезии. В результате идейного размежевания в период 1920—1921 гг. Коммунистические партии стали складываться также в Чили, Уругвае, Австралии и др. странах.

*
* *

Процесс идейного и организационного размежевания в международном рабочем движении и борьба с центристским лагерем толкнули последний на путь объединения партий центристского направления для совместной борьбы с Коммунистическим Интернационалом. Так родилось «Международное объединение социалистических партий», известное как II½ Интернационал.

Еще 21 октября 1920 г. административный совет Независимой рабочей партии Англии вынес решение о необходимости образования Интернационала, который предоставлял бы движению каждой страны «свободу развития», соответственно специфическим, экономическим и историческим, особенностям условий ее деятельности.

Такие же тенденции легли в основание линии проведения Независимой социал-демократической партии Германии, принявшей 29 октября 1920 г. точно так же постановление в пользу соглашения с социалистическими партиями Австрии, Швейцарии, Франции, Испании и Независимой рабочей партией Англии по вопросу о создании нового «единого» Интернационала и созыва для этой цели совместной конференции 5 декабря 1920 г. в Берне.

Конференция отметила в своих решениях, что II Интернационал является лишь объединением тех партий, которые обра-

---

[1] «Коммунистический Интернационал», № 15, 1920, стр. 3361—3362.

зовали чисто реформистское и националистическое крыло в международном рабочем движении, что II Интернационал не способен объединить вокруг себя «все живые силы» классово сознательного пролетариата. В то же время конференция отмежевалась и от Коммунистического Интернационала и постановила созвать на 21 февраля 1921 г. Международную социалистическую конференцию для того, чтобы положить основание новому «единому» Интернационалу.

Центральный комитет социал-демократической партии Швейцарии в свою очередь поручил своему Исполнительному комитету связаться с теми партиями, которые, будучи готовы вступить в Коммунистический Интернационал, не согласны с 21 условием, и совместно с ними добиваться дальше пересмотра условий приема.

В то же время Центральный комитет швейцарской социал-демократической партии обратился к социалистическим партиям центристского направления других стран с предложением прислать своих представителей на конгресс швейцарской социал-демократической партии, намеченный на 27—28 октября 1920 г.

В этом же духе высказалась и Французская социалистическая партия.

5—7 декабря в Берне состоялась предварительная конференция с участием представителей Независимой социал-демократической партии Германии, социал-демократической партии немецкой Австрии, социалистической партии Франции, Независимой рабочей партии Англии, Российской социал-демократической партии (меньшевиков. — *И. Ю.*), социал-демократической партии Швейцарии, немецкой социал-демократической партии Чехословакии.

Позднее, 22—27 февраля 1921 г., по инициативе Независимой рабочей партии Англии, Независимой социал-демократической партии Германии и социал-демократической партии Швейцарии, было создано «Международное объединение социалистических партий» (II½ Интернационал).

К созданному на Международной социалистической конференции 22—27 февраля 1921 г. II½ Интернационалу присоединились социалистические партии Франции, Испании, Соединенных Штатов Америки, Румынии, Югославии, Греции, Финляндии, Аргентины, социал-демократические партии Австрии, немецкие социал-демократы Чехословакии, независимые социалисты Польши, русские меньшевики и эсеры и еврейская социалистическая партия «Поалей-Цион».

Во главе II½ Интернационала стали Фридрих Адлер, Отто Бауэр, Роберт Гримм, Артур Пристли, Ледебур, Лонге, Макдональд, Мартов, Чернов и другие. II½ Интернационал должен был стать барьером для удержания от перехода в ряды компартий и Коммунистического Интернационала недовольных по-

литикой оппортунистического руководства социал-демократических партий и II Интернационала.

*
* *

Весь период между II и III конгрессами был заполнен борьбой за идейную кристаллизацию и организационное формирование подлинно массовых коммунистических партий, секций Коммунистического Интернационала, как в крупнейших передовых капиталистических странах, из которых некоторые стояли в тот момент на грани пролетарской революции, так и в целом ряде колониальных и зависимых стран. Идейная кристаллизация и организационное оформление компартий тормозилось не только тем, что молодые компартии должны были встать лицом к лицу со всем аппаратом буржуазного государства, преодолеть могущественное влияние церкви, буржуазной и социалистической печати, но, что особенно важно, пересилить огромное влияние социалистических партий и реформистских профсоюзов. Влияние последних удалось молодым компартиям и возникшей внутри реформистских профсоюзов революционной оппозиции сильно поколебать, но не удалось окончательно разбить. Сохранившимся влиянием на массы оппортунистических лидеров социалистических партий профсоюзов, этой буржуазной агентуры в рядах рабочего класса, и воспользовалась буржуазия для предотвращения пролетарской революции и упрочения своего господства. Сочетая политику «кнута и пряника», используя свое временное отступление в годы бурного революционного подъема (1919—1920 гг.) для подготовки широкого наступления на рабочий класс, буржуазия опиралась на поддержку II Интернационала и Амстердамского Интернационала профсоюзов, на оппортунистических лидеров социалистических партий и профсоюзов. Отравляя классовое сознание пролетарских масс политикой уступок в период своего отступления, буржуазия умело использовала разобщенность в рядах рабочего движения, борьбу реформистов и центристов против коммунистического авангарда и Коммунистического Интернационала. Реформы и церковные проповеди, обещания и насилие, методы подкупа и политического развращения кадров и разгром коммунистического авангарда — все рычаги были пущены буржуазией в ход для сохранения своего классового господства.

На пути идейной кристаллизации и быстрого организационного оформления компартий стояло влияние социал-демократии на значительные кадры рабочего класса. Недовольные предательской политикой социал-демократических лидеров и имевшие за собой десятки лет стажа пребывания в социал-демократической партии, перешедшие в лагерь коммунизма рабочие приносили с собой зачастую в компартию и тяжелый груз социал-демократических пережитков и люксембургианских ошибок. Те

революционно настроенные рабочие, которые приходили к коммунизму из анархо-синдикалистского лагеря, вносили в свою очередь анархистские и анархо-синдикалистские пережитки. Историческая заслуга большевизма и большевиков, явившихся застрельщиками Коммунистического Интернационала, состоит в том, что они сумели воспитать и перековать в духе последовательного коммунизма лучшую часть этих рабочих, идейно помочь братским компартиям. Перевоспитание этих кадров представляло собой сложную и трудную задачу. Непоследовательные, малодушные, пришедшие в лагерь коммунизма под давлением масс оппортунистические элементы нередко покидали вскоре лагерь Коммунистического Интернационала и переходили обратно в стан противников коммунизма. Они с трудом воспринимали сущность основных принципиальных установок революционного марксизма, не понимали и не воспринимали подлинного революционного содержания программных, стратегических и тактических установок Коминтерна, ориентировались на быструю победу пролетарской революции во всем мире, впадали от неудач и поражений в разочарование, отчаяние и уныние, поддавались пессимистическим и капитулянтским настроениям. Над кем сильно продолжали довлеть социал-демократические или анархо-синдикалистские пережитки, кто не поддавался коммунистической перековке, те постепенно отсеивались. Они становились перебежчиками или простыми обывателями, уходили с политической арены. Чем труднее становился путь борьбы компартий и Коммунистического Интернационала, тем усиленнее протекал процесс отсеивания невыдержанных, неустойчивых и ненадежных элементов, тем упорнее и напряженнее становилась борьба внутри партий против оппортунистических уклонов от линии Коминтерна, тем больше закалялось в борьбе за коммунизм основное ядро компартий. Эта борьба за чистоту принципов революционного марксизма, за чистоту великого учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина была широко развернута II конгрессом Коминтерна. Борьба эта шла с тех пор во всех компартиях; форма, характер и содержание этой борьбы находились в зависимости от исторических путей развития той или иной партии, конкретных условий той страны, в которой развивалась та или иная партия, степени влияния социал-демократии или анархистского и анархо-синдикалистского лагеря. Историческими и политическими особенностями Англии или Франции определялись в тот период антипарламентские настроения революционной части рабочих в Англии и воспитанных в школе анархо-синдикализма части революционно настроенных рабочих Франции, готовых вместе с коммунистами итти на штурм капитализма.

Только своеобразием конкретных условий развития рабочего движения в Англии, Франции и др. странах можно объяснить отрицательное отношение части революционно настроенных рабо-

чих в Англии, находившейся в плену «левых» ошибок и предрассудков, и части революционных синдикалистов во Франции по отношению к вопросу о роли компартии до, во время и после пролетарской революции. Свой идейный и организационный опыт компартии капиталистических стран черпали в большевизме.

Воспитание, перековка, обучение основного ядра коммунистического авангарда на опыте партии большевиков, классовых боев и повседневной будничной жизни своих партий явились для английской, американской, французской, германской, чехословацкой и других партий сложным и трудным процессом. Это была действительно сложная, многогранная и гигантская работа, которую проделала партия большевиков, партия Ленина — Сталина, партия, вынесшая на своих плечах победу пролетарской революции. Эта партия, которая стояла у колыбели Коммунистического Интернационала, играла и сейчас заслуженно продолжает играть в Коммунистическом Интернационале руководящую роль.

* *
*

Маркс и Энгельс разработали теорию классовой борьбы и научного коммунизма. Они заложили фундамент I Интернационала и революционной партии пролетариата. Ленин и Сталин — великие продолжатели дела Маркса и Энгельса и I Интернационала — применили марксизм к эпохе империализма и пролетарской революции, развили теорию социалистической революции, разработали теорию диктатуры рабочего класса, теорию об условиях ее завоевания и укрепления, разработали теорию о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, создали партию нового типа, партию большевиков, выпестовали Коммунистический Интернационал, разработали его программные, стратегические и тактические установки.

«Коммунистический Интернационал, — говорит тов. Г. Димитров, — есть Интернационал Ленина — Сталина, подобно тому, как I Интернационал был Интернационалом Маркса и Энгельса».[1]

Следуя учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, Советский Союз вступил в полосу завершения строительства бесклассового общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Заслуга Ленина и Сталина, новое в их учении состоит в том, что они развили и конкретизировали теорию о диктатуре пролетариата на новом историческом этапе, в эпоху империализма и пролетарской революции, что они утвердили советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата, что, опираясь на опыт Парижской коммуны и на опыт русской революции 1905 года, они укрепили диктатуру пролета-

[1] Г. Димитров. Сталин и международный пролетариат. «Правда», 21/XII 1939 г.

риата, уничтожили эксплуатацию человека человеком и привели советский народ к победе социализма.

Заслуга соратника и продолжателя Ленина — великого Сталина — состоит не только в том, что он своим гениальным руководством обеспечил победу социализма в СССР, но и в том, что он дальше развил марксистско-ленинскую теорию о пебеде социализма в одной стране, разработал вопрос о государстве в эпоху перехода от социализма к коммунизму в условиях капиталистического окружения и этим вооружил коммунистический авангард в его борьбе за победу коммунизма.

Заслуга Сталина состоит в том, что под его непосредственным руководством была проведена упорная борьба и разгром всех антиленинских течений и групп, капитулянтов и ренегатов, пытавшихся после смерти Ленина свернуть Коммунистический Интернационал с ленинского пути.

Коммунистический Интернационал растет и крепнет. Ведя неустанную борьбу на два фронта и преодолевая оппортунистические ошибки и уклоны справа и «слева», сектантскую ограниченность и узость, беспощадно очищая свои ряды от бухаринско-троцкистской агентуры империалистической буржуазии, Коммунистический Интернационал закалился в боях за чистоту великого учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

«Товарищ Сталин не только отстоял великое учение Маркса—Энгельса—Ленина от извращений вражеских элементов, — говорил т. Мануильский на XVIII Съезде ВКП(б), — но он развил его дальше применительно к новым условиям эпохи общего кризиса капитализма и победы социализма в СССР. Он вооружил этим учением международный пролетариат, раздвинул еще дальше его горизонты, конкретизировал еще больше перспективы его борьбы, наполнил рабочих всех стран еще большей уверенностью в победе».[1]

Заслуга Сталина состоит в том, что он показал трудящимся СССР и международному пролетариату, что победа социализма в СССР есть победа не только трудящихся Страны Советов, но и победа международного пролетариата.

Заслуга Сталина состоит в том, что он вооружил и продолжает вооружать международный пролетариат принципами пролетарского интернационализма. Составленный при личном участии Сталина «Краткий курс Истории ВКП(б)» вооружил не только ВКП(б) и советский народ, но и трудящихся капиталистических стран и прежде всего коммунистический авангард могучим оружием в борьбе за большевизацию своих партий, за завоевание подступов к пролетарской революции.

Коммунистический Интернационал объединил в своих рядах коммунистические партии во всех странах и частях мира, со-

---

[1] Д. Мануильский. Доклад делегации ВКП(б) в ИККИ на XVIII Съезде ВКП(б), стр. 46—47. Госполитиздат, 1939.

брал под своим знаменем — революционным боевым знаменем Ленина—Сталина — лучшие, передовые отряды революционного пролетариата.

Сочетая методы легальной и нелегальной работы, Коммунистический Интернационал и его секции сумели создать закаленные в боях, мужественные и преданные делу коммунизма кадры пролетарских бойцов, развернуть широко работу легальной и нелегальной печати и завоевать огромный авторитет и влияние среди миллионов трудящихся.

Имена таких мужественных борцов за пролетарское дело, как Марти, Ракоши, Антикайнен, Тельман, Георгий Димитров, неразрывно связаны с именем Коммунистического Интернационала. Это люди Коминтерна, люди ленинско-сталинской эпохи, люди, имена которых стали символом мужества, героизма, преданности и верности пролетарскому делу.

Коммунистический Интернационал черпает свой богатый боевой опыт из сокровищницы большевизма, опираясь в своей деятельности в первую очередь на великую партию Ленина—Сталина, которая является авангардом международного революционного рабочего движения и ведущей секцией Коммунистического Интернационала.

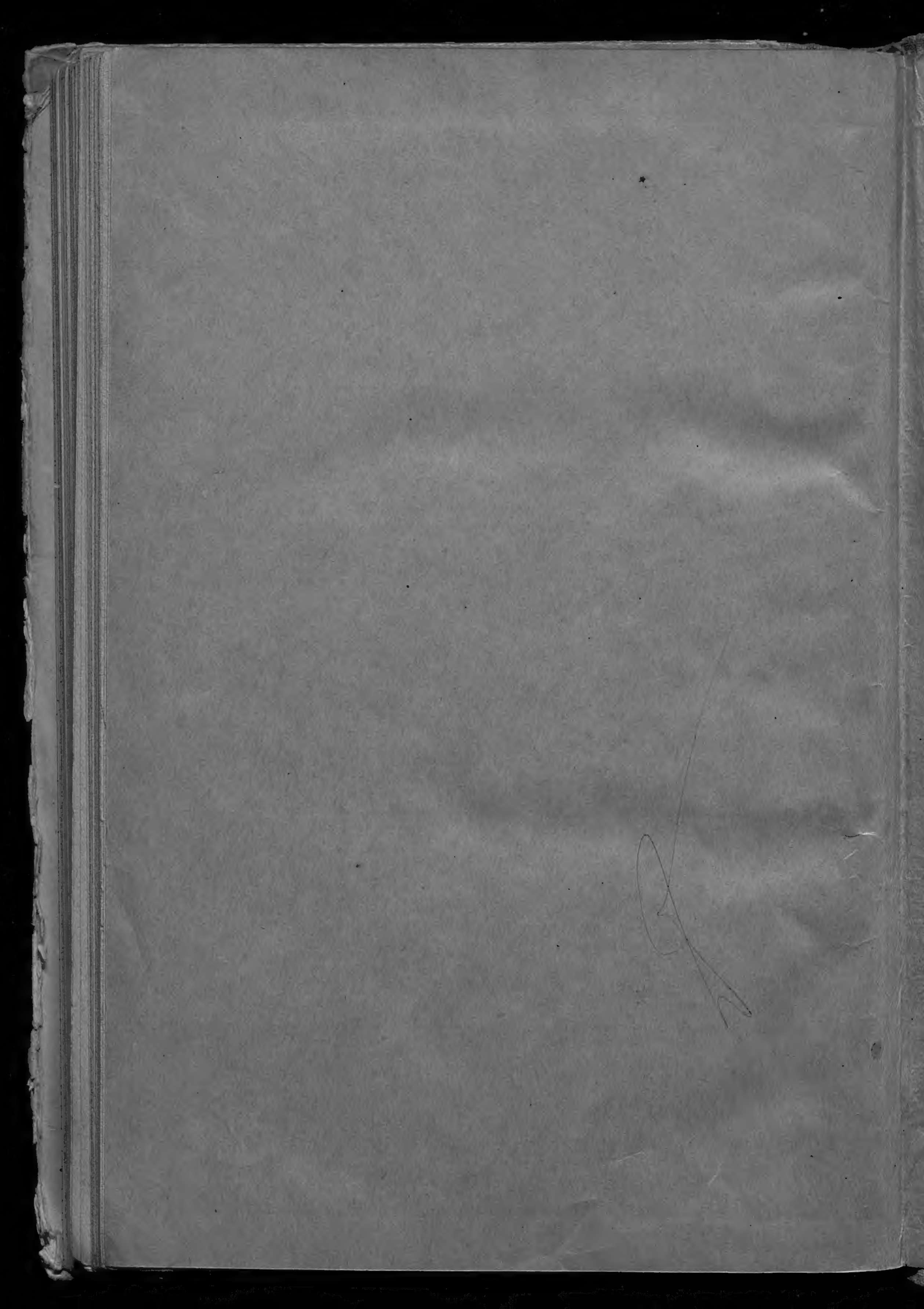
ОГЛАВЛЕНИЕ

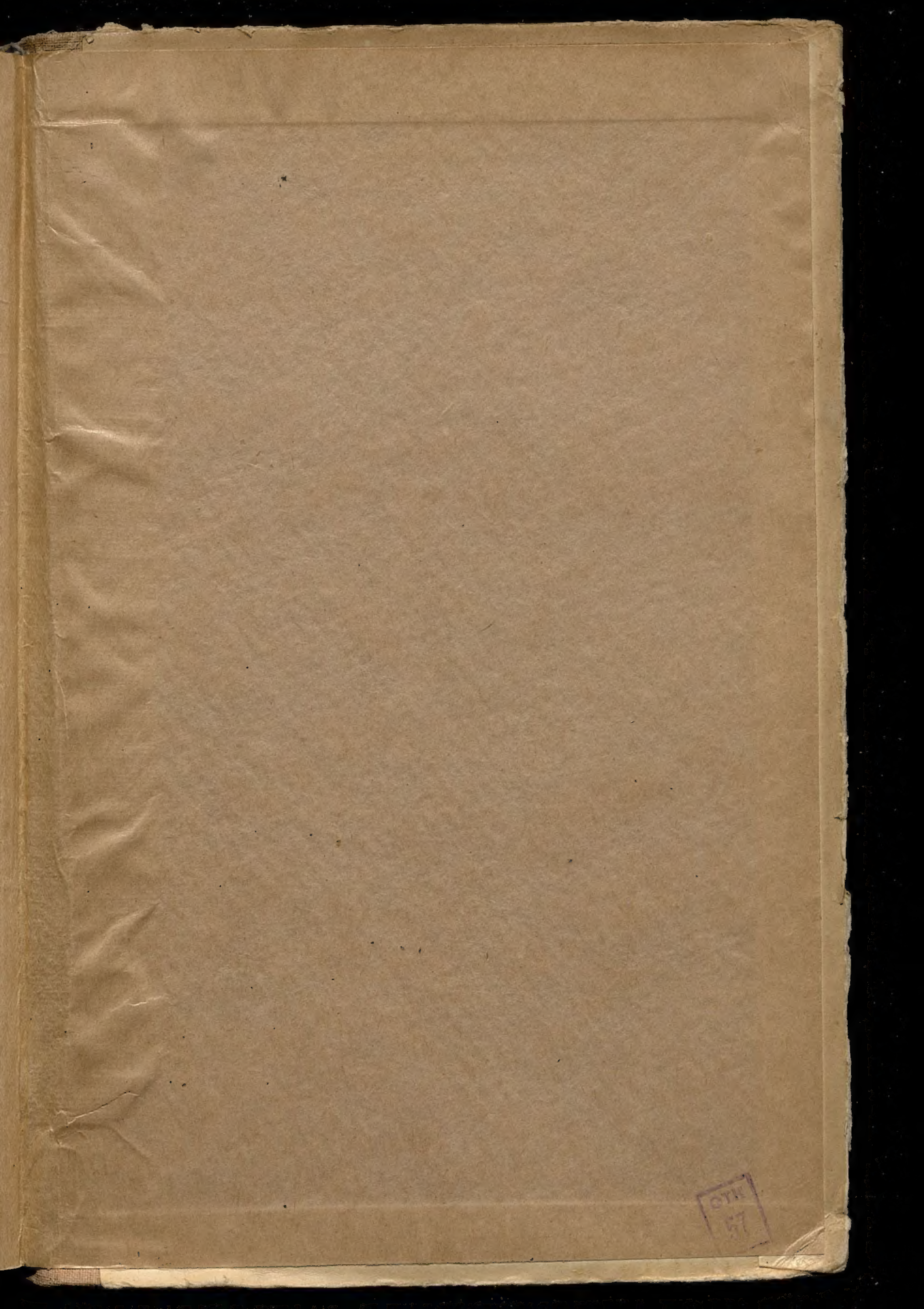
ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Ст.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
30	12 сн.	предположениями	предложениями
39	20 св.	со своей	со всей
60	11 сн.	в войне	в вопросе о войне
54	9 св.	угрожавшей	угрожавший
86	16 св.	центристами-меньшевиками	центристами, меньшевиками
88	7 св.	говорит	указывает
102	19 сн.	социал-демократов молодежи	социал-демократической молодежи
113	10 св.	ловой	левой
115	1 св.	Королевства	б. Королевства
115	16 св.	спартаковцев	левых
121	5 сн.	все показывает	все это показывает
129	16 сн.	предполагали	предлагали
132	3 св.	Кирнов	Кирков
133	9/10 сн.	регрессиями	репрессиями
171	18 св.	довести борьбу	повести борьбу
222	6 св.	Модиниани	Модилиани
232	12 св.	Это решение заслуживает	Эти решения заслуживают

Юзефович Зак. 395.

БИБЛИОТЕКА




ОТК

Цена 7 руб. 50 коп.